38311
Инв. 1955
9(44)4
К-436

Фридрихъ Кирхейзенъ

НАПОЛЕОНЪ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ ЕГО ВРЕМЯ

К-во „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“

2. 3. 22/X 65
— 5465

Пр. 2010

Пр. 1955 г.

ИСТОРІЯ ЗАВОЕВАТЕЛЯ МІРА. Т. IV.

9(44)4
К436

ФРИДРИХЪ М. КИРХЕЙЗЕНЪ.

41

НАПОЛЕОНЪ I

ЕГО ЖИЗНЬ и ЕГО ВРЕМЯ.

77792

Томъ I.

38301

Переводъ съ нѣмецкаго Мих. Кадишъ.

Съ предисловіемъ А. К. Дживилегова.

БИБЛИОТЕКА
СВЕРДЛОВСКОГО
ГОСУНИВЕРСИТЕТА
им. А. М. ГОРЬКОГО

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“
МОСКВА. — 1913.

Топографический
Г.У.
1758

ИСТОРІЯ ЗАВОЕВАТЕЛЯ МІРА.

Т. I. **Артуръ Леви.** Наполеонъ Бонапартъ (Наполеонъ въ интимной жизни). Ц. 2 р.

Т. II. **Фредерикъ Массонъ.** Наполеонъ и женщины. Ц. 2 р.

Т. III. **Софусъ Михаэлисъ.** 1812 г. Вѣчный сонъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Типографія Т. Д. „Моск. Изд. Копѣйка“, В. Дмитровка, д. 26.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ книги, первый томъ которой предлагается теперь вниманію русскаго читателя, швейцарскій ученый Фридрихъ Кирхейзенъ, давно уже составилъ себѣ имя среди спеціалистовъ, какъ авторъ превосходной сводной библіографіи о Наполеонѣ (1-е изд. 1902 г., 2-е, сильно дополненное, 1908). Какъ увидитъ читатель изъ его собственныхъ вступительныхъ словъ, онъ всю жизнь посвятилъ собиранію и изученію матеріаловъ для своей работы, и теперь приступилъ къ ней во всеоружіи. Въ настоящее время въ Европѣ немного спеціалистовъ, которые могли бы тягаться съ Кирхейзеномъ въ знаніи литературы о Наполеонѣ и его времени: итальянецъ Лумброзо, авторъ болѣе ранней библіографіи о наполеоновской эпохѣ (1897) и редакторъ „Révue Napoléoniennes“, французъ Э. Дріо, который съ прошлаго года сталъ издавать „Révue des etudes Napoléoniennes“, Артуръ Шюке, профессоръ въ Нанси Паризе. Ни одинъ изъ нихъ, однако, не рѣшился предпринять составленіе общаго труда о Наполеонѣ и его времени, хотя каждый изъ нихъ далъ множество спеціальныхъ этюдовъ по различнымъ вопросамъ, касающимся исторіи консульства, имперіи и личной біографіи Наполеона.

Кирхейзенъ не остановился передъ колоссальными трудностями задачи, и у насъ всѣ основанія ждать, что онъ сумѣетъ ихъ преодолѣть.

Такимъ образомъ, послѣдняя общая работа о Наполеонѣ будетъ опять написана не французомъ, такъ

же, какъ и двѣ предшествовавшія. Лучшія *монографіи* о Наполеонѣ, несомнѣнно, принадлежатъ французамъ. Достаточно назвать имена Сореля, Вандаля, Уссе, Масона, тѣхъ же Дрію, Шюке и Паризе. Но до появленія книги Кирхейзена лучшими *общими* трудами были книги англичанина и нѣмца: Дж. Голландца Роза и Fournier *).

Теперь появляется еще одинъ общій трудъ не француза; Кирхейзенъ, какъ уже упомянуто, швейцарецъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ такомъ именно распредѣленіи работы между французами и не-французами. Послѣ того, какъ Тьеръ далъ классическую для своего времени „Исторію консульства и имперіи“, французы охотнѣе занимаются собираніемъ матеріаловъ и изслѣдованіями по отдѣльнымъ вопросамъ. Они не хотѣли конкурировать съ художественно законченной книгой Тьера, которая много читается и сейчасъ, несмотря на устарѣлость и существенные научные недочеты. Кромѣ того, быть можетъ, французскій историкъ чувствуетъ, что онъ не можетъ внести въ общую работу о Наполеонѣ необходимаго безпристрастія. Положеніе иностранца въ этомъ отношеніи лучше. Имъ легче сохранить безпристрастіе **).

Особенно благопріятно поставленъ въ этомъ отношеніи швейцарецъ. Если какая-нибудь европейская страна можетъ быть свободна отъ чувствъ признательности или ненависти къ Наполеону, такъ это—Швейцарія. Швейцарскій ученый можетъ говорить о Наполеонѣ безъ

*) Несмотря на свою французскую фамилію Fournier—чистый нѣмецъ. Онъ профессоромъ въ Вѣнѣ; нѣмцы читаютъ его фамилію не Фурнье, а Фурньеръ.

**) Хотя, напр., у всѣхъ почти англичанъ, писавшихъ о Наполеонѣ послѣ Вальтеръ Скотта, замѣчается какое-то конфузливое стремленіе оправдать Англію отъ упрековъ въ недостойномъ образѣ дѣйствій по отношенію къ Наполеону. Это настроеніе проскальзываетъ и у Слоана, и у Роза, и у Розбери. А у Газлита Наполеонъ прямо выставляется яркимъ представителемъ демократической точки зрѣнія, политика же Пита и особенно поведеніе Ливерпуля находятъ самое опредѣленное порицаніе.

итальянской восторженности, безъ прусской ненависти, безъ англійской сконфуженности. Судя по первому тому, Кирхейзенъ сумѣетъ до извѣстной степени сохранить это драгоцѣнное, столь необходимое историку и столь рѣдкое качество. Въ общемъ онъ, конечно, поклонникъ Наполеона. Иначе и a priori трудно было бы объяснить, что человѣкъ цѣлую жизнь посвятилъ работѣ надъ его біографіей и исторіей его времени. Но поклоненіе передъ геніемъ Наполеона, повидимому, не будетъ мѣшать Кирхейзену выносить правильныя сужденія о немъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти сужденія должны быть отрицательными. Sine ira, но не совсѣмъ sine studio. Не будетъ холоднаго безстрастія, замораживающаго изложеніе, но будетъ извѣстный объективизмъ, охраняющій отъ чрезмѣрныхъ восторговъ и не позволяющій превращать научныя *объясненія* въ ненаучныя *оправданія* или *порицанія*.

Не въ этомъ, конечно, будетъ наиболѣе сильная сторона книги Кирхейзена, а въ матеріалѣ. Семь лѣтъ, отдѣляющихъ ее отъ ея предшественницы, двухтомной работы Роза, были временемъ усиленнаго публикованія матеріаловъ и усиленной монографической разработки. Поэтому у Кирхейзена будетъ много новаго. Съ другой стороны, пока Кирхейзенъ доведетъ книгу до конца (онъ разсчитываетъ кончить ее въ восьми или десяти томахъ), пройдетъ тоже по меньшей мѣрѣ семь лѣтъ, по истеченіи которыхъ интересъ къ Наполеону неминуемо пойдетъ на убыль, ибо кончатся всѣ юбилейныя даты. Не будутъ уже печататься съ такой быстротой ни матеріалы, ни монографіи. Другими словами, работа Кирхейзена обѣщаетъ послѣ своего окончанія надолго сдѣлаться самой полной и наиболѣе свѣжей исторіей Наполеона и его времени.

Что касается плана и метода, то книга Кирхейзена, опять-таки насколько можно судить по первому тому, должна удовлетворить строгимъ научнымъ требованіямъ. Задача поставлена широко: „Наполеонъ, его жизнь и его время“. Вѣрнѣе, въ книгѣ двѣ самостоятельныхъ

задачи: біографія Наполеона и исторія Франціи и Европы въ его время. Каждая изъ нихъ представляетъ большія трудности. Ихъ гармоническое сочетаніе въ одной книгѣ требуетъ большого научнаго такта и большого литературнаго таланта. Первый томъ, гдѣ не выступаютъ еще самыя большія трудности, не возбуждаетъ недоразумѣній. Самостоятельныя главы о Директоріи трактованы удачно, не перегружены матеріаломъ, лишеннымъ прямой связи съ біографіей Наполеона, изложены живо и ярко. Трудно сказать, что будетъ дальше. Одно во всякомъ случаѣ несомнѣнно: біографическій матеріалъ будетъ обработанъ лучше, чѣмъ обще-историческій. Думать такъ заставляетъ какъ характеръ подготовки Кирхейзена, такъ и замѣтное уже въ первомъ томѣ отсутствіе живого интереса къ явленіямъ соціально-экономическаго порядка. Правда, Кирхейзена едва ли можно упрекнуть въ томъ, что онъ не понимаетъ значенія соціально-экономическаго фактора. Но онъ не останавливается на явленіяхъ этой категоріи съ тѣмъ увлеченіемъ, какъ на явленіяхъ политическихъ и особенно бытовыхъ. Бытъ занимаетъ очень большое мѣсто въ книгѣ: типичная черта писателя, хорошо изучившаго мемуарную литературу. И эта ея особенность дѣлаетъ ее очень доступной даже читателю, сравнительно мало подготовленному.

Подводя итоги, можно сказать, что новая работа Кирхейзена должна быть весьма цѣннымъ дополненіемъ существующей литературы о Наполеонѣ и его времени. Тѣмъ съ большимъ интересомъ нужно ждать появленія дальнѣйшихъ томовъ оригинала.

А. Дживилеговъ.

25 августа 1912 г.
Москва.

НАПОЛЕОНЪ I

ЕГО ЖИЗНЬ и ЕГО ВРЕМЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

„Сколько ни вычеркивать, ни вышускать и ни искажать,— послѣ того, что я сдѣлалъ, меня трудно стереть съ лица земли“, писалъ Наполеонъ въ „Mémorial de Sainte-Hélène“. „Историкъ всегда будетъ вынужденъ упомянуть объ Имперіи. И, если въ груди его бьется сердце, онъ все-таки воздастъ мнѣ хоть долю справедливости. Задача его будетъ легка. Подвиги говорятъ сами, они сіяютъ, какъ солнце!“

„Я закрылъ анархистскую бездну, распуталъ хаосъ. Я смылъ кровь съ революціи, облагородилъ народы и укрѣпилъ на тронахъ монарховъ. Я возбудилъ всеобщее соревнованіе, наградилъ всѣ заслуги и расширилъ границы славы. Все это уже нѣчто! И можно ли меня упрекнуть въ чемъ-либо, въ чемъ историкъ не сумѣлъ бы меня защитить?“

Многіе пытались уже съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ изобразить жизнь Наполеона. Они старались показать, что для возвеличенія и управленія Франціи и для приданія гнилой Европѣ жизненныхъ силъ и твердой точки опоры, онъ не могъ дѣйствовать иначе, чѣмъ дѣйствовалъ. Его деспотизмъ и диктатура его были необходимы для того, чтобы положить предѣлъ анархіи и безпорядкамъ, подтачивавшимъ благосостояніе страны и народа. Безъ своего безграничнаго честолюбія Наполеонъ никогда не свершилъ бы своихъ великихъ подвиговъ и, быть можетъ, онъ былъ не такъ ужъ неправъ, когда говорилъ: „Тутъ историку придется, можетъ быть, пожалѣть, что это честолюбіе не было удовлетворено вполнѣ, до конца“.

Полная критическая исторія Наполеона еще не написана.

Я поставилъ себѣ задачей изобразить исторію Наполеона въ тѣснѣйшей связи съ исторіей Европы и Соединенныхъ

Штатовъ Сѣверной Америки его эпохи, то-есть, отъ тринадцатаго вандемьера 11 года (пятаго октября тысяча восемьсотъ девяносто пятаго года), отъ того дня, когда Бонапартъ вмѣшался въ политическія событія Франціи, до второго отреченія императора Франціи (двадцать второго іюня тысяча восемьсотъ пятнадцатаго года). Жизнеописаніе героя, являющееся центральнымъ пунктомъ моего труда, разсчитаннаго на восемь-двѣнадцать томовъ, будетъ прослѣжено съ самыхъ начатковъ его вплоть до смерти Наполеона на пустынномъ, скалистомъ островѣ Святой Елены. Въ задачу историка входитъ не только добросовѣстное и правдивое изображеніе фактовъ, но и анализъ каждаго элемента въ отдѣльности, въ его возникновеніи и развитіи. Только такимъ образомъ можетъ быть вынесенъ справедливый приговоръ относительно вліянія личности и дѣяній героя на ходъ всемірной исторіи.

Я не пытаюсь умалять значенія вѣка Наполеона, а хочу только выявить изъ послѣдняго всю его личность, его возвышеніе и достиженіе высшей власти,—единственныя въ нашу эпоху. Нельзя, однако, забывать при толкованіи этого факта, что услуга, оказанная Наполеономъ Франціи и всему міру, не всегда стояла въ правильномъ соотношеніи съ тѣмъ мнѣніемъ, которое составили себѣ о немъ его современники, и какъ ни велики подвиги, даровавшіе ему безсмертіе и славу, онъ все же многимъ обязанъ внѣшнимъ условіямъ. Время, въ которое онъ жилъ, способствовало его геніальности. Его выдающіяся способности могли развиться только въ такой средѣ, какъ среда революціи, и только тутъ вознести его на вершину міровладычества. Онъ самъ любилъ называть себя „игрушкой судьбы“ и вѣрилъ въ свою судьбу. „Нельзя себѣ представить ничего проще моего возвышенія,—говорилъ онъ на Святой Еленѣ,—напрасно стараются приписать его преступленію. Оно объясняется своеобразнымъ характеромъ эпохи и моей репутаціи, тѣмъ, что я храбро боролся съ врагами отечества... Я—продуктъ времени!“

Его многосторонность, объединившая въ одномъ человѣкѣ столь же различныя, сколько и выдающіяся качества полководца и государственнаго дѣятеля, едва ли могла бы достичь своего полнаго развитія при другихъ обстоятельствахъ. Нельзя,

однако, упускать изъ виду и того, что Франція, цѣликомъ отдавшаяся въ руки одного человѣка, передъ геніемъ котораго она преклонялась, не была державой, стоявшей ниже другихъ государствъ или націй, подавленныхъ чужимъ господствомъ и жаждавшей освободиться. Наоборотъ, она только что претерпѣла революцію и создала новое политическое государство. И вотъ, именно этотъ-то переворотъ, помогъ Наполеону развить свой исполинскій геній. Онъ невольно побуждался къ подвигамъ. Два доминировавшія въ его характерѣ свойства помогли ему въ этомъ: желѣзная сила воли въ осуществленіи намѣченныхъ плановъ и невѣроятно развитое воображеніе. И въ томъ, и въ другомъ онъ не зналъ предѣловъ: не зналъ ни преградъ, ни усталости. Благодаря этимъ качествамъ, онъ сталъ „величайшимъ изъ великихъ“, какъ назвалъ его англійскій фельдмаршалъ Вольслей.

Но не однимъ способностямъ и подвигамъ обязанъ Наполеонъ своею историческою ролью. Неисчерпаемая фантазія народовъ и умѣніе вселять въ окружающихъ восторгъ и поклоненіе,—въ этомъ умѣніи ему не было равнаго,—много способствовали ему въ этомъ. Въ качествѣ генерала и консула онъ вызывалъ восхищеніе всего міра, такъ что потомъ ему было легко овладѣть престоломъ. Французы сдѣлали его своимъ господиномъ, своимъ богомъ. Къ этому присоединялись еще едва ли не баснословныя побѣды его первыхъ походовъ: Монтенотть, Миллезимо, Арколэ, Риволи и Маренго были величайшимъ удовлетвореніемъ военному честолюбію Франціи, неизбалованной побѣдами при послѣднихъ королях. Наполеонъ затронулъ этимъ сокровеннѣйшія струны народной души и взялъ штурмомъ сердце націи.

Его величайшіе таланты развивались на поприщѣ полководца, организатора и законодателя. Онъ организовалъ свое государство по тому же образцу, какъ и армію, и поэтому его система правленія могла быть только деспотической. Онъ былъ господинъ и долженъ былъ быть имъ; политическій организмъ государства, созданный новѣйшимъ развитіемъ, былъ для него непонятенъ. Онъ мечталъ объ имперіи Карла Великаго и видѣлъ себя властелиномъ народовъ. Эта мечта должна была, однако, рушиться, потому что она неосуществима и

никогда не осуществлялась. Карлъ Великій и Людовикъ XV должны были понять это, и міровладычество Наполеона рушилось о жизнеспособность народовъ, которыми можно овладѣть на время, но не навсегда.

Описать все это съ безпристрастной международной точки зрѣнія, безъ всякаго предубѣжденія противъ той или другой націи, личности или событія, на основаніи всѣхъ имѣющихся источниковъ, обладающихъ хотя какой-либо цѣнностью, и составляетъ мою задачу. Но насколько легко охарактеризовать эту задачу, настолько же трудно выполнить это на дѣлѣ. Столь обширный трудъ встрѣчаетъ множество самыхъ неожиданныхъ препятствій, и не одинъ, уже пытавшійся осуществить его, потерпѣлъ фіаско.

Огромный матеріалъ о наполеоновской эпохѣ, скопившійся съ теченіемъ времени и не подвергавшійся критическому разбору, отчасти повиненъ въ томъ, что мы не имѣемъ еще всеобъемлющей исторіи Наполеона и его вѣка. Лишь послѣ составленія библіографіи было возможно приблизиться къ разрѣшенію этой задачи. Весь этотъ матеріалъ, обнимающій въ настоящее время свыше восьмидесяти сочиненій, я въ теченіе десяти лѣтъ предварительной разработки, постарался использовать для своего сочиненія и недавно выпустилъ въ свѣтъ подробный сводъ его въ посильномъ критическомъ освѣщеніи *).

Такимъ образомъ, я нѣсколько уклонился отъ обычнаго пути историка, который ссылается на источники либо въ примѣчаніяхъ подъ текстомъ, либо въ концѣ своего труда. Мнѣ кажется, однако, что тѣмъ самымъ я придалъ своей исторіи Наполеона нѣкоторыя преимущества: чтеніе ея не будетъ непріятно прерываться ссылками на использованные источники.

Такъ какъ мой трудъ и всѣ его отдѣльныя главы обработаны на основаніи всѣхъ этихъ имѣющихся въ наличности

---

*) „Библіографія вѣка Наполеона“, Берлинъ, 1908.—Мнѣ не приходится указывать на то, что этотъ трудъ необходимъ каждому серьезному изслѣдователю исторіи вѣка Наполеона, или же хотя бы только какого-либо событія, или личности этой эпохи.

источниковъ, то онѣ въ цѣломъ своемъ и съ точки зрѣнія критическаго пониманія представляютъ собою нѣчто новое.

Моя жизнь тѣсно связана съ моей книгой, какъ я упоминалъ уже въ предисловіи къ „Библіографіи вѣка Наполеона". Съ ранней молодости меня непрестанно занимала мысль, которой я посвятилъ всю дальнѣйшую жизнь. Сейчасъ я нахожусь въ самомъ разгарѣ работы и надѣюсь осуществить ее въ томъ видѣ, въ какомъ мнѣ она всегда рисовалась. Мнѣ посчастливилось найти спутницу жизни, которая, также привлеченная интереснѣйшей, огромной темой, стала для меня энергичной сотрудницей. И я надѣюсь, что эта совмѣстная работа будетъ вознаграждена интересомъ читателя.

Фридрихъ М. Кирхейзенъ.

Женева, весна 1911 г.

Наполеонъ Бонапартъ.
(Портретъ А. Делароша).

ГЛАВА I.

РОДИНА.

Острова играли въ жизни Наполеона всегда крупную роль: онъ родился на островѣ; островъ былъ родиной его первой спутницы жизни, его величайшіе, заклятые враги, англичане—островитяне; Эльба была для него зловѣщимъ убѣжищемъ, а въ концѣ-концовъ ему было суждено закончить свою богатую жизнь на пустынной скалѣ посреди океана.

Островъ Корсика, на которомъ завязалась наполеоновская драма, послѣ Сардиніи и Сициліи, самый большой островъ Средиземнаго моря. Видъ Корсики чрезвычайно живописенъ. Съ гордыми скалами, съ огромными непроходимыми лѣсами дубовъ, пиній, оливковыхъ деревьевъ и каштановъ, съ таинственными рощами, на спутанныхъ тропинкахъ которыхъ, въ густыхъ кустарникахъ скрываются и бандиты, и пираты, съ морскимъ прибоемъ у берега и съ живописными долинами внутри, Корсика объединяетъ въ себѣ все обаяніе величія и нѣжной прелести. Къ этому присоединяется еще непреодолимое обаяніе, окружающее имя героя. А какъ любилъ этотъ герой свой островъ, свою отчизну! Постоянно вспоминалъ онъ о ней, какъ о прекрасномъ снѣ, котораго не могъ вырвать изъ сердца весь блескъ славы и трона. И когда на плѣненнаго императора взглянули голые, мрачные утесы Св. Елены, онъ вскрикнулъ съ тоской: „Отчизна всегда дорога!“ Жители острововъ, благодаря своей отрѣзанности, защищающей ихъ отъ вражескихъ нападеній и постояннаго смѣшенія расъ, несутъ въ себѣ всегда нѣчто своеобразное. Горный народъ

обладаетъ свойственной лишь ему силою характера и величіемъ души. И какое драгоцѣнное обаяніе таитъ въ себѣ родная земля!.. „Тамъ все лучше, даже запахъ земли: съ закрытыми глазами узналъ бы я его. Нигдѣ, нигдѣ больше не слышалъ я этого аромата!..“

Подобно большинству горныхъ странъ, Корсика не особенно плодородна. Почти весь островъ покрытъ горами. Но даже плодороднѣйшія части острова долгое время оставались необработанными, и лишь болѣе поздняя культура использовала обильную землю. Главная причина такого пренебреженія сокровищами, которыя предоставила природа, заключается, повидимому, во внѣшней особенности острова. Берега его плоски, внутри же громоздятся горы съ непроходимыми чащами. Боязнь пиратовъ гнала жителей Корсики изъ плодородныхъ долинъ въ непріютныя мѣстности и сдѣлала изъ нихъ вмѣсто земледѣльческой націи суровое пастушеское и военное племя, испытавшее много невзгодъ и лишеній.

Изученіе этихъ островитянъ, изъ среды которыхъ вышелъ великій завоеватель міра, во всемъ ихъ физическомъ и психическомъ своеобразіи, въ ихъ тогдашнихъ привычкахъ, представляетъ собою не только огромный интересъ, но и настоятельную необходимость для пониманія личности Наполеона.

Типичный корсиканецъ—низкаго роста, приземистый, но все же стройный и очень гибкій. Кожа его, какъ кожа всѣхъ южанъ, смугла, а маленькіе, почти всегда темные глаза, проницательны и живо сверкаютъ. Волосы, на недостатокъ которыхъ не можетъ пожаловаться ни одинъ корсиканецъ, почти всегда черны,—плѣшиваго корсиканца встрѣтить почти невозможно.

Въ корсиканскомъ характерѣ объединяются меланхолія съ страстностью темперамента. Корсиканецъ можетъ воспламеняться внезапно, точно вулканъ, а черезъ мгновеніе онъ уже печаленъ и сентиментально опускаетъ голову. Вообще же онъ скупъ на слова, молчаливъ, но не лишенъ краснорѣчія, если представляется случай поговорить. Онъ сдержанъ изъ осторожности, недовѣрчиво замкнутъ въ общественной жизни, но откровененъ и искрененъ въ дружбѣ. Отъ природы чрезвычайно воспріимчивый, онъ спо-

собенъ на столь же большія страсти и чувства, какъ и на большіе пороки.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чрезвычайно честолюбивый, корсиканецъ считаетъ величайшимъ достоинствомъ показать другимъ свою храбрость или силу, хотя бы въ качествѣ бандита. Онъ невыразимо страдаетъ, когда видитъ, что другіе подлѣ него превосходятъ его и непрестанно стремится уподобиться имъ или превзойти ихъ. Больше всего онъ любитъ оружіе,—нѣтъ ни одного корсиканца, у котораго бы его не было. Онъ скорѣе откажется отъ скота, отъ земли и отъ плуга, лишь бы купить себѣ ружье, кинжалъ и пистолетъ.

Въ обращеніи съ оружіемъ корсиканцы были всегда на высотѣ положенія, непрестанная борьба съ внутренними и внѣшними врагами сдѣлала ихъ мужественными и безстрашными людьми, которыхъ не пугаетъ никакая опасность. Каждый изъ нихъ былъ готовъ постоянно стать жертвой вендетты. Послѣдняя играла когда-то кровавую роль на скалистомъ островѣ. Безграничное горе причиняла она цѣлому ряду семействъ. Корсиканецъ, находившійся въ какой-либо связи съ вендеттой, былъ способенъ на все: онъ не боялся ни опасности, ни страданій, ни смерти. Чтобы дать волю своимъ страстямъ, онъ приноситъ въ жертву все: жену и дѣтей, домъ и землю, репутацію и положеніе. Семейныя распри тянулись иногда въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній и сила ихъ страстности нисколько не ослабѣвала.

Когда у корсиканца въ такой семейной войнѣ убивали кого-либо изъ его родственниковъ, онъ клялся отомстить за кровь убитаго и не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не находилъ удовлетворенія въ вендеттѣ. Исполнивъ свое дѣло, онъ бѣжалъ въ горы и велъ тамъ жизнь бандита, чтобы избѣгнуть рукъ сбирровъ, ибо попасться къ нимъ считалось величайшимъ позоромъ. Вендетта была неотвратима. Оставшіеся въ живыхъ родственники и другіе мстители не могли считать свою жизнь внѣ опасности: они должны были вести непрестанную оборонительную борьбу съ врагомъ. Чувство мести все больше и больше охватывало людей. Уже дѣтямъ въ раннемъ возрастѣ впушалась эта неизгладимая ненависть. Корсиканская женщина, у которой убивали мужа, сохраняла до

тѣхъ поръ его окровавленное платье, пока ея дѣти не подрастали настолько, что могли понять значеніе вендетты. Тогда она показывала имъ одежду отца и воодушевляла на месть убійцѣ. Передъ дѣтьми стояла всегда альтернатива: либо вести безчестную и позорную жизнь, либо же стать убійцами, и, преклоняясь передъ честью, они обычно выбирали послѣднее.

Къ счастью, въ наши дни вендетта почти совершенно исчезла на Корсикѣ. Во времена же Наполеона еще много корсиканскихъ фамилій вели непримиримую войну другъ съ другомъ.

Но насколько страшны корсиканцы въ своей ненависти къ врагамъ, настолько же искренне преданы и вѣрны они къ друзьямъ. Дружба и гостепріимство—ихъ лучшія добродѣтели. Тѣмъ не менѣе они не легко сближаются между собою: тотъ, кого они называютъ своимъ другомъ, долженъ сперва заслужить это. Въ своемъ домѣ они очень щедры даже къ чужимъ, но за порогомъ едва ли не скупы. Для нихъ священно гостепріимство, и горе тому, кто его нарушаетъ!

Столь же страстны и пламенны, какъ въ ненависти, они и въ любви, которая, несмотря на всю пылкость, таитъ въ себѣ что-то дѣтски-наивное. Молодая дѣвушка, утратившая свою честь, никогда не найдетъ человѣка, если на ней не женится соблазнитель. И горе ему, если онъ этого не сдѣлаетъ! Родственники дѣвушки объединяются между собою, чтобы отомстить тѣмъ или инымъ способомъ за позоръ семьи. Корсиканская женщина рѣдко обманываетъ мужа: прелюбодѣяніе весьма рѣдкое явленіе въ Корсикѣ.

Корсиканскій народъ чрезвычайно терпѣливо и упрямо переноситъ всякія страданія и лишенія, чему не мало способствуетъ его умѣренность въ употребленіи алкоголя. Пьянство считается величайшимъ позоромъ на островѣ: тамъ дѣйствительно трудно встрѣтить пьянаго человѣка.

Несмотря на то, что корсиканцы, благодаря свойствамъ своей страны, должны были бы стать земледѣльческимъ, виноградарскимъ или рыболовнымъ народомъ, они стали въ гораздо большей степени военнымъ племенемъ. Къ сельскому хозяйству у нихъ не было склонности. Когда удовлетворялось ихъ

желаніе имѣть оружіе, другихъ потребностей у нихъ уже больше не было, и поэтому они работали лишь столько, сколько нужно было имъ для пропитанія. Вслѣдствіе этого денежный капиталъ рѣдкое явленіе на Корсикѣ. Еще даже теперь многія подати уплачиваются натурою. Корсиканецъ считалъ униженіемъ своего достоинства работать за деньги: у него было слишкомъ высокое мнѣніе о своемъ превосходствѣ надъ другими. Въ виду этого среди корсиканцевъ очень мало служащихъ. Поденщики и прислуга по большей части итальянцы. Лишь въ солдатской профессіи видѣли корсиканцы свой идеалъ. Мужественный, смѣлый человѣкъ, отважно сражавшійся за свое отечество, цѣнился гораздо больше того, кто оказывалъ значительныя услуги наукѣ или искусству. Военные люди пользовались успѣхомъ у женщинъ, мужчины преклонялись передъ ними, а юноши брали съ нихъ примѣръ.

Корсиканцы обладаютъ чрезвычайно сильно развитымъ семейнымъ чувствомъ. Чѣмъ больше дѣтей въ семьѣ, чѣмъ больше родныхъ, тѣмъ большимъ уваженіемъ пользуются они у согражданъ. Узы родства связываютъ корсиканскія семьи съ самыми отдаленными ихъ членами.

Женщина даже въ знатной корсиканской семьѣ играла довольно второстепенную роль. Наибольшимъ уваженіемъ пользовалась та, которая производила на свѣтъ наибольшее количество дѣтей. Она была подчинена мужчинѣ и не знала другого времяпрепровожденія, какъ служить ему, кормить, беречь и воспитывать его дѣтей. Недостаточно развитая и образованная, она была очень хорошей хозяйкой: экономная, она старалась и сама умножить достояніе семьи. Съ дочерьми отецъ былъ большею частью строгъ и суровъ, по отношенію же къ сыновьямъ выказывалъ всегда извѣстную слабость. Тѣмъ не менѣе всѣ дѣти одинаково любили и уважали его, какъ главу семейства.

Въ своемъ мышленіи корсиканецъ обнаруживаетъ много логики и разсудительности, если только дѣло не идетъ объ его собственныхъ интересахъ. Когда же на сцену появляются они, онъ становится софистомъ. Онъ обладаетъ проницательнымъ умомъ и умѣетъ блестяще пользоваться имъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ говоритъ изысканно, старается

постоянно пополнить свое образованіе; манеры его очень мягки, лжи онъ не терпитъ, но тѣмъ не менѣе не всегда говоритъ правду.

Въ потребностяхъ своихъ онъ простъ и непретенціозенъ. Быть можетъ, въ этомъ и заключается разгадка его нелюбви къ работѣ: ему не нужно много трудиться, потому что онъ не стремится къ богатству. Онъ не знаетъ ни роскоши, ни излишествъ, питается и одѣвается онъ очень просто,—никакой роскоши не допускаетъ, развѣ только въ оружіи.

Его недовѣріе ко всему, что означаетъ собою культуру и прогрессъ, тѣсно связано съ исторіей его отечества. Вѣковая ожесточенная борьба съ угнетателями не проходила безслѣдно для націи! „Все это сообщаетъ жителю острова,—говоритъ одинъ анонимный бытописатель Корсики,—перенесенный въ нашу эпоху характеръ итальянца-кватроченто, мужественная гордость котораго приводитъ въ восторгъ художника и возмущаетъ спокойнаго, честнаго жителя континента“.

Благодаря центральному положенію въ Средиземномъ морѣ, благодаря хорошимъ гаванямъ, богатству лѣса, пастбищамъ и плодородному побережью, островъ былъ въ древности и въ средніе вѣка объектомъ постоянной борьбы между народами, занимавшимися мореходствомъ: финикіяне, фокейцы, этруски, карѳагеняне, римляне, вандалы, остготы, византійцы, сарацины, лангобарды и франки основывали тамъ колоніи, боролись за обладаніе Корсикой и временами овладѣвали ею. Въ то же время и почти до начала девятнадцатаго столѣтія прибрежные города наводняли пираты-берберы сѣверной Африки; столь же быстро, какъ они пріѣзжали, они и скрывались съ награбленнымъ добромъ.

Во времена первыхъ германскихъ императоровъ на островѣ образовалось своего рода самоуправленіе, но при папѣ Урбанѣ II, въ концѣ XI вѣка островъ попалъ подъ владычество архіепископа Пизанскаго. Владычество пизанцевъ, длившееся около двухъ столѣтій, было очень благодѣтельно для развитія страны.

Въ ту эпоху Пиза находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ Генуей, этимъ, пышно расцвѣтшимъ городомъ республиканской Италіи; оба они сообща выгнали въ два десятилѣтія

арабовъ изъ Сардиніи. Но вскорѣ между ними начались распри, и поле борьбы между ними было перенесено на островъ Корсику. Генуя подала папѣ протестъ противъ господства Пизы надъ Корсикой. И въ виду этого островъ въ 1133 году былъ переданъ Иннокентіемъ II обѣимъ республикамъ. Пиза удержала за собою югъ, между тѣмъ какъ сѣверная половина была предоставлена Генуѣ. Но распри начались вскорѣ снова, и борьба соперниковъ, поддерживавшаяся противоположными партіями жителей острова, продолжалась долгія десятилѣтія, пока, наконецъ, въ морскомъ сраженіи при Мелори, въ 1284 году, весь флотъ пизанцевъ не былъ сожженъ. По миру 1299 года островъ перешелъ, наконецъ, цѣликомъ къ генуэзцамъ, которые уже сами въ предшествовавшіе годы стали мало-по-малу овладѣвать имъ. Но только въ 1347 году Генуя получила обладаніе страною, такъ какъ папа Бонифацій VIII въ 1294 году отдалъ островъ въ ленъ королю Аррагонскому. Началась ожесточенная борьба между Генуей и туземною знатью, достигшей мало-по-малу значенія и власти. Жаркое пламя гражданской войны угасло только въ 1567 году, послѣ убійства находившагося на французской службѣ полковника Сампьеро, величайшаго героя корсиканцевъ до Паоли.

Только съ его смертію и начинается дѣйствительное господство генуэзцевъ надъ Корсикой. Въ началѣ оно было довольно мягкимъ, но вслѣдствіе недружелюбія населенія острова, которое, благодаря вѣковой ожесточенной борьбѣ съ чужеземнымъ господствомъ, стало еще болѣе суровымъ и замкнутымъ, чѣмъ было до того, благодаря своей низкой степени развитія,—генуэзское правленіе превратилось очень скоро въ тяжелое угнетеніе гордыхъ корсиканцевъ, которые никогда, даже въ глубокой древности не давали превращать себя въ рабовъ другихъ народовъ.

Долгое время бродившее возмущеніе вырвалось, наконецъ, наружу, въ 1730 году. Съ измѣнчивымъ успѣхомъ въ теченіе сорока лѣтъ вели корсиканцы эту войну, которая окончилась лишь въ 1869 году присоединеніемъ острова къ Франціи.

Молодой Бонапартъ, пылкій республиканецъ, въ своихъ

„Lettres sur la Corse“, писалъ слѣдующимъ образомъ объ этомъ событіи: „Ни одна революція не совершалась такъ неожиданно и такъ быстро, какъ эта! Враги забыли свою ненависть и заключили столь желанный для всѣхъ миръ. Начавшееся благосостояніе отечества было, повидимому, причиной всего этого. Пламя патріотизма облагородило неожиданно души, изсушенныя въ теченіе столькихъ лѣтъ эгоизмомъ и тиранiей... Друзья, мы люди! Таковъ былъ лозунгъ. Гордые тираны земли, берегитесь, чтобы это чувство не вспыхнуло когда-нибудь въ сердцахъ вашихъ подданныхъ! Вашъ тронъ рушится, когда ваши народы воскликнутъ: „Мы тоже, мы тоже люди “

Два человѣка съ большими дарованіями и благороднымъ воодушевленіемъ, Чеккальди и Джіодфери, взяли на себя руководство возстаніемъ, которое привѣтствовалось и поддерживалось знатнѣйшими родами страны. Генуэзцы потерпѣли нѣсколько пораженій и должны были сосредоточиться на укрѣпленномъ побережьи,—особенно когда корсиканцамъ удалось получить изъ другихъ странъ оружіе, амуницію и другіе военные припасы. Сознавая опасность, Генуя обратилась къ императору, который предоставилъ въ ея распоряженіе восемь тысячъ наемныхъ солдатъ—подъ предводительствомъ принца Людвига Вюртембергскаго. Но послѣ нѣсколькихъ побѣдъ, одержанныхъ съ помощью нѣмцевъ, послѣдніе тоже были побѣждены упорной храбростью корсиканскаго племени, которое завлекло своихъ враговъ въ горныя мѣстности острова, чтобы легче справиться тамъ съ ними. Заключенный въ 1732 году миръ продолжался недолго; обѣ стороны продолжали ожесточенную борьбу.

Двѣнадцатаго марта 1736 года въ Алерію на англійскомъ суднѣ пріѣхалъ фантастически, полувосточно, полуевропейски одѣтый чужестранецъ съ большой свитой и богатымъ запасомъ военныхъ припасовъ. Это былъ вестфальскій баронъ Теодоръ фонъ-Нейгофъ, уроженецъ Франціи. Послѣ авантюристской жизни во Франціи, Испаніи и Голландіи, въ теченіе которой онъ пріобрѣлъ различныя многосторонніе познанія, онъ познакомился съ однимъ корсиканскимъ монахомъ, который разсказалъ ему о злоключеніяхъ своего народа и про-

будилъ въ Нейгофѣ желаніе сдѣлаться королемъ Корсики, самаго маленькаго государства Европы... Быстро рѣшившись, Теодоръ отправился въ Ливорно, гдѣ встрѣтился съ корсиканскимъ посланникомъ Ортикони и другими представителями острова и разсказалъ имъ о своихъ близкихъ связяхъ съ европейскими дворами, которые помогутъ ему освободить островъ отъ гнета Генуи. Въ награду онъ требовалъ себѣ не больше, не меньше, какъ королевской короны. Корсиканцы, боровшіеся за свою свободу, обѣщали ему съ отчаянія королевскій титулъ. Они рѣшили, что лучше подчиниться самостоятельному господину, чѣмъ продолжать нести ненавистное ярмо генуэзскаго владычества. Нейгофъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу, раздобылъ денегъ, накупилъ оружія, амуниціи и подарковъ. Весной 1836 года его приготовленія были закончены и съ богатымъ грузомъ онъ прибылъ изъ Туниса въ Корсику.

Корсиканское населеніе и вожди его: Джіаферри, Гіацинто, Паоли, Коста, Саверіо, Матра, Джаффори, Фабіани, Рафаэли и другіе встрѣтили его съ ликованіемъ, и, дѣйствительно, новому властелину, своею щедростью, раздачею титуловъ, а также полезными нововведеніями и практическими реформами удалось завоевать любовь своего молодого народа, который поднесъ ему титулъ короля Теодора I.

Но обѣщанной помощи европейскихъ державъ не послѣдовало. Хотя въ началѣ военное счастье ему улыбнулось, однако въ сентябрѣ 1836 года Теодоръ покинулъ островъ, отправившись самъ за обѣщанной помощью. Передъ отъѣздомъ онъ учредилъ регентство, состоявшее изъ Гіацинто и Паоло, Людовико Джіаферри и Лука д'Орнано. Долгое время новый король не подавалъ о себѣ ни слуху, ни духу, и корсиканцы были снова предоставлены самимъ себѣ и своимъ собственнымъ силамъ.

Несмотря на его отъѣздъ, мужество ихъ не упало, и они упорно продолжали борьбу съ генуэзцами. Послѣдніе, не зная, что предпринять, обратились въ концѣ-концовъ къ французскому королю, который прислалъ имъ на помощь три тысячи человѣкъ подъ предводительствомъ графа де-Буассіе. Между тѣмъ Теодоръ дѣйствительно собралъ людей и оружіе и въ

1738 году возвратился на Корсику, чтобы снова взять въ свои руки бразды правленія. На этотъ разъ, однако, большинство подданныхъ встрѣтило его очень холодно. И онъ счелъ лучшимъ вскорѣ снова исчезнуть.

Вмѣшательство Франціи не могло заставить Корсику сложить оружіе. Когда, наконецъ, французскій отрядъ усталъ отъ безпрерывной борьбы, Людовикъ XV послалъ многочисленное войско во главѣ съ маркизомъ де-Мейбуа. Съ такой арміей корсиканцы не могли, конечно, справиться, и бо́льшая часть сѣверной Корсики досталась въ руки французовъ. Между тѣмъ, благодаря вспыхнувшей Австрійской войнѣ за „наслѣдство“, Франція въ сентябрѣ 1741 года вызвала войска изъ Корсики и перевела ихъ на Рейнъ.

Два года спустя, въ іюнѣ 1743 года, Теодоръ фонъ-Нейгофъ въ третій разъ высадился на островѣ съ оружіемъ и амуниціей. Однако ему не удалось овладѣть вновь сердцами своихъ бывшихъ подданныхъ, и онъ вскорѣ вернулся въ Лондонъ. Тамъ кредиторы посадили его въ тюрьму, изъ которой его спасла только подписка, организованная Уольполемъ. Забытый и одинокій, умеръ 11 декабря 1756 года первый и послѣдній король корсиканскій, достойный поистинѣ лучшей участи.

Такъ какъ генуэзской республикѣ приходилось вести борьбу за собственное существованіе, то Джаффори и Матра, стоявшіе теперь во главѣ корсиканскаго племени, рѣшили использовать этотъ случай, чтобы навсегда избавиться отъ ненавистнаго господства. Между тѣмъ, король Сардинскій давно уже засматривался на сосѣдній островъ и надѣялся завоевать его съ помощью англичанъ. Корсиканцы, видя себя стиснутыми со всѣхъ сторонъ и потерявъ, благодаря коварному убійству, своего любимаго вождя Джаффори, избрали своими предводителями Сантини, Фрédіани, Гримальди, Червони, и Климента Паоли, сына Гіацинто. Однако, вскорѣ они убѣдились, что всѣ эти люди не были на высотѣ своего положенія, и что прежде всего необходимо имѣть одного энергичнаго вождя. По совѣту Климента Паоли, вниманіе народа обратилось на его младшаго брата Пасквале, молодого офи-

38 311 п/4

Пасквале Паоли.
(По портрету Бембриджа, исполненному по заказу Джемса Босвелля).

БИБЛИОТЕКА
им. А.

цера, состоявшаго въ то время на неаполитанской службѣ. Было рѣшено вручить ему судьбу родины.

Оба брата, Климентъ и Пасквале Паоли, получили прекрасное воспитаніе. Въ то время, какъ старшій, будучи хотя и священникомъ, былъ рожденъ солдатомъ, характеръ Пасквале дѣлалъ его скорѣе организаторомъ и законодателемъ.

Пасквале Паоли принялъ предложеніе своихъ соотечественниковъ, 29 апрѣля 1755 года прибылъ въ Порраджію, и національное собраніе назначило его единоличной главой корсиканскаго народа.

Онъ нашелъ свою родину въ ужасномъ состояніи. Въ народѣ не было ни дисциплины, ни солидарности, ни порядка; въ странѣ не было ни денегъ, ни оружія, ни амуниціи. Онъ тотчасъ же принялся за работу, и скоро его энергіи, его большому знанію людей, его краснорѣчію, и справедливости удалось водворить порядокъ въ странѣ. Онъ былъ первымъ, сумѣвшимъ всеобщее признаніе своего авторитета въ эту гордую націю, не желавшую никому подчиняться. Начавъ съ водворенія порядка, Паоли подумалъ о томъ, какъ бы положить конецъ распрямъ своихъ соотечественниковъ.

74492

Онъ старался облагородить еще варварскіе, дикіе нравы своихъ земляковъ, поднялъ земледѣліе и торговлю и основалъ было первую высшую школу въ Корте, которая, однако, закрылась черезъ нѣсколько лѣтъ. Возстаніе Маріо Матра, стремившагося къ званію главнокомандующаго, было подавлено Паоли и стоило жизни его зачинщику. Въ началѣ 1764 года островъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ побережья, могъ считаться освобожденнымъ.

Лѣтомъ того же года между Франціей и генуэзской республикой былъ заключенъ договоръ, на основаніи котораго гавани Аяччіо, Кальви, Альгайола, Санъ-Фіоренцо и Бастія на четыре года были заняты французами. Въ вознагражденіе за это Генуя отказалась отъ двухъ милліоновъ, которые она ссудила Франціи во время семилѣтней войны. Графъ де-Марбефъ, игравшій впослѣдствіи столь видную роль въ исторіи семьи Бонапартовъ, былъ поставленъ во главѣ шести батальоновъ, для занятія нѣсколькихъ городовъ. Благодаря его умѣнію, а также и содѣйствію Паоли, ему удалось списать

довѣріе корсиканцевъ. Когда же генуэзцы предоставили островъ въ качествѣ убѣжища четыремъ тысячамъ іезуитовъ, высланнымъ изъ Испаніи, французскій министръ Шуазель, выславшій ихъ въ 1763 году изъ Франціи, почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ и приказалъ Марбефу тотчасъ же очистить укрѣпленія Корсики. И въ то время, какъ французы выходили изъ однихъ воротъ города, въ другія вошли корсиканцы. Такимъ образомъ Паоли удалось занять Аяччіо и Альгойлу.

Но Шуазель былъ противъ этого. Онъ долго не раскрывалъ своихъ плановъ Маттео Буттафоко, корсиканскому посланнику въ Версалѣ и впослѣдствіи измѣннику своей родины. Только, когда генуэзская республика убѣдилась въ безцѣльности дальнѣйшаго удерживанія Корсики и 15 мая 1768 года заключила съ Франціей договоръ, въ силу котораго островъ за денежное вознагражденіе переходилъ въ вѣчное владѣніе Франціи,—только тогда раскрылъ онъ свои карты. Паоли понялъ, что онъ и соотечественники его обмануты и сталъ дѣлать тщетныя попытки найти помощь и содѣйствіе у европейскихъ державъ.

„Съ нами обращаются, какъ со стадомъ барановъ, которыхъ продаютъ на базарѣ“,—писалъ онъ въ Вѣну. Но и здѣсь онъ не встрѣтилъ поддержки. Впослѣдствіи, когда Паоли послѣ завладѣнія Корсикой французами покинулъ родину, Марія-Терезія хотѣла было принять бѣглеца, но ея сынъ, впослѣдствіи императоръ Іосифъ II, отсовѣтовалъ ей дѣлать это. По дипломатическимъ соображеніямъ, на національномъ собраніи, созванномъ 22 мая 1768 года въ Корте, было постановлено единогласно сопротивляться завладѣнію островомъ французами и лучше умереть, чѣмъ лишиться свободы. И хотя корсиканцы, какъ и прежде, всегда страдали отъ недостатка въ оружіи, все же потребовалось огромныхъ усилій, чтобы подавить этотъ маленькій, но храбрый и смѣлый народъ. Въ началѣ попытку сломить сопротивленіе упрямыхъ островитянъ и подчинить ихъ Франціи, произвелъ маркизъ де-Шовеленъ съ войскомъ, численностью около десяти тысячъ человѣкъ. Но послѣ нѣсколькихъ побѣдъ Шовеленъ потерпѣлъ рядъ пораженій при Казинкѣ и Борго.

Генералъ графъ де Во, который уже и прежде сражался на Корсикѣ и былъ извѣстенъ, какъ своими познаніями, такъ и своей строгой дисциплиной, получилъ приказаніе отомстить за позоръ, нанесенный французскому знамени. Съ арміей свыше сорока полковъ пѣхоты, четырьмя полками кавалеріи и многочисленной артиллеріей онъ подступилъ въ апрѣлѣ 1769 г. къ Санъ-Фіоренцо. Въ рѣчи, произнесенной имъ офицерамъ, онъ между прочимъ, сказалъ: „Господа, король поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ чрезвычайно недоволенъ своею арміею, такъ какъ нѣкоторые офицеры были настолько трусливы, что подписали капитуляцію. Я запрещаю каждому офицеру пользоваться въ будущемъ перомъ и бумагою!..“

Новому главнокомандующему удалось настолько удачно повести военныя операціи, что французы одержали рядъ рѣшительныхъ побѣдъ. Въ сраженіи при Понтенуово 8 мая 1769 года должна была рѣшиться судьба храбраго корсиканскаго народа. Несмотря на храброе сопротивленіе нѣсколькихъ тысячъ корсиканцевъ, которыхъ Паоли сумѣлъ противопоставить многочисленному врагу, сраженіе это окончилось полнѣйшимъ пораженіемъ островитянъ.

Паоли не хотѣлъ, однако, считать дѣло отечества проиграннымъ, но его принудили къ тому обстоятельства, такъ какъ пули враговъ пощадили лишь немногихъ корсиканцевъ, способныхъ носить оружіе. Корте, столица острова, была взята французами почти безъ сопротивленія, и 12 іюня 1769 года онъ вмѣстѣ съ братомъ и тремя тысячами вѣрныхъ солдатъ спасся въ Портовеччіо. Большинство его земляковъ осталось въ Ливорно, а самъ Паоли уѣхалъ въ Англію, гдѣ ему предложили убѣжище.

Завоеваніе Корсики французами обнаруживаетъ большое сходство съ англійскимъ завоеваніемъ обѣихъ бурскихъ республикъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ маленькій, храбрый, мужественный народъ, жившій, однако, еще въ примитивныхъ условіяхъ, долгое время отражалъ натискъ прекрасно вооруженнаго, многочисленнаго войска, высоко цивилизованнаго противника.

Оба раза народы эти, тщетно просившіе помощи у Европы, побѣждались силою высшей культуры, чтобы, впрочемъ, затѣмъ пріобщиться къ благамъ развитой цивилизаціи.

ГЛАВА II.

РОДИТЕЛИ.

Относительно происхожденія рода Бонапартовъ воззрѣнія генеологовъ расходятся. Одни производятъ его отъ Карла Великаго, другіе отъ римскихъ императоровъ, а третьи даже категорически утверждаютъ, что Наполеонъ происходитъ по прямой линіи отъ Желѣзной Маски. Большинство изслѣдователей, однако, сходится въ томъ, что происхожденіе рода Наполеона слѣдуетъ искать въ Италіи, въ Сарцанѣ,—въ городѣ теперешней провинціи Генуя.

Сарцана была въ концѣ среднихъ вѣковъ маленькимъ городкомъ безъ всякаго политическаго значенія, въ которомъ, однако, пульсировала чрезвычайно оживленная для того времени интеллектуальная жизнь. Отдѣльнымъ членамъ различныхъ поколѣній Бонапартовъ *) удалось подняться до различнаго рода степеней и отличій. Хроника сообщаетъ, напримѣръ, объ одномъ Бонапартѣ—городскомъ мэрѣ, другіе Бонапарты были совѣтниками, аббатами, офицерами, адъютантами и т. п.

Когда сарцанцы въ пятнадцатомъ столѣтіи вошли въ сношенія съ островомъ Корсикой, члены семьи Бонапартъ часто посылались туда. Такъ, въ началѣ шестнадцатаго вѣка мы находимъ въ Аяччіо Франческо, Анджело и Агостино Бонапартовъ. Первый изъ нихъ былъ заложникомъ города. Въ 1540 году Франческо умеръ и оставилъ семью съ довольно хоро-

---

*) Бонапартами называли себя предки Наполеона, вплоть до его дяди, который именовалъ себя на флорентійскій ладъ „Буонопарте“, между тѣмъ какъ Наполеонъ съ 1795 года снова подписывается: „Бонапартъ“.

шими средствами. Мало-по-малу Бонапарты достигли благосостоянія, стали пользоваться уваженіемъ и принимать участіе въ общественномъ управленіи, не выдѣливъ, однако, изъ своей среды ни одной болѣе или менѣе выдающейся личности. Они занимались большею частью управленіемъ своихъ владѣній, немного также торговлей и жили спокойно, безъ всякаго честолюбія. Благодаря этому, состоятельность семьи отъ поколѣнія къ поколѣнію скорѣе уменьшалась, нежели увеличивалась.

Первымъ, кто постарался возвеличить имя Бонапартовъ, былъ отецъ Наполеона, Карло Марія Бонапартъ, десятый потомокъ Франсуа. Онъ родился 27 мая 1746 года въ Аяччіо. Рано потерявъ отца, онъ нашелъ второго отца въ лицѣ своего энергичнаго, интеллигентнаго дяди Люціана Бонапарта, архидіакона при соборѣ въ Аяччіо. Тотъ четырнадцати лѣтъ отправилъ его въ основанную Паоли высшую школу въ Корте и рѣшилъ сдѣлать изъ него юриста.

Помимо своихъ недюжинныхъ умственныхъ способностей, онъ испробовалъ свои силы на поэтическомъ поприщѣ. Онъ былъ очень интеллигентенъ и во всякомъ случаѣ выдѣлялся своимъ образованіемъ надъ общимъ корсиканскимъ уровнемъ. Карло обладалъ многими внѣшними преимуществами, которыя снискали ему популярность среди молодежи. Онъ былъ высокаго роста, стройный, съ пріятнымъ выразительнымъ лицомъ, форму и глаза котораго унаслѣдовалъ отъ него его сынъ Наполеонъ. Благодаря его свѣтскимъ манерамъ, умѣнію поддерживать разговоръ и всегда элегантному и въ высшей степени аккуратному костюму, онъ пользовался большою любовью въ обществѣ. По-французски онъ говорилъ и писалъ почти такъ же хорошо, какъ и на родномъ языкѣ.

Его склонность къ роскоши и удовольствіямъ была общеизвѣстна. Чрезвычайно честолюбивый, всегда желавшій выдвинуться, онъ уже въ молодости именовалъ себя въ Италіи „Conte di Buonaparte“: его старинное имя чрезвычайно льстило ему. Честолюбивый, всегда недовольный своею судьбою, онъ непрестанно стремился къ блеску и богатству, почестямъ и привилегіямъ для себя и своихъ близкихъ, не находя, однако, удовлетворенія ни въ чемъ. Въ его головѣ

роилось множество плановъ, которые онъ, однако, почти никогда не приводилъ въ исполненіе.

Небогатый, но въ высшей степени расточительный, Карло сталъ искать выгодной партіи. Встрѣтивъ въ Италіи синьору Альберти, онъ рѣшилъ, что нашелъ въ ней столь нужную ему спутницу жизни. Она была богата, красива и симпатична. Родители ея не имѣли ничего противъ элегантнаго молодого человѣка, развѣ только то, что онъ былъ еще черезчуръ молодъ: Карло не было тогда еще семнадцати лѣтъ.

Вскорѣ послѣ этого онъ вернулся на родину и при содѣйствіи дяди Люціано познакомился съ юной Маріей Летиціей Рамолино. Она была богата, красива и молода и поэтому вдвойнѣ интересна для Бонапартовъ. Въ дѣйствительности же она обладала лишь капиталомъ въ семь тысячъ франковъ, которые всѣ находились въ земельныхъ участкахъ: ея будущій супругъ имѣлъ почти такое же состояніе.

Рамолино, настроенные въ пользу генуэзцевъ, неохотно согласились на ея бракъ съ паолистомъ, но въ концѣ-концовъ должны были все-таки уступить. 2 іюня 1764 года викарій Рончеро совершилъ обрядъ вѣнчанія: жениху было восемнадцать, а невѣстѣ четырнадцать лѣтъ.

Молодые люди поселились въ Корте, чтобы быть поближе къ Паоли; кромѣ того, Бонапартъ былъ избранъ членомъ національнаго собранія, засѣдавшаго въ этомъ городѣ.

Четыре года спустя на островѣ вспыхнула война. Карло принялъ въ ней живѣйшее участіе: онъ былъ однимъ изъ самыхъ пламенныхъ патріотовъ и былъ полонъ воодушевленія за дѣло свободы и Паоли. Ему удалось оказать довольно значительное вліяніе на ходъ событій, предшествовавшихъ массовому возстанію на Корсикѣ. Ему, между прочимъ, приписываютъ составленіе присяги корсиканцевъ въ маѣ 1768 года, въ которой они заявляютъ, что лучше согласятся погибнуть, чѣмъ покориться ненавистному гнету Генуи. Вѣроятнѣе, однако, что главное участіе въ редакціи этой присяги принималъ Паоли, потому что она проникнута всецѣло его идеями.

Несомнѣнно достовѣрно то, что Карло Бонапартъ написалъ прокламацію къ корсиканской молодежи, въ которой съ воодушевленіемъ призывалъ ее къ борьбѣ съ врагомъ и

убѣждалъ каждаго въ томъ, что у него долгъ передъ отчизной, за которую предки его пролили столько крови.

Паоли любилъ Карло. Онъ использовалъ воодушевленіе молодого патріота и назначилъ его своимъ секретаремъ. Но тутъ разразилась катастрофа при Понтенуово. Даже послѣ сраженія Карло питалъ искреннее намѣреніе призвать своихъ соотечественниковъ къ новой борьбѣ съ непріятелемъ, но не встрѣтилъ больше сочувствія въ Паоли, который спасся бѣгствомъ въ Англію. Впослѣдствіи, когда Карло понялъ, какія выгоды сулитъ его родинѣ присоединеніе къ великой, могущественной Франціи, онъ измѣнилъ свои взгляды. Къ этому присоединилось еще его собственное печальное матеріальное положеніе, улучшить которое, какъ онъ видѣлъ самъ, онъ могъ только при помощи новаго правительства. Нужда и лишенія заставили его склонить голову. Онъ понялъ, что ему выгоднѣе служить новому господину,—и служилъ ему съ тѣмъ же усердіемъ, какъ прежде отечеству. Въ душѣ, быть можетъ, онъ оставался такимъ же корсиканцемъ, какъ и прежде. Онъ надѣялся только съ помощью новаго правительства получить какую-либо должность и тѣмъ самымъ улучшить положеніе семьи.

Съ этою цѣлью онъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія своего сына Наполеона, въ ноябрѣ 1769 года, отправился въ Пизу, чтобы выдержать тамъ экзаменъ на доктора юриспруденціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, закончить изслѣдованіе о древнемъ происхожденіи своего рода. Послѣднее увѣнчалось успѣхомъ: тридцатаго ноября 1769 года онъ получилъ отъ архіепископа Пизанскаго патентъ съ докторскимъ дипломомъ Пизанскаго университета, который, впрочемъ, также устанавливалъ его аристократическое происхожденіе: Il Sig. Carlo del Qm. Sig. Giuseppe Bonaparte, nobile patrizio Fiorentino, Samminiatense, e di Ajaccio, — и вернулся снова на Корсику. Отъ радости онъ, какъ передаютъ, устроилъ дома пиршество, обошедшееся ему въ шесть тысячъ франковъ.

Первой наградой его французофильскаго настроенія было то, что Марбефъ, новый губернаторъ, взялъ его подъ свое покровительство. Благодаря этому въ февралѣ 1771 года

Карло былъ назначенъ королевскою властью асессоромъ въ Аяччіо съ девятитысячнымъ окладомъ жалованія. Это былъ первый шагъ къ тому, чтобы современемъ стать членомъ государственнаго совѣта. Приблизительно около того же времени онъ былъ внесенъ въ списокъ четырехсотъ корсиканскихъ аристократовъ, а въ 1772 году былъ назначенъ членомъ корсиканскаго дворянскаго совѣта „двѣнадцати“.

Марбефъ былъ другомъ Карло не потому только, что тотъ былъ однимъ изъ первыхъ корсиканскихъ аристократовъ, высказавшихся въ пользу Франціи, но благодаря его личнымъ привлекательнымъ качествамъ. Карло отплатилъ Марбефу блестящей защитой оклеветаннаго губернатора передъ Людовикомъ XV, ко двору котораго онъ былъ командированъ отъ корсиканскаго дворянства въ 1773 году. Это порученіе принесло ему три тысячи франковъ и исполнило его честолюбивые замыслы. Онъ рѣшилъ извлечь выгоду изъ своего новаго положенія и прежде всего использовать привилегіи, на которыя имѣлъ теперь право, какъ французскій аристократъ. Ближайшей его мыслью было воспитаніе сыновей. Въ 1776 году онъ подалъ прошеніе о предоставленіи двухъ безплатныхъ вакансій во французскихъ школахъ для Жозефа и Наполеона. Въ 1778 году его другъ Марбефъ еще разъ повторилъ его просьбу военному министру, маркизу Монбаррею. Помимо этого, Карло обратился къ королю съ просьбой разрѣшить ему открыть школу шелководства, съ помощью которой онъ думалъ развить на островѣ шелковое производство и увеличить свое личное благосостояніе.

Мысль объ улучшеніи положенія своей малосостоятельной семьи занимала его постоянно, несмотря на страсть къ расточительности. Но планы его не всегда увѣнчивались успѣхомъ. Они часто терпѣли крушеніе, просьбы его отклонялись. Несмотря на различныя награды, у Карло Бонапарта никогда не было денегъ. Въ 1778 году онъ снова былъ посланъ въ Версаль и получилъ на поѣздку три тысячи франковъ. Въ Парижѣ онъ получилъ отъ короля еще четыре тысячи франковъ и двѣ тысячи въ качествѣ почетной награды. Но все же, какъ самъ разсказываетъ, „вернулся домой безъ единаго су“. Правда, въ Парижѣ онъ купилъ себѣ не болѣе,

не менѣе, какъ двѣнадцать костюмовъ, всѣ богато украшенные бархатомъ, шелкомъ и вышивкой. Всѣ его деньги поглощали портные, башмачники, торговцы бѣльемъ и ювелиры. Дома же Летиціи приходилось экономить: она не знала, какъ справиться ей съ содержаніемъ себя и дѣтей.

Пагубной страстью его было сутяжничество. Онъ велъ тяжбы рѣшительно со всѣми. Гдѣ бы дѣло ни шло о наслѣдствѣ, онъ тотчасъ же завлялъ о своихъ правахъ. Онъ добился полученія небольшого наслѣдства въ Санъ-Миніато и, кромѣ того, заявилъ свои права на наслѣдство Паоло Франческо Одонэ, который хотя и считался дядей Карло съ материнской стороны, однако, приходился ему весьма отдаленнымъ родственникомъ. Прабабка Карло была дочерью Піетро Одонэ, отъ котораго и произошелъ вышеупомянутый Паоло. Послѣдній завѣщалъ свое состояніе іезуитамъ на основаніи „фальшивыхъ религіозныхъ убѣжденій“, какъ говорилъ Карло. Благодаря новымъ политическимъ условіямъ, капиталъ іезуитовъ подлежалъ конфискаціи. Карло не упустилъ этого изъ виду и извлекъ изъ него пользу: онъ велъ процессъ со всѣмъ упрямствомъ корсиканца, но добился только частичнаго успѣха: получилъ изъ наслѣдства одно только помѣстье Миллели, близъ Аяччіо.

Бонапартамъ приходилось вести тяжелую борьбу за существованіе. Доходы ихъ были весьма ограничены. Цѣлый рядъ предпріятій, разрѣшенныхъ правительствомъ, потерпѣлъ крушеніе. Школа шелководства не окупала расходовъ, а устроенная Карло солеварня потерпѣла полнѣйшее фіаско. Онъ былъ даже принужденъ заложить свои виноградники и навѣрное бы продалъ ихъ, если бы ему не воспрепятствовалъ въ этомъ его дядя Люціано. Для всѣхъ будущихъ королей и княгинь отецъ, замѣчавшій, что силы его изсякаютъ, а заботы все увеличиваются, просилъ безплатныхъ вакансій во французскихъ школахъ. Онъ прибѣгалъ ко всему: къ прошеніямъ, къ рекомендательнымъ письмамъ, къ аудіенціямъ. Полжизни провелъ онъ въ передняхъ вліятельныхъ особъ. Наконецъ, насталъ счастливый день. Въ 1780 году онъ получилъ вышеупомянутое маленькое наслѣдство отъ одного своего родственника Іосифа Бонапарта изъ Санъ-Миніато. Тотчасъ же они повели широ-

кій образъ жизни. Взяли кухарку и горничную, получавшую, правда, всего шесть франковъ въ мѣсяцъ. Карло сталъ снова одѣваться съ изысканнымъ изяществомъ и задавать пиры въ своемъ домѣ. Только Летиція оставалась по-прежнему простой женщиной.

Но уже въ 1784 году матеріальное положеніе семьи настолько ухудшилось, что отецъ принужденъ былъ одолжить двадцать пять лундоровъ у генералъ-лейтенанта и губернатора Бомануара на поѣздку во Францію. Помимо обычныхъ плановъ улучшить свое матеріальное положеніе, онъ хотѣлъ обратиться къ парижскому врачу де-ла-Сонду за совѣтомъ относительно своей болѣзни желудка, отвести свою дочь Маріанну въ Сенъ-Спръ и навѣстить Жозефа и Наполеона. До конца своей жизни Карло не могъ вернуть этихъ денегъ. А послѣ смерти его это было уже совершенно не по силамъ Летиціи. Бомануаръ и не настаивалъ, впрочемъ, на уплатѣ. Когда онъ впослѣдствіи былъ переведенъ съ острова, и Летиція захотѣла было продать серебро, чтобы вернуть ему двадцать пять лундоровъ, онъ не допустилъ этого и заявилъ, что она вернетъ ему деньги, когда они у нея будутъ. Во время революціи Бомануара преслѣдовала чернь, и ему пришлось спастись бѣгствомъ. Въ своемъ печальномъ положеніи онъ написалъ Первому Консулу и просилъ вернуть ему одолженныя еще его отцомъ деньги. Бонапартъ послалъ ему тотчасъ же сумму, въ десять разъ большую, велѣлъ вычеркнуть его изъ списка эмигрантовъ, назначилъ ему двѣнадцать тысячъ ренты изъ государственной кассы и столько же изъ личныхъ суммъ.

Во время пребыванія во Франціи болѣзнь Карло настолько ухудшилась, что онъ, не навѣстивъ даже на обратномъ пути Наполеона въ Бріеннѣ, долженъ былъ поспѣшно вернуться въ Аяччіо.

Ему удалось еще разъ увидѣть Францію съ тѣмъ, однако, чтобы найти тамъ свое послѣднее успокоеніе. Онъ поѣхалъ въ Парижъ, чтобы обратиться за совѣтомъ къ лейбъ-медику королевы. Годомъ раньше ла-Сондъ прописалъ ему леченіе, которое сначала облегчило немного его страданія, но не устранило причины болѣзни. Доѣхать ему удалось, однако, только

до Экса. Здѣсь онъ обратился къ профессору Турнаторп, который послалъ его въ Монпелье. Тамъ Карло, остановившійся было въ гостинницѣ, встрѣтилъ земляка, который сжалился надъ нимъ и перевезъ его къ себѣ въ домъ. Это былъ Пермонъ, отецъ будущей мадамъ Юно, герцогини Абрантской. Вмѣстѣ съ женой, онъ съ трогательнымъ самопожертвованіемъ ухаживалъ за Карло. Они не могли, однако, воспрепятствовать, чтобы страшная болѣзнь достигла къ началу слѣдующаго года полнаго развитія и сдѣлала неминуемой роковую развязку. Незадолго до смерти, больной, напрягши свои послѣднія силы, написалъ письмо министерству, въ которомъ еще разъ излагалъ всѣ свои притязанія на наслѣдство Одонэ. Результата этого письма онъ не дождался. 24 февраля 1785 года, въ семь часовъ вечера, онъ, послѣ трехмѣсячныхъ страданій умеръ на рукахъ своего старшаго сына, котораго онъ хотѣлъ отвезти въ Мецъ, въ военное училище. Молодой шуринъ его, Жозефъ Фешъ, пріѣхавшій изъ Экса, а вовсе не сопровождавшій его, какъ говорятъ многіе историки, пріѣхалъ слишкомъ поздно и не засталъ его уже въ живыхъ.

Карло Бонапартъ былъ не всегда такимъ благочестивымъ. Онъ сочинялъ даже антирелигіозныя стихи. Но, увидѣвъ передъ собою смерть, онъ со всѣмъ своимъ колеблющимся характеромъ ухватился за Святые Дары, которые принесъ ему аббатъ Кусту, викарій въ церкви Сенъ-Дени, въ Монпелье. Послѣднія слова Карло были обращены къ дѣтямъ и къ женѣ, которая за время его болѣзни родила его младшаго сына Джираломо (Іеронима).

„Сынъ мой,—сказалъ Карло Бонапартъ Жозефу, который, плача, опустился на колѣни передъ его постелью,—сынъ мой, подражай мнѣ въ моей вѣрѣ, но не впадай въ ошибки моей молодости! Будь покровителемъ твоихъ братьевъ и сестеръ и окружай твою несчастную мать всей заботой и уваженіемъ, которыми ты ей обязанъ... Мнѣ бы хотѣлось увидѣть еще разъ моего любимаго маленькаго Наполеона. Его ласки усладили бы мои послѣднія мгновенія жизни, но Богъ не захотѣлъ этого!“

Такъ умеръ Карло Бонапартъ, произнося въ послѣднюю

минуту имя Наполеона, до блеска и славы котораго ему не суждено было дожить.

Онъ былъ похороненъ въ церкви Кордельеровъ. Въ 1802 году жители Монпелье захотѣли воздвигнуть памятникъ отцу Перваго Консула, но Наполеонъ отвѣтилъ очень разумно, что его отецъ умеръ уже пятнадцать лѣтъ назадъ и что никто не помнитъ о томъ незначительномъ въ то время происшествіи: лучше поэтому памятника не воздвигать. Въ 1802 году Луи безъ вѣдома Перваго Консула перенесъ останки отца въ свой замокъ и похоронилъ ихъ въ паркѣ. Во время реставраціи они еще разъ тайно ночью были вырыты наполеонидами и скрыты въ пещерѣ, пока, наконецъ, въ день перевезенія праха Наполеона въ Домъ Инвалидовъ, тѣло отца не было погребено въ церкви Сенъ-Ле.

* * *

Жена Карло, которой было суждено подарить жизнь цѣлому поколѣнію князей и монарховъ и которая во всѣ моменты своей жизни, даже на вершинѣ блеска и славы, оставалась все тою же, значительно превосходила своего супруга силою характера.

Дата рожденія ея подлежитъ сомнѣнію. Но болѣе вѣроятная—это 24 августа 1749 года. Родилась она, какъ и мужъ ея, въ Аяччіо. Летиція происходила изъ патриціанскаго рода Рамолино, который также переселился на Корсику изъ сѣверной Италіи и при помощи браковъ связалъ свою судьбу съ однимъ изъ богатѣйшихъ родовъ графовъ Коллато. Летиція Рамолино потеряла отца тоже въ раннемъ дѣтствѣ. Ея мать, рожденная де-Піетро-Санта вышла въ 1757 году во второй разъ замужъ за уроженца Базеля, капитана швейцарскаго полка, находившагося на генуэзской службѣ, Франсуа Феша. Отъ этого брака родился 3 января Жозефъ Фешъ, будущій кардиналъ. Когда вскорѣ мать Летиціи и ея второй мужъ умерли, она стала второю матерью своему сводному брату.

Въ тринадцать лѣтъ она достигла уже полнаго развитія своей красоты, что, впрочемъ, наблюдается весьма часто у

корсиканскихъ женщинъ. Летиція считалась красивѣйшей дѣвушкой въ Аяччіо. Она была средняго роста, съ изумительно пропорціональными формами тѣла, юная грація которыхъ гармонировала со всей обаятельной внѣшностью. Руки, ноги ея были изящны и нѣжны: это передалось по наслѣдству и Наполеону. Ротъ, быть можетъ, съ нѣсколько серьезнымъ выраженіемъ, но чрезвычайно красиво очерченный, открывалъ два ряда жемчужныхъ зубовъ. Когда по губамъ ея пробѣгала улыбка, она была очаровательна. Нѣсколько выдававшійся подбородокъ указывалъ на энергію,—совсѣмъ какъ у сына. Роскошныя, каштановыя косы украшали классическую голову, которой темные глаза съ длинными рѣсницами и тонкимъ носомъ, придавали аристократическое выраженіе. Всѣ черты ея лица и всѣ формы находились въ поразительной гармоніи. Неудивительно поэтому, что молодой Карло Бонапартъ воспылалъ къ ней сразу любовью.

Несмотря на слабости Карло, они жили очень счастливо. Сынъ самъ говорилъ впослѣдствіи на Святой Еленѣ: „У моей матери было столько же добродѣтелей, сколько и женственнаго обаянія: она была счастливѣе своего мужа, а дѣти нѣжно любили ее“.

Съ физіологической точки зрѣнія бракъ Летиціи и Карло былъ слишкомъ раннимъ. Первые трое дѣтей, которыхъ молодая женщина подарила супругу, отчасти не обладали жизнеспособностью, отчасти же умерли въ дѣтскомъ нѣжномъ возрастѣ. Изъ тринадцати дѣтей за ея двадцатилѣтній бракъ, въ живыхъ осталось только восемь, которыхъ она родила въ періодъ между расцвѣтомъ юности и высшимъ развитіемъ своего женскаго тѣла.

Летиція была для дѣтей своихъ превосходной матерью; ея возвышенное сердце было полно добротой и любовью. Она не прощала имъ ни одного ихъ проступка и, наоборотъ, часто строго наказывала ихъ. Карло, котораго нерѣдко отдаляли отъ семьи дѣла и развлеченія, старался, по временамъ, извинять шалости дѣтей, но Летиція не позволяла ему вмѣшиваться въ воспитаніе. „Предоставь это мнѣ,—говорила она ему тономъ полуупрека, полуприказанія,—я буду за ними слѣдить!“ И съ несравненной заботливостью слѣдила она за первыми

впечатлѣніями дѣтей. „Всѣ низменныя чувства въ насъ устранялись,—говоритъ Наполеонъ,—она ненавидѣла ихъ. Она допускала до дѣтей только возвышенныя. Она питала величайшее отвращеніе ко лжи, какъ вообще ко всему, что носило на себѣ хотя признаки низменнаго. Она умѣла наказывать и награждать".

Она замѣчала у дѣтей рѣшительно все. Летиція Бонапартъ была истинной матерью, истинной корсиканкой. Имя „Madame mére", которое она официально получила во время Имперіи, удивительно подходило къ ней: оно какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ той скромности, которую постоянно сохраняла мать императора.

Но воспитаніе, которое могла дать Летиція своимъ дѣтямъ въ отношеніи умственныхъ способностей, было весьма недостаточно. Вмѣсто этого, однако, она давала имъ на жизненный путь нѣчто, что они въ достаточной мѣрѣ использовали: сознаніе необходимости держаться всегда вмѣстѣ.

Въ домѣ ея дяди дп-Казанова въ Корте 7 января 1768 г. Летиція родила Жозефа, своего перваго жизнеспособнаго ребенка. Спустя короткое время послѣ родовъ она послѣдовала за мужемъ, который вмѣстѣ съ Паоло сражался за свободу отечества.

Каждый корсиканецъ, способный носить оружіе, присоединялся къ патріотамъ. Мужчины, женщины, дѣти и старики,—всѣ хотѣли принести свою лепту на великое дѣло, и особенно великъ былъ въ то время геропзмъ корсиканскихъ женщинъ. Летиція Бонапартъ ѣхала верхомъ и мужественно шагала подлѣ Карло по горнымъ тропинкамъ. Ея красота, ея взгляды, ея тонкія черты лица не гармонировали съ той невѣроятной отвагой, которую она выказывала. Но гордыя линіи ея строгаго носа, плотно сжатыя губы, вокругъ которыхъ виднѣлись черточки презрѣнія, и сверкавшіе смѣлымъ огнемъ глаза обнаруживали желѣзную силу воли: подъ этимъ бѣлымъ женскимъ лбомъ роились отважныя мысли мужчины.

Однажды имъ пришлось переправляться черезъ Ліамонъ, надувшійся отъ дождя горный потокъ. Благодаря неправильному движенію, лошадь Летиціи потеряла почву подъ ногами и была унесена теченіемъ. Летиціи, находившейся въ опасно-

сти, крикнули, чтобы она бросила лошадь и пустилась бы вплавь, но она храбро продолжала сидѣть въ сѣдлѣ съ маленькимъ Жозефомъ на рукахъ. Наконецъ, ей удалось справиться съ теченіемъ и счастливо добраться до берега. А, между тѣмъ, вѣдь ей предстояли вскорѣ новые роды!

Послѣ битвы при Понтенуово, въ которой Летиція не могла принять дѣятельнаго участія, такъ какъ беременность ея приходила къ концу, она спаслась бѣгствомъ въ Аяччіо. 15 августа 1769 года, когда Летиція возносила въ церкви молитву къ Богоматери о покровительствѣ ребенку, котораго она носила подъ сердцемъ, она почувствовала, что часъ приближается. Испуганная, она побѣжала домой и подарила здѣсь жизнь Наполеону.

Послѣ Люсьена и младшаго сына Іеронима, Наполеонъ былъ матери ближе другихъ: его слабое здоровье въ первые годы нуждалось постоянно въ тщательномъ и нѣжномъ уходѣ. Наполеонъ былъ похожъ на Летицію и внѣшностью, и характеромъ. Свою способность быстро воспринимать и подмѣчать самыя незначительныя мелочи, свою энергію и рѣдкую дѣеспособность, свое умѣнье справляться съ матеріальными вопросами онъ унаслѣдовалъ отъ матери, и лишь ея любовь къ правдѣ не перешла къ нему.

Образованіе Летиція получила, какъ и всѣ корсиканки, чрезвычайно незначительное. Она не знала почти ничего помимо своихъ обязанностей хозяйки и матери и молитвъ Дѣвѣ Маріи, покровительству которой поручала она всѣхъ дѣтей и чье имя носили всѣ ея дочери. Ни объ итальянской, ни о французской литературѣ она не имѣла ни малѣйшаго представленія. Всю свою жизнь, даже при императорскомъ дворѣ своего сына, говорила она на корсиканскомъ діалектѣ. Французскій языкъ доставлялъ ей много трудностей; она никогда правильно на немъ не говорила. Постоянно слышался ея итальянскій акцентъ. Такъ, она говорила всегда „houreuse“, вмѣсто „heureuse“, „ma“, вмѣсто „mais“, „oune“, вмѣсто „une“, „je souis“, вмѣсто „je suis“. Наполеонъ сердился особенно когда она по-корсикански произносила его имя, и, будучи консуломъ, сказалъ какъ-то Люсьену и Жозефу: „Передайте матери, чтобы она не называла меня Наполеоне.

Это по-итальянски. И не Буонопарте, а Бонапартъ. Это еще хуже, чѣмъ Наполеонe. Вообще пусть она лучше зоветъ меня „Первымъ Консуломъ“ или просто „Консуломъ“. Это лучше всего. Этотъ Наполеонe меня раздражаетъ“. Онъ утверждалъ даже, что мать его не говоритъ правильно и по-корсикански; когда впослѣдствіи Летиція была принуждена писать французскія письма, она всегда диктовала ихъ на своемъ родномъ языкѣ.

Ея величайшей добродѣтелью было сознаніе долга, любовь къ порядку и расчетливость, которую нѣкоторые считали даже скупостью. Она всю свою жизнь была женщиной безъ всякихъ претензій. Когда ея сынъ пріобрѣлъ уже себѣ имя и состояніе и игралъ уже въ политической жизни выдающуюся роль, она все-таки одѣвалась проще любой простой гражданки. Однажды она пріѣхала на нѣсколько недѣль къ своей красивой дочери Полинѣ, бывшей замужемъ за генераломъ Леклеркомъ, и привезла съ собой всего одно платье. Элегантная Полина смѣялась надъ экономной матерью, но Летиція отвѣтила ей серьезнымъ тономъ: „Молчи, расточительница, я должна же заботиться о твоихъ братьяхъ и сестрахъ. Они не всѣ еще самостоятельны. Я не хочу, чтобы Наполеонъ имѣлъ основаніе жаловаться. Ты злоупотребляешь его добротой“. Впослѣдствіи же, когда императоръ предоставилъ въ ея распоряженіе значительныя суммы, экономія ея превратилась, дѣйствительно, почти въ скупость. Говорятъ, что Летиція забирала себѣ даже деньги, которыя получала отъ сына для раздачи бѣднымъ. Когда дѣти упрекали ее въ этомъ, она отвѣчала имъ холодно: „Развѣ не должна я копить? Развѣ не будетъ у меня рано или поздно семи или восьми монарховъ на шеѣ“? Она была единственной на всемъ земномъ шарѣ, которая не вѣрила въ продолжительность всего этого богатства и блеска. „Pourvu que cela doure“,—говорила она обычно. Ея расчетливость дошла, наконецъ, до того, что она старалась экономить даже въ мелочахъ своего хозяйства въ императорскомъ дворцѣ. Такъ, напримѣръ, женѣ Люсьена, Христинѣ Бойе, она постоянно совѣтовала ложиться спать пораньше, чтобы не жечь много свѣчей. Мы должны, однако, извинить ей эту расчетливость, безусловно смѣшную въ дни счастья и блеска:

она знала, что значитъ нужда. И однажды заявила графу Жирардену: „J'aioun millione, l'année. Je ne le mange pas à beaucoup prés. Je n'ais pas de dettes... je me trouve toujours avoir cent mille francs au service d'un de mes enfants. Qui sait, peut-être, un jour serontvils bien contents de les avoir. Je n'oublie pas que pendant longtemps je les ais nourri aves des rations".— Она была большимъ скептикомъ и была не такъ уже не права, такъ какъ впослѣдствіи, когда все неожиданно рухнуло, ея дѣтямъ пришлось весьма кстати накопленное ею богатство: великодушно предложила она все свое состояніе своему несчастному сыну на одинокомъ островѣ.

Когда тридцатишестилѣтняя женщина осталась вдовой съ восемью дѣтьми, изъ которыхъ лишь Жозефъ могъ ей быть слабой опорой, ей пришлось вести тяжелую борьбу: Карло очень плохо позаботился о своихъ близкихъ. Но счастью она нашла въ старомъ губернаторѣ Марбефѣ друга-отца, который помогъ ей въ ея тяжелой нуждѣ. Онъ былъ крестнымъ отцомъ ея дѣтей и чувствовалъ себя обязаннымъ заботиться о сиротахъ. Карло оказалъ ему въ свое время тоже много цѣнныхъ услугъ *).

Мать Наполеона обвиняли въ томъ, что она была не только другомъ стараго Марбефа. Но ея прямой, чисто корсиканскій характеръ, чуждый фальши и любовныхъ приключеній, служитъ порукой за ложь этихъ слуховъ. У нея не было того легкомыслія, которымъ отличались впослѣдствіи ея дочери. Красота Летиціи, не пострадавшая, несмотря на многочисленные роды, пробуждала скорѣе нѣмое восхищеніе, нежели какія-либо желанія; она была слишкомъ хозяйкой и матерью, чтобы стать пылкой любовницей. Ея постоянная беременность, заботы о благосостояніи многочисленной семьи и уходъ за дядей Люціано, старымъ подагрикомъ, не оставляли ей времени для какихъ бы то ни было внѣбрачныхъ утѣхъ. Кромѣ

*) Наполеонъ отблагодарилъ впослѣдствіи за доброту Марбефа его сыну, родившемуся у стараго губернатора отъ его молодой жены, на которой онъ женился на семьдесятъ первомъ году своей жизни. Въ 1807 году императоръ произвелъ молодого Марбефа въ свои адъютанты и помогъ ему сдѣлать блестящую карьеру. Точно также относился онъ и къ дочери Марбефа, графинѣ Д'Амбрюжакъ.

того, Марбефъ находился, повидимому, въ интимныхъ отношеніяхъ съ синьорой Варезе изъ Бастіи, которая не потерпѣла бы никакихъ соперницъ. Послѣ смерти мужа Летиція отнеслась къ своему положенію очень серьезно: она считала себя главой семьи, на которую не должно пасть ни одной капли позора. Обязанности и заботы еще тяжелѣе обременяли ее. Развѣ могла она думать о чемъ-нибудь, кромѣ семьи? Правда, у нея былъ добрый совѣтникъ въ лицѣ стараго архидіакона, но денегъ и доходовъ было очень мало. Ей могъ бы помочь дядя: онъ былъ состоятельнымъ, у него были большія стада овецъ, да и много блестящихъ червонцевъ хранилъ онъ у себя подъ подушкой. Только съ большимъ трудомъ и хитростью удавалось по временамъ молодымъ Бонапартамъ выманить у него нѣсколько франковъ. Тѣмъ не менѣе его всѣ любили и уважали, и онъ оказывалъ благодѣтельное вліяніе не только на родныхъ, но и на все Аяччіо. Онъ былъ общимъ совѣтникомъ: всѣ приходили къ нему, чтобы посовѣтываться относительно тяжбъ, земельныхъ владѣній и скота,—и каждому давалъ онъ дѣльный и умный отвѣтъ. Благочестивый, образованный, простой и отзывчивый, старикъ былъ вѣрнымъ совѣтникомъ племянницы—только денегъ не должна была она отъ него требовать.

Летиція стала въ это время еще болѣе расчетливой. Она вела въ Аяччіо чрезвычайно замкнутый образъ жизни. Семнадцатилѣтній Жозефъ, похоронивъ отца, на „чужбинѣ“, какъ выражался Наполеонъ, вернулся къ матери на Корсику. Наполеонъ же остался въ военной школѣ въ Парижѣ, въ которую поступилъ 19 октября 1784 года. Экономить было, дѣйствительно, нужно. Одна прислуга, получавшая три франка въ мѣсяцъ, помогала будущей матери императора, и послѣдняя не брезгала самой грязной работой.

Но политическія событія подвигались исполинскимъ шагомъ. Французская революція не прошла безслѣдно и для Корсики; снова возгорѣлась война, закончившаяся пораженіемъ Паоли въ 1796 году. Но чѣмъ больше сближался Паоли съ англичанами, тѣмъ больше отдалялась отъ него семья Бонапартовъ. Летиція, ея братъ Фешъ и сыновья ея, Жозефъ и Люсьенъ, съ воодушевленіемъ привѣтствовали французскую революцію. Летиція,—правда, вначалѣ съ тяжелымъ сердцемъ,—

сдѣлалась француженкою, но такъ ею и осталась. Какихъ воззрѣній она тогда придерживалась, мы видимъ ясно изъ словъ, обращенныхъ ею къ Наполеону, когда тотъ жаловался, что не можетъ быть на Корсикѣ, чтобы спасти дорогое отечество отъ новаго нашествія англичанъ. „Наполіоне,—сказала она,—Корсика—только маленькая скала, маленькая, ничтожная частица земли! Франція же велика, богата и обильна,—она объята пламенемъ! Спасти Францію, сынъ мой, задача благородная, она заслуживаетъ того, чтобы поставить на карту всю свою жизнь".

Тѣмъ временемъ смерть дяди Люціано избавила его отъ двадцатилѣтнихъ страданій и улучшила немного матеріальное положеніе Бонапартовъ, которые хотя и имѣли нѣсколько земельныхъ участковъ, но они почти не приносили никакого дохода. Ночью съ 15 на 16 октября 1791 года старикъ призвалъ къ себѣ родныхъ и сказалъ рыдавшей Летиціи: „Не плачь, Летиція! Я умираю довольный, потому что оставляю тебя, окруженную сыновьями. Жозефъ стоитъ уже во главѣ страны *), онъ сможетъ вести дѣла и семью. А ты, Наполеонъ, станешь великимъ человѣкомъ!" Какъ и въ какой мѣрѣ исполнилось затѣмъ это пророчество, добрый дядюшка, навѣрное, не могъ предвидѣть.

Но положеніе Бонапартовъ на Корсикѣ становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ; на островѣ разразилось возстаніе. Наполеонъ попытался во главѣ республиканскихъ войскъ выступить противъ національнаго героя, которому нѣкогда поклонялся,—но тщетно. Нѣкоторое время патріоты одерживали одну побѣду за другой. Обращеніе Люсьена къ конвенту дало паолистамъ поводъ съ большей ненавистью относиться къ Бонапартамъ. Наполеонъ понялъ опасность, грозившую ему и семьѣ. Чтобы спастись отъ Паоли, который поклялся захватить живой или мертвой ненавистную семью, Летиція принуждена была бѣжать вмѣстѣ съ дѣтьми. „Однажды ночью,—разсказываетъ Люсьенъ,—мать проснулась отъ шума голосовъ. Поднявшись на постели, она увидѣла, что вся комната была полна вооруженными людьми. Ей показалось, что это люди

*) Онъ былъ назначенъ Паоли членомъ управленія департамента.

Паоли. Но отблескъ горящей лучины упалъ на лицо предводителя и она увидѣла Косту изъ Бастелики, одного изъ преданнѣйшихъ нашихъ друзей. „Скорѣй, синьора Летиція,—закричалъ онъ,—они преслѣдуютъ насъ по пятамъ! Нельзя терять ни минуты! Я тутъ со всѣми своими людьми, имъ не удастся похвастаться, что они захватили васъ въ плѣнъ. Остальное я вамъ разскажу по дорогѣ. Мы спасемъ васъ или умремъ вмѣстѣ съ вами! Скорѣй! Скорѣй!“

Мать и дѣти быстро поднялись и еле успѣли одѣться. Взять что-либо съ собой не было времени. Ключи дома они передали семейству Браччини, которое ночью убрало всѣ компрометирующія бумаги. И, молча, во главѣ вооруженнаго отряда, Бонапарты, за исключеніемъ двухъ младшихъ, Каролины и Іеронима, оставленныхъ у родныхъ, покинули спящій городъ. Они отправились сначала въ Миллели, въ свою усадьбу, недалеко отъ Аяччіо. Но и тамъ они были не въ безопасности. Пришлось уйти въ горы. Часто слышали бѣглецы, какъ внизу, въ долинѣ, ищутъ ихъ вражескія отряды, но Провидѣніе воспрепятствовало встрѣчѣ, которая могла стать роковой для семьи.

Возвышенный, сильный характеръ Летиціи преодолѣвалъ всѣ трудности, всѣ заботы и вселялъ мужество въ отчаявшихся дѣтей. Тонкіе ботинки Элизы не годились для непроходимыхъ тропинокъ въ скалистыхъ горахъ; ея ножки были покрыты сплошь ранами, и она плакала отъ жестокой боли. Мать все время утѣшала и ободряла ее. Издали видѣла Летиція свой домъ, который разграбили и отчасти разрушили люди Паоли; но она не моргнула и глазомъ, хотя сердце ея должно было обливаться кровью, — она осталась теперь безъ всякихъ средствъ. Только горькія черточки легли вокругъ ея плотно сжатыхъ узкихъ губъ, глаза широко раскрылись,—то былъ признакъ, что она переживаетъ сильное волненіе.

Послѣ двухъ ночей непрерывнаго бѣгства, они замѣтили, наконецъ, въ просвѣтѣ между деревьевъ паруса французской эскадры, которая должна была отвезти бѣглецовъ покамѣстъ въ Кальви. Ихъ встрѣтилъ Наполеонъ, блуждавшій по берегу и искавшій свою семью.

Преодолѣвъ многочисленныя опасности, Бонапарты въ іюлѣ

1793 года пріѣхали въ Тулонъ. Но пребываніе тамъ было не совсѣмъ безопасно для корсиканскихъ бѣглецовъ. Республиканцы и революціонеры боролись изъ-за города, и каждую минуту можно было ждать осады. Помимо этого, жизнь въ Тулонѣ была слишкомъ дорога для опустѣвшаго кошелька Летиціи. Поэтому она переѣхала съ дѣтьми въ деревню Ла-Валеттъ, немного времени спустя, въ Бандоль и, наконецъ, въ Ниццу, гдѣ стоялъ полкъ Наполеона. Впослѣдствіи она поселилась въ Марселѣ.

Летиція думала, что во Франціи ее примутъ, какъ эмигрировавшую патріотку и окажутъ ей необходимую поддержку. Но—ошиблась. Никто не заботился о многочисленной бѣдной корсиканской семьѣ. Лишившись всего, что у нея было, Летиція вмѣстѣ съ дѣтьми очутилась въ величайшей нуждѣ: все ея достояніе на Корсикѣ было отчасти разграблено, отчасти разрушено и конфисковано. Теперь пришлась очень кстати ея расчетливость, въ которой такъ часто ее упрекали.

Сначала Бонапарты поселились въ Марселѣ, въ маленькой мансардѣ, на улицѣ Павильонъ, потомъ же переѣхали въ подвалъ въ домъ, отчасти разрушенный терроромъ, въ которомъ нашли пріютъ нѣсколько корсиканскихъ семействъ эмигрантовъ. Мать Наполеона сносила всѣ лишенія съ такимъ разумнымъ спокоствіемъ и съ такимъ достоинствомъ, что всѣ кругомъ приходили въ изумленіе. Императоръ говорилъ про нее впослѣдствіи: „У нея голова мужчины на тѣлѣ женщины!“

Въ Марсели Летиція жила болѣе чѣмъ скромно. Въ концѣ-концовъ, она подавила свою корсиканскую гордость и обратилась въ благотворительное общество, прося вспомоществованія себѣ и дѣтямъ; скуднаго офицерскаго жалованья, которымъ Наполеонъ долженъ былъ покрывать всѣ потребности, семьѣ далеко не хватало. Теперь же Летиція имѣла, по крайней мѣрѣ, обезпеченный кусокъ хлѣба. Въ общемъ, у Бонапартовъ было ровно столько, чтобы не умереть съ голода. Летиція не слишкомъ страдала отъ этихъ плачевныхъ обстоятельствъ, — гораздо больше ея три красивыя дочери, изъ которыхъ Маріаннѣ (Элизѣ) было восемнадцать лѣтъ, Маріи-Аннунціатѣ (Полинѣ)—пятнадцать, и Маріи-Шарлоттѣ (Каролинѣ)—тринадцать. Мать заставляла ихъ усердно работать: будущія королевы и

княгини должны были мыть посуду и вытирать пыль. Въ скромныхъ платьяхъ и дешевыхъ шляпахъ за четыре су ежедневно дѣлали онѣ скромныя покупки по хозяйству. Дома же мать и дочери шили и штопали: онѣ были въ то время для себя и портнихами, и модистками.

Благодаря чрезвычайной расчетливости Летиціи и ея безпрестаннымъ домогательствамъ поддержки, положеніе нѣсколько улучшилось. Онѣ могли вскорѣ взять приличную квартиру и переѣхали на улицу Римскаго предмѣстья, чтобы оказать одолженіе Наполеону, который началъ уже имѣть нѣкоторое вліяніе на окружающихъ. Комиссары благотворительнаго общества выдали Бонапартамъ единовременное пособіе, давшее Летиціи возможность купить для себя и дочерей немного одежды и бѣлья, въ которомъ онѣ такъ нуждались.

Знакомства у Бонапартовъ въ Марселѣ вначалѣ почти не было. Онѣ были слишкомъ бѣдны, чтобы поддерживать какія-либо связи. Впослѣдствіи, когда ихъ положеніе нѣсколько улучшилось, они сблизились съ богатой купеческой семьей Клари, старшая дочь которыхъ въ 1794 году стала женой Жозефа. Нѣсколько корсиканскихъ семействъ, среди нихъ семья генерала Червони, финансоваго совѣтника Виллеманзи, впослѣдствіи горячаго поклонника наполеоновскаго генія, а въ то время, вѣроятно, красоты Летиціи, два комиссара, Фреронъ и Барра,—вотъ и весь кругъ знакомства Бонапартовъ. Благодаря вліянію послѣднихъ семей, они получили давно желанную пенсію, которую выдавало правительство всѣмъ пострадавшимъ корсиканскимъ патріотамъ. Она равнялась семидесяти франковъ въ мѣсяцъ для женщинъ и стариковъ и сорока пяти франковъ—для каждаго ребенка моложе пятнадцати лѣтъ. Посѣщенія Фрерона объяснялись, вѣроятно, изящной прелестью Полетты, у которой элегантный молодой человѣкъ пользовался взаимностью.

Когда, въ концѣ сентября 1793 года, Наполеонъ былъ назначенъ командиромъ батальона осадной артиллеріи подъ Тулономъ, Летиція, желая быть поближе къ сыну, пожинавшему свои первые лавры, поселилась въ окрестностяхъ осажденнаго города. Здѣсь онъ могъ лучше и легче помогать ей. И, дѣйствительно, скоро слава сына и брата освѣтила собою всю

семью: взятіе Тулона положило конецъ бѣдственному положенію Бонапартовъ.

Когда Наполеонъ сдѣлался бригаднымъ генераломъ, всталъ во главѣ артиллеріи итальянской арміи и получилъ званіе инспектора береговыхъ батарей, служебныя обязанности заставили его уѣхать въ Антибъ. Весною онъ вызвалъ туда свою мать и сестеръ и помѣстилъ ихъ въ замкѣ Салле. Здѣсь Летиція продолжала вести прежній скромный образъ жизни, хотя послѣдняя, по сравненію съ марсельскою, могла быть съ успѣхомъ названа блестящей. Она никогда потомъ не забывала пребыванія въ старинномъ, залитомъ солнцемъ живописномъ замкѣ. Будучи матерью императора, она говорила, что провела тамъ счастливѣйшее время своей жизни. Жители Антиба вспоминали долго потомъ, какъ мадамъ Бонапартъ сама полоскала бѣлье въ протекавшей около замка рѣчкѣ.

Это не мѣшало, однако, Летиціи открыть у себя „салонъ“. На этомъ настаивали ея жизнерадостныя дочери. Въ домъ матери Наполеонъ приводилъ своихъ товарищей, молодыхъ симпатичныхъ офицеровъ, и самъ всегда присутствовалъ на вечеринкахъ. Они ставили спектакли, декламировали, танцовали, и въ замкѣ Салле съ утра до вечера царило веселье: объ этомъ заботилась веселая рѣзвушка Полетта.

Слѣдующимъ лѣтомъ Летиція вмѣстѣ съ сыномъ переѣхала въ Ниццу и лишь послѣ пятимѣсячнаго отсутствія снова вернулась въ Марсель. Тѣмъ временемъ Жозефъ женился на богатой Жюли Клари. Мать надѣялась, что второй ея сынъ женится на младшей Дезирэ, но, злые языки утверждали, что для Клари вполнѣ достаточно одного Бонапарта.

Женитьба Люсьена на Кристинѣ Бойе, дочери содержателя гостиницы, пришлась не по вкусу семьѣ, но простая Летиція скоро примирилась съ невѣсткой, потому что послѣдняя была скромна, нетребовательна, беззавѣтно любила своего мужа и подарила ему дѣтей. Это нравилось корсиканкѣ.

Гораздо больше разочарованія доставила ей женитьба ея сына Наполеона на бывшей виконтессѣ де-Богарнэ, вдовѣ генерала, кончившаго свою жизнь на эшафотѣ. Летиція настолько разсердилась на этотъ поступокъ своего сына, что продлила свое пребываніе въ Марселѣ, хотя Наполеонъ и настаивалъ, чтобы

она поскорѣе переѣхала въ Парижъ. Еще больше горя доставило ей то, что этотъ бракъ не былъ освященъ церковью. Благочестивая вѣра Летиціи страдала отъ этого. Суевѣрная, какъ всѣ Бонапарты, она видѣла въ этомъ дурное предзнаменованіе для будущаго Наполеона. Короче говоря, новая невѣстка, элегантная свѣтская дама, виконтесса, вращавшаяся въ легкомысленномъ парижскомъ обществѣ, о которой разсказывали цѣлый рядъ пикантныхъ исторій и которая была слишкомъ стара для ея сына, совсѣмъ не пришлась по вкусу простому корсиканскому сердцу. Летиція не вѣрила въ то, что Жозефина можетъ дать счастье своему мужу. Больше всего, однако, ея материнская гордость была оскорблена тѣмъ, что Наполеонъ, вопреки всѣмъ корсиканскимъ традиціямъ, не испросилъ разрѣшенія на бракъ у матери, какъ у главы семьи. Тѣмъ не менѣе, она въ любезномъ тонѣ отвѣтила на письмо генеральши Бонапартъ. Она написала ей, между прочимъ: „Будьте увѣрены, что я питаю къ вамъ нѣжныя чувства матери и люблю васъ точно такъ же, какъ своихъ собственныхъ дѣтей“.

Горе Летиціи по поводу этого брака было вскорѣ разсѣяно назначеніемъ Наполеона главнокомандующимъ итальянской арміи. И когда Наполеонъ по пути въ Италію заѣхалъ въ Марсель, чтобы проститься со своими, она обняла его со словами: „Ну, теперь ты большой генералъ!“ Въ этомъ была вся гордость, все счастье матери. Благословеніе ея сопровождало его на поле сраженія. Когда онъ, уѣзжая отъ нея, направился навстрѣчу славѣ и блеску, она крикнула ему вслѣдъ: „Будь остороженъ! Не являй больше храбрости, чѣмъ нужно для твоей славы! Господи! Съ какимъ нетерпѣніемъ буду я ждать каждаго сраженія; да хранитъ тебя Господь Богъ и Святая Дѣва Марія!“

Когда Летиція впослѣдствіи, вмѣстѣ со своими дѣтьми увидѣла въ Италіи побѣдителя Монтенотто, Миллезино, Кастильонэ и Арколэ, блѣднаго, худощаваго генерала, не знавшаго ни покоя, ни отдыха, она горячо прижала его къ своей груди и сказала: „О, Наполіоне, я счастливѣйшая мать на землѣ!“ Но у нея вырвались и заботливыя слова: „Ты губишь себя?“ — „Наоборотъ,—возразилъ весело Наполеонъ,—мнѣ кажется, что только такъ я и живу!“—„Скажи лучше,—замѣтила Летиція,—

что ты будешь жить въ памяти потомковъ, но не теперь!..“ — „А развѣ, синьора,—отвѣтилъ сынъ (она очень любила, когда ее называли синьорой),—а развѣ, синьора, это значитъ, умереть?“

Еще разъ мадамъ Бонапартъ вернулась въ Марсель. Оттуда вмѣстѣ со своей дочерью Элизой, ставшей тѣмъ временемъ Фелиціей Бачіоччи, она вернулась на родной островъ, освобожденный, наконецъ, отъ англійскаго гнета. Съ какой радостью привѣтствовала она старыя любимыя скалы! Бѣдная и безпомощная, она спасалась когда-то отъ своихъ преслѣдователей,—и возвращалась теперь матерью прославленнаго итальянскаго побѣдителя. Свой домъ она нашла разрушеннымъ и опустошеннымъ. Она тотчасъ же принялась за работу: стала свивать для себя и своихъ теплое гнѣздышко. Но чрезмѣрныя усилія заставили ее слечь въ постель и продлить свое пребываніе на Корсикѣ. Поэтому она только изъ разговоровъ и изъ газетъ узнала о тріумфѣ, которымъ былъ встрѣченъ ея „большой генералъ“ при его возвращеніи въ Парижъ.

Во время пребыванія Наполеона въ Египтѣ англійскія извѣстія старались часто нарушить спокойствіе матери побѣдителя, распространяя слухи объ его смерти. Но твердую вѣру Летиціи въ его геній нельзя было такъ легко поколебать. Однажды, когда у нея въ Аяччіо собралось много народа, она сказала съ твердой увѣренностью: „Мой сынъ не погибнетъ въ Египтѣ такой жалкой смертью, какъ бы хотѣлось его заклятымъ врагамъ. Я чувствую, что ему суждено нѣчто большее“. Она тоже вѣрила въ звѣзду Наполеона.

Когда генералъ Бонапартъ изъ Египта направился во Францію, мать его тоже покинула родной островъ. За нѣсколько дней до его въѣзда въ Парижъ, она пріѣхала туда, не зная, что такъ скоро увидитъ его.

Разразились событія 18 брюммера. Летиція, жившая у Жозефа, содрогалась за судьбу своихъ дѣтей, точно мать Гракховъ. Внѣшне, однако, она волненія своего не выказывала. Только мертвенная блѣдность покрывала ея лицо, и каждый шорохъ заставлялъ ее вздрагивать. Будущая герцогиня Абрантская, находившаяся 18 брюммера вмѣстѣ съ матерью и сестрой Полиной въ театрѣ Фейдо, разсказываетъ

слѣдующее о состояніи Летиціи въ эти дни: „Мать была, повидимому, чрезвычайно взволнована и озабочена. Она, правда, не говорила ничего, но то и дѣло выглядывала изъ дверей ложи. Мы замѣтили, что она кого-то поджидаетъ. Поднялся занавѣсъ, и спектакль начался. Но вдругъ къ рампѣ подошелъ режиссеръ, поклонился и громко заявилъ: „Граждане, генералъ Бонапартъ только-что подвергся въ Сенъ-Сирѣ покушенію со стороны измѣнника отечеству!“

При этихъ словахъ Полина испустила пронзительный вопль. Мать, потрясенная не менѣе ея, старалась ее успокоить. Сама она была блѣдна, какъ мраморная статуя. Но какъ ни потрясло ее это извѣстіе, на ея все еще прекрасномъ лицѣ нельзя было замѣтить ничего, кромѣ легкой страдальческой складки около губъ.

Она наклонилась надъ дочерью, взяла ея руку, крѣпко сжала ее и сказала повелительнымъ тономъ: „Полетта, къ чему эти крики? Молчи! Развѣ не слышала ты, что съ твоимъ братомъ ничего не случилось, успокойся и встань. Пойдемъ, узнаемъ подробности“.

Впервые Летиція рѣшила пойти къ своей невѣсткѣ Жозефинѣ, у которой могла узнать наиболѣе точныя свѣдѣнія о положеніи сына. До сихъ поръ она избѣгала ее, потому что думала, будто Жозефинѣ нѣтъ никакого дѣла до ея заботъ о любимомъ Наполеонѣ. Она не могла простить ей ея невѣрности сыну во время пребыванія его въ Италіи и въ Египтѣ. Летицію смущало и то, что она не подарила ей ни одного внука: мать столькихъ дѣтей относилась презрительно къ безплодной невѣсткѣ.

ГЛАВА III.

ДѢТСТВО НАПОЛЕОНА.

„Генералъ, я родился, когда отечество пало! Тридцать тысячъ брошенныхъ на нашъ берегъ французовъ, наводнившихъ кровью тронъ свободы,—вотъ та страшная картина, которая впервые предстала моему взгляду!“ Такъ писалъ двадцатилѣтній Наполеонъ Пасквале Паоли, когда предполагалъ посвятить ему свою „Исторію Корсики“.

Его корсиканская родина должна была, въ силу договора 15 мая 1768 года, подчиниться владычеству Франціи, но еще цѣлый годъ она съ оружіемъ въ рукахъ защищалась отъ вторженія непріятеля. И лишь послѣ сраженія при Понтенуово, 8 мая 1769 года, корсиканцы подчинились своей участи. Карло Бонапартъ не бѣжалъ послѣ этого пораженія, какъ часто думаютъ, вмѣстѣ съ Пасквале Паоло въ Монте-Ротондо, а отправился съ Климентомъ Паоли въ Ніоло, рѣшившись продолжать борьбу. Имъ не удалось, однако, побудить народъ къ дальнѣйшему сопротивленію, и Карло пришлось отправиться въ Вико вмѣстѣ съ женой, которая, несмотря на близкіе роды ѣхала вмѣстѣ съ нимъ по горнымъ тропинкамъ скалистаго острова. Дядя Летиціи, Піетро-Санто, раздобылъ имъ пропускное свидѣтельство, и 7 іюля 1769 года они благополучно прибыли, наконецъ, въ Аяччіо. И хорошо: молодой женщинѣ было давнымъ-давно пора отдохнуть. Трудности тяжелаго похода, несмотря на ея крѣпкій организмъ, не прошли для нея безслѣдно; вскорѣ наступила и реакція. Тѣмъ не менѣе, 15 августа 1769 года, въ день Вознесенія Богородицы, она рѣшила пойти на мессу въ соборъ Notre Dame, находившійся вблизи ея дома. Она рѣшила испро-

сить благословенія Богородицы для ребенка, котораго носила подъ сердцемъ.

Былъ дивный лѣтній день. Солнце изливало свои золотые лучи на дома, празднично убранные цвѣтами и гирляндами; празднично одѣтые люди стремились въ широко раскрытыя двери церкви и наполняли улицу и площадь своимъ радостнымъ настроеніемъ, къ которому примѣшивался торжественный перезвонъ колоколовъ.

Началась месса. Толпа благоговѣйно внимала священнику, который началъ „Gloria in excelsis Deo“. Только у Летиціи было на душѣ неспокойно. Она почувствовала первые признаки родовъ. Быстро вышла она изъ церкви и въ неописуемомъ страхѣ побѣжала домой. Но не успѣла дойти до своей спальни, какъ въ первой же комнатѣ, на диванѣ, подарила жизнь ребенку. Относительно легенды о коврахъ съ картинами изъ Иліады она сама потомъ часто говорила: „На Корсикѣ у насъ зимой не было ковровъ, а тѣмъ болѣе лѣтомъ“. Домъ, въ которомъ родился Наполеонъ Бонопартъ, на Via Malerba,—теперь Rue Napoleon—больше не существуетъ. Домъ же, который показывается теперь въ Аяччіо туристамъ, въ которомъ будто бы увидѣлъ свѣтъ императоръ французовъ, возстановленъ лишь въ 1796 году изъ развалинъ, въ которыя превратила его въ 1793 году ярость паолистовъ. Какъ снаружи, такъ и внутри онъ совершенно измѣнился, и въ немъ не осталось ничего, что могло бы напомнить о дѣтскихъ годахъ Наполеона.

Ребенокъ, которому подарила жизнь Летиція, оказался мальчикомъ съ чрезвычайно большой головой. Пронзительнымъ крикомъ привѣтствовалъ онъ свое появленіе на свѣтъ и кричалъ до тѣхъ поръ, пока его не уложили въ колыбельку. При рожденіи его не присутствовало ни акушерки, ни доктора. Невѣстка Летиціи, Гертруда Паравичини, и бабка Саверія Бонапартъ, считавшая своимъ долгомъ ежедневно молиться за каждое новорожденное дитя своей невѣстки и, наконецъ, благодаря плодовитости Летиціи, принужденная ежедневно выслушивать восемь мессъ, и затѣмъ старая служанка Катарина оказали матери и ребенку нужную помощь.

Въ виду слабости ребенка, его окрестили тотчасъ же. Назвали его Наполеоне или, по-корсикански, Набуліоне,—

именемъ, которое хотя на Корсикѣ и не встрѣчается часто, но все же довольно распространено тамъ и пишется и произносится самымъ различнымъ образомъ. Такъ, кромѣ обѣихъ формъ,—Наполеонъ и Набуліоне,—есть еще: Напулеонъ, Наполеонусъ, Напулеонусъ, Непулеонусъ, Неаполеонъ, Неаполеонусъ, Неаполео, Неапулео и Неаполоніусъ. Карло Бонапартъ назвалъ своихъ трехъ сыновей точно также, какъ его дѣдъ, со стороны отца, назвавшій своего старшаго сына Джузеппе, второго Наполеонъ и третьяго Люціано.

Настоящія крестины маленькаго Наполеона состоялись только 21 іюля 1771 года, одновременно съ родившейся 14 іюля сестрой Маріанной, которая умерла, однако, въ 1776 году. Архидіаконъ Люціано крестилъ сына и дочь своего племянника; воспріемниками обоихъ дѣтей были тетка Гертруда Паравичини, сестра Карло, и Лоренцо Джіубега, королевскій прокураторъ въ Кальви. Гертруда Паравичини была такой же мужественной и интеллигентной корсиканкой, какъ и Летиція. Подобно ей, она подлѣ своего мужа, Николо Паравичини, принимала участіе въ войнѣ за независимость и не страшились ни опасностей, ни лишеній. Маленькіе Бонапарты любили ее и постоянно вспоминали о ней въ своихъ письмахъ, когда учились во Франціи. Лоренцо Джіубега былъ близкимъ другомъ Карло. Оба они сражались съ Паоли за свободу и впослѣдствіи всю свою жизнь имѣли одинаковые взгляды.

Раннее дѣтство Наполеона не отличается ни въ чемъ отъ прочихъ дѣтей. До двухъ лѣтъ онъ былъ, по словамъ Летиціи, спокойнымъ, тихимъ ребенкомъ, за которымъ ухаживали мать, бабка и кормилица Камилла Иларп. Впослѣдствіи, однако, проявился его необузданный темпераментъ. Онъ былъ самымъ непослушнымъ изъ всѣхъ дѣтей Летиціи. Упрямый и настойчивый, онъ всегда дѣлалъ, что ему хотѣлось. Въ этомъ его поддерживала Камилла, которая безконечно любила его. Нерѣдко въ семьѣ Бонапартовъ происходили изъ-за него ссоры, особенно между Саверіей, бабкой съ отцовской стороны, и кормилицей. „Служите уже лучше свои мессы, только оставьте въ покоѣ моего Наполеона“,—говорила обычно съ досадой Камилла и кончала тѣмъ споры.

По счастью, мадамъ Бонапартъ была энергичной женой и матерью, сумѣвшей вселить въ сына своего уваженіе. А это было безусловно необходимо, такъ какъ отецъ былъ чрезчуръ слабъ и снисходителенъ къ дѣтямъ. Какимъ упрямымъ ни былъ въ дѣтствѣ Наполеонъ, авторитетъ матери онъ признавалъ всегда. Впослѣдствіи онъ былъ ей благодаренъ за эту строгость: „Матери и ея строгимъ правиламъ я обязанъ всѣмъ своимъ счастьемъ и всѣмъ тѣмъ, что я сдѣлалъ хорошаго. Я утверждаю даже, что все будущее ребенка зависитъ отъ матери“.

Насколько оживленно было въ дѣтской маленькихъ Бонапартовъ явствуетъ изъ того, что мать, желая предоставить имъ больше свободы движенія, должна была отдать имъ въ концѣ-концовъ большую комнату. Здѣсь Наполеонъ въ кругу своихъ братьевъ и сестеръ провелъ первые свои дѣтскіе годы. Жозефъ и Люсьенъ рисовали на стѣнахъ человѣчковъ, шумѣли и прыгали, Наполеонъ же выказывалъ особую любовь къ солдатамъ и обнаруживалъ ее даже въ своихъ попыткахъ рисованія. Опоясавшись деревянной саблей, съ бумажнымъ шлемомъ на головѣ, онъ подымалъ адскій барабанный бой, а когда сестры не тотчасъ же уступали ему, онъ не скупился на пинки и толчки. Въ домѣ его не называли иначе, какъ „Ribulione“. Особенно приходилось терпѣть отъ него мягкому по характеру Жозефу. „Я былъ упрямымъ мальчикомъ“, говорилъ впослѣдствіи о себѣ императоръ. „Мнѣ ничто не импонировало, ничто не вселяло уваженія. Я былъ сварливъ и драчливъ,—не боялся никого. Одного я билъ, другого царапалъ, и всѣ боялись меня. Особенно же страдалъ отъ меня мой братъ Жозефъ. Я колотилъ и кусалъ его. И его же потомъ за это ругали, потому что пока онъ оправлялся отъ страха, я шелъ уже пожаловаться на него матери. Моя хитрость была очень кстати: мать не терпѣла драки!“

Все запретное прельщало Наполеона, хотя онъ великолѣпно зналъ, что его ждетъ за это наказаніе. Но Летиція понимала необузданный темпераментъ своего Наполеона. Она была въ отчаяніи и видѣла опасность въ его характерѣ, столь отличавшемся отъ всей семьи. Въ надеждѣ нѣсколько смягчить этотъ характеръ, она помѣстила его пяти лѣтъ въ школу

для дѣвочекъ. Наполеонъ часто вспоминалъ потомъ объ этомъ счастливомъ времени среди маленькихъ дѣвочекъ, которыя послушно и робко исполняли все то, чего требовалъ отъ нихъ дикій, необузданный мальчикъ. Онъ былъ тамъ въ родной стихіи, но остался такимъ же дикимъ, драчливымъ и упрямымъ. Его живость и то, что онъ былъ единственнымъ мальчикомъ въ школѣ, сдѣлали его любимцемъ благочестивыхъ сестеръ. Онѣ баловали его сладостями и ласками: маленькій Наполеонъ скоро понялъ это и сумѣлъ использовать свое положеніе.

Когда онъ немного подросъ, его вмѣстѣ съ Жозефомъ отдали въ іезуитскую школу, а потомъ въ другой институтъ въ Аяччіо. Тамъ учителемъ его былъ аббатъ Реко; Наполеонъ завѣщалъ ему на Святой Еленѣ двадцать тысячъ франковъ за то, что онъ „научилъ его читать“.

Любовь мальчика къ цифрамъ снискала ему прозвище „маленькаго математика“. Онъ могъ цѣлыми часами рѣшать математическія задачи. Восьми лѣтъ его любовь къ ариѳметикѣ дошла до того, что мать велѣла спеціально для него выстроить на террасѣ своего дома маленькую будку, въ которой онъ могъ рѣшать свои задачи. Тамъ Наполеонъ просиживалъ цѣлые часы и лишь подъ вечеръ выходилъ оттуда, разсѣянный, небрежно одѣтый, съ растрепанными волосами и спустившимися чулками. Потомъ отправлялся гулять солидно, точно взрослый, подъ руку со своей маленькой подругой изъ женской школы. Сверстники смѣялись надъ нимъ и кричали:

„Napoleone di mezza calzetta
Fa l'amore a Giocominetta!“ *).

Наполеонъ сердился на такія насмѣшки и яростно бросался на нихъ съ палкой или камнемъ. Какъ ни многочисленны были его враги, онъ никогда не боялся напасть на нихъ или защищаться. Его властная натура не знала опасностей.

Такими и еще многими другими приключеніями полна дѣтская жизнь Наполеона. Очень часто они придуманы съ

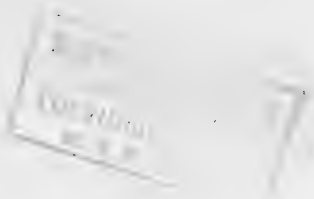
*) Наполеонъ со спустившимися чулками ухаживаетъ за Джіакоминеттой.

той цѣлью, чтобы объяснить педѣтское развитіе его выдающагося характера. Не менѣе достовѣрны черты его дѣтской жизни, о которыхъ повѣствуетъ мать, а также очень часто и показанія его братьевъ, поскольку они не обусловлены завистью, воображеніемъ или антипатіей.

Отецъ Карло Бонапартъ оставилъ тоже „Livre de raison", въ которую заносилъ всѣ событія, происходившія въ его семьѣ. „Я, Карло ди-Буонапарте,—пишетъ онъ,—рѣшилъ съ 1780 года написать мемуары своей семьи, такъ какъ опытъ показалъ мнѣ, какую большую пользу могутъ принести многія необходимыя свѣдѣнія для сохраненія блеска и славы рода. Только что у меня родился новый наслѣдникъ, и я предлагаю тому изъ моихъ дѣтей, кто больше всего къ этому способенъ, сгладить мою эту повѣсть и продолжать ее. Такимъ образомъ, мы отомстимъ за пережитыя страданія и бѣдствія прошлыхъ лѣтъ!" Читая эти слова, приходишь почти въ изумленіе отъ ясновидѣнія отца Наполеона.

Что Наполеонъ дѣйствительно обладалъ невѣроятной склонностью ко всѣмъ военнымъ дѣламъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Что же, однако, означаетъ такая склонность въ дѣтствѣ? Вѣдь почти всѣ мальчики охотно играютъ въ солдаты. Смѣшнѣе всего говорить, однако, о томъ военномъ достоинствѣ, которое будто бы уже въ дѣтствѣ проявилось у него. Такъ, разсказываютъ, что однажды онъ бросился со своей деревянной саблей на огромнаго гренадера, который разсмѣялся надъ маленькимъ карапузомъ. Когда Наполеону замѣтили, что офицеръ, которымъ онъ такъ хочетъ быть, не дерется съ простымъ солдатомъ, онъ будто бы отвѣтилъ, что къ чему же у него въ такомъ случаѣ сабля, если онъ не имѣетъ права ею защищаться? Въ другой разъ солдаты наклеили ему усы. Онъ побѣжалъ къ матери и попросилъ у нея 5 франковъ, чтобы вознаградить своихъ пріятелей. Летиція будто бы не отказала ему въ просьбѣ. Всѣ эти разсказы изъ дѣтства великаго человѣка были распространены въ народѣ. Но большинство ихъ лишено и тѣни правды. Во-первыхъ, Бонапарты были не настолько богаты, чтобы они изъ-за дѣтскаго каприза выбрасывали пять франковъ, а во-вторыхъ, расчетливая Летиція не была совершенно способна на такую расточительность.

Карло Марія Бонапартъ.
(По картинѣ бар. Жерара въ музеѣ въ Аяччіо).



Первый же анекдотъ вообще не соотвѣтствуетъ дѣтскимъ наклонностямъ. Точно также легендарно и то, что маленькій Наполеонъ имѣлъ два офицерскихъ мундира и маленькую желѣзную пушку съ лафетомъ. Такихъ дорогихъ игрушекъ Летиція своимъ дѣтямъ не дарила. Неправдоподобна и его дружба съ солдатами въ Аяччіо. Просто-на-просто, онъ, вѣроятно, какъ и всѣ его сверстники, смотрѣлъ на упражненія солдатъ, восторгался ихъ формой и въ концѣ-концовъ не думалъ ни о чемъ другомъ, какъ о томъ, чтобы стать храбрымъ солдатомъ. Нѣсколько понятнѣе и естественнѣе представляется перешедшая къ нему отъ матери черта его дѣтскаго солдатскаго сердца. Когда Наполеонъ поступилъ въ іезуитскую школу, Летиція каждое утро давала ему съ собою кусокъ бѣлаго хлѣба. Однажды она услышала отъ знакомыхъ, что онъ по дорогѣ въ школу часто съѣдаетъ большой ломоть чернаго хлѣба. Летиція не понимала, въ чемъ дѣло. Въ домѣ у нея не было ни крошки чернаго хлѣба. Она спросила своего сына и узнала у него, что онъ каждое утро обмѣнивается бѣлымъ хлѣбомъ на черный съ часовымъ, мимо котораго онъ проходитъ. Кромѣ того, добавилъ Наполеонъ, онъ вѣдь долженъ пріучить себя къ черному хлѣбу, разъ хочетъ стать солдатомъ. Да и вообще черный хлѣбъ вкуснѣе, чѣмъ бѣлый.

Несмотря на всю строгость матери, не скупившейся на розги, Наполеонъ отыскивалъ пути и средства по временамъ ускользать отъ ея бдительнаго ока. Онъ бѣгалъ съ другими городскими дѣтьми по крѣпостному валу, по берегу и по скаламъ и игралъ съ ними въ солдаты. Онъ былъ, конечно, всегда предводителемъ побѣдившей стороны. Домой онъ возвращался съ разгорѣвшимися щеками, горящими глазами, въ промокшемъ насквозь, разорванномъ костюмѣ и зналъ прекрасно, что его ожидаетъ.

Онъ внимательно прислушивался къ разсказамъ рыбаковъ и пастуховъ, съ которыми сталкивался на своихъ прогулкахъ за городомъ. Всѣ они были истинными корсиканцами, свободными, независимыми и гордыми. О французскомъ владычествѣ они и слышать не хотѣли. И мальчику приходилось выслушивать неистовыя проклятія на головы французовъ. Ихъ героемъ, ихъ богомъ былъ Паоли. Только одному Паоли хотѣли

они повиноваться. Другіе же разсказывали страшныя исторіи о вендеттѣ; и въ ихъ глазахъ сверкала корсиканская кровавая месть. Многихъ видѣлъ Наполеонъ съ блестящимъ оружіемъ за пазухой, готовыми къ кровавому дѣлу, несмотря на страшный запретъ.

Въ семьѣ Бонапартовъ было уже давно рѣшено, что Наполеонъ будетъ солдатомъ, между тѣмъ, какъ изъ старшаго, нѣжнаго, мягкаго Жозефа намѣревались сдѣлать священника. Необузданный характеръ Наполеона, его рѣзкія манеры, его худощавое, но крѣпкое тѣлосложеніе и смуглый цвѣтъ лица казались точно созданными для морского солдата.

Карло и Летиція подумывали о томъ, чтобы подготовить обоихъ старшихъ сыновей къ предназначеннымъ имъ профессіямъ. Но для Бонапартовъ снова настали тяжелыя времена. Несмотря на отличія и должности Карло или, вѣрнѣе, именно благодаря этимъ отличіямъ, ощущался недостатокъ въ самомъ необходимомъ, и отецъ былъ не въ состояніи дать своимъ дѣтямъ приличнаго воспитанія. На представительство нужны были деньги, а семья, между тѣмъ, непрестанно возрастала. Кромѣ того, и сами по себѣ скудные источники Бонапартовъ были ограничены и истощены послѣдней войной.

Спасителемъ въ нуждѣ былъ графъ Марбефъ, французскій губернаторъ на Корсикѣ. Онъ далъ Карло совѣтъ воспитать обоихъ сыновей на средства короля и обѣщалъ ему поддержку для полученія вакансій. Онъ намѣревался помѣстить Наполеона въ одно изъ королевскихъ военныхъ училищъ во Франціи, а Жозефу раздобыть стипендію въ отенскомъ коллежѣ. Право распоряжаться этой стипендіей принадлежало его племяннику, епископу отенскому. Впрочемъ, французское правительство относилось дружелюбно къ тому, чтобы дѣти знатныхъ корсиканскихъ семействъ получали воспитаніе во Франціи: это способствовало ихъ тѣсной связи съ новымъ отечествомъ.

Чтобы быть, однако, принятымъ въ военное училище, мальчикъ долженъ былъ непремѣнно говорить по-французски. Наполеонъ же, отецъ котораго, правда, говорилъ почти безукоризненно по-французски, не зналъ ни единаго слова. Помимо итальянскаго языка, который онъ началъ было изучать въ женской школѣ, его знанія ограничивались кое-какими свѣ-

дѣніями въ библейской исторіи, ариѳметикѣ и грамматикѣ. До сихъ поръ,—за исключеніемъ ариѳметики,—онъ проявлялъ больше интереса къ повѣстямъ своей кормилицы и къ разсказамъ родныхъ, рыбаковъ и пастуховъ.

Отецъ рѣшилъ поэтому, опять-таки по совѣту своего друга и благодѣтеля, послать Наполеона вмѣстѣ съ Жозефомъ въ отенскій коллежъ, гдѣ онъ долженъ былъ научиться французскому языку.

Въ качествѣ депутата отъ корсиканской знати, Карло Бонапартъ съ обоими сыновьями и своднымъ братомъ своей жены, молодымъ Фешемъ, который долженъ былъ закончить свое образованіе въ духовной семинаріи Экса,—кстати сказать, тоже безплатно,—15 декабря 1778 года покинулъ родной островъ. Помимо трехъ мальчиковъ, его сопровождалъ кузенъ Летиціи, Аврелій Варезе, котораго отенскій епископъ, по просьбѣ своего дяди, назначилъ субдьякономъ. Прощаніе съ матерью, родными, сестрами и братьями и со всѣмъ остальнымъ на родномъ островѣ было очень тяжело. У всѣхъ на глазахъ были слезы. Только Наполеонъ былъ, повидимому, равнодушенъ. Кто знаетъ, что происходило въ душѣ этого страннаго мальчика. Остановившись ненадолго въ Марселѣ у родныхъ и отправивъ Жозефа и Феша въ Эксъ, Карло, двое дѣтей и Варезе 30 декабря 1778 года прибыли въ Отенъ. 1 января 1779 года двери школы закрылись за обоими Бонапартами, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ пробыть тамъ пять лѣтъ, а другой только до тѣхъ поръ, пока не научится въ достаточной мѣрѣ языку своей новой родины.

Отенскій коллежъ былъ училищемъ второго разряда, въ которое принимали дѣтей самаго ранняго возраста и подготовляли ихъ къ дальнѣйшему образованію. Наполеонъ поступилъ въ школу девяти съ половиной лѣтъ. Но онъ не получилъ воспитанія, которое бы ставило его на одну ступень съ его будущими однокашниками и не понималъ даже ихъ языка. Передъ нимъ открылся новый міръ, существенно отличавшійся отъ того, въ которомъ онъ жилъ до сего времени. Въ полудикомъ состояніи выросъ онъ на своемъ родномъ островѣ. Въ сердцахъ его земляковъ еще жило воспоминаніе о горячей борьбѣ за свободу. Изъ ихъ устъ ребенокъ слышалъ всегда

лишь угрозы и проклятія на голову угнетателей отчизны, французовъ, и поэтому онъ съ самаго начала почувствовалъ невольную антипатію къ своимъ французскимъ товарищамъ. Ихъ игръ онъ не понималъ; его игры на родинѣ почти всегда были связаны съ патріотическими или военными событіями. Онъ не понималъ ихъ насмѣшекъ, шутокъ, задорныхъ замѣчаній и выраженій. Съ единственной мыслью о великомъ героѣ, имя котораго онъ каждый день слышалъ у себя дома, онъ связывалъ всѣ свои занятія и игры. Его товарищи тоже не понимали его,—для нихъ корсиканцы были рабами и подданными. Этотъ маленькій отпрыскъ малочтимаго ими народа, со смуглымъ лицомъ, проницательными глазами, жесткими, спадавшими на лобъ волосами былъ для нихъ чужимъ, былъ вторженцемъ: они не знали ничего ни о Корсикѣ, ни объ ея населеніи. Его итальянскій акцентъ, корсиканское, въ то время во Франціи еще неизвѣстное имя, которое они произносили—„Наполеоне“, давали поводъ къ насмѣшкамъ. Его называли еще „Paille-au-nez“ *),—прозвище, которое сохранилось за нимъ и въ Бріеннѣ. Всѣ эти насмѣшки приводили его въ бѣшенство. Одно слово „покоренные“, которымъ товарищи называли корсиканцевъ, выводило его изъ себя. Въ ярости, едва переводя дыханіе, онъ бросался на насмѣшниковъ. Но товарищи еще больше смѣялись надъ его неистовствомъ. Благодаря этому, въ Наполеонѣ развилось то недовѣріе къ окружающимъ, отъ котораго потомъ онъ никогда не могъ избавиться.

Жозефъ относился ко всему гораздо болѣе философски. У него былъ мягкій, спокойный характеръ, онъ пропускалъ насмѣшки мимо ушей, пока, наконецъ, самимъ мальчикамъ не надоѣдало дразнить его.

Чрезвычайно характеренъ для Наполеона-мальчика портретъ его, который рисуетъ аббатъ Шардонъ въ своемъ письмѣ отъ 30 іюля 1823 года аббату Форьену. Онъ обучалъ обоихъ Бонапартовъ въ Отенѣ французскому языку. „Наполеонъ,—пишетъ онъ,—былъ въ первое время своего пребыванія въ Отенѣ ворчливъ и меланхоличенъ. Онъ не игралъ ни съ

*) „Солома въ носу“.

одинъ изъ своихъ сверстниковъ и обычно гулялъ совершенно одинъ на дворѣ... У него было много способностей, онъ легко воспринималъ и легко учился. Когда я давалъ ему уроки, онъ глядѣлъ на меня своими большими глазами, широко раскрывъ ротъ; когда же я повторялъ ему только что сказанное, онъ не слушалъ. А когда я дѣлалъ ему за это замѣчаніе, онъ отвѣчалъ холодно, почти повелительнымъ тономъ: „Я все это уже знаю“.

Этотъ же учитель разсказываетъ, что онъ какъ-то слышалъ разговоръ нѣсколькихъ учениковъ въ классѣ. Они какъ разъ дразнили Наполеона Бонапарта покореніемъ Корсики и говорили, между прочимъ, что корсиканцы трусы. Въ началѣ Наполеонъ слушалъ ихъ спокойно, но затѣмъ, когда воцарилось молчаніе, онъ сжалъ кулаки и закричалъ: „Если бы противъ одного было бы хотя четыре, вы бы Корсики никогда не взяли. Но васъ вѣдь было противъ одного десять!“ И когда аббатъ Шардонъ вмѣшался въ разговоръ и замѣтилъ Наполеону: „Но вѣдь у васъ въ лицѣ Паоли былъ такой славный генералъ“, онъ только отвѣтилъ: „Да, и я хотѣлъ бы сдѣлаться такимъ же, какъ онъ!“

Наполеонъ пробылъ въ Отенѣ около трехъ съ половиной мѣсяцевъ. За это время онъ научился настолько говорить по-французски, что могъ безъ труда учиться вмѣстѣ съ другими. Его пребываніе въ школѣ обошлось 111 франковъ, сумма все-таки довольно большая для тощаго кошелька Карло. Тѣмъ временемъ онъ съ помощію своего покровителя добился вакансіи въ Бріеннѣ. Для этого ему пришлось претерпѣть много униженій и исполнить много формальностей. Но Карло Бонапартъ не отступалъ ни передъ чѣмъ, что касалось различныхъ просьбъ и ходатайствъ. Ему пришлось представить не только доказательства своего знатнаго происхожденія, но и свидѣтельство о бѣдности, подписанное представителями извѣстныхъ корсиканскихъ семействъ, изъ котораго явствуетъ, что онъ не можетъ воспитывать своихъ сыновей на собственныя средства. Свидѣтельство о бѣдности онъ раздобылъ еще въ 1776 году. Оно было подписано двумя корсиканскими аристократами, Аннибаломъ Фолаччи и Піетро Колонна д'Орнанно, и, кромѣ того, адвокатомъ Стефанополи и уполномоченнымъ

Понте,—всѣ они подтверждали, что Карло Бонапартъ хотя и дворянинъ, но не обладаетъ средствами для воспитанія дѣтей.

Но этого было еще мало. Карло учинили много препятствій изъ-за его имени, изъ-за чуждаго для французовъ имени „Наполеоне“ и, наконецъ, изъ-за родового герба: потребовали представленія не только его описанія, но и его изображенія. Въ концѣ-концовъ, благодаря поддержкѣ Марбефа, ему удалось все же достигнуть цѣли. Его домогательство при фран-

цузскомъ дворѣ увѣнчалось успѣхомъ; онъ доказалъ свое знатное происхожденіе, указавъ не только на четырехъ, но даже на одиннадцать предковъ и представивъ королевскому комиссару д'Озіе де-Сериньи свой родовой гербъ *). 10 марта 1779 года Карло получилъ аудіенцію у короля, а 15 написалъ благодарственное письмо д'Озіе:

„Имѣю честь препроводить вамъ изображеніе герба моего

*) Желтая графская корона надъ щитомъ, украшеннымъ двумя голубыми полосами и двумя синими звѣздами, съ буквами B. P. (Bona Parte) на розовомъ фонѣ.

рода вмѣстѣ съ отвѣтами на предложенные мнѣ вопросы и осмѣливаюсь выразить вамъ сердечную благодарность за ту любезность, съ которой вы такъ быстро отослали свидѣтельство министру".

Онъ былъ счастливъ, что, наконецъ, избавился отъ заботы о воспитаніи своихъ двухъ сыновей. Въ началѣ апрѣля онъ написалъ Наполеону, чтобы онъ отправился въ Бріеннъ, гдѣ онъ его будетъ ждать. 21 апрѣля 1779 года мальчикъ покинулъ отенскій коллежъ, но поѣхалъ не прямо въ Бріеннъ, а, вѣроятно, по просьбѣ Марбефа, отправился на нѣсколько недѣль въ имѣніе Туази-ле-Дезеръ, къ бывшему капитану де-Шампо. Сынъ Шампо вмѣстѣ съ Наполеономъ уѣхалъ изъ школы и долженъ былъ вмѣстѣ съ нимъ поступить въ военное училище въ Бріеннѣ. Изъ-за болѣзни, однако, онъ не поступилъ туда. Во всякомъ случаѣ все указываетъ на то, что Наполеонъ только двѣнадцатаго мая, въ сопровожденіи прибывшаго спеціально для этого въ Туази аббата д'Оберивъ, уѣхалъ въ Бріеннъ и 14 или 15 былъ принятъ въ военное училище.

Въ Отенѣ Наполеонъ долженъ былъ покинуть своего брата Жозефа, „своего лучшаго друга", какъ онъ впослѣдствіи называлъ его. Прощаясь съ братомъ, Жозефъ плакалъ горькими слезами; но глаза Наполеона оставались сухими, хотя онъ и зналъ, что теперь онъ будетъ еще болѣе одинокимъ, и хотя нѣжно любилъ старшаго брата. Одна единственная слеза выкатилась украдкою изъ его глазъ, но и она означала при его характерѣ значительно больше, чѣмъ всѣ отчаянныя рыданія Жозефа. Онъ, привязанный всею душою къ родинѣ, потерялъ благодаря этой разлукѣ послѣдній остатокъ живого воспоминанія о домѣ. Теперь уже у него не было никого, съ кѣмъ онъ могъ бы говорить на своемъ діалектѣ, о своей родинѣ, о матери и отцѣ, о младшихъ братьяхъ и сестрахъ и, главное, о своемъ идеалѣ, великомъ Паоли, которому они оба такъ поклонялись. Теперь онъ уже не могъ больше вспоминать прекрасную золотую свободу въ ложбинахъ и лѣсахъ съ пастухами и на берегу съ рыбаками; теперь Наполеонъ былъ болѣе одинокимъ, чѣмъ когда-либо. Для него началась, правда, другая, новая жизнь, но жизнь, которую онъ долженъ былъ

раздѣлять съ „врагами отечества“. Въ Отенѣ онъ мало думалъ объ этомъ. Но въ Бріеннѣ! Найдетъ ли онъ тамъ корсиканскихъ друзей, которые раздѣляли бы съ нимъ его взгляды?

Карло Бонапартъ, который пріѣхалъ въ Бріеннъ раньше сына, самъ отвелъ Наполеона къ директору училища. На слѣдующій день состоялся вступительный экзаменъ по французскому языку, который Наполеонъ благополучно выдержалъ. Тѣлосложеніе его, которое должно было быть безукоризненнымъ у каждаго вновь принимаемаго ученика, было признано удовлетворительнымъ, хотя онъ и былъ слишкомъ малъ для своего возраста и имѣлъ довольно блѣдную внѣшность. Но имъ владѣла такая горячая жажда знаній, а изъ большихъ сѣрыхъ глазъ сверкало честолюбіе.

Короче говоря, Наполеонъ де-Буонапарте сталъ стипендіатомъ короля и поступилъ въ младшій классъ.

Военное училище въ Бріеннѣ, въ Шампани, было раньше однимъ изъ тринадцати монастырей, которыми обладалъ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія орденъ миноритовъ.

Его преобразованіе въ училище относится къ 1730 году, но военнымъ оно стало только въ 1776 году. Кажется нѣсколько страннымъ, что воспитаніе молодыхъ офицеровъ было вручено монастырю.

Когда Наполеонъ поступилъ въ Бріеннъ, начальникомъ школы былъ патеръ Лелю. Впослѣдствіи онъ былъ замѣненъ патеромъ Луи Бертономъ, братъ котораго состоялъ уже раньше помощникомъ директора. Луи Бертонъ былъ энергичнымъ человѣкомъ, вновь водворившимъ порядокъ въ училищѣ, чрезвычайно запущенномъ при его предшественникѣ.

Въ Бріеннъ принимали не болѣе ста пятидесяти учениковъ въ возрастѣ отъ восьми до одиннадцати лѣтъ, изъ которыхъ около шестидесяти воспитывались на средства казны. За каждаго стипендіата короля государство уплачивало по семисотъ франковъ въ годъ; такую же сумму платили и остальные ученики. Родителямъ при поступленіи дѣтей приходилось заботиться только о бѣльѣ и платьѣ. Нечего и говорить, что гардеробъ Наполеона ограничивался самымъ необходимымъ. Воспитанники не имѣли права получать никакихъ подарковъ изъ дома во время ихъ пребыванія въ училищѣ, кромѣ

платья, книгъ или необходимыхъ денегъ. Не дано было имъ права и посѣщать родственниковъ. Каникулъ во французскихъ военныхъ училищахъ не знали, были только своего рода вакаціи, въ которыя часть уроковъ нѣсколько сокращалась. На карманные расходы младшіе получали по одному, а старшіе по два франка въ мѣсяцъ.

Въ училищѣ было пять классовъ. Греческій языкъ не преподавался, но зато латинскій въ весьма крупной дозѣ. Помимо исторіи, литературы, географіи, математики и катихизиса, преподавались еще нѣмецкій языкъ, рисованіе, фехтованіе, пѣніе, танцы и даже музыка. Послѣдняя, по предписанію военнаго министра Сегюра, была, однако, отмѣнена, такъ какъ онъ считалъ гораздо болѣе нужнымъ для молодого офицера знаніе англійскаго языка.

Педагогическій персоналъ, состоявшій изъ двѣнадцати монаховъ и нѣсколькихъ свѣтскихъ учителей, не блисталъ крупными величинами. Отрѣзанные отъ дѣйствительной жизни монастырскими стѣнами, они не обладали ни педагогической практикой, ни педагогическимъ искусствомъ.

Физическое развитіе воспитанниковъ было поставлено хорошо и приносило дѣйствительную пользу здоровью. Каждый воспитанникъ имѣлъ отдѣльную комнату; общихъ дортуаровъ не было, но это не мѣшало тому, чтобы въ Бріеннѣ, по свидѣтельству самого Наполеона, какъ и въ другихъ интернатахъ, былъ распространенъ извѣстный порокъ. Въ каждой комнатѣ стояла кровать, тазъ и кувшинъ съ водою; другой мебели не было. Воспитанники только спали въ своихъ комнатахъ. Цѣлый день же они проводили либо въ классѣ, либо въ саду.

Форма училища состояла изъ синей куртки съ краснымъ воротникомъ и бѣлыми пуговицами, короткихъ синихъ или черныхъ штановъ, синяго жилета, а зимою еще и синей шинели. Бѣлье воспитанники мѣняли два раза въ недѣлю. Пища была хорошая и обильная, почти слишкомъ обильная для молодыхъ людей, которые должны были впослѣдствіи претерпѣвать лишенія и трудности походовъ.

Изъ учителей юнаго Наполеона самымъ интереснымъ былъ преподаватель математики, патеръ Патро, самъ по себѣ не отличавшійся особеннымъ умомъ. Онъ оцѣнилъ, однако, скоро

способности Наполеона и направилъ ихъ на вѣрный путь. Хотя Патро придавалъ своему предмету большое значеніе, но самъ, обладая довольно скудными познаніями, не могъ удовлетворить запросовъ математическаго генія Наполеона. У послѣдняго, какъ у всѣхъ воспитанниковъ, былъ такъ называемый репетиторъ, старшій товарищъ по училищу: то былъ впослѣдствіи столь извѣстный Пишегрю. Онъ былъ выдающимся математикомъ и въ виду своихъ способностей былъ назначенъ репетиторомъ, что считалось весьма почетнымъ званіемъ для воспитанника. Въ началѣ онъ долженъ былъ стать монахомъ, но склонности его къ военнымъ наукамъ одержали верхъ. Онъ сдѣлался артиллерійскимъ офицеромъ. Его способности, проявлявшіяся во время революціи, снискали ему славу. Такимъ образомъ, Наполеонъ въ теченіе цѣлаго года учился у того, кто впослѣдствіи такъ упорно жаждалъ его крови.

Эльзасецъ, патеръ Кель, училъ Наполеона нѣмецкому языку, а патеръ Дюпюи—французской грамматикѣ. Законъ Божій преподавалъ патеръ Шарль. Нѣкій Дабоваль, впослѣдствіи унтеръ-офицеръ жандармеріи, посвятилъ Наполеона въ искусство фехтованія. У танцмейстера Жавилье юный Наполеонъ научился танцовать. Онъ не проявилъ большихъ способностей къ граціи и плавнымъ движеніямъ; у него часто кружилась голова, но танцовать онъ все-таки выучился и, дѣйствительно, танцовалъ, несмотря на все, что говорилось и писалось на этотъ счетъ. Въ Валансѣ онъ бралъ даже частные уроки, чтобы имѣть возможность танцовать съ мадемуазель де Коломбье и мадемуазель де-Сенъ-Жерменъ.

Такъ какъ его французскій языкъ оказался недостаточнымъ для бріенскаго военнаго училища, то Дюпюи давалъ ему еще частные уроки. Въ одномъ источникѣ, найденномъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ и написанномъ, повидимому, рукою сверстника Наполеона, Анри де-Кастра, говорится про юнаго Наполеона, что онъ по пріѣздѣ въ Бріеннъ почти совсѣмъ не умѣлъ говорить по-французски. Такъ какъ онъ не выказывалъ никакихъ способностей къ латинскому языку, то начальство освободило его отъ этого предмета, и онъ началъ усиленно заниматься французскимъ. Де-Кастра говоритъ о

недостаточныхъ познаніяхъ Наполеона во французской орѳографіи и грамматикѣ и объясняетъ его своеобразную французскую рѣчь тамъ, что онъ никогда не учился по-латыни.

И дѣйствительно, латинскій языкъ доставлялъ ему большія трудности. Вообще онъ не считался способнымъ ученикомъ. По литературѣ и по языкамъ онъ отставалъ отъ другихъ и только въ абстрактныхъ наукахъ выказывалъ большія способности.

Въ языкѣ своего новаго отечества онъ все же сдѣлалъ довольно значительные шаги. Его обороты рѣчи и выговоръ, правда, выдавали еще иностранца. Синтаксисъ и орѳографія были для него камнями преткновенія, тѣмъ не менѣе все, что онъ говорилъ, было полно жизни и огня. Казалось даже, точно этотъ новый языкъ не обладалъ достаточнымъ для него темпераментомъ, чтобы выразить всѣ его ощущенія.

Его инстинктъ и его любовь къ военнымъ дѣламъ влекли его безсознательно къ тѣмъ наукамъ, которыя были полезнѣе для его исключительной карьеры, чѣмъ вся латынь, вмѣстѣ взятая. Стратегія, тактика, математика и особенно древняя и новая исторія были любимыми предметами Наполеона. Онъ превосходно зналъ жизнь древнихъ греческихъ и римскихъ героевъ. Все свободное время онъ посвящалъ чтенію жизнеописаній, которыя онъ читалъ, однако, не въ оригиналѣ, а въ переводѣ. Больше всего любилъ онъ Плутарха; охотно читалъ Полибія и Арріана, но Квинтъ Курцій не былъ въ числѣ его любимцевъ. Его характеръ развивался по образцу этихъ героевъ: онъ старался уподобиться имъ.

Помимо біографіи, Наполеона живо интересовала исторія его родины. Наполеонъ съ ранняго дѣтства пріучался дѣлать выдержки изъ прочитаннаго, и когда онъ поступилъ въ военное училище въ Парижѣ, у него уже была довольно объемистая груда такихъ рукописныхъ замѣтокъ. При его ненасытной жаждѣ чтенія это и не удивительно: въ Бріеннѣ онъ больше всѣхъ другихъ своихъ товарищей бралъ изъ школьной библіотеки книгъ. Но, въ противоположность другимъ дѣтямъ его возраста, у Наполеона была способность повторять тутъ же передъ учителемъ все, имъ только что сказанное. Его интеллигентность и тонкость пониманія математики привлекла вни-

маніе учителей и товарищей. Патеръ Патро называлъ его своимъ лучшимъ математикомъ, и всѣ были твердо убѣждены, что мальчикъ добьется когда-нибудь выдающагося успѣха на этомъ поприщѣ. Только одинъ изъ его товарищей не отставалъ отъ него въ этомъ отношеніи: Фовеле де-Бурьенъ. Онъ былъ также единственнымъ, съ которымъ Наполеона связывала въ Бріеннѣ тѣсная дружба. Помимо этого у Наполеона была превосходная память на хронологическія даты, имена, названія мѣстностей и тонкое пониманіе топографіи, пришедшееся ему весьма кстати, особенно для географіи.

Физически онъ въ это время былъ все еще довольно слабъ. Его маленькое худощавое тѣло состояло, казалось, только изъ костей, кожи и нервовъ. На синевато-желтомъ лицѣ, въ глубокихъ впадинахъ виднѣлись сѣрые глаза, оттѣненные густыми темными бровями. У него были впалыя щеки и выдающіяся скулы. Тѣмъ не менѣе весь онъ дышалъ рѣшимостью и энергіей. Доминировавшее въ немъ чувство честолюбія отражалось во всемъ его существѣ.

Утверждаютъ, что Наполеонъ ребенкомъ, особенно же въ Бріеннѣ, всегда отдалялся отъ игръ товарищей. Онъ никогда не былъ якобы настоящимъ ребенкомъ. Утвержденіе это правильно лишь отчасти. Въ тѣ дни, когда онъ, чужестранецъ, поступилъ въ училище, когда еще онъ находился подъ впечатлѣніемъ нестерпимыхъ издѣвательствъ отенскихъ школьниковъ, онъ, правда, рѣдко вмѣшивался въ крикливую, шумную толпу товарищей. Часто цѣлыми днями онъ не произносилъ ни одного слова, а когда съ нимъ заговаривали, онъ поднималъ голову, пристально смотрѣлъ на вопрошавшаго и отвѣчалъ односложно и коротко. Онъ недовѣрчиво относился къ французамъ, которыхъ считалъ выше себя, хотя бы въ языкѣ. Его заставляла замыкаться боязнь быть посмѣшищемъ. Его самъ по себѣ робкій характеръ заставлялъ казаться мальчика недовольнымъ, задумчивымъ. Вмѣсто того, чтобы приспособливаться, онъ отдалялъ отъ себя всѣхъ тѣхъ, которые очень вѣроятно могли бы стать его близкими друзьями. Онъ называлъ себя корсиканцемъ, а не французомъ, и пробуждалъ, благодаря этому, антипатію въ окружающихъ. Онъ постоянно искалъ одиночества, гдѣ бы ему не мѣшали учиться, гдѣ бы онъ могъ все-

цѣло отдаться чтенію и гдѣ могъ бы остаться наединѣ со своими героями.

Первое время своего пребыванія въ Бріеннѣ онъ весь свой досугъ посвящалъ обработкѣ крохотнаго садика, который былъ у каждаго ученика. Такъ какъ ему показалось мало его части,—изъ досокъ и сучьевъ онъ рѣшилъ построить себѣ маленькое, уютное гнѣздышко,—то онъ уговорилъ своего сосѣда уступить ему его участокъ. Добившись этого, онъ тотчасъ же принялся окружать свой садикъ стѣною. Горе тому, кто посмѣлъ бы непрошенно проникнуть въ его святыню или перелѣзть черезъ стѣну! Наполеонъ весь блѣдный, со сверкающими глазами, бросился бы на него и началъ бы драться чѣмъ попало, не обращая вниманія на то, со сколькими ему пришлось бы воевать.

Такой отличный ото всѣхъ характеръ долженъ былъ, естественно, обратить на себя вниманіе какъ учителей, такъ и воспитанниковъ. Первые старались всѣми способами сблизить этого замкнутаго юношу съ его товарищами, но Наполеону нужно было не мало времени, чтобы переломить себя и приспособиться къ нимъ. Онъ, свыкавшійся впослѣдствіи съ изумительной эластичностью со всѣми ситуаціями жизни и говорившій: „Тамъ, гдѣ развѣвается французское знамя, я дома“, онъ ребенкомъ очень трудно мирился съ новымъ положеніемъ. Онъ былъ чрезвычайно чувствителенъ и невыразимо страдалъ отъ насмѣшекъ или ироніи. Его самолюбіе и гордость не позволяли никому насмѣшливыхъ замѣчаній ни надъ нимъ самимъ, ни надъ близкими, ни надъ Корсикой и его городомъ. Онъ въ высшей степени хладнокровно сносилъ всѣ физическія наказанія, никогда не показывалъ, что ему больно: онъ долженъ былъ доказать этимъ заносчивымъ французамъ, что корсиканецъ не вѣдаетъ страха. Но сносилъ онъ только наказанія, не оскорблявшія его чести. Однажды за какой-то проступокъ онъ долженъ былъ надѣть покаянную рясу и боскомъ, стоя на колѣняхъ, обѣдать, между тѣмъ, какъ всѣ его товарищи сидѣли тутъ же за столомъ. Съ нимъ сдѣлался такой сильный нервный припадокъ и рвота, что учителя были принуждены освободить его отъ наказанія. Впечатлѣніе, которое произвело его безграничное волненіе на всѣхъ, было одновре-

менно и благопріятнымъ и сомнительнымъ. Какъ никакъ, но рѣшено было не примѣнять такихъ порочащихъ наказаній къ легко раздражающемуся мальчику.

Съ другой стороны, онъ терпѣливо сносилъ даже такія наказанія, когда зналъ, что дѣйствительно заслужилъ ихъ. Такъ, однажды, его лишили званія начальника школьнаго отряда, заявивъ ему, что онъ недостоинъ его, такъ какъ относится недружелюбно къ товарищамъ. Изъ учителей и старшихъ воспитанниковъ былъ избранъ военный судъ, который присудилъ Наполеона къ разжалованію. Приговоръ былъ прочтенъ передъ всѣми товарищами, и съ мальчика сняли знаки отличія. Онъ не показалъ и тѣни волненія, хотя, навѣрное, несказанно страдалъ отъ этого оскорбленія его самолюбія. Но наказаніе дало превосходные результаты: товарищи преклонились передъ его стойкостью и начали присматриваться ближе къ этому странному мальчику, который такъ ихъ чуждался. Наполеонъ самъ пошелъ имъ въ этомъ навстрѣчу и пересталъ быть замкнутымъ.

Привыкнувъ затѣмъ немного къ нимъ, онъ сталъ принимать участіе въ ихъ играхъ, и сдѣлался такимъ же ребенкомъ, какъ они. Когда же они начали дразнить его и смѣяться надъ нимъ, онъ заставилъ ихъ молчать силою своихъ кулаковъ: какъ ни слабъ былъ онъ на видъ, въ дѣйствительности онъ былъ очень силенъ. Его замкнутость и недовѣріе превратились въ концѣ-концовъ въ зоркую наблюдательность.

Но въ играхъ, которыя требовали умѣнья и ловкости, какъ, напримѣръ, игра въ мячъ или серсо, онъ не принималъ никакого участія. Наполеонъ зналъ, что для этого онъ слишкомъ неповоротливъ и никогда не соглашался играть вторую роль. Онъ не снесъ бы ни пораженія, ни насмѣшекъ надъ своей неповоротливостью и предпочиталъ поэтому стоять въ сторонѣ. Но зато въ другихъ играхъ, въ „разбойники“ или въ „охоту“, онъ былъ всегда первымъ. Больше всего любилъ онъ „охоту“: „охотники“ со своей „сворой“ должны были преслѣдовать „оленя“, по большей части самаго быстраго бѣгуна.

Но охотнѣе всего Наполеонъ устраивалъ военныя игры. Сраженіе и осада могли выводить его изъ постоянно замкнутаго и угрюмаго настроенія и вызывать въ немъ пламенное

воодушевленіе. Онъ отличался въ нихъ своею ловкостью и находчивостью. Его рыцарское поведеніе, его способности и особенно его превосходство въ военныхъ упражненіяхъ и играхъ побѣдили въ концѣ-концовъ ту антипатію, которую въ началѣ питали къ нему товарищи. Они боялись теперь дразнить его, такъ какъ знали, что его остановить не можетъ ничто. Вліяніе, котораго вскорѣ добился надъ ними Наполеонъ, было настолько велико, что они слушались его и устраивали игры только по его желанію. Онъ началъ обрабатывать все на свой ладъ. Чтеніе древнихъ авторовъ принесло свои плоды. Его изобрѣтательный геній возстановлялъ то чрезвычайно любопытные эпизоды изъ греческой и римской исторіи, то сцены изъ Олимпійскихъ игръ, то устраивалъ импровизированныя сраженія и осады.

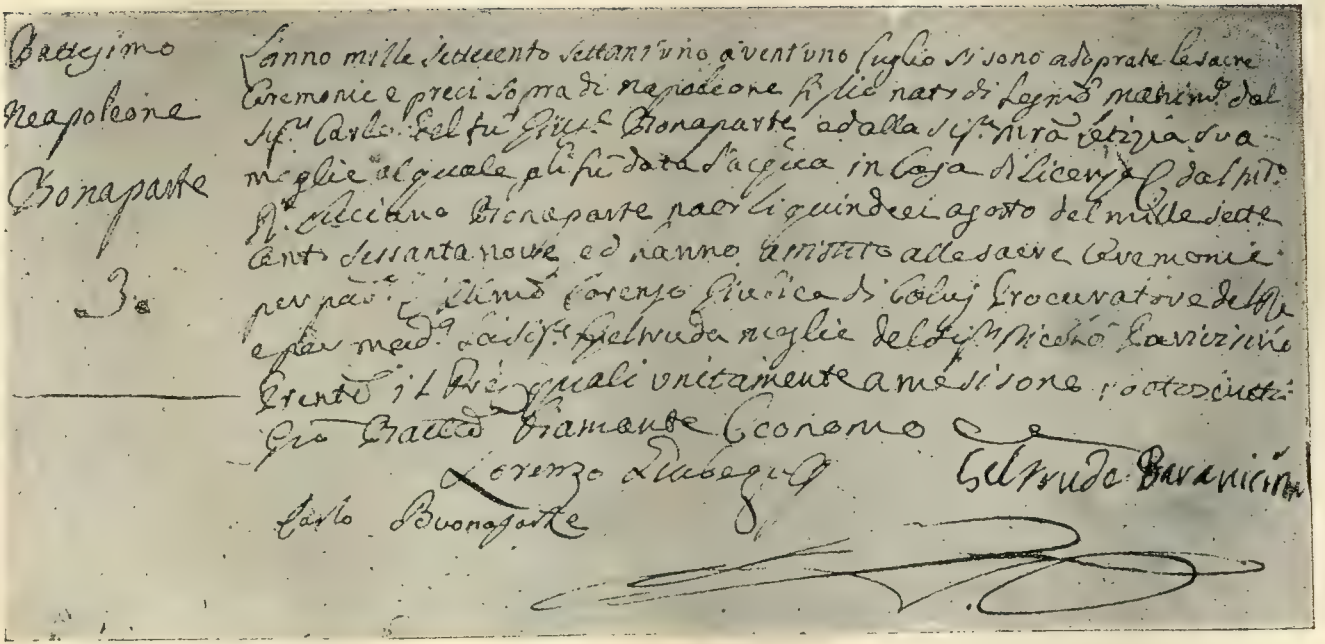
Особенно благопріятной для такихъ забавъ была суровая зима 1783 года. Въ этомъ году въ школѣ подробно преподавалась фортификація, и Наполеонъ обнаруживалъ къ ней живѣйшій интересъ и напряженное вниманіе. Теперь благодаря обильному снѣгу, выпавшему на школьномъ дворѣ, Бріеннское училище могло примѣнить теорію на практикѣ. Быстро и увѣренно раздавалъ онъ приказанія. Каждый день подъ его руководствомъ строились валы и рвы, и школа превратилась въ настоящій снѣжный фортъ, возбуждавшій любопытство даже у жителей города. Воспитанники раздѣлились на два лагеря. Бонапартъ то защищалъ укрѣпленія, штурмовавшіяся снѣжками, то переходилъ на сторону осаждавшихъ. Его талантъ, его геніальная сообразительность и находчивость въ этой игрѣ повергли въ изумленіе учителей и воспитанниковъ. Но никто не предполагалъ, что маленькій корсиканецъ вскорѣ повергнетъ въ такое же изумленіе своимъ геніемъ всю Европу!

Нерѣдко, однако, эти игры переходили въ опасныя затѣи. Возбужденные пылкостью и воодушевленіемъ Наполеона, школьники забывали, что это игра,—особенно, когда изображали битву между римлянами и карѳагенянами. Невинныя средства защиты оказывались недостаточными; они хватали камни, и нерѣдко на обѣихъ сторонахъ оказывались раненые. Въ виду этого игры были запрещены, а зачинщикъ ихъ,

Наполеонъ Бонапартъ, былъ наказанъ. Онъ снова замкнулся въ себѣ.

Бурныя вспышки гнѣва противъ товарищей были не рѣдкостью у Наполеона. Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Бріеннѣ произошелъ эпизодъ, когда онъ далъ волю своему бѣшенству, забывъ про всѣхъ окружающихъ. Дѣло въ томъ, что ежегодно въ честь короля въ училищѣ справлялся день Святого Людовика. Воспитанникамъ предоставлялась въ этотъ день полная свобода. Но главное было то, что каждый воспитанникъ, достигшій четырнадцати лѣтъ, получалъ въ свое распоряженіе небольшое количество пороха. Послѣднимъ пользовались для фейерверковъ, подготовлявшихся въ училищѣ задолго до этого дня. Мальчикамъ давали также ружья и пистолеты, изъ которыхъ они стрѣляли, возвѣщая наступленіе торжественнаго дня. Всѣ были, конечно, счастливы, и за недѣлю до праздника въ училищѣ царили оживленіе и напряженное ожиданіе. Всѣхъ удивило поэтому, что юный Бонапартъ, который долженъ въ послѣдній разъ справлять въ училищѣ день Святого Людовика, ходилъ съ еще болѣе угрюмымъ и недовольнымъ видомъ, чѣмъ обыкновенно. Весь день не выходилъ онъ изъ своего угла, усердно и ревностно склонившись надъ своими книгами и атласами. Быть можетъ, онъ, будущій республиканецъ, уже тогда не хотѣлъ принимать участія въ праздникѣ въ честь короля? Или это былъ только капризъ? Относительно взглядовъ Наполеона въ тѣ времена ничего не извѣстно; какъ бы то ни было, но онъ по какимъ-то причинамъ отдалился отъ общаго веселья.

Въ сосѣднемъ саду товарищи готовили фейерверкъ, который вечеромъ рѣшили зажечь для своихъ друзей. Къ девяти часамъ мальчики собрались въ садикѣ и съ восторгомъ окружили произведеніе своего товарища. Неожиданно раздался взрывъ: въ открытый ящикъ съ порохомъ попала искра. Мальчиками овладѣла паника: всѣ старались, какъ можно скорѣе спастись изъ садика. Однимъ удалось убѣжать, другіе получили ожоги на лицѣ, а третьи упали и сломали себѣ ноги. Въ страхѣ нѣсколько мальчиковъ перелѣзли черезъ стѣну, отдѣлявшую садикъ Наполеона отъ сосѣдняго и сорвали тамъ нѣсколько досокъ. Замѣтивъ это, Наполеонъ внѣ себя



Метрическое свидѣтельство Наполеона.

отъ злобы и бѣшенства бросился на товарищей и безпощадно избилъ ихъ. Какое ему дѣло до несчастія товарищей? Имъ владѣла лишь мысль, что ему помѣшали работать и нарушили святыню его одиночества. Слабый мальчикъ обладалъ желѣзной физической силой и силою воли, приводившими въ изумленіе всѣхъ окружавшихъ и возбуждавшихъ даже негодованіе.

За годъ до отъѣзда изъ Бріенна, когда Наполеону не было еще четырнадцати лѣтъ, ему пришлось отсидѣть въ карцерѣ. Поводомъ къ этому послужило то, что одинъ изъ товарищей, съ которымъ онъ поссорился, позволилъ себѣ замѣчаніе: „Твой отецъ простой судебный слуга!“ Званіе асессора, которымъ обладалъ Карло Бонапартъ, мальчики толковали именно въ этомъ смыслѣ. Наполеонъ поблѣднѣлъ, какъ полотно. Зрачки его расширились, лицо сразу стало мрачнымъ. Онъ вышелъ изъ комнаты, но черезъ минуту вернулся съ письменнымъ вызовомъ на дуэль. Этотъ вызовъ попалъ, однако, въ руки инспектора, который наказалъ Бонапарта карцеромъ, а товарищей его оставилъ безъ обѣда. Наполеонъ стойко перенесъ наказаніе: онъ готовъ былъ снести все, лишь бы не оскорбленіе.

Близился день отъѣзда изъ Бріеннскаго училища. Еще въ 1781 и въ 1782 году инспекторъ военныхъ училищъ, Кераліо, отмѣтилъ его, какъ способнаго къ абстрактнымъ наукамъ и предложилъ ему поступить въ военное училище въ Парижѣ. Въ то время у Наполеона было все еще желаніе поступить во флотъ. Несмотря на представленія бріеннскихъ учителей, которые указывали Кераліо на то, что Бонапартъ, въ сущности, успѣваетъ лишь въ математикѣ и находится въ школѣ четвертый годъ, вмѣсто положенныхъ шести, Кераліо все-таки настаивалъ на Парижѣ. „Я знаю, что дѣлаю,—сказалъ онъ тогда.—Если я этимъ преступаю правило, то дѣлаю это не изъ-за симпатіи къ его семьѣ,—лично я вообще мальчика не знаю. Я дѣлаю это только ради него самого. Я подмѣтилъ въ немъ искру, которой нельзя угашать!“ Съ этой цѣлью Кераліо выдалъ ему слѣдующее свидѣтельство:

„Мсіе де-Буонапарте (Наполеонъ) родился 15 августа 1769 г. Ростъ: четыре фута, десять дюймовъ, десять линій. Физическое состояніе: превосходное. Характеръ: послушный (!),

честный и признательный. Поведеніе — безукоризненное. Отличается прилежаніемъ къ математикѣ. Въ исторіи и географіи хорошо успѣваетъ. Будетъ превосходнымъ морскимъ офицеромъ. Заслуживаетъ принятія въ военное училище въ Парижѣ".

Но Кераліо ушелъ вскорѣ и умеръ въ томъ же году. Преемникомъ его былъ Рейно де-Монъ. Во время своей инспекторской поѣздки въ 1783 году онъ выбралъ для Парижа только двухъ воспитанниковъ, среди которыхъ, къ величайшему прискорбію отца, Наполеона не оказалось. Онъ сильно разсчитывалъ на это, такъ какъ на мѣсто Наполеона въ Бріеннѣ думалъ отдать Люсьена.

Черезъ годъ, 21 іюня 1784 года, Карло навѣстилъ своего сына въ Бріеннѣ и привезъ съ собою Люсьена. Кромѣ того, онъ отвезъ Маріанну въ Сенъ-Сиръ и направился въ Парижъ къ лейбъ-медику посовѣтоваться относительно своей болѣзни желудка. Это было единственнымъ посѣщеніемъ Наполеона отцомъ въ Бріеннѣ: Летиціи очень хотѣлось повидать сына, но по многимъ причинамъ она должна была отказаться отъ поѣздки. Во-первыхъ, она была занята своей многочисленной семьей, да и денегъ для такого дальняго путешествія у нея не было,—вѣдь и Карло вынужденъ былъ занять крупную сумму.

Наполеонъ былъ счастливъ, увидѣвъ отца, послѣ столь продолжительной разлуки. Но болѣзненный видъ Карло, со слѣдами страшнаго недуга, отъ котораго годъ спустя онъ умеръ, вселилъ въ него снова убѣжденіе, что ему придется скоро стать опорой семьи. Жозефъ былъ, повидимому, мало приголенъ использовать свое право первенства: онъ былъ непостоянъ и нерѣшителенъ и неожиданно захотѣлъ стать солдатомъ, между тѣмъ, какъ все его воспитаніе было направлено къ тому, чтобы онъ сталъ священникомъ. Отецъ былъ очень озабоченъ будущимъ своего старшаго сына и говорилъ о томъ съ пятнадцатилѣтнимъ Наполеономъ, какъ со взрослымъ. Серьезно и озабоченно тотъ далъ нѣсколько совѣтовъ. Когда Карло уѣхалъ, Наполеонъ 25 іюня написалъ одному своему дядѣ, вѣроятно, Николо Паровичини, въ Аяччіо, слѣдующее письмо, служащее краснорѣчивымъ доказательствомъ развитія практи-

ческаго ума и зрѣлаго образа мыслей пятнадцатилѣтняго мальчика.

„Дорогой дядюшка, пишу вамъ самъ, чтобы извѣстить васъ о прибытіи моего дорогого отца въ Бріеннъ. Онъ везетъ Маріанну въ Сенъ-Сиръ и хочетъ посовѣтоваться въ Парижѣ съ врачами. Сюда онъ прибылъ двадцать перваго съ Люсьеномъ и съ обѣими барышнями *). Люсьена, которому теперь девять лѣтъ (ростомъ онъ въ три фута, одиннадцать дюймовъ и шесть линій) онъ намѣренъ оставить здѣсь. Его приняли въ сексту. Онъ будетъ учиться по-латыни и по всѣмъ другимъ предметамъ. Мы надѣемся, что изъ него что-нибудь выйдетъ. Онъ чувствуетъ себя хорошо, онъ толстый, живой, для начала имъ тутъ довольны. Онъ говоритъ превосходно по-французски и совсѣмъ забылъ итальянскій языкъ. Впрочемъ, онъ самъ припишетъ къ моему письму нѣсколько строкъ. Помогать я ему не буду, чтобы вы убѣдились, на что онъ способенъ. По всей вѣроятности, онъ будетъ вамъ писать теперь чаще, чѣмъ изъ Отена.

Я твердо убѣжденъ, что братъ мой Жозефъ вамъ еще не писалъ. Да и что вы хотите: онъ не пишетъ даже отцу! Откровенно говоря, онъ не тотъ, что былъ раньше. Мнѣ онъ, правда, пишетъ очень часто. Онъ въ предпослѣднемъ классѣ и, навѣрное, былъ бы первымъ ученикомъ, если бы прилежнѣе учился: господинъ ректоръ сказалъ отцу, что во всей школѣ нѣтъ человѣка, у котораго было бы столько способностей, какъ у него. Что же касается его будущей профессіи, онъ остановился сначала на духовной карьерѣ и настаивалъ на ней до того дня, когда захотѣлъ служить королю. Но эту перемѣну въ немъ я считаю по многимъ причинамъ неблагоразумной. Во-первыхъ, онъ, какъ говоритъ и дорогой отецъ, не обладаетъ достаточнымъ мужествомъ, чтобы сносить опасности сраженій. Его слабое здоровье не позволяетъ ему переносить трудности походовъ и, кромѣ того, вообще мой братъ смотритъ на солдатчину только съ точки зрѣнія гарнизонной службы. Очень возможно, что братъ дѣйствительно станетъ превосходнымъ гарнизоннымъ офицеромъ: у него пріятная внѣшность,

*) Казабьянка и Колонна, кузины Наполеона.

онъ умѣетъ льстить и со своими способностями всегда сумѣетъ извлечь пользу изъ салонной жизни,—но при чемъ тутъ военное дѣло? Вотъ въ этомъ-то сомнѣвается и отецъ!

Во-вторыхъ, онъ получилъ образованіе для духовной карьеры. Теперь уже поздно думать о какой-либо другой: Его Преосвященство, епископъ Отенскій, навѣрное, бы помогъ ему выдвинуться, и Жозефъ сталъ бы скоро епископомъ! Какія блестящія перспективы для семьи! Его Преосвященство сдѣлалъ все, чтобы уговорить его остаться при прежнемъ рѣшеніи и обѣщалъ, что онъ не пожалѣетъ объ этомъ. Но нѣтъ, Жозефъ настаиваетъ на своемъ. Если у него дѣйствительно есть рѣшительная склонность къ этой дѣятельности (военной), прекраснѣйшей, впрочемъ, которая вообще только существуетъ, и если великая движущая сила всѣхъ человѣческихъ поступковъ вселила въ него эту склонность, то я его все же хвалю.

Въ-третьихъ, онъ хочетъ поступить въ армію. Это прекрасная мысль, но въ какой корпусъ? Не во флотъ ли? Математики онъ не знаетъ. Потребовалось бы два года, чтобы хотя немного ей научиться. Кромѣ того, и здоровье его не годится для пребыванія на морѣ. Быть можетъ, въ инженерныя войска, гдѣ онъ четыре или пять лѣтъ будетъ учиться и въ концѣ-концовъ останется простымъ офицеромъ, тѣмъ болѣе, что, по-моему, онъ не годится для такой напряженной работы? То же самое нужно сказать и объ артиллеріи, съ той только разницею, что тамъ придется работать восемнадцать мѣсяцевъ, чтобы получить званіе ученика, и столько же, чтобы стать офицеромъ. Онъ, навѣрное, имѣетъ въ виду пѣхоту! Прекрасно! Я понимаю. Онъ хочетъ по цѣлымъ днямъ ничего не дѣлать, слоняться изъ стороны въ сторону. Что представляетъ собою такой ничтожный офицеръ? Плохой солдатъ три четверти дня, а этого на мой взглядъ не хочетъ ни отецъ, ни мать, ни дорогой мой дядя архидіаконъ. Жозефъ далъ уже нѣсколько доказательствъ своего легкомыслія и расчетливости. Нужно поэтому прибѣгнуть къ послѣдней энергичной попыткѣ уговорить его вернуться къ духовной карьерѣ,—въ противномъ случаѣ отецъ возьметъ его съ собою на Корсику, гдѣ онъ будетъ хотя бы у него передъ глазами. Онъ будетъ стараться помѣстить его въ адвокатуру.

Я кончаю свое письмо съ просьбой не отказывать мнѣ и въ дальнѣйшемъ въ вашей благосклонности. Быть достойнымъ ея, будетъ моимъ первымъ и прекраснѣйшимъ долгомъ.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ вашъ преданный и покорный слуга и племянникъ Наполеонъ Буонапарте.

„P. S. Дорогой дядюшка, разорвите это письмо. Будемъ надѣяться, что Жозефъ со своими способностями и съ чувствами, которыя должно вселить въ него его воспитаніе, приметъ правильное рѣшеніе и станетъ опорой нашей семьи. Постарайтесь доказать ему все преимущество этого".

Какъ ни юнъ былъ Наполеонъ, онъ все же прекрасно понималъ печальное положеніе своей семьи, увеличивавшееся почти съ каждымъ годомъ. Онъ сознавалъ необходимость того, что и Жозефъ, и онъ прежде всего должны стараться возможно скорѣе сдѣлать что-либо, что поддержало бы семью. И вотъ, теперь этотъ Жозефъ, котораго онъ считалъ такимъ близкимъ къ цѣли, хочетъ избрать себѣ другое поприще, иначе говоря, начать сызнова! Онъ, у котораго такія широкія перспективы! „Какія перспективы для семьи!" Въ этихъ словахъ—весь корсиканецъ. Наполеонъ былъ въ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что и у него дѣла обстояли не такъ, какъ ему хотѣлось. Чтобы облегчить отцу воспитаніе Люсьена, онъ охотно уступилъ бы ему свою вакансію въ Бріеннѣ, но переводъ въ Парижъ все откладывался.

Карло Бонапартъ тотчасъ же обратился по этому поводу къ военному министру и попросилъ его, въ случаѣ, если даже переводъ Наполеона въ Парижскую военную школу сейчасъ еще невозможенъ, опредѣлить Люсьена въ училище въ Бріеннѣ. Министръ, однако, отвѣтилъ: пока старшій состоитъ въ Бріеннѣ стипендіатомъ короля, до тѣхъ поръ младшій не можетъ получить вакансіи, такъ какъ два сына одной и той же семьи одновременно не имѣютъ на это права. Карло, однако, не унимался. Онъ поручилъ своему родственнику Казановѣ, который, въ качествѣ депутата корсиканскихъ сословій, былъ посланъ къ королю, возбудить ходатайство за Наполеона у министра.

Тѣмъ временемъ здоровье Карло все ухудшалось. Лѣченіе, предписанное ему врачомъ, казалось, скорѣе ухудшило его

состояніе. Помѣстивъ Маріанну въ пансіонъ въ Сенъ-Сирѣ, онъ принужденъ былъ поспѣшно вернуться на Корсику, не заѣхавъ даже въ Бріеннъ къ Наполеону. Послѣдній такъ и не видѣлъ отца. Онъ былъ очень опечаленъ извѣстіемъ, полученнымъ имъ, а въ сентябрѣ 1784 года написалъ домой письмо, представляющее собою продолженіе его письма къ дядѣ. Будущее Жозефа непрестанно занимало Наполеона, и онъ долженъ былъ еще разъ объясниться съ отцомъ по поводу того, что́ предпринять, такъ какъ братъ твердо настаивалъ на своемъ новомъ рѣшеніи. Не вѣрится, чтобы логика, которою проникнуто это письмо, принадлежала пятнадцатилѣтнему мальчику,—настолько точно и ясно выражается онъ. Онъ пишетъ:

„Дорогой отецъ, ваше письмо, какъ вы и сами догадываетесь, меня сильно опечалило. Но, такъ какъ ваше здоровье и благо дорогой нашей семьи требуютъ вашего возвращенія на Корсику, то я могу только преклониться передъ Вашимъ рѣшеніемъ. Постараюсь какъ-нибудь утѣшиться въ этомъ.

Какъ же не быть, впрочемъ, счастливымъ и довольнымъ, разъ я увѣренъ въ вашей неизмѣнной любви, а также и въ вашей заботѣ всегда помогать и поддерживать меня? Преисполненный этими чувствами, спѣшу спросить васъ, какое дѣйствіе оказало на васъ купаніе,—а также увѣрить васъ въ своей всепочтительной, огромной и вѣчной благодарности.

Я въ восторгѣ, что Жозефъ вмѣстѣ съ вами вернулся на Корсику и думаю, что перваго ноября, то-есть, черезъ годъ онъ пріѣдетъ сюда. Жозефъ можетъ быть спокоенъ: патеръ Патро, мой учитель математики, не уходитъ. Нашъ директоръ поручилъ мнѣ передать вамъ, что Жозефъ здѣсь будетъ хорошо принятъ, пусть онъ только пріѣдетъ. Патеръ Патро—превосходный преподаватель математики. Онъ увѣрилъ меня, что съ радостью берется обучать моего брата, и если Жозефъ будетъ прилеженъ, то мы бы могли, можетъ быть, сдавать вмѣстѣ экзаменъ по артиллеріи. По-моему, вамъ не надо предпринимать никакихъ шаговъ. Я надѣюсь, дорогой отецъ, что вы все же предпочтете помѣстить его въ Бріеннѣ, а не въ Мецѣ, по слѣдующимъ причинамъ:

1. Потому что это будетъ большимъ утѣшеніемъ для Жозефа, Люсьена и для меня.

2. Потому что вамъ пришлось бы писать директору въ Мецѣ,—и это заняло бы только время, и вамъ пришлось бы долго дожидаться отвѣта.

3. Въ Мецѣ не проходятъ въ полгода всего того, что нужно знать Жозефу для экзамена; въ виду этого его опредѣлятъ въ младшій классъ, такъ какъ онъ не обладаетъ никакими познаніями въ математикѣ. Эта и еще другія причины должны будутъ побудить васъ прислать его сюда, тѣмъ болѣе, что здѣсь ему будетъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Я разсчитываю, что онъ пріѣдетъ сюда въ концѣ октября. Впрочемъ, онъ можетъ уѣхать и двадцать шестого или двадцать седьмого октября и пріѣхать сюда двѣнадцатаго или тринадцатаго ноября.

Очень прошу васъ прислать мнѣ Босвелля (Исторію Корсики), а также и другія историческія сочиненія и мемуары, касающіеся нашей страны. Не безпокойтесь: я ихъ привезу обратно на Корсику, когда вернусь туда,—хотя бы и черезъ шесть лѣтъ. Прощайте, дорогой отецъ. Шевалье *) шлетъ вамъ много сердечныхъ поцѣлуевъ. Онъ работаетъ очень прилежно и хорошо сдалъ экзамены. Инспекторъ пріѣдетъ сюда самое позднее пятнадцатаго или шестнадцатаго сего мѣсяца, то-есть дня черезъ три. Какъ только онъ уѣдетъ, я вамъ сообщу его мнѣніе. Передайте Минанѣ Саверіа, Гертрудѣ, Николино, Тута и другимъ моимъ сердечный привѣтъ и кланяйтесь Менано Франческо, Санто Джіованне и Ораціо. Напишите мнѣ, здоровы ли они всѣ. Шлю пожеланіе, чтобы ваше здоровье было такимъ же хорошимъ, какъ и мое.

Вашъ преданный и покорный сынъ

де-Буонапарте, второй“.

Наполеонъ, который тѣмъ временемъ, какъ явствуетъ изъ его письма, остановилъ свой выборъ на артиллеріи, былъ, наконецъ, допущенъ къ экзамену. Его отвѣты на экзаменѣ въ сентябрѣ 1784 года были настолько блестящими, что инспекторъ Рейно счелъ на сей разъ своимъ долгомъ перевести

*) Его братъ Люсьенъ.

его въ парижское военное училище. Онъ назначилъ его въ отрядъ „Cadets gentilhommes“,—отличіе, котораго удостанвались лишь лучшіе ученики провинціальныхъ военныхъ училищъ. Въ выпускномъ свидѣтельствѣ его стояло: „Caractère dominant, impérieux et entêté“.

Патентъ на „Cadet gentilhomme“ Наполеонъ получилъ 22 октября, а 30-го, въ сопровожденіи своихъ товарищей, Николая Лоренъ-де-Монтарби де-Дамшіерра Жана Жозефа де-Коменжа, Анри Александра Леопольда де-Кастръ-де-Во и Шіерра Франсуа Марія Ложіе-де-Беллекура уѣхалъ въ дилижансѣ изъ Бріенна, гдѣ пробылъ почти четыре съ половиной года. Другъ его Фовле де-Бурьенъ провожалъ его до Ножена. Наполеону предстояло въ первый разъ увидѣть Парижъ, который принесъ ему впослѣдствіи столько славы, блеска и счастья, но также и столько страданій!

Таковъ былъ мальчикъ Наполеонъ.

ГЛАВА IV.

ЮНОСТЬ НАПОЛЕОНА.

Военная школа въ Парижѣ. — Въ полку „La Fère". — На родинѣ.—Гарнизонъ Оксонна.

(Ноябрь 1784—сентябрь 1789 года).

Парижская военная школа, въ которой юный Наполеонъ долженъ былъ закончить свое теоретическое образованіе, была въ противоположность бріеннской поставлена на довольно широкую ногу *). Генералъ-лейтенантъ маркизъ де-Тембрюнъ-Валансъ управлялъ училищемъ въ стилѣ гранъ-синьора и въ сущности нисколько не подходилъ къ этой роли. Субъ-инспекторъ Рейно де-Монъ, благодаря своимъ постояннымъ поѣздкамъ въ провинціальныя военныя училища, очень мало заботился о парижской школѣ и поэтому все бремя ея лежало на плечахъ директора Вальфора,—чрезвычайно добросовѣстнаго и интеллигентнаго человѣка.

Персоналъ училища помимо многочисленныхъ канцелярскихъ чиновниковъ, директора и пр., состоялъ изъ ста пятидесяти человѣкъ,—цифра весьма солидная по сравненію съ незначительнымъ числомъ учениковъ, которое не должно было превышать ста тридцати,—изъ нихъ шестьдесятъ стипендіатовъ. Изъ этихъ начальствующихъ лицъ было тридцать учителей: шесть по математикѣ, четыре по исторіи и географіи, три по рисованію, три по фортификаціи, три по нѣмецкому языку, одинъ по англійскому, два по литературѣ, три по верховой ѣздѣ, три по фехтованію и два танцмейстера. Остальные были служителями въ кухнѣ, домѣ и конюшняхъ. Кромѣ того, сторожевую службу несъ отрядъ инвалидовъ.

Форма парижскаго военнаго училища была очень нарядна

*) Наполеонъ былъ принятъ въ училище 1 или 2 ноября 1784 года.

и составляла предметъ гордости молодыхъ людей. Столъ былъ очень обильный, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ, такъ часто качество уступало количеству. Къ обѣду подавали постоянно шесть блюдъ: супъ, мясо, два жаркихъ и два дессерта. Ужинъ состоялъ изъ жаркого, двухъ другихъ блюдъ, салата и трехъ различныхъ дессертовъ. Постомъ блюдъ, особенно сладкихъ, бывало еще больше. Здѣсь, такъ же, какъ и въ Бріеннѣ, каждый воспитанникъ спалъ въ отдѣльной комнатѣ.

Помѣщеніе училища было просторно и привѣтливо, а управленіе его и канцелярія даже роскошны. Стипендіаты и другіе воспитанники, которые платили въ училище по двѣ тысячи франковъ въ годъ, пользовались одинаковымъ преподаваніемъ и одинаковымъ столомъ. „Cadets gentilhommes“ парижскаго военнаго училища имѣли тотъ же рангъ, что и королевскія войска.

Какъ въ Бріеннѣ, такъ и здѣсь не существовало ни вакацій, ни отпусковъ къ роднымъ. Неправильное поэтому сообщеніе, будто Наполеонъ посѣтилъ свою сестру Маріанну въ Сенъ-Сирѣ. Только одинъ разъ, за день до выхода изъ школы, онъ получилъ разрѣшеніе посѣтить епископа Марбефа, находившагося въ то время въ Парижѣ, да и то только въ сопровожденіи унтеръ-офицера.

Развлеченіемъ и отдыхомъ служили военныя упражненія и верховая ѣзда. Два раза въ недѣлю бывали упражненія въ стрѣльбѣ; болѣе слабые и неповоротливые должны были, однако, упражняться ежедневно въ обращеніи съ оружіемъ и артиллерійскими снарядами.

Въ училищѣ вошло въ обычай, что каждый старшій ученикъ бралъ на себя разъясненіе военныхъ инструкцій новичку. „Старшимъ“ Наполеона былъ шевалье де-Мазисъ, который находился въ училищѣ съ 1783 года. Съ нимъ Наполеона связала скоро искренняя и прочная дружба *). Напро-

*) Во время революціи де-Мазисъ эмигрировалъ и поступилъ сперва на службу къ англичанамъ, а впослѣдствіи къ португальскому королю. Въ 1802 году онъ вернулся во Францію Первымъ Консуломъ, который осыпалъ всю семью благодѣяніями, и былъ назначенъ завѣдующимъ государственными зданіями.

тивъ того, въ другомъ товарищѣ, Фелипо, онъ пріобрѣлъ себѣ уже въ училищѣ заклятаго врага на всю жизнь.

Широко распространено мнѣніе, будто Бонапартъ, изумленный господствовавшей въ училищѣ роскошью, подвергъ ее рѣзкой критикѣ въ письмѣ, обращенномъ ко второму директору бріеннскаго училища, патеру Бертону, окончательно опровергнуто Массономъ, и Шюке. Правда, мысли, изложенныя въ этомъ письмѣ относительно устройства „Hôtel du Champ de Mars“, какъ до сихъ поръ называется еще военное училище, согласуются съ тѣмъ, что Наполеонъ писалъ во время своего плѣненія. „Насъ превосходно кормили, за нами ухаживали и обращались превосходно, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ въ большинствѣ нашихъ семействъ и чѣмъ многіе изъ насъ могли себѣ въ будущемъ позволить“.

Наполеону, который ни на Корсикѣ, ни въ Бріеннѣ не былъ въ этомъ отношеніи избалованъ, такая постановка дѣла должна была показаться чрезвычайно роскошной и расточительной. Онъ не принималъ, однако, во вниманіе, что кромѣ шестидесяти стипендіатовъ, сыновей бѣдныхъ дворянскихъ семействъ, училище посѣщало еще семьдесятъ отпрысковъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ придворныхъ аристократовъ, которые платили, несомнѣнно, высокую для того времени сумму въ двѣ тысячи франковъ въ годъ. Такого впечатлѣнія, какъ Наполеонъ, навѣрное, не получили носители такихъ именъ, какъ Роанъ-Геменэ, Монморанси-Лаваль, Брогли, дела-Нугарэдъ и другіе! Кромѣ того, парижское военное училище было первымъ и самымъ аристократическимъ и вслѣдствіе этого должно было поддерживать извѣстный блескъ.

Жизнь Бонапарта въ этомъ училищѣ была менѣе одинокой, чѣмъ въ Бріеннѣ, хотя какъ разъ здѣсь въ сильной степени проявлялся блескъ высшей аристократіи, съ презрѣніемъ смотрѣвшей на представителей бѣднаго провинціальнаго дворянства. У его сосѣда по комнатѣ, де-Мазиса, бѣднаго, какъ и самъ Наполеонъ, былъ простой, уживчивый характеръ, легко подчинявшійся властолюбивому и уже въ то время сильному другу. Морально, однако, Наполеонъ страдалъ и здѣсь. Вмѣстѣ съ его бріеннскими товарищами появились въ Парижѣ и старыя насмѣшки: и здѣсь за нимъ осталось прозвище:

„Paille-au-nez“. Его странная внѣшность, его еще болѣе странный характеръ, особенно же его непоколебимая вѣра въ своихъ соотечественниковъ возбуждали и здѣсь ѣдкія насмѣшки. Сейчасъ, правда, онъ относился къ нимъ болѣе хладнокровенно, но зато, владѣя лучше французскимъ языкомъ, отвѣчалъ на нихъ болѣе находчиво и логично. Товарищи нарисовали на него каррикатуру: съ толстой дубиной въ рукахъ онъ спѣшитъ на помощь Паоли, между тѣмъ, какъ учитель старается удержать его за косу.

Каррикатура на Бонапарта, нарисованная въ 1785 г. однимъ его товарищемъ на географическомъ атласѣ. (Изъ Archives nationales въ Парижѣ).

Больше, чѣмъ когда-либо несчастная участь его родины, которая принуждена была, наконецъ, склониться передъ силою и принесть въ жертву свободу, вызывала у Наполеона вспышки страшнаго гнѣва, и нужно было вліяніе его друга, чтобы его успокоить. Одинъ изъ учителей по какому-то случаю далъ ему пророческую характеристику: „Корсиканецъ по происхожденію и характеру, онъ пойдетъ далеко, если обстоятельства будутъ ему благопріятствовать“.

Несмотря на все это, Наполеону было по душѣ это училище, устроенное всецѣло на военный ладъ. Ему нравилась непрерывная и строгая дисциплина; физическія упражненія укрѣпляли его здоровье. Часы преподаванія слѣдовали быстро одинъ за другимъ. Ни минуты не тратилось понапрасну. Наказанія назначались въ зависимости отъ проступковъ: карцеръ, арестъ на хлѣбъ и на воду и просто арестъ.

Мало-по-малу, Наполеонъ сблизился съ нѣкоторыми товарищами, но постоянно выдѣлялся среди нихъ своимъ серьезнымъ видомъ и своимъ раздражительнымъ корсиканскимъ характеромъ. Отвѣты его были всегда своеобразны, точны и мѣтки. Когда архіепископъ, монсиньоръ де-Жюнье, у котораго онъ причащался, выразилъ свое удивленіе, что имя „Наполеонъ“ не значится въ святцахъ, юный Бонапартъ отвѣтилъ находчиво, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, разъ святыхъ больше, чѣмъ дней въ году! Едва, однако, сжился Наполеонъ съ новыми условіями, какъ прискорбныя извѣстія съ Корсики омрачили его пребываніе въ Парижѣ. 15 ноября 1784 года его и безъ того многочисленная семья увеличилась еще однимъ отпрыскомъ. Во время поѣздки Карло во Францію, Летиція родила своего младшаго сына Джироламо (Іеронима). Карло хотѣлъ раздобыть во Франціи новыя средства къ существованію, отдать Жозефа въ военное училище въ Мецѣ и кстати посовѣтоваться въ Парижѣ относительно своей болѣзни съ докторомъ ла-Сондомъ. Морское путешествіе ухудшило, однако, его положеніе, и 24 февраля 1785 года онъ умеръ въ Монпелье.

Скорбное извѣстіе, какъ громомъ, поразило Наполеона. Передъ нимъ всталъ тотчасъ же грозный вопросъ: что будетъ съ семьей, лишившейся теперь своего главы? И, кромѣ того, его родина? Какого человѣка лишилась Корсика! „Отечество утратило съ его смертью ревностнаго, просвѣщеннаго и безкорыстнаго гражданина!“ пишетъ онъ 23 марта дядѣ Люціано, который въ августѣ 1785 года на семейномъ совѣтѣ былъ избранъ опекуномъ дѣтей Карло.

Скорбь сына по поводу этой утраты не проявляется, однако, въ его письмахъ къ матери и къ дядѣ съ тою силою, съ какою онъ самъ ее испытывалъ. Въ холодныхъ, вѣжливыхъ

фразахъ соболѣзнованія замѣтна редакція парижскихъ учителей: каждая строчка, которую писали воспитанники своимъ родителямъ, родственникамъ или друзьямъ, прочитывалась ими и „исправлялась“. Они зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы воспитанники выражались изысканно, но по возможности болѣе коротко, на военный ладъ, лишенный всякой сентиментальности. Тѣмъ не менѣе уже въ этомъ письмѣ юнаго Наполеона чувствуется тонъ моральнаго авторитета, который съ этого времени усвоилъ онъ для своей семьи. Луи въ письмѣ къ Вальтеръ-Скотту пишетъ:

„Хотя Наполеонъ и не былъ старшимъ, но съ ранней молодости онъ занялъ положеніе главы семьи и исполнялъ его обязанности“.

Чтобы забыть свое горе и заботы, у юнаго Наполеона оставалась только работа. Ему шелъ теперь шестнадцатый годъ, и онъ могъ получить должность младшаго лейтенанта въ артиллерійскомъ полку. Съ жаромъ принялся онъ за подготовку къ предстоявшему экзамену. Его единственнымъ желаніемъ было начать зарабатывать, чтобы имѣть возможность поддерживать семью. Какъ въ Бріеннѣ, онъ цѣлыми часами просиживалъ въ своей комнатѣ и не пускалъ къ себѣ никого, чтобы не отвлекаться отъ занятій. Однажды онъ заперся даже на три дня, питаясь только самымъ необходимымъ, и впускалъ къ себѣ только денщика для уборки. По математикѣ, которую преподавалъ ему Людовикъ Монжъ, братъ знаменитаго Монжа, по исторіи и географіи Наполеонъ былъ подготовленъ хорошо; однако, его знанія по литературѣ, и успѣхи по рисованію, фехтованію и верховой ѣздѣ заставляли желать многаго. Тѣмъ не менѣе, его учителя признавали, что онъ незаурядный воспитанникъ. Преподаватель исторіи, де-л'Эскиль, составилъ о немъ вышеупомянутое сужденіе и впослѣдствіи чрезвычайно гордился своимъ предвидѣніемъ. Первый Консулъ принималъ его затѣмъ часто въ Мальмезонѣ и однажды якобы сказалъ ему: „Изъ всѣхъ вашихъ уроковъ самое глубокое впечатлѣніе произвелъ на меня тотъ, когда вы говорили о возвышеніи конетабля Бурбона. Вы были. однако, неправы, говоря, что тягчайшее его преступленіе было

въ борьбѣ противъ короля. Онъ повиненъ лишь въ томъ, что покорилъ Францію при помощи чужестранцевъ".

Кромѣ л'Эскиля на пониманіе личности Наполеона претендуетъ и преподаватель литературы Домеронъ: онъ утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, что былъ приведенъ въ изумленіе своеобразными достоинствами его сочиненій. Онъ характеризуетъ литературныя упражненія юнаго Наполеона слѣдующимъ выраженіемъ:

„Они точно гранитъ, раскаленный вулканомъ". Только одинъ обманулся, повидимому, въ способностяхъ Наполеона: преподаватель нѣмецкаго языка Бауэръ. По его предмету Наполеонъ считался самымъ плохимъ ученикомъ, такъ какъ обладалъ, какъ извѣстно, очень незначительными способностями къ языкамъ. Впослѣдствіи во время своихъ походовъ въ Германію, онъ не произнесъ ни одного слова по-нѣмецки, а на Святой Еленѣ ему доставило безконечное мученіе выучить нѣсколько словъ по-англійски. Въ одинъ прекрасный день онъ не явился на урокъ Бауэра. На его вопросъ, гдѣ Бонапартъ, воспитанники отвѣчали, что у него сегодня репетиція по артиллерійскимъ наукамъ. „Вотъ какъ, развѣ онъ вообще на что-нибудь способенъ?"—удивленно спросилъ нѣмецъ. И когда молодые люди сообщили учителю, что Бонапартъ лучшій математикъ во всемъ училищѣ, онъ замѣтилъ презрительно: „Да, я всегда былъ того мнѣнія, что математика только для глупцовъ".

Желающихъ поступить въ артиллерію было немного въ парижскомъ военномъ училищѣ. Воспитанники предпочитали большею частью значительно болѣе аристократическую кавалерію, гдѣ имъ не приходилось такъ много работать, какъ въ инженерныхъ и артиллерійскихъ войскахъ. Многіе вообще не задавались цѣлью посвятить себя военной службѣ, а учились здѣсь лишь для того, чтобы скорѣе добиться положенія при дворѣ. Изъ пятидесяти восьми воспитанниковъ, которыхъ ожидало производство въ офицеры, только восемь избрали артиллерію.

Въ началѣ сентября 1785 года Лапласъ, котораго впослѣдствіи императоръ удостоилъ высокихъ почестей и знаковъ отличія, проэкзаменовалъ юнаго Бонапарта по ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи и алгебрѣ. Наполеонъ и его другъ

де-Мазисъ были назначены лейтенантами. Столь часто упоминаемое выпускное свидѣтельство Бонапарта изъ военнаго училища несомнѣнно не настоящее.

Патента пришлось, однако, ждать довольно долго. Только въ началѣ октября Наполеонъ получилъ его съ приказаніемъ отправиться въ артиллерійскій полкъ „La Fère“, расположенный въ Валансѣ. Онъ самъ избралъ этотъ полкъ, потому что какъ разъ онъ посылался два раза на Корсику. Онъ питалъ надежду, что его пошлютъ на родину.

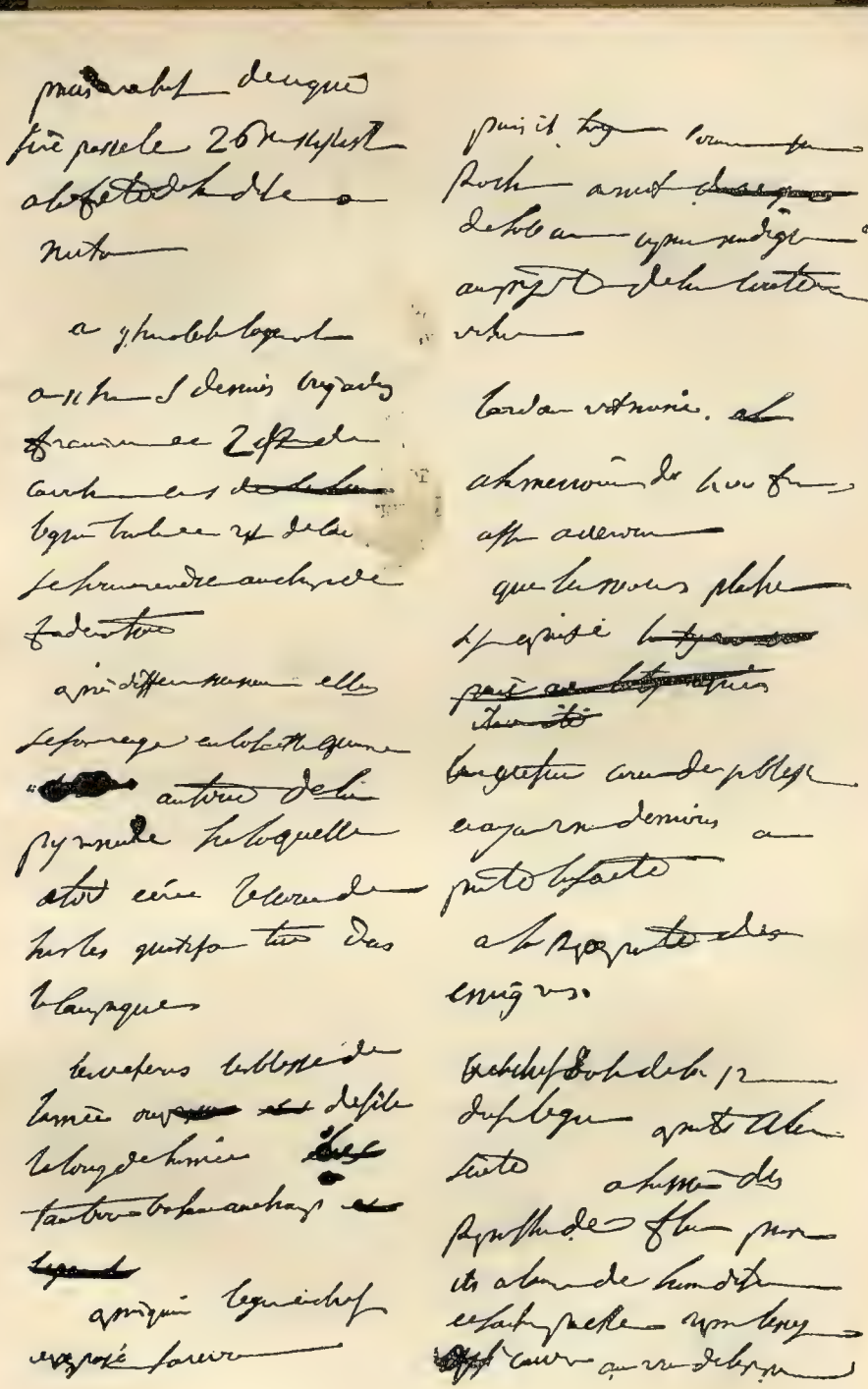
Бонапартъ покинулъ Парижское военное училище 30 октября 1785 года въ возрастѣ шестнадцати лѣтъ: года пребыванія тамъ было ему достаточно для полученія первой военной степени! Одновременно съ нимъ лейтенантами были назначены шестеро его товарищей: де-Мазисъ, де-Дамуазо, ле-Льеръ, Мареско де-ла-Ну, Гербертъ де-Беллефонъ и Белли де-Бюсси.

* * *

Первый шагъ былъ сдѣланъ. Въ то время, какъ Наполеонъ вмѣстѣ съ де-Мазисомъ ѣхалъ въ ліонскомъ дилижансѣ, извѣстномъ, кстати, своей быстротой,—его мысли были на Корсикѣ у семьи. Онъ все еще не видѣлъ средства спасти ее отъ нужды. Какія перспективы у него? Онъ долгое время будетъ теперь получать лишь восемьсотъ франковъ въ годъ, а впереди только надежда стать капитаномъ или, если ему посчастливится, полковникомъ. Но до тѣхъ поръ еще очень много времени.

До выхода изъ военнаго училища онъ думалъ, что ему разрѣшатъ съѣздить на родину. Но надежды его рушились; приказаніе гласило, чтобы онъ отправился прямо въ Валансъ. И 30 октября, послѣ визита къ епископу Отенскому, монсиньору де-Марбефу, онъ, вмѣстѣ съ де-Мазисомъ и еще однимъ товарищемъ, Дальма, назначеннымъ въ артиллерійскую школу въ Валансѣ, выѣхалъ изъ Парижа.

Все достояніе его, согласно установленнымъ правиламъ, состояло изъ дюжины рубахъ, дюжины штановъ, двѣнадцати паръ носковъ, дюжины носовыхъ платковъ, двухъ ночныхъ колпаковъ, четырехъ паръ чулокъ, пары застежекъ для сапогъ, пары застежекъ для короткихъ штановъ, сабли и



Рукопись Наполеона.

серебряныхъ запонокъ для воротника, а также 157 франковъ и 16 су, изъ которыхъ 24 франка считались авансомъ въ счетъ жалованья. Ему было не нужно,—въ противоположность сообщенію мадамъ Юно въ ея мемуарахъ,—брать денегъ взаймы на дорогу у Пертоновъ, которыхъ, кстати сказать, онъ тогда еще вовсе не зналъ.

4 или 5 ноября 1785 года оба молодыхъ лейтенанта прибыли въ Валансъ. Въ приказѣ значилось, что они должны были остановиться у мадемуазель Клодины Бу, владѣлицы „Café du Cèrcle“, которой „именемъ короля предлагалось предоставить ночлегъ двумъ лейтенантамъ королевскаго артиллерійскаго полка „La Fère“.

Мадемуазель Бу, славная старушка, жила на углу Большой улицы и улицы Круассанъ, гдѣ держала кафе и сдавала комнаты офицерамъ. Наполеону такъ тутъ понравилось, что онъ рѣшилъ у нея поселиться. Комната его находилась въ первомъ этажѣ, рядомъ съ билліардной, въ которой нерѣдко собирались для игры офицеры. Юнаго офицера встрѣтилъ самый радушный пріемъ: мадемуазель Бу смотрѣла за его бѣльемъ и костюмомъ и оказалась превосходной хозяйкой во всѣхъ отношеніяхъ. Другъ его, де-Мазисъ, покинулъ его уже на слѣдующій день и переселился къ своему брату, капитану того же полка.

Полкъ Ла-Феръ съ 1783 года стоялъ въ Валансѣ. Онъ раздѣлялся на пять бригадъ по четыре отряда или на два батальона по десяти отрядовъ. Изъ послѣднихъ четыре отряда составляли пятую бригаду подъ начальствомъ Кентена. Командиромъ былъ шевалье де-Лансъ. Наполеонъ Бонапартъ былъ прикомандированъ къ первому отряду подъ начальствомъ капитана Масона д'Отюма, но долженъ былъ, какъ каждый „cadet gentilhomme“, пройти всѣ ступени, отъ рядового солдата до лейтенанта. Продолжительность этой службы зависѣла всецѣло отъ способностей молодого офицера. Наполеону понадобилось всего три мѣсяца. 10 января 1789 года онъ былъ принятъ въ офицерскую корпорацію „Ла-Феръ“.

Наконецъ-то могъ онъ одѣть столь желанный артиллерійскій мундиръ. До этихъ поръ онъ долженъ былъ носить форму военнаго училища. Въ сущности обѣ онѣ мало отличались.

другъ отъ друга, по крайней мѣрѣ во времена Наполеона. Для него, однако, артиллерійскій мундиръ былъ прекраснѣйшимъ въ мірѣ: объ этомъ онъ не забылъ упомянуть, будучи консуломъ, когда впервые надѣлъ гренадерскую форму. Артиллерійская форма состояла изъ короткихъ синихъ рейтузъ, такого же цвѣта суконнаго жилета, голубого мундира съ синими реверами и воротникомъ и красными обшлагами, карманы были обшиты краснымъ шнуромъ. Блестящій видъ завершали золотыя пуговицы съ номеромъ полка, погоны съ золотыми шнурами, бѣлый галстукъ, выдавшійся изъ-подъ воротника мундира, и бѣлыя батистовыя манжеты.

Въ первый мѣсяцъ своего пребыванія въ полку Бонапартъ употреблялъ все свое время на изученіе артиллерійской службы. Послѣдняя была довольно трудна. Три раза въ недѣлю давались теоретическіе и три раза практическіе уроки, во время которыхъ выдвигались осадныя орудія, изготовлялись артиллерійскіе снаряды, пускались сигнальныя ракеты,— словомъ, производились всѣ манипуляціи, необходимыя для артиллериста. Полкъ имѣлъ блестящую репутацію и считался однимъ изъ самыхъ энергичныхъ, неутомимыхъ и дисциплинированныхъ во всей арміи, хотя въ немъ между офицерами всѣхъ ранговъ господствовали самыя тѣсныя товарищескія отношенія. Въ полкъ Ла Феръ принимались только лучшія военныя силы. Капитанъ Ришуфле выпустилъ „Avis à la belle jeunesse“, въ которой онъ обращалъ особое вниманіе на то, чтобы офицеры три раза въ недѣлю танцовали и два раза играли въ мячъ; остальное время должно тратиться на фехтованіе и игру въ кегли. Они, по его мнѣнію, получали хорошее жалованье, шестьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ, и имѣли всѣ шансы на быстрое повышеніе. О какихъ-либо развлеченіяхъ Наполеонъ Бонапартъ въ началѣ своего пребыванія въ Валансѣ не могъ даже и думать. Тѣмъ не менѣе онъ завязалъ нѣкоторыя знакомства въ тамошнемъ обществѣ. Между прочимъ, онъ бывалъ у мадамъ Грегуаръ дю-Коломбье, салонъ которой считался въ городѣ однимъ изъ самыхъ видныхъ. Она часто приглашала молодого офицера въ свое помѣстье и знакомила его со многими вліятельными особами.

У мадамъ дю-Коломбье была шестнадцатилѣтняя дочь

Каролина. Красивой назвать ее было трудно, но юность и грація придавали ей обаяніе. Пылкій Наполеонъ поспѣшилъ, конечно, въ нее влюбиться. Это было первымъ идеальнымъ чувствомъ юноши къ женщинѣ, но отношенія ихъ были самаго невиннаго свойства. „Мы назначали другъ другу свиданія,— говорилъ императоръ на Св. Еленѣ въ счастливомъ воспоминаніи объ этомъ невинномъ періодѣ;—я помню особенно хорошо одно изъ нихъ, въ раннее лѣтнее утро. Никто не повѣритъ, что все наше счастье заключалось въ томъ, что мы вмѣстѣ ѣли вишни". Онъ не забываетъ, однако, добавить, что мечта его юности впослѣдствіи „страшно измѣнилась". Эта первая вспышка любви юнаго Наполеона продолжалась недолго и не увѣнчалась брачнымъ союзомъ. Каролина дю-Коломбье 31 марта 1792 года вышла замужъ за бывшаго капитана Гарремпеля де-Брессье. Наполеонъ вспомнилъ впослѣдствіи о своей юной любви и пожаловалъ ея мужу, брату и ей самой титулы и знаки отличія*).

Послѣ Каролины дю-Коломбье вниманіе Бонапарта привлекла прелестная мадемуазель де-Лобери де-Сенъ-Жерменъ. Онъ часто танцовалъ съ молодой дѣвушкой, но и здѣсь дѣло ограничилось невиннымъ флиртомъ. Мадемуазель де-Сенъ-Жерменъ стала впослѣдствіи мадамъ де-Монталиве. Супругу ея не пришлось жаловаться, на то, что жена его въ молодости встрѣтилась съ Наполеономъ. Бонапартъ назначилъ его сперва префектомъ департамента, потомъ генеральнымъ директоромъ мостовъ и шоссе, а въ концѣ-концовъ,—министромъ внутреннихъ дѣлъ и пожаловалъ ему графское достоинство.

Много другихъ знакомствъ, приписываемыхъ Наполеону во время его перваго пребыванія въ Валансѣ, относятся къ позднему періоду.

Его совершенно не привлекала свѣтская жизнь. Денегъ у него было очень мало, къ тому же онъ былъ скроменъ и трудно привыкалъ къ людямъ; кромѣ того, онъ старался посвящать все свое свободное время усовершенствованію

---

*) Мадамъ де-Брессье была назначена фрейлиной матери-императрицы.

своего образованія. Съ большой радостью предавался онъ размышленіямъ, переносившимъ его на любимый островъ. Онъ рисовалъ себѣ смѣлые освободительные планы, которыми онъ въ одинъ прекрасный день изумитъ своихъ угнетенныхъ корсиканскихъ друзей. Благодаря постоянному изученію исторіи своего отечества, его воспріимчивая фантазія и пылкій темпераментъ возгорались съ каждымъ днемъ все больше и больше. Ненависть къ „тиранамъ“ увеличивалась, и Наполеонъ не замѣчалъ, что онъ въ качествѣ королевскаго лейтенанта служитъ именно этимъ тиранамъ. „Паоли, Коломбано, Сампіеро, Помпиліани, Джаффори!“—фанатически восклицаетъ семнадцатилѣтній Наполеонъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ о Корсикѣ 26 апрѣля 1786 года;—славные мстители за человѣчество! Герои, освободившіе соотечественниковъ отъ гнета деспотизма! Но что было благодарностью за всѣ ваши подвиги? Кинжалы, кинжалы,—ничего, кромѣ кинжаловъ!“

Богатую пищу мыслямъ своимъ находилъ онъ въ читальнѣ книгопродавца Ореля, жившаго въ подвалѣ сосѣдняго дома. Наполеонъ, какъ и большинство его товарищей, былъ у него абонированъ. Гедувиль, будущій посланникъ ла-Рибуазіеръ и Сорбье, будущій генералъ-инспекторъ артиллеріи, и другіе усердно посѣщали вмѣстѣ съ Бонапартомъ читальню.

У Ореля Наполеонъ нашелъ „Contrat social“ и „Confessions“ Руссо,—этого великаго республиканца и пламеннаго защитника порабощенныхъ народовъ. Развѣ не Корсику называетъ Руссо той страной, которая когда-нибудь повергнетъ въ изумленіе весь міръ, развѣ не страстно желалъ онъ окончить дни свои въ благословенной странѣ? Воображеніе молодого Наполеона воспламенялось этими твореніями великаго генія. Подобно Руссо, человѣческое общество казалось ему погибающимъ. Онъ чувствовалъ свое родство съ нимъ. У Руссо, какъ и у него, былъ пламенный характеръ республиканца и необузданная воля, черезчуръ гордая, чтобы склониться передъ гнетомъ. Руссо и Корсика,—въ нихъ концентрировалась теперь вся жизнь Наполеона.

Воодушевленный геніемъ женевскаго философа, Бонапартъ излилъ всю силу своей фантазіи въ трехъ публицистическихъ

статьяхъ *). Въ нихъ ясно проявляется вліяніе Руссо. „Постоянно одинъ среди людей,—записываетъ Наполеонъ 3 мая 1786 года въ свой дневникъ,—возвращаюсь я домой и всецѣло предаюсь своимъ мечтаніямъ и своей томительной меланхоліи". И далѣе: „Какъ далеки все же люди отъ природы! Какъ они трусливы и пошлы! Что ждетъ меня на родинѣ? Мои соотечественники, окованные цѣпями рабства, дрожащими руками цѣлуютъ руку, которая ихъ угнетаетъ! Это больше не тѣ храбрые корсиканцы, которыхъ воодушевлялъ своимъ мужествомъ герой, не враги тирановъ, роскоши и пошлыхъ царедворцевъ!" Тутъ, конечно, цѣликомъ вліяніе Руссо!

Но въ той же мѣрѣ, какъ объ отечествѣ, тяготили Наполеона заботы и о семьѣ. Жозефъ довольно прозрачно описывалъ брату въ своихъ письмахъ тяжелое положеніе семьи, которое благодаря заботамъ о воспитаніи младшихъ дѣтей еще тяжелѣе ложилось бременемъ на плечи Летиціи. Будущее Люсьена особенно озабочивало Наполеона. Вакансіи въ Бріеннѣ получить не удалось, мало шансовъ было и на стипендію въ семинаріи въ Эксѣ. Къ тому же Летиція понесла крупные расходы сравнительно со своимъ стѣсненнымъ матеріальнымъ положеніемъ для того, чтобы войти во владѣніе доставшимся ей по наслѣдству имѣніемъ Миллели; доходовъ же еще не было видно. Наполеону очень хотѣлось поѣхать на Корсику, чтобы самому урегулировать дѣла.

Тоска по родинѣ и семьѣ становилась все сильнѣе и сильнѣе. Больше, чѣмъ когда-либо, казался онъ себѣ самому выброшеннымъ изъ колеи.

Тоска по родинѣ, которой онъ былъ не въ силахъ больше преодолѣть, проявлялась въ его письмахъ къ матери и брату. Но этого ему было мало: ему хотѣлось излить свою больную душу человѣку, который бы его понималъ. Въ Турионѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Валанса, жилъ его соотечественникъ, нѣкій Понторнини. Къ нему-то и ходилъ Наполеонъ, когда ему становилось особенно тяжело, и говорилъ

*) „Sur la Corse", „Sur le suicide" и „Réfutation de la défense du christ ianisme par Roustan".

съ нимъ о Корсикѣ, о своей дорогой родинѣ. Этому Понторнини мы обязаны автентичнымъ портретомъ юнаго Бонапарта. Портретъ изображаетъ его четкій, энергичный профиль; волосы спадаютъ до половины лба, ротъ красиво очерченъ, губы тонки, а выраженіе лица странно-серьезно и строго для шестнадцатилѣтняго юноши.

Первый портретъ Наполеона, нарисованный его соотечественникомъ Понторнини. (Muséé de Versailles).

При всей своей меланхоліи Наполеонъ искалъ и находилъ утѣшеніе въ книгахъ. Но скоро онъ исчерпалъ всю библіотеку Ореля. Изъ своего скуднаго офицерскаго жалованья, котораго едва хватало на поддержаніе жизни, онъ находилъ еще возможность тратить кое-что на духовную пищу. 29 іюля 1785 года онъ заказалъ у женевскаго книгопродавца Поля Барда „Мемуары мадамъ де-Варанъ“ и два послѣднихъ тома

„Исторіи революціи на Корсикѣ“ аббата Жермана. Заказъ сопровождался примѣчаніемъ, чтобы Бардо указалъ ему „всѣ сочиненія о Корсикѣ, которыя онъ имѣетъ на складѣ или которыя можетъ пріобрѣсти“.

Послѣдніе гроши жертвовалъ молодой офицеръ, чтобы лучше познакомиться со своей родиной, исторію которой онъ намѣревался писать. Ему приходилось быть чрезвычайно экономнымъ. Всѣ его доходы равнялись въ то время тысячѣ двумъ стамъ франкамъ въ годъ: восемьсотъ франковъ жалованья, сто двадцать франковъ квартирныхъ, двѣсти франковъ пособія, которое онъ получалъ въ качествѣ бывшаго ученика парижскаго военнаго училища вплоть до назначенія его старшимъ лейтенантомъ — и кое-какія карманныя деньги, которыя онъ время отъ времени получалъ отъ дяди Люціано. Изъ этой суммы Бонапартъ долженъ былъ оплачивать не только квартиру, столъ и одежду, но и покрывать всевозможные побочные расходы, неизбѣжные въ жизни офицера. Не всегда могъ бѣдный корсиканскій дворянинъ отдѣлываться отъ празднествъ, баловъ, пирушекъ и прочаго. Видовъ на повышеніе, которое происходило въ Ла Феръ въ строгомъ порядкѣ, никакихъ не было. Въ январѣ 1787 года Наполеонъ все еще былъ лейтенантомъ.

Обѣдали молодые офицеры всѣ вмѣстѣ въ гостинницѣ „Трехъ Голубей“, принадлежавшей нѣкоему Жени. Болѣе состоятельные офицеры ходили къ извѣстному ресторатору Фору, кухня котораго славилась на весь городъ. Наполеонъ тоже нѣсколько разъ бывалъ тамъ, несмотря на свою скромность и умѣренность. Онъ охотно вспоминалъ объ обильныхъ обѣдахъ у Фора: когда въ 1811 году онъ принималъ депутатовъ департаментовъ, онъ обратился со слѣдующими словами къ мэру Валанса: „Ну, м-сье Планта, что у васъ слышно?.. Скажите, земляки ваши все еще такіе же гурманы, какъ въ мои времена? А ресторатеръ Форъ готовитъ все такіе же вкусные паштеты? Да, да, Форъ одна изъ достопримѣчательностей Валанса. Я прекрасно помню его“.

Такимъ образомъ, жизнь Наполеона въ Валансѣ не была сплошной цѣпью лишеній, какъ ее обычно изображаютъ. Въ будни, правда, его первый завтракъ состоялъ изъ стакана

воды и двухъ хлѣбцевъ, которые онъ покупалъ въ булочной Куріоль. Онъ самъ бралъ съ прилавка хлѣбъ, клалъ два су и молча съѣдалъ скромный завтракъ.

Въ это время, однако, Бонапартъ не былъ ни особенно мраченъ, ни угрюмъ и не впадалъ временами въ состояніе безсильной злобы, какъ въ Бріеннѣ. Его совершенно измѣнившееся положеніе способствовало перемѣнѣ его характера. Онъ гордился своимъ артиллерійскимъ мундиромъ и принадлежностью къ офицерской корпораціи и по временамъ веселился вмѣстѣ съ товарищами, съ которыми сблизился теперь нѣсколько больше, чѣмъ прежде въ Бріеннѣ и въ Парижѣ. Если бы не заботы о семьѣ, онъ, несмотря на всю нужду, былъ бы счастливѣйшимъ офицеромъ на свѣтѣ, хотя въ то же время онъ и писалъ въ своемъ дневникѣ: „Жизнь тяготитъ меня: я ни въ чемъ не нахожу удовлетворенія, все причиняетъ мнѣ только страданія. Она тяготитъ меня потому, что нравы людей, съ которыми я живу и, вѣроятно, всегда буду жить, столь же отличаются отъ моего характера, какъ свѣтъ луны отъ свѣта солнца“. Это была отчасти риторика Руссо, которая не мѣшала, однако, Наполеону сближаться все болѣе и болѣе съ товарищами. Бывали, правда, дни, когда глубокая меланхолія, вытекавшая изъ его тоски по родинѣ, проявлялась въ бурныхъ вспышкахъ. Въ такія минуты онъ казался товарищамъ какой-то загадкой, исключая, быть-можетъ, де-Мазиса, который одинъ понималъ Наполеона. Бонапартъ часто принималъ участіе въ ихъ развлеченіяхъ, поскольку это позволяли ему его средства. Онъ любилъ предпринимать продолжительныя прогулки, любилъ ходить и восторгался по примѣру Руссо красотами природы.

Въ іюнѣ 1786 года онъ, въ сопровожденіи одного друга,— по всей вѣроятности, неразлучнаго съ нимъ де-Мазиса,— предпринялъ экскурсію въ городъ Дофинэ. Съ Рошъ-Коломба они наслаждались видомъ на долину, разстилавшуюся у ихъ ногъ. И юный Наполеонъ находилъ возвышенныя слова, въ которыхъ выражалось его наслажденіе красотою природы.

Между тѣмъ 12 августа 1786 года батальонъ Наполеона былъ назначенъ въ Ліонъ для подавленія вспыхнувшихъ тамъ безпорядковъ шелковыхъ ткачей, требовавшихъ повы-

шенія заработной платы на два су за локоть. Безпорядки эти получили названіе „Révolte de deux sous“. Бонапартъ и де-Мазисъ прибыли въ Ліонъ 14 августа.

Офицеры поселились въ видныхъ купеческихъ семействахъ города и болѣе или менѣе были довольны своимъ пребываніемъ въ городѣ. Особенно повезло Наполеону. Сперва онъ жилъ въ предмѣстьѣ Вэзъ, а потомъ переѣхалъ къ вдовѣ Бланъ. По его словамъ, любезный пріемъ его первыхъ хозяевъ нѣсколько стѣснялъ его личную свободу. Когда поэтому одинъ изъ его пріятелей пожаловался ему на плохую квартиру, Бонапартъ тотчасъ же помѣнялся съ нимъ, хотя ему и осталось прожить въ Ліонѣ всего нѣсколько дней. „Я точно въ аду,—вскричалъ онъ внѣ себя,—я не могу никуда выйти; любезность хозяина меня тяготитъ... Я не останусь тамъ ни минуты. Я не въ состояніи ни о чемъ думать въ этомъ проклятомъ домѣ!“ Они обмѣнялись квартирами къ обоюдному своему удовольствію.

Безпорядки были подавлены въ нѣсколько дней. Въ концѣ августа, когда полкъ его готовился къ переходу въ новый гарнизонъ Дуэ, Наполеонъ снова пріѣхалъ въ Валансъ, чтобы запаковать чемоданы: ему разрѣшили шестимѣсячный отпускъ въ Корсику. Сердце его билось учащенно, при этомъ. Наконецъ-то, увидитъ онъ „свою дорогую отчизну, гдѣ будетъ,—какъ онъ самъ выражался,—жить хотя бы нѣкоторое время сердцемъ“, послѣ того, какъ онъ такъ долго жилъ разумомъ.

По дорогѣ на Корсику онъ заѣхалъ въ Эксъ, чтобы навѣстить молодого Феша, который не закончилъ еще своего духовнаго образованія. Онъ свидѣлся здѣсь и съ маленькимъ Люсьеномъ, который учился въ семинаріи, и нанесъ давно уже тяготившій его визитъ директору Амьену. Послѣ этого онъ направился прямо на родину.

***

Двѣ недѣли спустя, 15 сентября 1786 года, Наполеонъ послѣ семилѣтняго отсутствія пріѣхалъ на Корсику. У него сжалось сердце, когда онъ съ корабля, издали увидѣлъ вздымавшіяся изъ моря темныя скалы любимаго острова. А когда приблизился къ нимъ, то почувствовалъ „его ароматъ“.

Весь городъ зналъ, что пріѣзжаетъ второй сынъ Карло Бонапарта. И прибытіе его стало поэтому цѣлымъ событіемъ. Уѣхавъ дикимъ, необузданнымъ мальчикомъ, Наполеонъ возвратился молодымъ, вполнѣ зрѣлымъ для своихъ семнадцати лѣтъ человѣкомъ, облеченнымъ въ королевскій мундиръ. Земляки его не мало гордились молодымъ офицеромъ, первымъ корсиканцемъ, вышедшимъ изъ парижскаго военнаго училища. Въ гавань, навстрѣчу Наполеону, вышли всѣ знакомые, друзья и родные. Старая Катарина, вѣрная Камилла Иллари, сіявшая отъ счастья, что видитъ снова своего „caro figlio“, пастухъ Багалино,—всѣ его вѣрные слуги привѣтствовали его возвращеніе. Его безъ конца обнимали, но Наполеонъ отвѣчалъ на привѣтствія молча: долгое отсутствіе отучило его отъ его родного діалекта.

Дома ждали его мать съ сестрами и братьями, бабка Фешъ, дядя Люціано, дядя Паравичини и тетка Гертруда. Трехъ младшихъ дѣтей, шестилѣтнюю Полетту, четырехлѣтнюю Аннунціату и маленькаго Джироламо, которому исполнилось всего два года, Наполеонъ увидѣлъ впервые. Домашнія обязанности и заботы превратили Летицію въ пожилую женщину, а дядя архидіаконъ былъ уже цѣлый годъ прикованъ къ постели. Его духовная свѣжесть не пострадала, однако, и позволяла ему, поскольку возможно, заботиться о дѣтяхъ. Ему помогали въ этомъ Жозефъ и тетка Паравичини.

Старшій братъ слѣдующими словами описываетъ впечатлѣніе, произведенное на семью молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ: „Пріѣхалъ Наполеонъ. Это было большимъ счастьемъ для матери и для меня... Видъ страны привелъ его въ восхищеніе, онъ сталъ прилежнымъ, вдумчивымъ человѣкомъ, но совсѣмъ инымъ, чѣмъ изображаютъ его авторы мемуаровъ, впадающіе всѣ въ однѣ и тѣ же ошибки. Въ то время онъ былъ страстнымъ поклонникомъ Руссо и Виталь, какъ мы всѣ выражались, въ идеальномъ мірѣ. Ему нравились шедевры Корнеля, Расина и Вольтера, которые мы постоянно читали вслухъ. У него были произведенія Плутарха, Платона, Корнеля, Непота, Тита Ливія и Тацита во французскихъ переводахъ. Кромѣ того, книги Монтени, Монтескьё и Рейналя. Всѣ онѣ находились въ сундукѣ, который былъ гораздо

больше того, гдѣ лежало его платье. Я не отрицаю, что у него были и стихи Оссіана, но категорически опровергаю сообщеніе, будто онъ предпочиталъ ихъ Гомеру".

Больше, чѣмъ когда-либо, испытывалъ Наполеонъ необходимость стать опорой многочисленной семьи. Семидесятилѣтній дядя могъ умереть каждый день, а Жозефъ, несмотря на все свое желаніе, не былъ для этого подходящимъ человѣкомъ и, кромѣ того, намѣревался вообще уѣхать въ Пизу для соисканія докторской степени. Послѣдняя дастъ ему возможность получить должность на Корсикѣ и такимъ образомъ быть подлѣ матери.

Наибольшія заботы доставлялъ Наполеону Люсьенъ, который уѣхалъ изъ Бріенна и поступилъ въ духовную семинарію въ Эксѣ, гдѣ Марбефъ обѣщалъ ему вакансію Феша. Но покровитель семьи умеръ 20 сентября 1786 года, и возникло опасеніе, что безплатно помѣстить его будетъ очень трудно. Въ виду этого Наполеонъ и посѣтилъ по дорогѣ директора Амьена и просилъ его за младшаго брата, но такъ и не добился благопріятнаго отвѣта. Семью Бонапартовъ, повидимому, забыли.

Тѣмъ не менѣе Наполеонъ все же былъ радъ возможности провести нѣсколько мѣсяцевъ на своемъ островѣ въ кругу близкихъ. Заботы, тяготившія его все время, казались ему здѣсь не такими уже мрачными. По примѣру Руссо, онъ испытывалъ на себѣ чары природы. Его Корсика, ароматъ которой, какъ онъ говорилъ, онъ бы отличилъ съ закрытыми глазами отъ всѣхъ прочихъ странъ,—островъ съ красивыми долинами и могучими скалами, омываемый лазурными волнами моря, былъ предметомъ его неустаннаго воодушевленія. Наполеонъ былъ счастливъ. Впослѣдствіи онъ говорилъ какъ-то объ этомъ первомъ пребываніи на Корсикѣ: „Для моего счастья недоставало тогда лишь двухъ дорогихъ мнѣ людей: отца и графа Марбефа, котораго мы лишились 20 сентября и о которомъ долго скорбѣла вся наша семья".

Соотечественники, съ ихъ чистыми, неиспорченными нравами и своей умѣренностью, воплощали въ глазахъ молодого Бонапарта естественныхъ людей женевскаго философа. Видѣть ихъ порабощенными было для него невыносимо. Здѣсь

на мѣстѣ могъ развить онъ свои планы исторіи Корсики; здѣсь представлялась ему наудобнѣйшая возможность и собрать матеріалы и приступить къ ихъ обработкѣ. Усадьба Миллели, отдаленная отъ города, была удобнымъ мѣстомъ для занятій. Туда-то и отправился семнадцатплѣтній историкъ. Тамъ подъ тѣнью старыхъ оливъ, въ гротахъ и темныхъ аллеяхъ парка, онъ питалъ свой жадный умъ чтеніемъ научныхъ сочиненій. Тамъ превращались въ смѣлые планы его мысли, которыхъ перо не успѣвало запечатлѣвать на бумагѣ

Съ твердой рѣшимостью и силою воли, присущей ему, онъ ревностно принялся за итальянскій языкъ, чтобы прочесть въ оригиналѣ „Giustificazione“ и „Disingnanno“ Филипини, и чтобы слиться съ народомъ, который онъ мечталъ освободить отъ тиранніи и гнета. Ему хотѣлось поднять свою страну на высшую ступень благосостоянія, онъ понималъ, что это возможно исключительно путемъ поощренія земледѣлія. Онъ обратилъ поэтому вниманіе своихъ соотечественниковъ на цвѣтущую французскую агрикультуру, которую они должны взять себѣ за образецъ. Самъ онъ рѣшилъ подать имъ примѣръ во владѣніяхъ своей земли, но встрѣтилъ энергичное сопротивленіе дяди Люціано, который не хотѣлъ дать ни одного су и полунегодующе, полушутливо назвалъ племянника: „il novatore“. Во всемъ же остальномъ Наполеонъ сходился во взглядахъ со старикомъ, мимо котораго прошло три четверти столѣтія. Съ нимъ онъ говорилъ много о бѣдствіяхъ, постигшихъ его родину; здѣсь его понимали, здѣсь корсиканецъ говорилъ съ корсиканцемъ.

Тѣмъ временемъ шестимѣсячный отпускъ приходилъ къ концу. Нужно было снова подготовиться къ жизни съ людьми, непонимавшими его. А къ этому у молодого лейтенанта не было, повидимому, ни малѣйшей охоты. Кромѣ того, и здоровье нѣсколько ослабѣло. Весною 1787 года онъ заболѣлъ перемежающейся лихорадкой, которая съ тѣхъ поръ не оставляла его. Наполеонъ упоминаетъ о ней въ письмѣ отъ 1 апрѣля 1787 года къ извѣстному женевскому врачу Тиссо. Эта лихорадка послужила ему поводомъ къ ходатайству о продленіи отпуска.

Просьба его была уважена, и 16 мая онъ получилъ новый

шестимѣсячный отпускъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ въ королевскихъ полкахъ существовалъ обычай просить всегда о продленіи отпусковъ; иногда такое прошеніе подавалось даже до двухъ разъ. Каждый офицеръ пользовался этимъ и почти никогда не случалось, чтобы кто-нибудь возвращался въ установленный срокъ. Въ этомъ отношеніи полкъ „Ла-Феръ“ былъ чрезвычайно снисходителенъ къ офицерамъ.

Наполеонъ былъ счастливъ, получивъ возможность прожить въ кругу своихъ еще полгода или, вѣрнѣе, даже семь мѣсяцевъ, потому что корсиканцамъ давался еще мѣсяцъ для путешествія. Что онъ не попусту тратилъ время, мы уже знаемъ.

Его заботила теперь больше всего школа шелководства, основанная его отцомъ и приносившая чрезвычайно скудные доходы. Несмотря на обѣщанія, государство съ 1786 года не выдавало Летиціи никакого пособія, и всѣ ея попытки и ходатайства дяди рушились о недружелюбное отношеніе новаго интенданта де-ла-Гильоми. Бонапарты замѣчали, что у нихъ нѣтъ больше друзей и покровителей. Бушюрнъ, предшественникъ Гильоми, въ 1785 году былъ переведенъ съ Корсики; Марбефъ умеръ. Старанія молодого артиллерійскаго офицера оставались безплодными. Ла-Гильоми былъ очень порядочнымъ человѣкомъ, но думалъ, что ничего не можетъ сдѣлать безъ исполненія всѣхъ формальностей. Онъ оправдывался тѣмъ, что не можетъ выдать пособія Летиціи безъ согласія генералъ-контролера въ Парижѣ.

Снова наступилъ конецъ отпуску, но сейчасъ, когда въ виду у семьи было полученіе небольшой суммы, Наполеонъ совсѣмъ уже не могъ уѣхать. Предстоялъ, кромѣ того, созывъ корсиканскихъ сословій, и онъ долженъ былъ присутствовать на немъ въ интересахъ семьи. Въ началѣ сентября онъ послалъ поэтому новое прошеніе о продленіи отпуска, не прося, однако, о жалованьи. Въ качествѣ причины своей просьбы онъ выставлялъ то, что долженъ „участвовать въ собраніи корсиканскихъ сословій, чтобы заявить о правахъ своей семьи“. И снова прошеніе его было удовлетворено. Новый отпускъ продолжался съ 1 декабря 1787 года по 31 мая 1788 года.

Сословія, однако, не собрались, и въ началѣ октября 1787

года мы видимъ Наполеона въ Парижѣ. Такъ какъ онъ понялъ, что всѣ старанія относительно школы шелководства на Корсикѣ тщетны, то рѣшился обратиться по этому поводу лично къ генералъ-контролеру. Дядя Люціано далъ ему немного денегъ на дорогу, и юный проситель остановился въ „Отелѣ Шербургъ“ на улицѣ Сенъ-Онорэ. Чтобы добиться признанія своихъ правъ, онъ пустилъ въ ходъ всѣ связи и выказалъ въ этомъ отношеніи то же упорство и то же терпѣніе, что и его отецъ.

Съ рекомендательнымъ письмомъ отъ тулузскаго архіепископа къ генералъ-контролеру Бонапартъ отправился къ послѣднему. Въ Версаль его отвезла одна изъ старыхъ пролетокъ, именовавшихся „voiture de la cour“. Эти старые рыдваны были, по мнѣнію Наполеона, очень „комфортабельны“. Скоростью они, однако, не отличались, такъ какъ отъ Парижа до Версаля ѣхали цѣлыхъ пять часовъ. Наконецъ, Бонапартъ пріѣхалъ на мѣсто, но встрѣтилъ здѣсь жестокое разочарованіе. Объ его дѣлѣ вообще не знали ничего; тутъ не было даже документовъ, свидѣтельствовавшихъ объ основаніи школы.

Но этимъ отдѣлаться отъ него было нельзя,—онъ былъ слишкомъ сыномъ Карло. Онъ съ такимъ краснорѣчіемъ защищалъ интересы семьи, что генералъ-контролеръ счелъ своимъ долгомъ не лишать его послѣдней надежды. Онъ обѣщалъ ему сообщить интенданту на Корсикѣ, что разрѣшаетъ ему полную свободу дѣйствій въ этомъ дѣлѣ.

Но этого Наполеону было мало. Онъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Версалѣ, чтобы испросить еще вакансіи для Люсьена и добился съ этой цѣлью аудіенціи у министра финансовъ Ломени, графа де-Бріенна. Бонапарту дали неопредѣленныя обѣщанія, и такимъ образомъ почти ничего не добившись, онъ долженъ былъ двинуться въ обратный путь.

Чрезвычайно разбитымъ вернулся онъ въ Парижъ, въ городъ, въ которомъ впервые почувствовалъ себя предоставленнымъ самому себѣ. Онъ блуждалъ по улицамъ, осматривалъ достопримѣчательности и пришелъ въ концѣ-концовъ къ такимъ выводамъ своей восемнадцатилѣтней мудрости: городъ галантныхъ приключеній, гдѣ властвуетъ женщина, его обще-

ственные нравы и жизнь въ корнѣ своемъ развращены и испорчены. Впервые здѣсь въ жизнь Наполеона вторглась женщина, впервые испыталъ онъ искушеніе!

22 ноября онъ былъ въ итальянскомъ театрѣ и возвращался черезъ Пале-Рояль, царство приключеній и полусвѣта. Смѣясь и шумя, бушевала вокругъ него фривольная толпа, перекидываясь разгоряченными взглядами,—много вызывающихъ жестовъ обращалось и къ молодому артиллерійскому офицеру. Среди многочисленныхъ красивыхъ и уродливыхъ жрицъ Венеры, выставлявшихъ здѣсь на показъ свои прелести, ему особенно бросилась въ глаза одна, поразившая его своимъ скромнымъ видомъ, нѣжной фигурой и юностью. Онъ собрался съ духомъ и заговорилъ съ нею. Но заговорилъ не обычнымъ тономъ молодыхъ людей его возраста. Точно экзаменаторъ, предлагалъ онъ молодой дѣвушкѣ различные вопросы, какъ и почему дошла она до ея печальной профессіи, кто былъ ея соблазнителемъ и такъ далѣе. Дѣвушка откровенно разсказала свою исторію—знакомство ихъ закончилось въ пустой комнатѣ отеля, въ которомъ остановился Наполеонъ.

Такъ же быстро, какъ вспыхнуло въ Наполеонѣ пламя чувственности, такъ же быстро и угасло оно. Слова, произнесенныя имъ въ бытность императоромъ: „Любовь создана для другихъ, не для меня. Меня всецѣло заполняетъ политика“, могли быть, повидимому, примѣнены къ нему уже и въ то время. Гораздо сильнѣе и неотступнѣе дѣйствовала на него любовь къ отечеству, исторію котораго онъ началъ писать. Черезъ нѣсколько дней послѣ своего приключенія, 27 ноября, онъ въ 11 часовъ вечера записалъ въ свой дневникъ: „Я едва достигъ зрѣлаго возраста... какъ уже берусь за исторію! Я знаю свои слабости... но, быть можетъ, какъ разъ это наилучшее душевное состояніе для такого рода работы. Мною владѣетъ воодушевленіе, которое разрушается въ нашемъ сердцѣ болѣе глубокимъ изученіемъ людей. Подкупность зрѣлаго возраста не осквернитъ моего пера! При чтеніи описанія нашихъ страданій, я вижу, дорогіе соотечественники, какъ текутъ у васъ горячія слезы!“

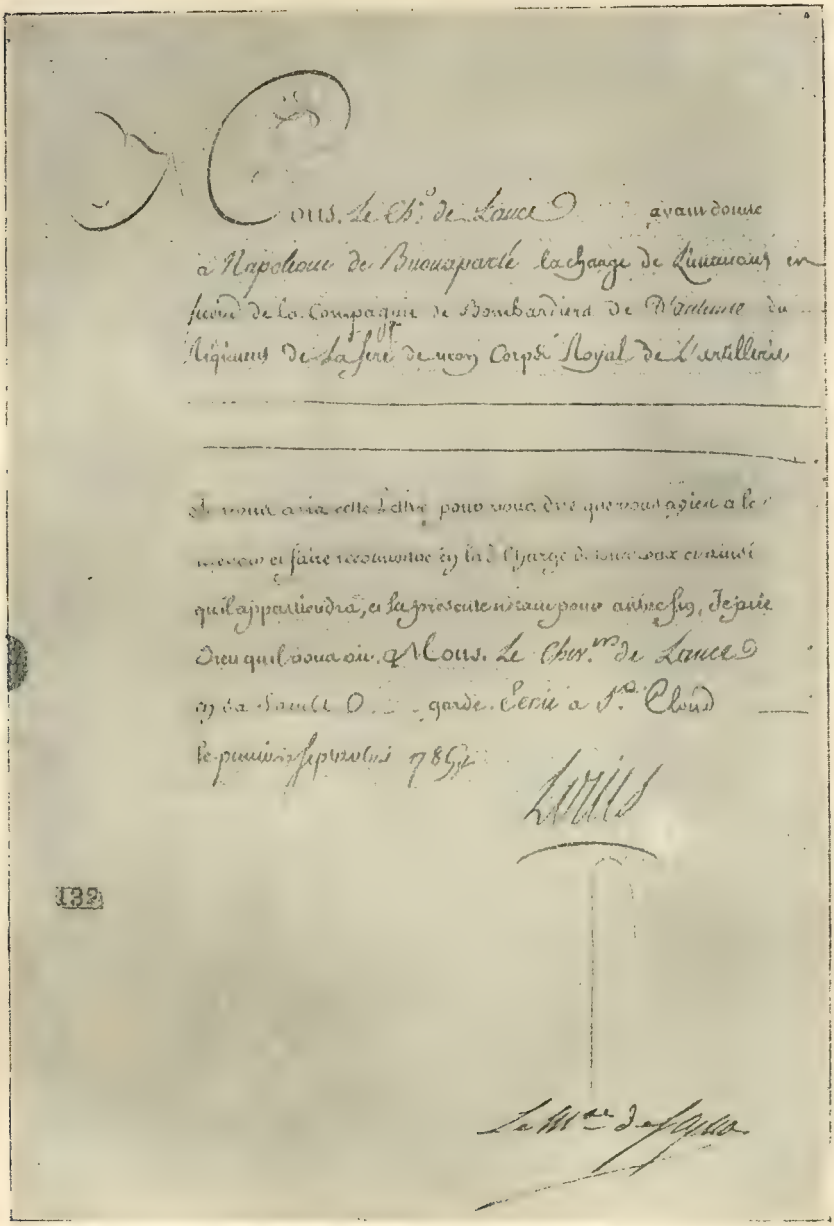
Наполеона ничто не удерживало больше въ огромномъ, грѣховномъ Вавилонѣ, въ которомъ какъ бы умышленно затя-

гивали его дѣла. Его присутствіе дома было необходимо. Жозефъ находился въ Пизѣ, а у Летиціи не было никого, кто бы писалъ ей различныя прошенія для урегулированія ея дѣлъ и кто былъ бы ея посредникомъ и переводчикомъ. Ея положеніе было отчаяннѣе, чѣмъ когда-либо: ей приходилось заботиться не только о четырехъ младшихъ дѣтяхъ, но платить еще за Люсьена и помогать Жозефу въ Пизѣ. Наполеонъ вернулся на Корсику. 1 января 1788 года онъ снова прибылъ въ Аяччіо.

Его ждали тяжелыя заботы: злосчастная школа шелководства, дорого стоившее пребываніе Люсьена въ семинаріи, опредѣленіе Луи стипендіатомъ въ одно изъ военныхъ училищъ и, наконецъ, ничтожные доходы семьи, обладавшей, правда, небольшими участками, но принужденной отдавать ихъ въ аренду по очень низкой цѣнѣ,—все это занимало юнаго Бонапарта. Онъ изо всѣхъ силъ старался облегчить хотя немного участь матери, но всюду находилъ лишь запертыя двери. По отношенію къ девятнадцатилѣтнему офицеру, не обладавшему ни связями, ни положеніемъ, не проявляли того интереса, какъ къ его отцу, депутату корсиканскаго дворянства. Даже поѣздка, предпринятая ради школы шелководства въ Бастію, не имѣла никакого успѣха.

Въ Бастіи онъ познакомился съ товарищами по полку, находившимися тамъ въ гарнизонѣ. Съ воодушевленіемъ говорилъ онъ имъ о Корсикѣ, о національныхъ герояхъ, о Паоли, но они не понимали его: въ устахъ королевскаго офицера это звучало чуть ли не оскорбленіемъ Величества. Большое сочувствіе встрѣтилъ онъ въ этомъ отношеніи у старыхъ корсиканцевъ, участвовавшихъ въ войнѣ за независимость. Цѣлыми часами могъ онъ слушать ихъ разсказы. И много интереснаго и важнаго о Паоли и объ отчаянной борьбѣ за свободу пришлось ему тутъ узнать. Ему удалось также пріобрѣсти рѣдкіе печатные источники, находившіеся въ рукахъ старыхъ солдатъ: они давали ему цѣнный матеріалъ къ его „Lettres sur la Corse“, какъ онъ рѣшилъ назвать свою исторію Корсики.

Сочиненіе это непрестанно занимало Наполеона. Онъ намѣревался посвятить его министру, монсиньору де-Бріенну, такъ



Факсимиле патента на чинъ лейтенанта Наполеона.

какъ надѣялся благодаря этому обратить вниманіе короля и правительства на своихъ соотечественниковъ.

Наступило 31 мая 1788 года, а съ нимъ вмѣстѣ и окончательный срокъ отпуска. Ничто не могло помочь ему: разлука была неизбѣжна. До отъѣзда, однако, Наполеонъ могъ съ радостью обнять Жозефа, который вернулся изъ Пизы молодымъ докторомъ правъ. Такимъ образомъ, Наполеонъ покинулъ мать и своихъ близкихъ по крайней мѣрѣ съ сознаніемъ, что у нихъ есть теперь опора въ лицѣ старшаго брата.

* * *

Послѣ полуторагодового отсутствія лейтенантъ Бонапартъ въ первой половинѣ іюня 1788 года снова вступилъ въ полкъ.

Полкъ, между тѣмъ, послѣ различныхъ командировокъ въ Нормандію и Бретань съ конца прошлаго года перешелъ въ гарнизонъ Оксонна и находился теперь тамъ въ полномъ составѣ. Перемѣнъ не произошло никакихъ: полковой штабъ остался въ прежнемъ составѣ, только въ отрядѣ Наполеона былъ новый командиръ, капитанъ Гозьеръ.

Самого Наполеона борьба за существованіе закалила и сдѣлала болѣе зрѣлымъ. Непрестанныя заботы о семьѣ, неоднократныя пораженія, которыя онъ испыталъ въ своихъ ходатайствахъ о прошеніяхъ, должны были причинять мученія его характеру, совершенно не созданному для нихъ. И все же не было никакихъ шансовъ на улучшеніе его положенія! Если все будетъ обстоять благополучно, то онъ только черезъ семь лѣтъ будетъ назначенъ старшимъ лейтенантомъ. Перспектива далеко не блестящая! Къ счастью, однако, ему не было времени предаваться этимъ печальнымъ размышленіямъ: въ началѣ служба всецѣло захватила его.

Въ Оксоннѣ находилось превосходное артиллерійское училище, во главѣ котораго стояли генералъ Дю-Тейль и директоръ д'Аркебувиль. Объ этомъ училищѣ Наполеонъ говорилъ впослѣдствіи: „Если оно и не было единственнымъ, гдѣ офицеры могли пріобрѣсти познанія, то оно, несомнѣнно, было однимъ изъ лучшихъ и, вѣроятно, даже первымъ училищемъ такого рода". Въ числѣ его учителей находился Ломбаръ, въ лицѣ котораго Наполеонъ нашелъ себѣ вскорѣ друга и покровителя.

Благодаря своему продолжительному отсутствію изъ полка, Бонапартъ многое упустилъ, да и кромѣ того, онъ ни въ Парижѣ, ни въ Валансѣ не имѣлъ случая расширить свои познанія въ артиллеріи. Поэтому онъ твердо рѣшилъ использовать удобный случай и нагнать потерянное время. Онъ пунктуально являлся на всѣ лекціи, которыя Ломбаръ читалъ у себя на квартирѣ молодымъ офицерамъ. Онѣ были для него тѣмъ болѣе интересны, что какъ разъ въ это время была назначена комиссія изъ офицеровъ его полка для производства опытовъ относительно дальнобойности новыхъ орудій. Молодой Бонапартъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами былъ назначенъ въ эту комиссію. Единственнымъ молодымъ лейтенантомъ въ ней былъ Наполеонъ, другіе были чиномъ выше его. Донесеніе Бонапарта объ опытахъ, къ которому онъ приложилъ свои выводы и замѣчанія, удовлетворило генерала Дю-Тейля, но совсѣмъ не понравилось самому юному лейтенанту. Годъ спустя онъ составилъ новый докладъ, въ которомъ изложилъ свое мнѣніе относительно наилучшаго примѣненія орудій для достиженія наибольшей дальнобойкости. Въ этой работѣ молодого офицера чувствуется уже геній и практическій умъ генерала итальянской арміи.

Въ Оксоннѣ Наполеонъ сдѣлалъ значительные успѣхи въ рисованіи, которымъ до сихъ поръ почти не интересовался. Въ лицѣ профессора Коломбье онъ нашелъ превосходнаго преподавателя, такъ что въ короткое время пріобрѣлъ необходимыя познанія въ ученіи о пропорціи, въ правилахъ архитектуры и перспективѣ. Какъ мы видимъ, свободнаго времени у Бонапарта въ Оксоннѣ не оставалось. Но черезъ нѣсколько дней по его прибытіи сюда онъ получилъ уже изъ дому снова печальныя вѣсти. Луи исполнилось двѣнадцать лѣтъ, какъ разъ максимальный возрастъ для поступленія въ военное училище; но ему снова отказали въ безплатномъ пріемѣ. Наполеонъ былъ въ отчаяніи. Что ему дѣлать? Что предпринять? Оставалась только одна надежда: непосредственное прошеніе самому министру, который, навѣрное, не имѣлъ понятія, „въ какихъ дурныхъ рукахъ управленіе Корсики“. Сказано, сдѣлано! 18 іюня 1788 года Наполеонъ написалъ ему отъ имени своей матери: „Монсиньоръ, вдова Бонапартъ изъ Аяччіо на

Корсикѣ осмѣливается прибѣгнуть къ вашей добротѣ относительно пріема ея четвертаго сына, Луи, въ одно изъ королевскихъ военныхъ училищъ. Съ 1787 года она безуспѣшно добивалась вакансіи и получила обѣщаніе, что сынъ ея будетъ принятъ въ слѣдующемъ году, такъ какъ онъ не перешелъ еще максимальнаго возраста. Срокъ теперь наступилъ, но предпочтеніе было отдано другимъ дѣтямъ, семьи которыхъ могутъ, очевидно, гордиться болѣе блестящими титулами. Прошелъ такимъ образомъ еще годъ, и слѣдующаго пріема ждать уже не приходится, такъ какъ сынъ мой перейдетъ указанный возрастъ... Обремененная воспитаніемъ восьми дѣтей, вдова человѣка, который оказалъ королю много услугъ по управленію Корсикою, который пожертвовалъ значительныя суммы на поддержку плановъ правительства... лишенная почти всякихъ средствъ, она надѣется найти помощь у подножія трона и въ вашемъ сострадательномъ и возвышенномъ сердцѣ". Сколько труда должны были стоить Наполеону эти слова, эти мольбы! Тѣмъ не менѣе успѣхъ они имѣли такой же, какъ и всѣ предыдущія прошенія. Снова въ его неутомимомъ мозгу зародилась мысль отправиться въ Парижъ, чтобы лично тамъ постучаться во всѣ двери. Но жалованья для далекой поѣздки ему не хватало. Въ отчаяніи онъ снова обратился къ дядѣ Люціано, который пряталъ деньги подъ подушку. Парижъ! Парижъ! Онъ былъ якоремъ спасенія для Наполеона! „Пришлите мнѣ триста франковъ,—писалъ онъ архидіакону,—этой суммы достаточно для поѣздки въ Парижъ. Тамъ я сумѣю по крайней мѣрѣ завести связи и преодолѣть препятствія! Я убѣжденъ, что мнѣ это удастся. Неужели изъ-за какихъ-нибудь трехсотъ франковъ вы лишите меня этой послѣдней возможности?"

Дядя Люціано былъ, однако, другого мнѣнія. Онъ счелъ лучшимъ продолжать копить деньги. Наполеонъ написалъ Фешу, но и у него встрѣтилъ отказъ. Тотъ посовѣтовалъ ему раздобыть денегъ у знакомыхъ въ Оксоннѣ, но Бонапартъ только отвѣтилъ: „Вы сильно ошибаетесь, если думаете, что я могу занять деньги. Оксоннъ очень маленькій городокъ, и я еще слишкомъ недавно здѣсь, чтобы завести прочныя знакомства". Отъ поѣздки пришлось, такимъ образомъ, отказаться.

Но, какъ мы уже говорили, у Наполеона не было времени

на размышленія о печальномъ положеніи его семьи. Все свое свободное время онъ посвящалъ чтенію книгъ по артиллерійскимъ наукамъ. Запирался къ себѣ въ комнату и не выходилъ до тѣхъ поръ, пока не отправлялся на службу или не шелъ обѣдать. Вмѣстѣ съ другими офицерами своего батальона, онъ шелъ въ офицерское собраніе напротивъ старой мельницы. Комнату его убирала служанка, по имени Тереза Геренъ. Сама комната была очень простая, устроенная согласно регламенту. У Бонапарта не было денегъ хотя немного украсить ее. Помимо обыкновенной деревянной постели, въ ней находился гардеробъ, умывальникъ съ тазомъ и кувшиномъ, подсвѣчникъ, столъ съ ящикомъ и нѣсколько соломенныхъ стульевъ.

Охваченный ненасытной жаждой знаній и лихорадочнымъ стремленіемъ къ дѣятельности, Наполеонъ изучалъ здѣсь съ изумительнымъ прилежаніемъ не только книги, необходимыя для его профессіи, какъ переводъ: „New principles of gunery“, „Tables du tir de canons et des obusier“, но и расширилъ свое общее образованіе. Онъ прочелъ десятитомную исторію Англіи Джона Баррау, изъ которой по привычкѣ сдѣлалъ точныя выписки по особенно интересовавшимъ его вопросамъ. Онъ изучалъ далѣе труды Вальера, но предпочиталъ ему Грибоваля, бывшаго по его мнѣнію выдающимся талантомъ въ области артиллеріи. Въ душѣ онъ намѣревался впослѣдствіи еще болѣе упростить и усовершенствовать систему артиллеріи Грибоваля; онъ изучилъ прилежно еще и „Mémoires d'artillerie“ Сенъ-Реми. Пріобрѣтаемыя познанія и собственныя наблюденія по артиллерійскимъ вопросамъ онъ записывалъ въ свои „Cahiers sur l'artillerie“, изъ которыхъ до насъ дошла только одна. Приблизительно въ это же время написалъ онъ трактатъ: „Principes d'artillerie“.

Если сравнить приказанія, которыя впослѣдствіи Наполеонъ отдавалъ своимъ артиллерійскимъ генераламъ, то приходишь невольно въ изумленіе, находя въ нихъ тѣ же принципы, часто даже тѣ же самыя выраженія, какія мы находимъ въ его юношескихъ произведеніяхъ.

Баронъ Дю-Тейль заинтересовался молодымъ интеллигентнымъ офицеромъ, такъ какъ подмѣтилъ въ немъ неутомимаго

работника и рѣдкій военный талантъ. Неоднократно выдвигалъ онъ его передъ старшими товарищами и давалъ ему порученія, которыя приходится признать чрезвычайно отвѣтственными при молодости Наполеона. Такъ, когда принцъ Кондэ, губернаторъ Бургундіи, посѣтилъ въ 1788 году Оксоннъ, онъ поручилъ ему команду надъ довольно большой школой стрѣльбы. Зависть товарищей по поводу такого отличія побудила ихъ сыграть съ Наполеономъ шутку: они заколотили орудіе въ его батареѣ. Но онъ во время замѣтилъ продѣлку и быстро привелъ его въ порядокъ.

Во время этихъ работъ Дю-Тейль не совсѣмъ былъ, однако, доволенъ Бонапартомъ, такъ какъ однажды послалъ его на двадцать четыре часа подъ арестъ. Строгій, но справедливый начальникъ оставилъ по себѣ хорошую память въ сердцѣ Наполеона. Неоднократно, достигши впослѣдствіи власти, говорилъ онъ: „Генералъ Дю-Тейль научилъ меня повиноваться и повелѣвать“. Даже на закатѣ дней своихъ императоръ вспоминалъ генерала, которому столькимъ былъ обязанъ. Онъ оставилъ сыну Тейля сто тысячъ франковъ и написалъ въ завѣщаніи: „Изъ благодарности за труды, которые потратилъ на насъ храбрый генералъ (отецъ), когда мы были лейтенантомъ и капитаномъ подъ его начальствомъ“.

Девятнадцатилѣтній лейтенантъ, движимый честолюбіемъ, настолько заработался,—не только теоретически, но и практически,—что почувствовалъ это на своемъ и безъ того не крѣпкомъ здоровьѣ. Но съ гордостью и удовлетвореніемъ пишетъ онъ 22 августа 1788 года Фешу: „Я немного хвораю; въ этомъ повинна работа, которой я посвящаю все свое время. Какъ вамъ извѣстно, дорогой дядюшка, генералъ оказываетъ мнѣ столько вниманія, что поручаетъ производить на стрѣльбищѣ различныя работы, требующія утомительныхъ расчетовъ. Втеченіе десяти дней я съ ранняго утра и до поздняго вечера работалъ во главѣ отряда; доказательство благосклонности генерала нѣсколько возстановило противъ меня капитановъ: по ихъ мнѣнію, поручая лейтенанту столь важное дѣло, генералъ совершилъ несправедливость. Изъ тридцати человѣкъ, навѣрное бы, нашелся такой же способный, какъ я. Мои товарищи тоже завидуютъ мнѣ. Но

все это пустяки. Больше всего безпокоитъ меня здоровье,—я чувствую себя неважно".

Въ этомъ разстроенномъ здоровьѣ Бонапарта былъ отчасти повиненъ и климатъ Оксонна. Крѣпость была окружена рвами, вода которыхъ заражала городъ, да и самый климатъ былъ нездоровый и сырой. Вслѣдствіе постоянныхъ наводненій Сены, Наполеонъ и почти всѣ офицеры и солдаты страдали лихорадкой. Уже въ началѣ 1789 года, когда погода нѣсколько улучшилось, и благодаря уходу полкового врача Бьенвело, Наполеонъ нѣсколько поправился.

Черезъ посредство Дю-Тейля молодой офицеръ вошелъ мало-по-малу въ оксоннское общество, конечно, поскольку позволяло ему его скромное матеріальное положеніе. Ему приходилось жить очень экономно, и это отражалось особенно на его платьѣ. Оно было настолько скромно и даже неряшливо, что рѣзко отличалось отъ всѣхъ его товарищей. Если взглянуть на скромные счета отъ портныхъ во время его пребыванія въ Оксоннѣ, то нельзя было и требовать отъ его туалетовъ элегантности и изящества. Портной будущаго императора навѣрное не разбогатѣлъ отъ него. Нѣкій Біотъ опубликовалъ впослѣдствіи нѣсколько счетовъ его отца, портного лейтенанта Наполеона, изъ которыхъ мы можемъ видѣть, что ему былъ долженъ Наполеонъ:

Работа пары суконныхъ брюкъ.	2 фр.
Двѣ пары штановъ.	1 фр. 4 су.
Работа синяго англійскаго мундира.	4 фр.
Капъ	1 фр.

Несмотря на свою бѣдность, молодой лейтенантъ вращался все же въ лучшемъ обществѣ. Между прочимъ онъ бывалъ у мадамъ де-Берби, которая, благодаря замужеству ея дочери съ сыномъ генерала Дю-Тейля, находилась съ послѣднимъ въ родственныхъ отношеніяхъ. Его часто приглашали въ гостепріимный домъ директора артиллерійскаго училища Пиллона д'Аркебувиля; онъ бывалъ тамъ большей частію съ четою Ломбаръ, игравшей каждый вечеръ у директора въ лото. Молодой офицеръ, худощавый, блѣдный и хмурый, не отходилъ отъ мадамъ Ломбаръ, галантно нося ея сумочку.

Бонапартъ бывалъ и въ домѣ агента жизненныхъ припасовъ Берсонпэ; ему были открыты и двери элегантнаго салона военнаго комиссара Нодена. У Берсонпэ была превосходная богатая библіотека, чрезвычайно привлекавшая любознательнаго лейтенанта. Берсонпэ отдалъ ее въ его полное распоряженіе, и Наполеонъ не забывалъ никогда этой любезности. Уѣзжая изъ Оксонна, онъ сказалъ Берсонпэ на прощаніе: „Я никогда не забуду радушнаго пріема, который я встрѣтилъ въ вашей семьѣ. Гдѣ бы я ни былъ, напишите мнѣ,—вы всегда можете расчитывать на меня".

Такого же друга нашелъ Наполеонъ и въ лицѣ почтеннаго директора Лардильопа. Каждое утро шелъ онъ къ нему въ бюро и читалъ газеты. Среди товарищей, въ наиболѣе близкихъ отношеніяхъ онъ былъ по прежнему съ де-Мазисомъ, хотя дружилъ и съ другими, съ лейтенантомъ ле-Леръ де-Виль-Сюръ-Аржъ, Жильепомъ де-Видонъ и Роландомъ де-Виларсо. Особенно уважалъ онъ капитана Гассенди, съ которымъ сблизился во время вышеупомянутаго порученія: тотъ горячо любилъ его корсиканскую родину. Гассенди сталъ впослѣдствіи однимъ изъ пламеннѣйшихъ поклонниковъ итальянскаго побѣдителя.

Мы видимъ, что Наполеонъ не страдалъ отъ недостатка друзей и общества. Развѣ могъ бы онъ иначе написать въ своихъ „Discours de Lyon": „Назовите мнѣ того несчастнаго, который не нашелъ бы среди товарищей по крайней мѣрѣ двухъ близкихъ друзей!"

Съ остальными офицерами онъ находился въ добрыхъ товарищескихъ отношеніяхъ, хотя иногда между ними и бывали тренія, которыя по большей части объяснялись ироническимъ тономъ Бонапарта. Такъ, одинъ офицеръ, Белли де-Бюсси, страстно любилъ игру на волторнѣ, но Наполеонъ терпѣть не могъ этого инструмента. Белли жилъ этажемъ выше его, какъ разъ надъ его комнатой и часто мѣшалъ ему работать своею музыкою. Однажды они встрѣтились на лѣстницѣ, поздоровались, и Наполеонъ замѣтилъ, умышленно избѣгая традиціоннаго въ полку обращенія на „ты": „Ваша волторна навѣрное васъ утомляетъ?"—„Нисколько."—„Было бы все-таки лучше, если бы вы упражнялись въ игрѣ на ней

гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.“—„Я могу въ своей комнатѣ дѣлать, что мнѣ угодно.“—„Это вопросъ еще спорный.“—„Ну, спорить я никому бы не посовѣтовалъ!“

Это было достаточной причиной для вызова, который навѣрное бы привелъ къ поединку, если бы въ споръ не вмѣшалась „калотта“. Эта „калотта“ была обществомъ офицеровъ, своего рода судомъ чести, который наблюдалъ за поступками и образомъ жизни офицеровъ. Она посовѣтовала Белли упражняться на волторнѣ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ никому не мѣшаетъ, а Бонапарту рекомендовала быть немного терпѣливѣе.

Этотъ, своего рода „полицейскій надзоръ“, бывшій въ ходу среди офицеровъ Ла-Феръ, способствовалъ много поддержанію рыцарскаго товарищескаго духа въ полку, которымъ они отличались отъ прочихъ полковъ. Извѣстному своими оригинальными идеями, лейтенанту Бонапарту было поручено однажды составить уставъ „калотты“, въ которомъ были бы изложены всѣ правила, слѣдовать которымъ обязуются всѣ ея члены. Какъ всегда, во всѣхъ порученіяхъ, онъ съ жаромъ принялся за работу и черезъ нѣсколько дней представилъ проектъ устава товарищамъ. Но поучительный тонъ, въ которомъ написалъ Бонапартъ этотъ уставъ, вызвалъ у нихъ только насмѣшки. Онъ слишкомъ серьезно отнесся къ своей задачѣ. Съ пафосомъ называлъ онъ президента „калотты“ „орломъ съ проницательнымъ взглядомъ“, который „пронизываетъ имъ самую темную ночь“. Онъ сравнивалъ его далѣе со „стоглавымъ Аргусомъ“, котораго, если онъ заснетъ, „поразитъ мечъ закона“. Самъ онъ говорилъ впослѣдствіи о своей работѣ, какъ о „славной, трудной задачѣ“, и называлъ ее, составленную имъ, „послѣ глубокихъ размышленій“—тонко сплетенной паутиной. Товарищи его были того же мнѣнія. Но въ противоположномъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе мысли, содержащіяся въ этомъ уставѣ, свидѣтельствовали о благородномъ образѣ мыслей, какими ребяческими онѣ ни казались. Онѣ обнаружили уваженіе Наполеона къ солдатамъ, его чрезвычайно развитое чувство чести, тѣсно связанное со всѣмъ, что касалось военнаго дѣла.

Изъ всѣхъ періодовъ неприхотливой молодости Бонапарту,

жизнь въ Оксоннѣ была самой тяжелой и трудной. Однажды ему, де-Мазису и еще одному товарищу пришло въ голову питаться молочной пищей,—отчасти изъ экономіи, отчасти же изъ принципа. Но изъ этого ничего не вышло,—особенно трудно было Наполеону, слабый организмъ котораго требовалъ усиленнаго питанія.

Его все еще заботила школа шелководства на Корсикѣ, для которой до сихъ поръ онъ не могъ ничего сдѣлать. Второго апрѣля 1789 года, онъ снова написалъ письмо интенданту, находившемуся въ то время при французскомъ дворѣ. Энергично, опредѣленно, но въ то же время, несомнѣнно, иронически писалъ онъ ему: „Простите, что я посреди Вашего отдыха надоѣдаю Вамъ своимъ дѣломъ... Необходимо, однако, притти къ какому-нибудь рѣшенію; несправедливо вѣдь, что бы мы попрежнему, являемся жертвами... Я жду отвѣта, которымъ, надѣюсь, Вы меня удостоите, и тотчасъ же сдѣлаю въ зависимости отъ него, нужныя распоряженія...“ Гильомъ отвѣтилъ ему въ такомъ же ироническомъ тонѣ, что отдыхъ и развлеченія, о которыхъ говоритъ Наполеонъ, заключаются въ регулированіи дѣлъ его управленія, но что ему доставитъ особое удовольствіе добиться у министра благопріятнаго рѣшенія въ его дѣлѣ. На этомъ дѣло и кончилось.

Тѣмъ временемъ во Франціи подготовлялись политическія событія. Глухо доносился издали грохотъ революціи, долженствовавшей сыграть огромную роль въ жизни Наполеона Бонапарта. Въ провинціи тоже замѣчалось возбужденіе умовъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ Бургони, вслѣдствіе вздорожанія хлѣба, разразились въ мартѣ 1789 года безпорядки, давшіе поводъ къ самымъ грознымъ опасеніямъ. Въ началѣ апрѣля три батальона „Ла-Феръ“ получили приказъ отправиться въ Серръ, маленькій городъ на Сонѣ, къ югу отъ Оксонна, чтобы защитить тамъ купеческое сословіе и торговлю. Возставшая чернь убила уже двухъ торговцевъ хлѣбомъ, Гайе и Марло, прослывшихъ ростовщиками. Немедленная военная помощь была необходима.

Въ отрядѣ находился и молодой Бонапартъ. Такъ какъ капитанъ Гозьеръ былъ назначенъ въ Шарлевиль, а старшій лейтенантъ дю-Винье находился въ отпуску, то начальство-

ваніе было поручено Наполеону, и онъ не мало гордился такимъ отличіемъ. Полковникъ его замѣтилъ по этому поводу: „Такого рода порученія даются обычно старшимъ офицерамъ: они довольно сложны и трудны... Я однако высокаго мнѣнія о Вашихъ способностяхъ. Отправляйтесь туда и сдѣлайте все, чтобы заслужить похвалу министра“.

Въ возбужденномъ городѣ войско было встрѣчено съ радостью. Жители увидѣли въ немъ спасеніе и стали спорить о томъ, кому пріютить начальниковъ отряда. Бонапартъ поселился у прокуратора Ламбера, одного изъ богатѣйшихъ и видныхъ гражданъ города. Немного времени спустя, онъ переѣхалъ на улицу Делю, которой впослѣдствіи было присвоено его имя.

Прибытіе войскъ успокоило бунтовщиковъ, и въ первое время не пришлось прибѣгать ни къ какимъ выступленіямъ. Войско расположилось на квартиры, и любезные хозяева заботились о томъ, чтобы никто не скучалъ. Мосье Ламберъ далъ въ честь своего молодого гостя балъ въ своемъ домѣ. Бонапарте обѣщалъ присутствовать на немъ, но до полночи не вышелъ въ залу. Наконецъ, за нимъ послали и нашли его въ его комнатѣ надъ грудой картъ и плановъ, разложенныхъ на столѣ: онъ спалъ. За работой онъ, повидимому, совершенно забылъ о балѣ!

Оправившись отъ перваго страха при прибытіи войскъ, бунтовщики хотѣли было снова поднять возстаніе: на рынкѣ собралась уже большая толпа черни. Извѣстіе это дошло до Наполеона какъ разъ, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ у Ламберовъ. Онъ тотчасъ же вскочилъ, взялъ свою саблю и послѣдовалъ на площадь за сержантомъ, принесшимъ ему извѣстіе. Взявъ съ собою двадцать человѣкъ, онъ, обнаживъ саблю, подошелъ вплотную къ шумѣвшей толпѣ. „Граждане!“— сказалъ онъ,—„вы должны чтить законы. Армія здѣсь для защиты. Предлагаю вамъ разойтись!“ Но шумъ и крики только усилились. Тогда онъ прибѣгъ къ хитрости, которой пользовался часто впослѣдствіи, на полѣ сраженія. Онъ велѣлъ ударить въ барабанъ и началъ командовать наступленіе. Но передъ послѣдней командой: „пли!“ онъ повернулся еще разъ къ толпѣ и сказалъ: „Граждане, я имѣю приказаніе стрѣлять

только въ негодяевъ, порядочные люди пусть скорѣе уйдутъ!" Толпа тотчасъ же разбѣжалась: никто не хотѣлъ оставаться негодяемъ.

Въ Серрѣ тоже замѣтили разницу въ одеждѣ молодого артиллерійскаго офицера и его товарищей, но еще больше даже въ его характерѣ. Онъ считался повсюду чрезвычайно трудолюбивымъ, серьезнымъ, малообщительнымъ человѣкомъ, проводившимъ охотнѣе всего время въ богатой библіотекѣ своего хозяина. Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ былъ желаннымъ гостемъ и среди женщинъ. Онъ былъ завзятымъ поклонникомъ супруги сборщика соляныхъ податей Пріера, молодой, симпатичной женщины; говорятъ даже, что онъ былъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ мадамъ Гравель, женою арендатора, съ которой познакомился во время своихъ прогулокъ по окрестностямъ города.

Какъ бы то ни было, но черезъ два мѣсяца пребываніе Наполеона въ Серрѣ пришло къ концу. 29 мая онъ былъ снова въ своемъ гарнизонѣ.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія, онъ едва не утонулъ, купаясь въ Сенѣ. Во время плаванія съ нимъ сдѣлались судороги. Силы и сознаніе покинули его, и онъ погрузился въ воду,—товарищи даже не замѣтили этого. Къ счастью, однако, теченіе пригнало его къ мели, толчекъ привелъ его снова въ чувство, и онъ съ величайшимъ трудомъ добрался до берега.

Нѣсколько недѣль спустя, шестнадцатаго іюня 1789 года, въ Оксоннѣ тоже вспыхнули безпорядки. Въ Парижѣ штурмовалась Бастилія, и возстаніе прокатилось скоро по всѣмъ провинціямъ. Дикія орды черни наводняли собою улицы, покинутыя гражданами, поджигали дома, грабили и разрушали. Съ помощью двухъ отрядовъ гражданской милиціи, возстаніе было быстро подавлено.

Бонапартъ во время этихъ безпорядковъ былъ адъютантомъ генерала Дю-Тейля. Дикая, неистовствующая чернь, добившаяся такимъ путемъ своихъ правъ, вселяла въ него чувство антипатіи. Не такой рисовалась ему борьба за свободу и равенство. Онъ энергично высказался противъ анархіи и выступилъ противъ упрековъ по адресу королевской семьи. Его

республиканизмъ былъ проникнутъ совершенно другими принципами и другими идеями, которые онъ подкрѣплялъ въ библіотекѣ Берсонэ и Ламбера. Съ жадностью проглатывалъ онъ сочиненія, описывавшія революціи народовъ всѣхъ эпохъ и превратился въ того умѣреннаго республиканца, который вскорѣ проявилъ свою дѣятельность.

Безпорядки въ Серрѣ больше, чѣмъ когда-либо, обращали его всего на его отчизну, изнемогавшую подъ гнетомъ рабства. Двѣнадцатаго іюня, 1780 г. онъ написалъ политическое письмо Паоли, гдѣ говорилъ ему о своей „Исторіи Корсики", которую хотѣлъ посвятить національному герою, изложилъ свои желанія и надежды и разъяснилъ свои цѣли. „Я хочу",—писалъ онъ въ своемъ юношескомъ воодушевленіи,—„сравнить ваше правленіе съ нынѣшнимъ, хочу заклеймить безчестными тѣхъ, которые продали общее дѣло. Я хочу привлечь къ суду общественнаго мнѣнія тѣхъ, въ рукахъ которыхъ сейчасъ управленіе, хочу раскрыть ихъ злоупотребленія и заинтересовать министра горестною судьбою родины". Увѣренный въ своихъ силахъ и полный горячею любовью къ отчизнѣ, онъ добавляетъ: „Я еще молодъ, мои планы могутъ показаться смѣлыми, но мнѣ даетъ силу любовь къ истинѣ, къ родинѣ, къ моимъ соотечественникамъ, даетъ силу и то воодушевленіе, которое вселяетъ въ меня надежда на улучшеніе положенія нашей страны. Если вы соблаговолите привѣтствовать трудъ, въ которомъ такъ много мѣста будетъ удѣлено Вамъ, если Вы поддержите стремленія молодого человѣка... то это будетъ лишь вѣрной гарантіей его работѣ".

Но Паоли не отвѣтилъ на это письмо. Лишь впослѣдствіи, передавъ письмо Наполеона Буттафоко, онъ написалъ ему, что онъ слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобы составить исторію Корсики,—только серьезнымъ изученіемъ можетъ онъ подготовиться черезъ нѣсколько лѣтъ къ такой серьезной и трудной работѣ. Паоло не понялъ горячаго желанія, которымъ дышали строки Наполеона. Не понялъ онъ и того, что этотъ молодой патріотъ кровью своею хотѣлъ пожертвовать для святого дѣла отчизны!

Это наставленіе Паоли не могло быть пріятнымъ молодому историку, но оно его не возмутило. Наполеонъ не былъ обез-

кураженъ, наоборотъ, еще усерднѣе принялся за работу и написалъ трактатъ о Корсикѣ, который хотѣлъ посвятить герою дня, министру Неккеру. Но прежде онъ послалъ его просмотрѣть своему бывшему учителю, патеру Дюпюи, въ Бріеннѣ, который категорически отсовѣтовалъ ему это дѣлать. Идеи свободы, воодушевлявшія Францію, распространялись все шире и шире, охватывали собою рѣшительно всѣхъ, не исключая и солдатъ. Гарнизонъ Оксонна взбунтовался. Большинство солдатъ отправилось огромною толпою къ квартирѣ полковника, чтобы потребовать отъ него полковой казны. Онъ долженъ былъ уступить силѣ. Овладѣвъ деньгами, солдаты, лишенные всякой дисциплины, перепились, увлекши за собою и офицеровъ. Бонапартъ съ ужасомъ смотрѣлъ на эти порвавшія всѣ оковы дисциплины войска, которыхъ опьянѣніе свободы сдѣлало дикими и жестокими. Но и имъ овладѣло пламенное воодушевленіе и мысль, что, наконецъ-то, насталъ моментъ, когда его бѣдное отечество можетъ постоять за себя. Какъ поведутъ себя патріоты его острова во всеобщемъ опьянѣніи свободы, которая охватила все и всѣхъ? Но проникнетъ ли вообще оно къ нимъ? Кровь стучала и билась въ вискахъ Бонапарта, онъ рвался къ своимъ соотечественникамъ, хотѣлъ имъ сказать, чтобы они не упустили этого единственнаго случая сбросить ненавистныя оковы. Но онъ сдержалъ себя и продолжалъ работать, работать, работать!

Двадцать третьяго августа королевскій артиллерійскій полкъ „Ла-Феръ“ послѣдовалъ примѣру другихъ корпусовъ и, принесъ присягу національному собранію. Мысли Наполеона были теперь только вокругъ націи: король пересталъ для него существовать. „До этихъ дней, — говоритъ онъ самъ, — если бы мнѣ приказали, я бы несомнѣнно стрѣлялъ въ народъ, ибо привычка, предразсудки, воспитаніе и имя короля вселяли въ него повиновеніе. Съ тѣхъ же поръ, какъ я принесъ присягу націи, я знаю только ее!“

Его здоровье страдало, однако, отъ непривычныхъ волненій и скуднаго питанія, въ которомъ онъ постоянно экономилъ, въ виду своего положенія. Тоска по родинѣ и горячее желаніе знать, что творится теперь на его островѣ при новыхъ политическихъ условіяхъ, сверлило его пылкое патріо-

тическое сердце. Нужда подавляла его и ухудшала все его психическое и физическое состояніе. Еще въ іюлѣ онъ писалъ домой: „У меня нѣтъ никакихъ другихъ источниковъ дохода, кромѣ работы. Я мѣняю бѣлье только разъ въ недѣлю, я работаю въ своей комнатѣ, въ десять часовъ ложусь спать. Съ тѣхъ поръ, какъ я боленъ, я сплю очень мало, встаю въ четыре часа и ѣмъ только разъ въ день,—что, впрочемъ, мнѣ очень полезно“.

Онъ былъ не въ силахъ оставаться дольше во Франціи съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что и Корсика охвачена общимъ движеніемъ къ свободѣ. Спокойствія какъ не бывало: онъ не находилъ удовлетворенія ни въ службѣ, ни въ своихъ научныхъ занятіяхъ. День и ночь мучила его мысль о любимой отчизнѣ. Неужели же онъ, самый вѣрный изъ вѣрныхъ ея сыновъ, останется въ дали и будетъ сидѣть сложа руки? Быть-можетъ, именно отъ него зависитъ участь родины?

Наполеону во что бы то ни стало, нуженъ былъ отпускъ. Девятаго августа 1789 года онъ просилъ о немъ, и несмотря на тревожныя времена, ему дали его: военный министръ ла-Туръ-дю-Пенъ согласился на это лишь по особой просьбѣ инспектора де-ла-Мортъера.

ГЛАВА V.

РЕСПУБЛИКАНЕЦЪ.

I. Революція на Корсикѣ.

(Октябрь 1789 года—декабрь 1790 года).

Когда Бонапартъ, въ концѣ сентября, или вѣрнѣе въ началѣ октября, покинулъ Францію, она вся была объята пламенемъ, зажженнымъ факеломъ революціи. Взятіе Бастиліи, причину котораго слѣдуетъ искать, главнымъ образомъ, въ отставкѣ министра финансовъ Неккера, дало сигналъ ко всеобщему возстанію. Въ городахъ и провинціяхъ царили страхъ и ужасъ передъ поднявшимися разбойничьими и грабительскими бандами. Крестьяне вооружились для встрѣчи этихъ шаекъ, но вскорѣ сами принимались грабить окрестности и сжигать замки и монастыри. Они рѣшили освободиться отъ лежавшихъ на нихъ тяжелымъ бременемъ феодальныхъ налоговъ. Повсюду вспыхивали возстанія. Повсюду царили преступленія, поджоги, убійства. Ночью четвертаго августа духовенство и аристократія были вынуждены отказаться отъ своихъ феодальныхъ правъ, и Людовикъ XVI получилъ отъ учредительнаго собранія званіе „возстановителя французской свободы“.

Двадцать седьмого августа, прокламація Лафайета стала наконецъ, основой новой конституціи.

Иначе обстояли дѣла на Корсикѣ. Туда искры революціоннаго движенія упали нѣсколько позже. Порабощенные корсиканцы вначалѣ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ смотрѣли на освободительное стремленіе Франціи и не рѣшались высказывать своихъ собственныхъ идей и стремленій изъ боязни быть впослѣдствіи еще болѣе жестоко наказанными за революцію. Кромѣ того, извѣстія изъ возставшей Франціи шли

очень долго и отличались неясностью: о каждомъ событіи на островѣ узнавали лишь черезъ мѣсяцъ. Такъ, о взятіи Бастиліи узнали только въ августѣ. По большей части извѣстія вообще не получались, такъ какъ роялистски настроенный губернаторъ Барренъ боязливо скрывалъ всѣ свѣдѣнія и не опубликовалъ ни одного постановленія національнаго собранія.

Строго говоря, корсиканскій народъ не могъ составить себѣ вѣрнаго понятія о значеніи французской революціи. Для корсиканцевъ не существовало ни борьбы противъ богатыхъ, привиллегированныхъ, противъ дворянства, ни борьбы противъ духовенства. Классовыя противорѣчія были имъ чужды, только кланъ обладалъ на Корсикѣ нѣкоторой силой и властью. Каждый былъ землевладѣльцемъ, и даже клиръ стоялъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ народомъ, такъ какъ вышелъ изъ него и принималъ участіе въ его борьбѣ за свободу.

Относительно государственнаго устройства, корсиканцы во многихъ отношеніяхъ давно опередили Францію. При Паоли у нихъ была уже милиція, въ которой каждый былъ солдатомъ съ юношескихъ вплоть до старческихъ лѣтъ. Они избирали своихъ чиновниковъ на народныхъ собраніяхъ, въ которыхъ принимали участіе всѣ, безъ различія положенія и сословія. У нихъ было жюри, а провинціи ихъ управлялись трибуналами. Все это было создано во Франціи лишь революціей.

Ради этихъ привиллегій корсиканцамъ не нужно было поднимать знамени возстанія. Для нихъ существовалъ одинъ только врагъ: Франція, предъ бѣлымъ знаменемъ которой они продолжали склоняться, между тѣмъ какъ въ ней самой развѣвался уже трехцвѣтный флагъ. Ихъ лозунгъ свободы гласилъ: „Долой французовъ и всѣхъ чужестранцевъ! Долой чужихъ чиновниковъ, которые эксплоатируютъ насъ и угнетаютъ!“ До сихъ поръ, однако, попытки такой сдѣлано не было, новыя политическія условія не произвели еще перемѣнъ въ управленіи, законахъ и обложеніи острова. Въ генеральныхъ штатахъ Франціи декретъ двадцать второго марта 1789 года впервые призвалъ корсиканцевъ въ собраніе сословій, которое должно было открыться 25 апрѣля, но состоялось только 5 мая.

Депутаты эти состояли изъ бригаднаго генерала Маттео Буттафоко, представители дворянства, аббата Перетти, представителя духовенства, юриста Салиечети и капитана Колонна Чезари Рокка, представлявшихъ три высшія сословія. Салиечети и Чезари Рокка были на сторонѣ народа, между тѣмъ какъ Буттафоко и Перетти защищали такъ называемыхъ „черныхъ“ или аристократовъ. Буттафоко былъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ величайшимъ измѣнникомъ родинѣ; онъ былъ тѣмъ самымъ, который въ свое время въ качествѣ депутата Паоли далъ себя подкупить герцогу де-Шуазелю. До сихъ поръ онъ считался у французскаго правительства чрезвычайно вліятельной личностью, свѣдущей во всѣхъ вопросахъ относительно Корсики, и дѣлалъ все, чтобы разрушить стремленія къ свободѣ своихъ соотечественниковъ. Избранные въ концѣ мая депутаты, только въ концѣ іюня прибыли въ Версаль, когда событія уже надвигались. И прошло не мало времени, прежде чѣмъ они могли оказать какую-либо пользу отечеству.

Мало-по-малу, однако, идеи независимости, за которыя было когда-то пролито столько крови, снова пробудились на островѣ. Особенно сильное вліяніе оказало на корсиканскіе умы извѣстіе о взятіи Бастиліи. Съ жадностью ожидалось всякое извѣстіе изъ Франціи: цѣлыми часами стояли корсиканцы на берегу и смотрѣли, вперивъ взоръ въ даль, не покажется ли завѣтный парусъ. На дорогахъ собирались кучки людей, которые обсуждали событія и на корсиканскій манеръ ожесточенно жестикулировали. Въ Аяччіо и Бастіи стала замѣчаться существенная перемѣна въ настроеніи жителей: веселость уступила мѣсто серьезности. Народныя развлеченія собирали мало публики,—всѣми овладѣло сознаніе серьезности момента. Едва молодой Бонапартъ въ октябрѣ 1789 года прибылъ на Корсику, какъ его засыпали вопросами о послѣднихъ событіяхъ. Его, который все еще былъ преисполненъ идеями, изложенными въ его письмѣ къ министру Неккеру! Его, который не думалъ ни о чемъ другомъ, какъ о томъ, чтобы снова завоевать свободу родинѣ, который стремился занять почетное мѣсто среди великихъ героевъ отчизны, его, чье честолюбіе не останавливалось рѣшительно ни передъ чѣмъ! Въ пламенной

рѣчи онъ разсказалъ имъ о французской революціи, которую назвалъ „борьбой свободы противъ тиранiи“. Онъ обрушился на своихъ соотечественниковъ, что они еще ничего не предприняли для своей независимости, между тѣмъ, какъ во Франціи, во всѣхъ городахъ, образовались уже комитеты для защиты народа и его интересовъ.

Все Аяччіо сразу поднялось. Бонапарту удалось побудить согражданъ поднять трехцвѣтное знамя, учредить патріотическій клубъ, душой котораго былъ онъ самъ, и образовать національную гвардію. Онъ прибѣгалъ ко всему, чтобы воодушевить корсиканцевъ къ новому дѣлу, которое должно было ознаменовать возрожденіе его родины.

Домъ Бонапарта сталъ теперь мѣстомъ сборища всѣхъ патріотовъ, которые приходили туда, чтобы обсудить положеніе вещей и рѣшить, что предпринять. Во главѣ этихъ патріотовъ стали братья Жозефъ и Наполеонъ. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ среди нихъ былъ молодой юристъ Карло Андреа Поццо-ди-Борго, въ то время близкій другъ, но и соперникъ молодого Бонапарта. Онъ превосходилъ всѣхъ своими способностями и умѣньемъ завязывать интриги и связи. Всѣ родственники семьи Бонапартъ: Паравичини, Коста, Рамолини, Колонна и другіе, принадлежали къ числу сторонниковъ Наполеона, молодого республиканца, передъ взоромъ котораго открывалась новая, построенная на принципахъ Руссо, эра независимости, свободы и равенства. Его неутомимой дѣятельности и фантазіи открылось теперь широкое поле дѣйствій.

Двадцатилѣтній артиллерійскій лейтенантъ переходилъ на улицахъ Аяччіо отъ одного къ другому въ постоянномъ стремленіи воодушевить своихъ соотечественниковъ къ новымъ идеямъ.

Внѣшность его въ то время была настолько своеобразна, что возбуждала вниманіе даже на родинѣ. Большая голова съ впалыми щеками, съ темными волосами, спадавшими на лобъ прямыми прядями, съ сѣрыми глазами, которые смотрѣли на міръ серьезно и испытующе, съ сильно развитымъ подбородкомъ, обнаруживавшимъ недюжинную силу воли, съ крутымъ лбомъ, въ которомъ зарождались, казалось, великія мысли,—

все это какъ-то странно диссонировало съ маленькимъ, тщедушнымъ тѣломъ. Его рѣчь, проникнутая горячимъ пыломъ молодости, встрѣчала повсюду живѣйшее сочувствіе; его слушали съ воодушевленіемъ, съ восторгомъ взгляды всѣхъ обращались на его артиллерійскій мундиръ, которому онъ былъ тоже обязанъ частью своего успѣха.

Но Аяччіо—далеко вѣдь не вся Корсика! Въ остальныхъ мѣстностяхъ острова, либеральныя стремленія не нашли еще отзвука. Страна раскололась на два лагеря: роялистовъ и республиканцевъ. Въ одномъ духовенство, поддерживаемое генераломъ Джаффори и вооруженной силой, старалось возстановить народъ противъ „novatori“, въ другомъ же, во главѣ корсиканской молодежи, были братья Бонапарты и Поццо-ди-Борго, стремившіеся укоренить на родинѣ новыя идеи свободы. Въ первое время побѣда клонилась на ихъ сторону. Но губернатору съ помощью войска, подъ предводительствомъ Джаффори, удалось обезоружить возставшихъ жителей Аяччіо и успокоить ихъ, по крайней мѣрѣ наружно, потому что умы были и оставались попрежнему возбужденными.

Появившійся въ то время совѣтъ „12“ вызвалъ въ обоихъ городахъ, Аяччіо и Бастіи величайшее ожесточеніе. Совѣтъ „12“ образовался совершенно неожиданно и взялъ на себя обсужденіе предложенія корсиканскихъ депутатовъ о національномъ собраніи. Онъ съ негодованіемъ отвергъ эти предложенія, особенно проектъ образованія комитета изъ двадцати трехъ человѣкъ, и высказался категорически противъ милиціи.

Въ началѣ Наполеонъ и сторонники его подумывали объ открытомъ сопротивленіи. Но они не чувствовали еще подъ ногами твердой почвы и рѣшили воспользоваться помощью національнаго собранія. Тридцать перваго октября Бонапартъ собралъ своихъ согражданъ въ церкви Святого Франческо и прочелъ имъ посланіе, обращенное къ національному собранію. Стиль, орѳографія и ходъ мыслей этого посланія, перваго политическаго документа Наполеона, ясно показываютъ, что авторомъ его могъ быть только онъ самъ. Къ тому же онъ и подписалъ его первымъ, полнымъ своимъ именемъ и титуломъ „officier d'artillerie“—лейтенантомъ онъ никогда не подпи-

сывался,—и заставилъ подписаться вслѣдъ за нимъ всѣхъ своихъ друзей, среди нихъ стараго дядю Люціано, нѣсколькихъ Поцци-ди-Борго, Тортароли, Антоніо Перальди, Антоніо Колонна д'Орнано, аббата Франческо Рамолино, Джироламо Коста, Джіованно Паравичини, аббата Рекко, Феша и другихъ.

Словами: „Высокое собраніе! Если чиновники присваиваютъ себѣ власть, противорѣчущую законамъ, если депутаты, не будучи на то уполномочены, отъ имени народа говорятъ противъ воли его, то гражданамъ позволено собраться, протестовать и оказать сопротивленіе гнету", онъ оправдывалъ возстаніе жителей Аяччіо и продолжалъ: „Соблаговолите же обратить на насъ ваше вниманіе.

„Лишенные свободы, едва вкусивъ ея блага, мы въ теченіе двадцати лѣтъ были связаны съ монархіей!

„Въ теченіе двадцати лѣтъ жили мы безъ всякой надежды, подъ гнетомъ насильственнаго правленія, но вотъ разразилась могучая революція, вернувшая людямъ ихъ права и французамъ ихъ отечество! Она оживила насъ вновь и пробудила въ нашихъ измученныхъ сердцахъ новую надежду.

„Страхъ за судьбу и тяжесть цѣпей, бремя которыхъ тяготитъ сейчасъ больше, чѣмъ прежде, вызвало на островѣ незначительное возстаніе, омрачившее не надолго спокойствіе. Но вѣра, которую питаетъ въ васъ корсиканскій народъ, безграничпа...

„Графъ Колонна ди-Чезаре-Рокка и депутатъ Саличети въ согласіи съ находящимися въ Версали патріотами предложили собранію проектъ учрежденія комитета изъ двадцати трехъ человѣкъ, которые должны были быть избраны въ провинціяхъ, чтобы охранять наши права. Мы съ нетерпѣніемъ ждали осуществленія этого проекта, продиктованнаго патріотизмомъ и чистѣйшимъ воодушевленіемъ. Но незаконное собраніе „12" привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе. Въ Аяччіо уже напередъ всѣ отказались исполнять его постановленія. Какое право имѣютъ „12" аристократовъ представлять собою націю? Они, постояннымъ стремленіямъ которыхъ было поднятіе налоговъ? Они всегда были орудіемъ въ рукахъ интенданта. Какое право имѣютъ они выносить рѣшеніе по вопросамъ общаго блага?

„Всѣ думали въ началѣ, что ихъ собраніе будетъ обсуждать только вопросъ о налогахъ.

„Неожиданно мы получили сообщеніе отъ нихъ о томъ, что они обсудили предложенія нашихъ депутатовъ и отвергли ихъ, какъ позорныя, опасныя, неосуществимыя. Въ качествѣ причины, они указываютъ на то, что собранія для выбора комитета вызываютъ всегда безпорядки и броженіе! Самый комитетъ не имѣетъ цѣли, потому что всюду царитъ полнѣйшее спокойствіе! Далѣе, потому, что проведеніе его въ жизнь стоитъ огромныхъ суммъ, отчасти на жалованіе двадцати тремъ лицамъ, отчасти же на содержаніе милиціи,—сумма эта простирается приблизительно до милліона франковъ. Далѣе, потому, что страна лишена части своихъ землевладѣльцевъ! Потому, что Его Величество выведетъ тогда войска и Корсика пойдетъ навстрѣчу разрушенію!

„Сколь прискорбно для насъ слышать изъ устъ нашихъ же соотечественниковъ софизмы, бывшіе испокони вѣка языкомъ рабства и деспотіи!.. Такъ, значитъ, мы никогда не должны собираться?.. И нами долженъ править интендантъ?

„Одна мысль объ этомъ страшитъ! „Всюду царитъ полнѣйшее спокойствіе!“ Зачѣмъ же тогда съ такой настойчивостью требовали войска? Зачѣмъ посылали чрезвычайныхъ комиссаровъ?.. Развѣ только возстаніе народа виною въ безпорядкахъ и волненіяхъ? Развѣ собственность и казна могутъ грабиться однимъ только народомъ? Если царитъ тиранніи, если правительственные чиновники не пользуются довѣріемъ, если они угнетаютъ и разъ ихъ ненавидятъ,—развѣ можно сказать, что все совершенно спокойно?

„Да, высокое собраніе, мы можемъ заявить, положа руку на сердце: нашъ народъ оклеветанъ, насъ попытались запугать лживыми и смѣшными угрозами. Попытались обмануть утвержденіемъ, будто земледѣліе лишится части рабочихъ рукъ. Нѣтъ, никогда свобода не будетъ препятствіемъ для земледѣлія! Лишь тиранніи и деспотизмъ опустошаютъ страну!...“

За этимъ обращеніемъ нельзя не признать извѣстнаго краснорѣчія и энергичнаго тона. Но развѣ могло оно измѣнить положеніе вещей? Какое дѣло было національному со-

бранію до того, что Корсика все еще угнетена? Оно получало ежедневно столько прошеній и заявленій, что не обращало вниманія почти ни на одно, какъ бы оно ни отличалось отъ прочихъ!

Бонапартъ и сторонники его пришли скоро къ убѣжденію, что для того, чтобы чего-либо достигнуть, они должны перенести свою дѣятельность въ Бастію, въ центръ правительства. Быстро рѣшившись, Наполеонъ отправился въ Бастію вмѣстѣ со своей партіей. Они хотѣли дѣломъ показать національному собранію, каково положеніе на Корсикѣ, которая, „будучи управляема дурными чиновниками, находится въ полномъ распоряженіи губернатора и его присныхъ!“ Здѣсь имъ скорѣе, нежели въ Аяччіо, удастся образовать гражданскую милицію.

Едва прибывъ въ Бастію, Наполеонъ роздалъ патріотамъ трехцвѣтныя кокарды и уже на слѣдующій день, въ воскресенье, бастіанцы отправились къ дому губернатора, слабаго, нерѣшительнаго человѣка, боявшагося всякаго проявленія насилія. Они старались воздѣйствовать на него словами. Барренъ сперва сталъ было отговариваться тѣмъ, что у него нѣтъ никакихъ предписаній отъ правительства, но, въ концѣ-концовъ, уступилъ и самъ надѣлъ трехцвѣтную кокарду. Офицерамъ, однако, онъ приказалъ сохранить бѣлое знамя. Но солдаты скоро перешли на сторону Наполеона и тоже всѣ прикололи къ шляпамъ трехцвѣтки. Получивъ, однако приказъ отъ офицеровъ, они не оказали сопротивленія. Воспротивился только одинъ, который и былъ за это наказанъ. Граждане всѣ безъ исключенія съ гордостью надѣли національные цвѣта; городъ охватило волненіе. Бонапартъ посылалъ предложеніе за предложеніемъ губернатору, чтобы побудить его къ образованію милиціи, но тщетно. Единственно, на что, наконецъ, согласился генералъ Барренъ, было разрѣшеніе носить трехцвѣтные кокарды.

Воодушевленный этой первой уступкой, Наполеонъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно и подготовить все къ образованію милиціи, не подавъ ни малѣйшаго вида французамъ. Однажды утромъ, пятаго ноября 1789 года, всѣ жители Бастіи вышли изъ домовъ вооруженные. Молча направились они

въ церковь Святого Джіованно, гдѣ должна была состояться офиціальная перепись.

Послѣ тщетныхъ попытокъ гарнизона обезоружить гражданъ, милиція завладѣла Бастіей и сумѣла ее удержать за собою. Когда же порядокъ былъ водворенъ, зачинщикъ возстанія, артиллерійскій лейтенатъ Бонапартъ, долженъ былъ, по приказанію губернатора, покинуть городъ.

Онъ не обратилъ на это никакого вниманія. Онъ достигъ чего хотѣлъ. Торжественно воскликнулъ онъ: „Наши братья въ Бастіи порвали на тысячи кусковъ свои цѣпи!“ Гораздо важнѣе казалось ему довести до свѣдѣнія національнаго собранія объ одержанной побѣдѣ до тѣхъ поръ, пока губернатору удастся послать свое донесеніе. Съ лихорадочнымъ волненіемъ ждалъ Наполеонъ отвѣта. Онъ могъ быть, однако, совершенно спокойнымъ, такъ какъ въ Парижѣ орудовалъ Саличети со всѣмъ своимъ вліяніемъ на соотечественниковъ. Они вѣдь въ письмѣ, подписанномъ Джіованно Баттиста Галеаццини, Гваско и Піетро Морато, обращенномъ къ нему и Колоннѣ, энергично требовали, чтобы участь Корсики была, наконецъ, рѣшена. Они требовали присоединенія къ Франціи, а не къ Генуѣ. Когда они станутъ французами,—все рабство придетъ къ концу. Они сами будутъ управлять своимъ островомъ, сами защищаться. Ихъ соотечественники получатъ должности, и все это будетъ способствовать пробужденію корсиканскаго самосознанія, которое настолько упало, благодаря владычеству иностранныхъ чиновниковъ.

Письмо это было прочтено въ засѣданіи 30 ноября 1789 года Вольнеемъ, и національное собраніе постановило, что островъ Корсика образуетъ часть французскаго государства. Жители острова управляются на основаніи той же конституціи, какъ и другіе французы, и король долженъ посылать и на Корсику всѣ постановленія національнаго собранія.

Но генуэзская республика не согласилась съ этимъ. Она опротестовала это постановленіе, сославшись на договоръ 1768 года, который уступалъ Его Величеству лишь суверинтетъ въ королевствѣ Корсикѣ. Генуя не предполагала, что островъ можетъ стать свободнымъ и независимымъ и безъ вовле-

ченія въ новую политику, противорѣчащую обусловленной въ договорѣ.

Противъ этого обращенія Генуи, противорѣчившаго всѣмъ новымъ принципамъ, возстали всѣ депутаты. Салічети, Мирабо, майоръ Гара, Буттафоко, аббатъ Морн, Барнавъ, Робеспьеръ, Эспремениль и Вильневъ высказались энергично противъ дерзости генуэзской республики, считающей Корсику все еще своей собственностью.

Салічети воскликнулъ съ негодованіемъ: „Страдающій отъ неопредѣленности своего положенія народъ боится, что островъ перейдетъ къ республикѣ. Онъ принадлежитъ Франціи и не хочетъ принадлежать никому другому!“ И Гара добавилъ презрительно: „Генуя утверждаетъ, будто она уступила корсиканцевъ. Людей и націй не уступаютъ!“

Наполеонъ Бонапартъ могъ быть, слѣдовательно, спокоенъ, тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе вопроса было вполнѣ въ духѣ Паоли, который хотѣлъ теперь вернуть свободу острову черезъ посредство протектората Франціи. Въ письмѣ отъ 23 декабря онъ говорилъ Жантили: „Чья бы рука ни возвратила нашему отечеству свободу, я поцѣлую ее со всей искренностью и полнымъ воодушевленіемъ“. Съ этой цѣлью онъ послалъ даже для пропаганды одного изъ своихъ близкихъ на Корсику, и тотъ вернулся вскорѣ къ нему въ Англію съ отрадными извѣстіями.

Такъ какъ всѣмъ изгнаннымъ корсиканцамъ была объявлена амнистія, то всѣ они вернулись на родину. Климентъ Паоли, полковникъ Петрикони, Луиджи Чіавальдини и другіе собрались здѣсь, чтобы встрѣтить возвращеніе стараго героя на родину.

Хотя, Салічети, который, послѣ Паоли, считался на Корсикѣ самымъ популярнымъ человѣкомъ, тотчасъ же послѣ засѣданія національнаго собранія, 30 ноября написалъ письмо на родину, однако, прошло цѣлыхъ два мѣсяца, пока на Корсикѣ было официально опубликовано постановленіе національнаго собранія. Въ этомъ промедленіи было виновато обращеніе Генуи, которое пришлось обсудить ранѣе.

Тѣмъ не менѣе, корсиканцы узнали о сліяніи своего острова съ Франціей отчасти изъ писемъ своихъ депутатовъ, отчасти же изъ „Moniteur universelle“. Ими овладѣла не-

сказанная радость, проявившаяся въ пламенномъ воодушевленіи. Наконецъ-то, послѣ долгихъ двадцати лѣтъ, они опять получатъ право носить оружіе и смогутъ снова защищать себя, защищать свое дорогое отечество! Съ ними не будутъ больше обращаться, какъ съ рабами, а какъ съ французами! Изъ заклятыхъ враговъ они стали внезапно друзьями!

Большинство земляковъ Наполеона измѣнило свои чувства къ французамъ, которыхъ теперь всюду прославляли. Онъ, столь враждебно относившійся къ нимъ съ самаго дѣтства, перешелъ теперь всецѣло на ихъ сторону и воскликнулъ съ воодушевленіемъ: „Франція раскрыла намъ свои объятья. Съ этого дня у насъ тѣ же интересы и тѣ же заботы, какъ у французовъ! Море не раздѣляетъ теперь насъ другъ отъ друга!“

Во всѣхъ церквахъ на островѣ пѣли „Te Deum“ въ благодарность за вновь обрѣтенную свободу. Иллюминаціи, балы и торжества свидѣтельствовали о радости освобожденнаго народа. Бонапартъ самъ велѣлъ поднять надъ своимъ городомъ бѣлое знамя съ надписью: „Да здравствуетъ нація! Да здравствуетъ Паоли! Да здравствуетъ Мирабо!“

Гражданская милиція была образована во всѣхъ городахъ, и корсиканцы съ гордостью и съ чувствомъ собственнаго достоинства носили оружіе. Наполеонъ исполнялъ свои военныя обязанности въ качествѣ простого солдата, отказавшись послѣ долгихъ размышленій, отъ всякихъ отличій. Особенно хвалили его за то, что, несмотря на то, что полковникъ Перальди былъ его заклятымъ врагомъ, онъ сталъ часовымъ у его дверей.

Наполеонъ, Жозефъ и Люсьенъ предпринимали нерѣдко далекія прогулки въ болотистыя окрестности Аяччіо, чтобы тамъ, на свободѣ, поговорить о своихъ планахъ и идеяхъ. Наполеонъ хотѣлъ, прежде всего, чтобы Жозефъ былъ избранъ въ общинный совѣтъ. Онъ хотя и не достигъ еще установленнаго возраста, однако, что гораздо важнѣе, былъ однимъ изъ немногихъ на островѣ, который свободно говорилъ по-французски. Эти прогулки по нездоровой мѣстности, предпринимавшіяся обыкновенно поздно вечеромъ, привели къ тому, что всѣ трое заболѣли изнурительной лихорадкой, которая

едва не стоила имъ жизни. Здоровье Наполеона, отчасти благодаря этой болѣзни, отчасти же благодаря волненіямъ послѣдняго мѣсяца, было настолько подорвано, что его прошеніе полковнику де-Лансу о продленіи отпуска представляется вполнѣ обоснованнымъ. Къ письму онъ приложилъ, кромѣ того, врачебное свидѣтельство, подтверждавшее необходимость дальнѣйшаго отпуска. Начальство продлило ему его на четыре мѣсяца.

Но не одно лишь плохое здоровье было причиной его пребыванія на родинѣ. Наполеону хотѣлось лично присутствовать при ходѣ событій и свидѣться съ Паоли, которому тѣмъ временемъ Франція оказала почетный пріемъ. Кромѣ того, онъ намѣревался за это время окончить свои „Lettres sur la Corse“, которыя рѣшилъ посвятить теперь аббату Рейналю. Люсьенъ, обладавшій прекраснымъ почеркомъ, долженъ былъ переписать ему рукопись. Свободные часы Бонапартъ посвящалъ политикѣ, сочиненію или бесѣдовалъ съ умнымъ Поццо-ди-Борго относительно жгучихъ вопросовъ дня.

Лично для Наполеона сліяніе Корсики съ Франціей было постольку удобно, что теперь онъ могъ найти въ Парижѣ поддержку по поводу революціонизированія своей родины. Онъ представлялъ себѣ правда, въ иномъ свѣтѣ освобожденіе Корсики и гораздо шире понималъ независимость. Но вышло иначе. Это все же было большимъ шагомъ къ свободѣ. О томъ, какъ сложится политика будущаго его страны, онъ пока не могъ дать себѣ отчета.

Политика всецѣло захватила его. Онъ и его братья играли видную роль во всѣхъ комитетахъ и клубахъ; онъ былъ вождемъ всего движенія. Буттафоко и сторонники его были внѣ себя отъ успѣха противной партіи. Гдѣ было только возможно, они вредили Бонапартамъ во мнѣніи народа. Въ началѣ мая они распространили въ Аяччіо слухъ, что Бонапарты, Массеріа и ихъ люди овладѣли крѣпостью и прогнали всѣхъ французскихъ чиновниковъ,—словомъ совершенно освободили Корсику отъ французовъ. Населеніе было такъ возбуждено этимъ слухомъ, что огромная толпа подступила къ дому Бонапартовъ и требовала выдачи ихъ съ криками „a morte!“

Наполеонъ и Массеріа не растерялись и вышли къ возбужденной толпѣ. „Пусть выступитъ обвинитель!—закричалъ Бонапартъ.—Мы созовемъ совѣтъ изъ „двѣнадцати“ гражданъ. Пусть онъ обсудитъ обвиненіе и приговоритъ къ разстрѣлянію клеветниковъ“. Массеріа подкрѣпилъ его рѣчь словами: „Пусть тотъ, кто меня обвиняетъ, если есть у него въ тѣлѣ душа корсиканца, пусть выступитъ онъ и обвинитъ меня публично здѣсь, передъ гражданами!“ Эти мужественныя слова успокоили толпу, и она разошлась съ криками: „Evvia Masseria! Evviva Napoleone!“

Тѣмъ временемъ Паоли, какъ мы уже говорили, рѣшился вернуться на родину послѣ двадцатилѣтняго пребыванія въ Англіи. Изъ своего убѣжища онъ обратился къ національному собранію съ посланіемъ, вручить которое поручилъ вѣрному Массеріа. Въ этомъ посланіи старикъ порицалъ недобросовѣстное поведеніе герцога Шуазель и требовалъ національной независимости своей страны. Постановленіе національнаго собранія преисполнило его радостью и надеждой и встрѣтило въ немъ полное сочувствіе. Онъ рѣшилъ вернуться на островъ, который не надѣялся уже когда-либо увидѣть.

Путь его лежалъ черезъ Парижъ, куда онъ и прибылъ 3 апрѣля 1790 года, чтобы лично принести свою благодарность національному собранію. Героя, корсиканскаго Вашингтона, встрѣтилъ очень тепло и оказали ему высшія почести, такъ какъ видѣли въ немъ моральнаго диктатора Корсики. 8 апрѣля Лафайетъ представилъ его королю, который вмѣстѣ со всей королевской семьей отнесся къ нему очень радушно. Во всѣхъ магазинахъ Парижа были выставлены портреты Паоли, рисованные Дролленжомъ. 22 апрѣля прославленный корсиканскій герой, въ сопровожденіи депутатовъ, прибылъ въ національное собраніе, гдѣ произнесъ благодарственную рѣчь, восторженно встрѣченную всѣми присутствующими. Онъ началъ ее словами: „Этотъ день—прекраснѣйшій, счастливѣйшій во всей моей жизни!“ И растроганно закончилъ ее: „Да, я осмѣлюсь сказать: вся моя жизнь была непрестанной присягой только свободѣ! Кажется, будто я принесъ ее конституціи, созданной вами. Теперь мнѣ остается только принести ее націи, которая

меня приняла, и также и монарху, которому я принесъ свою благодарность!“ Паоли былъ введенъ въ „общество друзей конституціи“. Тамъ Робеспьеръ привѣтствовалъ его словами: „Да, было время, когда мы старались подавить свободу... Но нѣтъ! Въ этомъ преступленіи повиненъ лишь деспотизмъ. Французская нація исправила свою ошибку!.. Благородный гражданинъ, вы защищали свою свободу въ то время, когда мы еще не рѣшались о ней думать!“

Людовикъ XVI предложилъ Паоли должность, титулъ и богатое содержаніе, чтобы привязать его навсегда къ Франціи, но герой рѣшительно отказался отъ всего. Ему хотѣлось спокойно кончить дни свои на родинѣ и насладиться благами новаго строя для его соотечественниковъ.

Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ, онъ двинулся въ путь и въ тріумфальномъ шествіи по всѣмъ городамъ Франціи направился прямо на Корсику. Всюду встрѣчали его восторженными криками: „Да здравствуетъ Паоли!“ Старъ и младъ спѣшили навстрѣчу ему, чтобы своими глазами увидѣть великаго корсиканскаго героя.

Извѣстіе о близкомъ прибытіи на Корсику Паоли распространилось съ невѣроятной быстротой по острову и всюду вызвало среди населенія восторженную радость. Онъ, герой, столь часто ведшій ихъ къ побѣдѣ и славѣ, столь храбро защищавшій долгіе годы ихъ независимость, снова приближается къ нимъ! Каждому хотѣлось привѣтствовать его. Оба города, Бастія и Аяччіо, спорили между собою, на долю кого выпадетъ честь принять Паоло. Мэръ Аяччіо тотчасъ же собралъ общинный совѣтъ, чтобы обсудить, какимъ образомъ побудить Паоли высадиться въ Аяччіо, а не въ Бастіи. Было рѣшено послать ему навстрѣчу депутацію, которая склонитъ его въ пользу Аяччіо. Въ составъ депутаціи вошли Жозефъ Бонапартъ, дядя его Паравичини, аббатъ Рекко, Томазо Тавера и Якопо По. Такую же депутацію послала и Бастіа. Бонапартъ воспользовался этой поѣздкой Жозефа въ Марсель и далъ ему съ собою два своихъ „Lettres sur la Corse“, вмѣстѣ съ письмомъ къ аббату Рейналю, въ которомъ онъ просилъ его „бросить хотя бы бѣглый взглядъ на этотъ отрывокъ его „Исторіи Корсики“. Посѣтилъ ли Жозефъ аббата

и передалъ ли ему письмо, мы опредѣленно не знаемъ; не знаемъ также и того, отвѣтилъ ли и что именно Рейналь.

Депутація была отправлена и встрѣтилась съ Паоли въ Ліонѣ. Тотъ, тѣмъ временемъ, уже принялъ рѣшеніе высадиться не въ гавани Аяччіо, а въ Бастіи и продолжалъ настаивать на этомъ. Депутація отъ Аяччіо проводила его поэтому лишь до Марселя и тамъ разсталась съ нимъ. Жозефъ Бонапартъ былъ чрезвычайно любезно встрѣченъ Паоли и вернулся на Корсику съ портретомъ героя, который его отецъ Карло нарисовалъ однажды въ Корте на игральной картѣ.

Тѣмъ временемъ въ Аяччіо произошло событіе, въ которомъ Наполеонъ сыгралъ хотя и активную, но случайную роль. 25 іюня 1790 года, по постановленію общиннаго совѣта, въ которомъ присутствовали его дядя Леви и братъ Жозефъ, было арестовано нѣсколько ненавистныхъ чиновниковъ въ Аяччіо. Тотчасъ же послѣ этого общинный совѣтъ выпустилъ манифестъ, который, несомнѣнно, былъ составленъ Наполеономъ. Манифестъ этотъ гласитъ:

„25 іюня 1790 года народъ взялся за оружіе и арестовалъ королевскаго судью Ракена, инженера мостовъ и дорогъ Каденоля, майора артиллеріи Лайяля, субделегата Супри и директора военнаго госпиталя Декампа.

„Мы были изумлены: съ одной стороны мы видѣли гражданъ, прослывшихъ издавна покровителями аристократовъ, съ другой же замѣтили, что они были арестованы насильственно, безъ всякаго постановленія совѣта. Мы составили заговоръ, въ которомъ приняли участіе граждане всѣхъ сословій, богатые и бѣдные. Случай этотъ былъ настолько серьезенъ, что оправдывалъ всякое вмѣшательство; но послѣдствія, которыхъ мы должны были опасаться, могли взволновать тѣхъ, которымъ скоро вручили надзоръ за общественной безопасностью. Все прошло, однако, въ полное спокойствіе: порядокъ и рѣшительность господствовали повсюду въ этотъ день. Арестованные были перевезены въ тюрьму Капуциновъ, и мы передали ихъ охранѣ закона“.

Активное участіе, принятое Наполеономъ въ этомъ событіи, было, по мнѣнію Назики, случайнымъ. Испуганный криками толпы подъ его окнами, онъ поспѣшно, въ ночныхъ

туфляхъ, безъ мундира и безъ шляпы, но съ ружьемъ въ рукахъ выбѣжалъ изъ дома и смѣшался съ толпой, которая избрала его своимъ предводителемъ. Онъ былъ увлеченъ якобы противъ своей воли и ему не оставалось ничего другого, какъ взять на себя предводительство чернью. Въ дѣйствительности, однако, заговоръ этотъ подготовлялся уже давно, какъ показываетъ и самъ манифестъ, и если все протекло въ полномъ порядкѣ, то это лишнее доказательство, что въ событіи участвовалъ Наполеонъ.

Онъ обратился тотчасъ же къ гарнизону и попытался овладѣть цитаделью, чтобы размѣстить тамъ гражданскую милицію. Но планъ его не удался.

14 іюля 1790 г. Паоло высадился въ Мацинаджіо и отправился тотчасъ же въ столицу, куда прибылъ 17 того же мѣсяца. Онъ нашелъ свою родину въ состояніи полной анархіи, но видъ ея пробудилъ въ немъ дорогія воспоминанія, и старикъ былъ настолько растроганъ, что онъ упалъ на колѣни и поцѣловалъ родную землю. „О, родина!—воскликнулъ онъ.— Я оставилъ тебя въ рабствѣ, а нашелъ тебя снова освобожденной!“ Воодушевленіе корсиканскаго народа не знало предѣловъ. Все еще прямая, несмотря на шестидесятилѣтній возрастъ, крѣпкая фигура Паоло, его энергичное лицо и проницающій взглядъ его голубыхъ глазъ, его сѣровато-бѣлые волосы, окружавшіе его точно мученическимъ вѣнцомъ, произвели неотразимое впечатлѣніе. Вся Корсика пришла въ ликованіе. Героя встрѣтили овваціями и восторженными кликами, пѣли во всѣхъ церквахъ благодарственные молитвы за его счастливое возвращеніе. Всѣ города прислали ему привѣтственные адреса.

Составленіе адреса отъ Аяччіо было поручено молодому Бонапарту, который въ августѣ самъ вручилъ его Паоли. Ему удалось, такимъ образомъ, увидѣть впервые генерала — идеалъ его юношескихъ мечтаній. Въ началѣ все шло превосходно. Они говорили другъ другу любезности, на которыя особенно не скупился Наполеонъ. Онъ былъ всецѣло поглощенъ героемъ и не отходилъ отъ него ни на шагъ. Сердце Бонапарта было полно воодушевленія свободою, отечествомъ и Паоли, въ которомъ онъ видѣлъ высшее воплощеніе геро-

изма. Онъ чувствовалъ, что въ состояніи сдѣлать все для распространенія новыхъ идей на Корсикѣ. Паоли съ перваго же дня почувствовалъ расположеніе къ молодому пылкому патріоту, сыну своего бывшаго друга, который такъ серьезно и ревностно вступился за общее дѣло, и который такъ рѣзко отличался отъ всѣхъ остальныхъ своимъ умомъ и своимъ геніальнымъ образомъ мыслей. Искренняя любовь Наполеона къ отчизнѣ, его безграничное преклоненіе передъ героями Корсики и древности и его юношескій пылъ оживили старика, и онъ чувствовалъ себя вновь молодымъ въ обществѣ этого юнаго пылкаго политика. Однажды, когда онъ вмѣстѣ съ Бонапартомъ проѣзжалъ по полю сраженія Понтенуово и послѣдній не могъ удержаться отъ мѣткаго замѣчанія по поводу плачевнаго исхода сраженія 1769 года, Паоли воскликнулъ: „О, Наполеонъ! Въ жилахъ твоихъ античная кровь! Ты одинъ изъ мужей Плутарха!“

Бонапартъ старался сохранить расположеніе корсиканскаго вождя. Пока Паоли былъ въ Бастіа, онъ ежедневно видѣлся съ нимъ, читалъ тамъ французскія газеты и былъ въ курсѣ всѣхъ политическихъ событій Франціи. Онъ завелъ знакомство съ политиками и выдающимися представителями Бастіи, которые могли впослѣдствіи оказать ему пользу. По ночамъ, когда мысли не давали ему заснуть, онъ писалъ письма Жозефу, которому сообщилъ подробно обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ.

Онъ усиленно заботился о томъ, чтобы близкіе его извлекли пользу изъ новаго положенія и заняли видныя должности въ управленіи. Особенно старался онъ объ Жозефѣ и пропагандировалъ его имя всюду, гдѣ только предстояли выборы. Наконецъ, ему удалось провести брата, ставшаго тѣмъ временемъ членомъ общиннаго совѣта, въ выборщики, консульты въ Орецчѣ, а немного позже и въ президенты округа Аяччіо. Подъ впечатлѣніемъ всеобщаго ликованія по поводу сліянія Корсики съ Франціей и возвращенія великаго героя, собралась въ Орецчѣ консульта, которая должна была назначить первыхъ совѣтниковъ департамента и округа. Наполеонъ лично сопровождалъ своего брата Жозефа и дядю Феша, бывшихъ въ числѣ шести выборщиковъ изъ Аяччіо.

Собраніе, состоявшее изъ 419 выборщиковъ, назначило Паоли президентомъ правительства и главнокомандующимъ гражданской милиціей. Помощникомъ его былъ назначенъ Колонна ди-Чезари-Рокка. Кромѣ того, Паоли предложили пенсію въ пятьдесятъ тысячъ франковъ, также просили и разрѣшенія воздвигнуть ему памятникъ еще при жизни. Но онъ отказался отъ того и другого,—отъ перваго подъ предлогомъ, что у него есть кое-какія сбереженія, относительно же памятника замѣтилъ: „Самымъ драгоцѣннымъ памятникомъ я считаю тотъ, который воздвигъ себѣ въ вашемъ сердцѣ“. Саличети былъ назначенъ консультой высшимъ чиновникомъ. Онъ былъ искреннимъ корсиканцемъ и энергично защищалъ интересы своихъ соотечественниковъ въ Парижѣ. Наполеонъ научился цѣнить его и впослѣдствіи, будучи императоромъ, вознаградилъ по заслугамъ его способности, его силу воли и находчивость. Собраніе постановило далѣе, что Корсика образуетъ собою одинъ департаментъ и что члены правительства должны отправиться въ Бастію для вступленія на должности. Вообще говоря, большинство изъ этихъ постановленій было незаконно, такъ какъ консульта въ Ореццѣ имѣла лишь право назначать членовъ правительства и указать имъ мѣста, гдѣ они должны отправлять свои обязанности. Несмотря на все воодушевленіе, которымъ былъ встрѣченъ Паоли, на островѣ не было недостатка въ недовольныхъ людяхъ, бывшихъ несогласными съ его планами и намѣреніями. Корсиканскій народъ считалъ его, совсѣмъ какъ и прежде, своимъ главою, своимъ строгимъ, но въ то же время справедливымъ господиномъ. Даже впослѣдствіи, когда правленіе было уже упорядочено, Паоли остался „отцомъ“ корсиканцевъ: только его желаніямъ подчинялись; они любили его и почитали, какъ Бога. Неудивительно поэтому, что зависть его враговъ не заставила себя долго ждать. Паоли былъ обличенъ въ тиранніи и неповиновеніи правительству острова. Его обвиняли еще въ томъ, что онъ пренебрегалъ отрядомъ гражданской милиціи, который предоставила въ его распоряженіе Бастія и далъ предпочтеніе Ростино, точно не довѣрялъ бастіанцамъ.

Въ дѣйствительности же, Паоли былъ человѣкомъ, мало подходящимъ для Корсики. Онъ былъ старой школы, между

Чернь одѣваетъ Людовику XVI якобинскую шапку.

БИБЛИОТЕКА
[illegible]
ГОСУ[illegible]
[illegible]

тѣмъ, какъ имъ нужна была молодая сила, которая увлекла бы ихъ къ новымъ подвигамъ. Первое недоразумѣніе было вызвано графомъ Буттафоко, который въ засѣданіи національнаго собранія 29 октября 1790 года осмѣлился заявить:

„Народъ возстановленъ противъ насъ! Паоли соглашается съ этимъ: толпу легче возстановить противъ тѣхъ, кто служитъ ей безъ лести и самохвальства, чѣмъ противъ тѣхъ, которые хитростью и лживымъ лозунгомъ свободы ведутъ ее къ рабству. Но наши личныя жалобы должны уступить мѣсто интересамъ нашего несчастнаго отечества. Они заперли гражданъ и поставили свою волю выше постановленій. Они оказали давленіе на выборы... Паоли присоединился къ депутатамъ Бастіа и посылаетъ ихъ всюду, даже къ порогу высшаго суда. Насъ выставляютъ на родинѣ контръ-революціонерами, сторонниками стараго режима, между тѣмъ какъ Паоли народъ привѣтствуетъ съ воодушевленіемъ. Онъ ни арпстократъ, ни демократъ, ни роялистъ. Онъ—это только онъ: и отечество и конституція въ немъ самомъ!“ Отвѣтъ на эту рѣчь представителя корсиканской знати взялъ на себя Наполеонъ Бонапартъ. Его письмо, въ которомъ онъ выказываетъ себя однимъ изъ пламеннѣйшихъ республиканцевъ и поклонниковъ Паоли, было встрѣчено чрезвычайно сочувственно въ клубѣ въ Аяччіо. Онъ выразилъ въ немъ то мнѣніе о Буттафоко, съ которымъ было согласно большинство. Въ Буттафоко видѣли одну изъ главныхъ причинъ бѣдствій страны. Особенно бурное воодушевленіе вызвалъ конецъ его письма. Онъ гласилъ: „Будете ли вы терпѣть въ своей странѣ измѣнника?.. Измѣнника, который подъ холодной личиной умнаго человѣка скрываетъ хищную жадность рабской натуры? Я не могу себѣ даже этого представить,—вы первымъ дѣломъ должны прогнать его съ позоромъ, какъ только узнаете о хитро сплетенной сѣти его лжи и предательства“.

Это письмо доставило Бонапарту много враговъ, хотя и произвело большое впечатлѣніе на корсиканцевъ. Въ отвѣтъ на него президентъ клуба Массеріа написалъ: „Патріотическій клубъ принялъ къ свѣдѣнію ваше письмо, въ которомъ вы сумѣли раскрыть темныя махинаціи безчестнаго Буттафоко, и постановилъ его отпечатать. Мнѣ поручено просить

у васъ разрѣшенія на это. Клубъ считаетъ опубликованіе вашего письма общественнымъ благомъ. Это достаточная причина, чтобы не отказали въ его опубликованіи".

Это было послѣднимъ политическимъ выступленіемъ Наполеона во время его второго пребыванія на Корсикѣ. Нѣсколько дней спустя онъ рѣшилъ вернуться въ свой полкъ: его вторичный отпускъ давно пришелъ къ концу. Въ оправданіе его нужно замѣтить, что онъ уже въ ноябрѣ хотѣлъ вернуться въ свой гарнизонъ, но все время медлилъ, выжидая событій на родинѣ, особенно же результатовъ посылки двухъ делегатовъ въ національное собраніе. Имъ было поручено передать адресъ и постановленіе консульты и въ то же время раскрыть предательство Буттафоко и Перетти.

Часъ разлуки однако наступилъ. Молодого артиллерійскаго лейтенанта сопровождалъ его младшій братъ Луи. Вакансіи никакой получить не удалось, и Наполеонъ рѣшилъ взять на себя его воспитаніе.

II. Оксоннъ и Валансъ.

(Январь—сентябрь 1791 года).

Когда Наполеонъ съ тринадцатилѣтнимъ братомъ вернулся въ свой полкъ, ему исполнилось двадцать два года. Хотя онъ самовольно продлилъ свой отпускъ на три съ половиной мѣсяца, что могло доставить ему много непріятностей, онъ нисколько не думалъ о послѣдствіяхъ. Онъ зналъ расположеніе къ нему его начальства. Поэтому онъ и не спѣшилъ въ гарнизонъ, а остановился проѣздомъ въ Валансѣ у своихъ друзей и только уже оттуда отправился въ Оксоннъ.

Пѣшкомъ оба брата прошли Дофинэ, убѣдившись тѣмъ самымъ воочію въ духѣ, господствовавшемъ въ это время во Франціи. Наполеона приводила въ восторгъ сила новыхъ идей. Болѣе чѣмъ когда-либо партіи ожесточенно боролись другъ съ другомъ. Революціи грозила серьезная опасность: она была на порогѣ къ гибели, потому что противъ нея выступила и вся офиціальная Германія. Ряды эмиграціи увеличивались особенно замѣтно и дѣлали уже попытки наводнить собою

Францію, чтобы вернуть себѣ власть и привилегіи. Но рѣшимость народа была велика и не отступала ни передъ чѣмъ. Всѣ свои наблюденія онъ изложилъ въ письмѣ къ Фешу, которое написалъ 8 ноября изъ Серва, деревушки близъ Сенъ-Валіе.

„Я нахожусь сейчасъ въ хижинѣ бѣдняка и пишу тебѣ послѣ длиннаго разговора съ добрыми людьми... Повсюду, особенно въ Дофинэ, я нашелъ крестьянъ въ самомъ бодромъ настроеніи: они рѣшились умереть, лишь бы защитить конституцію.

„Въ Валансѣ я встрѣтилъ мужественный народъ, патріотическихъ солдатъ и аристократическихъ офицеровъ, среди которыхъ исключеніе составляетъ лишь президентъ клуба дю-Сербо.

„Женщины повсюду настроены на роялистскій ладъ. Это не удивительно: вѣдь свобода гораздо болѣе красивая женщина, чѣмъ онѣ,—она оттѣсняетъ ихъ на задній планъ!

„Всѣ священники Дофинэ принесли гражданскую присягу. Они не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на негодующіе вопли епископа...“

Наконецъ, 10 или 12 ноября 1791 года Бонапартъ прибылъ въ свой полкъ въ Оксоннѣ. Тамъ онъ встрѣтилъ своихъ старыхъ друзей и товарищей: Ролана дю-Вилларсо, Нодена, Бидона, а главное—вѣрнаго де-Мазиса. Первымъ дѣломъ Наполеонъ посѣтилъ полковника де-Ланса. Онъ долженъ былъ представить ему различныя свидѣтельства, оправдывавшія его запозданіе. Въ нихъ значилось, что лейтенантъ Бонапартъ, вслѣдствіе бурнаго состоянія моря, не могъ пріѣхать во Францію: его дважды выбрасывало на корсиканскій берегъ; уже въ октябрѣ 1790 года онъ имѣлъ намѣреніе вернуться въ полкъ. Де-Лансъ сдѣлалъ видъ, будто повѣрилъ этимъ отговоркамъ: такихъ хорошихъ офицеровъ, какъ Бонапартъ, было очень мало въ полку,—эмиграція и такъ нанесла ему сильный уронъ.

Наполеонъ не ошибся, такимъ образомъ, въ пріемѣ: полковникъ не только простилъ ему опозданіе, но и написалъ еще военному министру съ просьбой разрѣшить ему выдать жалованье лейтенанту Бонапарту за три съ половиной мѣсяца.

Въ общемъ, Наполеонъ получилъ въ мартѣ двѣсти тридцать три франка и шесть су.

Неожиданное пополненіе его скуднаго кошелька пришлось ему очень кстати: заботы множились день ото дня, такъ какъ теперь, помимо его собственнаго содержанія, ему приходилось еще заботиться о братѣ Луп. Наполеонъ представилъ его своимъ товарищамъ, добавивъ многозначительно: „Этотъ молодой человѣкъ хочетъ наблюдать здѣсь за націей, которая готова либо пойти навстрѣчу погибели, либо вновь воскреснуть!“

На Rue Vauban, у семейства Бофръ Наполеонъ снялъ для себя и Луп двѣ скромныхъ комнаты, вѣрнѣе, одну съ альковомъ, въ которомъ на жесткомъ матрацѣ спалъ будущій голландскій король. Въ комнатѣ единственною мебелью была узкая кровать безъ балдахина,—признакъ большой бѣдности въ то время,—два соломенныхъ стула и маленькій столъ у окна, который молодой лейтенантъ тотчасъ же завалилъ своими бумагами и книгами.

Таковъ былъ рабочій кабинетъ Наполеона. Здѣсь онъ мечталъ о будущемъ Корсики, здѣсь намѣревался закончить исторію своей родины. Тотчасъ же, въ первые дни своего пребыванія въ Оксоннѣ, онъ началъ поиски издателя для своего „Lettre à Matteo Bouttafoco“ и нашелъ его въ лицѣ типографа Жоли. Послѣдній, къ великой радости автора, тотчасъ же отпечаталъ письмо. Для чтенія корректуры Наполеонъ рано утромъ отправился пѣшкомъ въ Дофинэ, съ маленькимъ Луп. Къ обѣду они тѣмъ же порядкомъ вернулись въ гарнизонъ, проведя въ общемъ въ дорогѣ больше восьми часовъ.

Наполеонъ возлагалъ большія надежды на впечатлѣніе, которое произведетъ это письмо на Корсикѣ, и распространилъ почти всѣ экземпляры на родинѣ,—ихъ было отпечатано всего только сто штукъ. Въ этомъ намѣреніи онъ былъ укрѣпленъ, главнымъ образомъ, патріотическимъ клубомъ въ Аяччіо, который энергично настаивалъ на опубликованіи письма и встрѣтилъ его съ полнымъ сочувствіемъ. Важнѣе всего ему было признаніе Паоли въ дѣлѣ, за которое онъ вступился. Все предстало предъ Наполеономъ въ розовомъ

свѣтѣ. Онъ снова былъ полонъ мыслей о своихъ „Lettres sur la Corse“, объ изданіи которыхъ онъ почти уже условился съ Жоли *).

Изданіе письма къ Буттафоко было закончено пятнадцатаго марта. Какъ только получился первый экземпляръ, Бонапартъ послалъ его Паоли. Послѣдній, однако, былъ бы болѣе радъ, если бы молодой историкъ молчалъ, или, по крайней мѣрѣ, не употребялъ въ своемъ сочиненіи рѣзкихъ выраженій. Онъ написалъ Бонапарту письмо, хотя и очень любезное, но задѣвшее самолюбіе Наполеона. „Не трудитесь открывать клеветы Буттафоко“, говорилось въ немъ,—„этотъ человѣкъ погибъ во мнѣніи народа, который постоянно чтилъ правду и теперь снова завоевалъ свободу. Произносить его имя слишкомъ много для него чести... Онъ пишетъ и говоритъ только затѣмъ, чтобы напомнить о себѣ. Но его собственная семья стыдится его. Предоставьте же его общественному безразличію и презрѣнію“.

Между тѣмъ, Наполеонъ воспользовался случаемъ просить Паоли о присылкѣ различныхъ источниковъ по исторіи Корсики, которыхъ у стараго героя было цѣлое множество. Они были необходимы молодому историку, особенно теперь, потому что онъ заканчивалъ свое третье „Lettre sur la Corse“, въ которомъ описывалъ геройскую сорокалѣтнюю борьбу на островѣ. Но Паоли отказалъ ему, сославшись на недостатокъ времени,—на самомъ же дѣлѣ потому, что считалъ Наполеона недостаточно зрѣлымъ для историческаго труда. „Въ дан-

*) Они не пришли ни къ какому соглашенію, и рукопись съ теченіемъ времени отчасти затерялась. Наполеонъ обращался впрочемъ и къ другимъ издателямъ. Такъ, баронъ де-Тремонъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что Бонапартъ однажды явился къ типографу Данкленъ въ Безансонѣ, когда тотъ обѣдалъ какъ разъ съ нѣкимъ Клеманомъ, впослѣдствіи депутатомъ департамента Ду. Молодой, худощавый, смуглый офицеръ, съ проницательнымъ взглядомъ, серіознымъ лицомъ и итальянскимъ акцентомъ, извинился, что пришелъ не во-время,—но онъ здѣсь проѣздомъ и не располагаетъ временемъ. Данкленъ пригласилъ его пообѣдать. За обѣдомъ офицеръ большею частію молчалъ. Потомъ пошелъ вмѣстѣ съ издателемъ въ кабинетъ и изложилъ ему свое предложеніе. Данкленъ не согласился однако на него, такъ какъ изданіе „Исторіи Корсики“ не показалось ему достаточно выгоднымъ.

ную минуту,—отвѣтилъ онъ ему сухимъ тономъ,—я не могу раскрыть своихъ ящиковъ, чтобы разыскать документы. Да и вообще, по-моему, въ молодые годы исторію писать не годится,—позвольте мнѣ порекомендовать Вамъ послѣдовать совѣтамъ аббата Рейналя".

Это обезкуражило Наполеона; особенно же отказъ въ присылкѣ матеріала, который Паоли еще разъ категорически подтверждалъ въ письмѣ къ Жозефу. Онъ писалъ: „Я получилъ брошюру Вашего брата. Она произвела бы еще большее впечатлѣніе, если бы была написана болѣе безпристрастно. У меня сейчасъ слишкомъ много работы, и искать рукопись и переписывать нѣтъ рѣшительно времени".

Несмотря на эту неудачу, силы Наполеона въ борьбѣ за существованіе не ослабѣвали. Снова долженъ былъ онъ примириться со своей, болѣе чѣмъ скромной, гарнизонной службой. Онъ твердо рѣшилъ сдѣлать хорошаго офицера изъ Луи, который обнаруживалъ недюжинныя способности, и прилагалъ всѣ усилія, чтобы обучить его математикѣ и другимъ предметамъ. При этомъ онъ не скупился на тяжелыя наказанія, которыя однажды вызвали со стороны одного возмущеннаго обывателя восклицаніе: „Vilain marabout!" Съ какой любовью руководилъ Наполеонъ воспитаніемъ брата, видно изъ замѣчанія, которое онъ съ гордостью дѣлаетъ въ письмѣ къ брату Жозефу отъ двадцать четвертаго апрѣля 1791 года. „Онъ безусловно будетъ лучшимъ изъ насъ четверыхъ,—пишетъ онъ;—да и положимъ, никто изъ насъ не получалъ такого хорошаго воспитанія, какъ онъ". Сколькихъ лишеній стоила ему эта жертва брату, который впослѣдствіи такъ мало его отблагодарилъ,—объ этомъ онъ умалчиваетъ. Только въ 1813 году, Наполеонъ, жалуясь на неблагодарность Луи, сказалъ: „Чтобы его воспитать, я, будучи двадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, терпѣлъ всевозможныя лишенія: я не позволялъ себѣ даже самаго необходимаго!"

Его утѣшеніемъ въ это трудное время,—которое, однако, не было уже такимъ мрачнымъ, какъ его обычно изображаютъ,—была, какъ всегда, литература и занятія философіей. И та и другая имѣли у Наполеона всегда какой-то меланхолическій характеръ, даже тогда, когда касались самыхъ жиз-

нерадостныхъ темъ. Въ своемъ „Dialogue sur l'amour", который онъ написалъ въ Сенъ-Валіе, во время своего путешествія по Дофинэ, онъ высказывается категорически противъ этого чувства, которое нѣсколько лѣтъ спустя, когда познакомился съ Жозефиной Богарнэ, охватило его съ такой силою: „Я не только отрицаю существованіе любви! — пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ.—Я считаю ее попросту гибельной для общества и для личнаго счастья человѣка. Мнѣ кажется, что она причиняетъ больше вреда, нежели пользы, и было бы счастьемъ, если бы какая-нибудь добрая фея освободила насъ отъ нея". И снова возвращается Наполеонъ къ своимъ принципамъ въ духѣ Руссо, къ естественному состоянію человѣка, о которомъ философствуетъ въ своихъ „Réflexions sur l'état de la nature". Подобно своему великому учителю, онъ скорбитъ о далекой эпохѣ, когда земля была раздѣлена между многочисленными племенами, когда людямъ ни о чемъ не приходилось заботиться, когда они въ изобиліи находили средства для своего существованія въ богатой природѣ. Онъ, честолюбивѣйшій изъ честолюбивыхъ, стремившійся къ власти, онъ отвергалъ современную цивилизацію, въ которой вся власть находится въ рукахъ властолюбія, честолюбія и гордости. Но всѣ эти идеи были у него не столько продиктованными искреннимъ чувствомъ, сколько скорѣе софистическими аргументами его литературныхъ произведеній. Естественно, что сочиненія эти утрачивали тѣмъ самымъ свою цѣнность, но способствовали все же развитію того чрезвычайнаго самосознанія и той желѣзной силы воли, которыя онъ постоянно обнаруживалъ. Онъ работалъ неутомимо, почти еще больше, чѣмъ въ 1788—1789 году; часто работалъ по пятнадцати—шестнадцати часовъ въ сутки. Спалъ онъ очень мало.

При всемъ этомъ Бонапартъ отнюдь не пренебрегалъ своими политическими интересами,—они особенно озабочивали его. Какъ во время своего пребыванія въ Валансѣ, такъ и здѣсь, въ Оксоннѣ, читалъ онъ солдатамъ своего батальона патріотическія газеты и старался пропагандировать среди нихъ всевозможными средствами. Для унтеръ-офицеровъ не нужно было въ этомъ отношеніи особаго краснорѣчія, такъ

какъ большинство изъ нихъ съ самаго начала принесло присягу конституціи,—только незначительная часть офицерской корпораціи полка „Ла-Феръ“ предпочла эмиграцію.

Въ то время какъ Наполеонъ занимался соціальными проблемами и политическими разсужденіями, событія во Франціи шли своимъ чередомъ. Реформы отразились и на войскѣ. Артиллерія была вновь сформирована; полки вмѣсто именъ получили номера,—этотъ новый порядокъ вызвалъ и перемѣны среди офицеровъ. Одновременно со своимъ назначеніемъ въ старшіе лейтенанты второго іюня 1791 года Наполеонъ былъ переведенъ въ Гренобльскій четвертый артиллерійскій полкъ, стоявшій въ Валансѣ.

Это назначеніе пришлось Наполеону очень некстати: онъ не только свыкся съ полкомъ „Ла-Феръ“, гдѣ пріобрѣлъ добрыхъ товарищей и даже друзей, но переводъ былъ сопряженъ для него съ большими расходами. Для воспитанія Луп переводъ былъ тоже не особенно удобенъ, и Наполеонъ опасался, что въ новомъ полку онъ не сможетъ уже такъ усердно заниматься съ братомъ. Озабоченный этимъ, онъ написалъ третьяго іюня одному другу своего отца, Ле-Санкеру, прося его способствовать его оставленію въ „Ла-Феръ“. Но было уже поздно. Новое сформированіе артиллеріи было уже закончено.

Въ первый разъ въ своей жизни Наполеонъ былъ принужденъ надѣлать долговъ, которые, хотя и были незначительными, однако, тяготили его. Поэтому, получивъ свое первое жалованье, увеличившееся теперь всего на двѣсти франковъ въ годъ, онъ освободился отъ этого, угнетавшаго его бремени и зажилъ еще болѣе скромно.

Четырнадцатаго іюня онъ, вмѣстѣ съ братомъ, отправился на новое мѣсто назначенія. Прибывъ туда черезъ два дня, онъ поселился снова у симпатичной мадемуазель Бу, у которой встрѣтилъ такой радушный пріемъ во время своего перваго пребыванія въ Валансѣ. Мадемуазель Бу оказалась снова внимательной хозяйкой и облегчила Наполеону воспитаніе юнаго Луп, котораго онъ отдалъ ей на полный пансіонъ.

Въ началѣ Бонапартъ мало бывалъ въ валансскомъ обществѣ. Большинство его прежнихъ знакомыхъ было склонно

къ эмиграціи, что ставило его, республиканца, въ фальшивое положеніе. Многіе умерли, напр., аббатъ Сенъ-Руфъ; бывшая симпатія Наполеона, съ которой онъ ѣлъ когда-то вишни, жила вмѣстѣ съ матерью въ деревнѣ. Но читальня Ореля, которая тѣмъ временемъ обогатилась многими интересными книгами, осталась, и онъ снова сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ ея посѣтителей.

Несмотря на всю серьезность Наполеона, онъ пускался иногда на ребяческія продѣлки. Такъ, напримѣръ, часто онъ подсовывалъ полковнику де-Монжоберу, который тоже часто бывалъ у Ореля, старые номера любимаго имъ журнала „Perlet“. Разсѣянный полковникъ, къ великому удовольствію всѣхъ, читалъ внимательно журналъ съ начала до конца, не замѣчая продѣлки.

Впослѣдствіи онъ завязалъ новыя знакомства въ Валансѣ и возобновилъ нѣкоторыя старыя. Онъ снова встрѣтилъ радушный пріемъ въ домѣ военнаго комиссара Суси и совѣтника гренобльскаго департамента Монталиве. Молодой лейтенантъ пользовался въ этомъ обществѣ успѣхомъ, благодаря своимъ смѣлымъ идеямъ и своей неутомимой дѣятельности за великое дѣло свободы.

Но какъ вся страна, такъ и армія раскололись на два политическихъ лагеря. Благодаря своей приверженности къ революціи, Наполеонъ вступилъ въ конфликтъ со своимъ начальникомъ, со строго роялистски настроеннымъ капитаномъ де-Роменомъ. Да и вообще молодому артиллерійскому офицеру приходилось терпѣть много непріятностей изъ-за увлеченія новой конституціей, построенной на демократическомъ базисѣ. Такъ, однажды, одинъ изъ его товарищей, во время обѣда въ гостинницѣ „Трехъ голубей“, приказалъ прислугѣ не накрывать ему прибора рядомъ съ Бонапартомъ *). Наполеонъ былъ настолько уменъ, что пропустилъ мимо ушей этотъ вызовъ. Но часто зато вспоминалъ добрыя товарищескія отношенія въ полку „Ла-Феръ“, вспоминалъ о своихъ друзьяхъ де-Мазисѣ,

*) Это былъ, повидимому, Комо де-Шарри, который впослѣдствіи, будучи эмигрантомъ, во время Наполеоновскихъ походовъ отличился въ Баварской арміи.

Гассенди, Олерѣ, Мареско, де-Вильсюръ-Аркѣ, которыхъ ему такъ не хотѣлось покидать. Онъ не забылъ ихъ и впослѣдствіи. Гассенди и Мареско были назначены генералами при Имперіи, а де-Мазисъ и сюръ-Аркъ получили видныя должности при дворѣ Наполеона. Съ ними онъ разсуждалъ въ Оксонѣ о своихъ планахъ, они понимали его, соглашались съ его взглядами и въ концѣ концовъ были настолько проникнуты ими, что впослѣдствіи доказали это на дѣлѣ. Но будучи императоромъ, Наполеонъ, конечно, не хотѣлъ этого и знать. Однажды, произнося рѣчь въ государственномъ совѣтѣ, Гассенди сослался на одну политико-экономическую теорію,— но императоръ перебилъ его словами: „Дорогой мой, откуда такая ученость? Откуда у васъ такіе принципы?“—„Отъ Васъ, Ваше Величество“,—отвѣтилъ Гассенди.—„Какъ! отъ меня?“—воскликнулъ Наполеонъ,—„ахъ, что вы, мой милый, вы навѣрное заснули за своимъ пультомъ, и вамъ все это приснилось“. Гассенди, однако, не спалъ, онъ припомнилъ только идеи своего бывшаго товарища по полку.

Кое-какое возмѣщеніе утраченной дружбы молодой Бонапартъ находилъ въ „Клубѣ общества друзей конституціи“, собиравшемся въ кафе мадемуазель Бу. Впослѣдствіи эти собранія были перенесены въ читальню Ореля. Наполеонъ былъ однимъ изъ первыхъ, который записался членомъ этого клуба, и однимъ изъ наиболѣе пламенныхъ его ораторовъ. Въ первый вечеръ вступленія своего онъ произнесъ рѣчь, которая воодушевила всѣхъ присутствующихъ своимъ пыломъ и своею увѣренностью въ успѣхъ революціоннаго движенія. Этотъ молодой, блѣдный корсиканецъ со своими оригинальными идеями и своей пламенной любовью къ свободѣ, долженъ былъ пойти далеко! Онъ былъ тотчасъ же избранъ библіотекаремъ и секретаремъ,—повидимому, его кандидатуру выставили и въ предсѣдатели.

Рѣчь эта относилась, по всей вѣроятности, къ неудавшемуся бѣгству короля, котораго задержали въ Варренѣ. Это событіе усердно обсуждалось во всѣхъ клубахъ. Одни обвиняли національное собраніе, другіе же требовали сверженія монархіи. Бонапартъ самъ оставался по возможности безпартійнымъ, но въ рѣчи своей высказалъ все же: „Короля преслѣду-

етъ злой рокъ, который заставляетъ его каждый день дѣлать ошибку за ошибкой. Бѣгство его—величайшая и самая необдуманная ошибка, которую онъ когда-либо совершалъ. Тѣмъ не менѣе вся вина въ ней исключительно на сторонѣ его совѣтниковъ, которые ввергли его въ эту бездну". Тѣмъ не менѣе Бонапартъ соглашался съ рѣшеніемъ, принятымъ по этому поводу національнымъ собраніемъ, и утверждалъ, что это единственная возможность поддержать требованія и спасти Францію отъ гражданской войны.

Приблизительно въ то время, четырнадцатаго іюля 1791 года, всѣ войска принесли на Марсовомъ полѣ гражданскую присягу. Ею они присягали на вѣрность уже не королю, а національному собранію, какъ единственной и исключительной власти. Полкъ Бонапарта былъ тоже тамъ, и офицеры не только принесли присягу, но и подписали слова: „Клянусь воспользоваться врученнымъ мнѣ оружіемъ для защиты отечества и конституціи, утвержденной національнымъ собраніемъ, противъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; клянусь скорѣе умереть, нежели допустить французскую территорію быть наводненной чужеземными войсками, клянусь повиноваться лишь приказаніямъ, согласнымъ съ постановленіями національнаго собранія!"

Присяга эта отразилась въ четвертомъ артиллерійскомъ полку усиленной эмиграціей. Многіе офицеры покинули Францію, между тѣмъ какъ патріотическая партія, къ которой принадлежалъ Наполеонъ, пускала въ ходъ всѣ усилія, лишь бы распространить среди войска новыя идеи. Наполеонъ порицалъ эмиграцію среди своихъ товарищей; для него существовала теперь только нація, король былъ для него полный нуль. Ярый якобинецъ доходилъ до того, что его полковникъ пожаловался военному министру на „опаснаго, несдержаннаго офицера". Но это не помѣшало Наполеону обнаружить свою радость по поводу новаго поворота событій. Онъ былъ теперь полонъ воодушевленія революціоннымъ движеніемъ, которое должно было сыграть крупную роль и для его родины.

Двадцать седьмого іюля онъ, преисполненный своими мыс-

лями, писалъ своему другу, военному комиссару Нодену въ Оксоннѣ:

„Спокойный за судьбу своего отечества и за славу своего друга (вѣроятно Паоли), я озабоченъ теперь только судьбой Франціи. Мнѣ хочется посовѣтоваться съ Вами на эту тему, и я воспользуюсь свободнымъ временемъ, которое оставляетъ мнѣ служба.

„Будетъ ли война?—Вопросъ этотъ интересуетъ всѣхъ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Я лично не думаю. Посудите же, правъ ли я.

„Европа раздѣлена между монархами, которые властвуютъ надъ людьми, и монархами, которые повелѣваютъ быками и лошадьми.

„Первые вполнѣ понимаютъ революцію,—но боятся ее. Они не остановились бы ни передъ какими денежными средствами, чтобы ее подавить, но они боятся поднять маску изъ страха, что пожаръ возгорится и у нихъ... Тѣ же, кто повелѣваетъ быками и лошадьми, не могутъ понять конституціи въ ея полномъ объемѣ! Они презираютъ ее. Они думаютъ, что этотъ хаосъ безсвязныхъ идей способствуетъ паденію французскаго государства... Эти люди не понимаютъ рѣшительно ничего. Они ждутъ, когда разразится гражданская война, которая, по мнѣнію ихъ недальновидныхъ министровъ, неизбѣжна!“

Въ концѣ этого письма онъ какъ бы оправдывается въ своихъ рѣзкихъ взглядахъ:

„Въ жилахъ моихъ съ быстротою Роны течетъ южная кровь. Извините же, что я заставляю Васъ разбирать свою мазню“.

Столь пламеннымъ республиканцемъ Бонапартъ былъ не безъ расчета. Онъ здраво разсуждалъ, что онъ, бѣдный лейтенантъ, можетъ добиться чего-либо, лишь идя вслѣдъ за теченіемъ. Будучи поклонникомъ порядка и врагомъ всякаго народнаго возстанія, онъ принялъ въ соображеніе всѣ выгоды и пришелъ къ тому заключенію, что движеніе 1789 года было неизбѣжно и что за нимъ необходимо послѣдовать. Несомнѣнно, что скоро наступитъ реакція, которую можно будетъ использовать.

Тѣмъ временемъ, однако, его снова поглотила литература и историческія занятія. Онъ прочелъ, между прочимъ, секретные мемуары о правленіи Людовика XIV, „Регентство и правленіе Людовика XV“ Дюкло, „Путешествіе въ Швейцарію“ Кокса, „Исторію Франціи“, проштудировалъ „Изслѣдованіе нервовъ“ и „Исторію Сорбонны“, сдѣлалъ большія извлеченія изъ „Критической исторіи аристократіи“ и изложилъ свои тогдашніе взгляды въ небольшомъ сочиненіи.

Пятнадцатаго декабря 1789 года Ліонская академія назначила на 1791 годъ конкурсную тему, которая гласила: „Описаніе чувствъ, которыя должны быть преимущественно вселяемы въ людей для ихъ счастья“. Учредителемъ конкурса былъ объявленъ аббатъ Рейналь, другъ и совѣтникъ Наполеона.

Въ числѣ пятнадцати соискателей находился и молодой Бонапартъ. Въ качествѣ основной предпосылки, онъ выставилъ въ своемъ сочиненіи то положеніе, что человѣкъ рождается для счастливой жизни, а самое счастье заключается въ наслажденіи жизнью, соотвѣтственно натурѣ человѣка. Сочиненіе, которое должно считаться литературнымъ произведеніемъ молодого Бонапарта, было встрѣчено сочувственно Ліонской академіей, но все же не получило преміи, на которую такъ надѣялся авторъ. Камшпіоль, членъ академіи, характеризовалъ его слѣдующими словами: „Это, быть можетъ, произведеніе чрезвычайно искренняго человѣка, но оно слишкомъ неумѣло составлено, слишкомъ разбросано, отрывочно и написано черезчуръ плохо, чтобы быть достойнымъ вниманія“.

Во всякомъ случаѣ, трудъ Наполеона заслужилъ похвалы, но все же не получилъ преміи. Послѣдняя, въ 1793 году, въ размѣрѣ трехъ тысячъ франковъ, была присуждена другому кандидату, нѣкоему Дану.

Послѣ окончанія конкурсной работы, мысли Наполеона снова устремились къ его родинѣ. Тамъ подготовлялись въ это время выборы, проходившіе всегда очень оживленно. Тоска по родинѣ и горячее желаніе участвовать въ столь значительныхъ событіяхъ снова охватили его. Вмѣсто того, чтобы играть роль въ клубѣ въ Аяччіо и работать на благо своихъ соотечественниковъ, онъ долженъ былъ оставаться бездѣя-

тельнымъ въ своемъ гарнизонѣ и исполнять монотонную, скучную службу. Это было ему совсѣмъ не по душѣ. Онъ подалъ тотчасъ же своему начальнику прошеніе объ отпускѣ, но тотъ ему отказалъ. Бонапартъ, однако, не былъ человѣкомъ, котораго можно было этимъ остановить. Онъ долженъ былъ непремѣнно участвовать въ выборахъ. Вѣдь на карту было поставлено будущее Жозефа. Кромѣ того предвидѣлась и война. Для защиты отечества національное собраніе, декретомъ двѣнадцатаго августа 1791 года созвало національную гвардію въ сто тысячъ человѣкъ. Предъ Наполеономъ открылось широкое поприще, которое необходимо было использовать. Онъ разсчитывалъ опредѣленно на отвѣтственный постъ въ батальонахъ, посланныхъ на его родину, и составилъ съ этой цѣлью записку военному министру, относительно вооруженія корсиканской національной гвардіи артиллерійскими орудіями. За отпускомъ онъ обратился теперь непосредственно къ генералъ-инспектору де-Тейлю, своему прежнему покровителю, который, несмотря на отказъ полковника и всѣ правила военной службы, отпустилъ его, хотя и не на шесть, но все же на три мѣсяца, считая съ перваго октября.

Этого было достаточно Наполеону. Главное—это уѣхать; а тамъ уже можно устроиться какъ-нибудь со свидѣтельствомъ. Тотчасъ же, въ началѣ сентября, онъ вмѣстѣ съ Луи собрался въ путь и еле успѣлъ уѣхать, такъ какъ нѣсколько дней спустя, восьмого сентября, военное министерство издало распоряженіе, что вслѣдствіе предстоящей войны съ Австріей всѣ отпуски запрещаются.

III. Начальникъ національной гвардіи.—Безъ должности въ Парижѣ.—На родину.

(Сентябрь 1791—декабрь 1792 года).

Прибытіе Наполеона на родину въ серединѣ сентября было омрачено событіемъ, поразившимъ всю семью. Семидесятишестилѣтній архидіаконъ Люціано опасно заболѣлъ и четыре недѣли спустя, шестнадцатаго октября 1791 года, онъ умеръ, завѣщавъ свое положеніе главы семьи Наполеону.

Жозефъ не оспаривалъ у брата этого права и впослѣдствіи сказалъ однажды относительно этой уступки своего первородства: „Двухъ мнѣній быть не могло! Когда Наполеонъ говорилъ, приходилось ему повиноваться,—мы слушались его всѣ, начиная съ матери и кончая младшимъ братомъ“. Въ этомъ Жозефъ былъ не совсѣмъ правъ. Правда, иногда даже и викарій Фешъ склонялся передъ властной волей Наполеона, но Люсьенъ зато часто его не слушался. Ему хотѣлось играть самостоятельную политическую роль. Другіе же братья и сестры и, главнымъ образомъ, мать, открыто преклонялись передъ геніемъ брата и сына, и охотно подчинялись его главенству.

Правда, Наполеонъ такъ умѣлъ руководить всѣми, что имъ не приходилось и сожалѣть. Дядя Люціано оставилъ небольшое состояніе, которое пришлось очень кстати семьѣ. По Монтолону, это наслѣдство равнялось пяти тысячамъ франковъ ренты,—было ли дѣйствительно состояніе архидіакона такъ велико, мы въ точности не знаемъ. Во всякомъ случаѣ Наполеонъ вмѣстѣ съ Фешемъ, въ серединѣ декабря 1791 года, купилъ домъ въ Аяччіо и два владѣнія Сапт-Антоніо и Виньяль въ окрестностяхъ города.

Его честолюбіе обусловливало, однако, всѣ его поступки не только въ интересахъ семьи, но прежде всего въ своихъ собственныхъ. Желаніе выдвинуться, пріобрѣсти себѣ имя и вліятельное положеніе заставляло его ни на минуту не терять изъ виду своихъ политическихъ цѣлей. Онъ прибылъ на родину во-время. Выборы корсиканскихъ депутатовъ въ законодательное собраніе были въ полномъ разгарѣ: кандидатомъ былъ и Жозефъ Бонапартъ. Но на этотъ разъ ему не посчастливилось. Онъ не подвергся даже баллотировкѣ. Депутатами были выбраны: Леонетти, племянникъ Паоли, Франческо Піетри, Карло Поццо ди-Борго, Піетро Боэріо, Бартоломео Арена и Маріо Перальди. Паоли понималъ превосходно, что выросшіе во Франціи Бонапарты, будучи хотя и корсиканцами, могутъ когда-нибудь повредить какъ ему, такъ и отечеству. Выбраны были только рекомендованные имъ. Какъ бы въ вознагражденіе за понесенное пораженіе, онъ назначилъ Жозефа Бонапарта членомъ директоріи департа-

мента въ Корте. Здѣсь онъ былъ безвреденъ и для Паоли, и для корсиканцевъ; здѣсь онъ былъ вдали отъ Аяччіо, отъ очага всѣхъ революціонныхъ движеній, вождями которыхъ были оба брата. Паоли еще главенствовалъ на Корсикѣ! Его энергичное вмѣшательство въ возстаніе въ іюнѣ 1791 года въ Бастіи доставило ему еще большій авторитетъ на островѣ, несмотря на непрерывно растущее количество враговъ. Онъ высказался за государственное духовенство и стремился къ возможно большей независимости клира отъ Рима, такъ какъ въ папскомъ владычествѣ видѣлъ самое тяжелое препятствіе революціи.

Благочестивое населеніе Бастіи было, однако, другихъ взглядовъ. Возбужденное монахами и священниками стараго режима, оно второго іюня открыто возстало противъ постановленія, превращавшаго священниковъ въ государственныхъ чиновниковъ. Съ криками и воплями, надѣвъ на себя вериги въ знакъ покаянія за позоръ, причиненный церкви, толпа наводнила улицы города, разрушила домъ новаго епископа и угрожала отомстить членамъ директоріи департамента, если они не станутъ на ея сторону. Народъ требовалъ прежде всего отправленія депутаціи въ Парижъ и возстановленія прежняго культа. Члены директоріи должны были опасаться за свою жизнь; ночью нѣсколько бунтовщиковъ проникли въ цитадель, захватили временнаго генералъ-синдика Арену, секретаря Папаттьери и Буонаротти и отвезли ихъ утромъ на корабль, который вмѣстѣ съ ними отправился въ Парижъ.

Яростнѣе всего вели себя въ этомъ возстаніи женщины. Точно дикія фуріи, ворвались онѣ, подъ предводительствомъ нѣкоей Флоры Оливы, въ епископскій замокъ и въ ложу свободныхъ каменщиковъ, овладѣли тамъ всѣми бумагами и документами и зажгли изъ нихъ на берегу огромный костеръ.

Во время этого возстанія Паоли находился въ Аяччіо. Когда до него дошли первыя извѣстія о бунтѣ, онъ поспѣшилъ въ Бастію во главѣ шести тысячъ національныхъ гвардейцевъ. Бастіанцы уже сами по себѣ были ему несимпатичны, такъ какъ они дольше другихъ сохранили привержен-

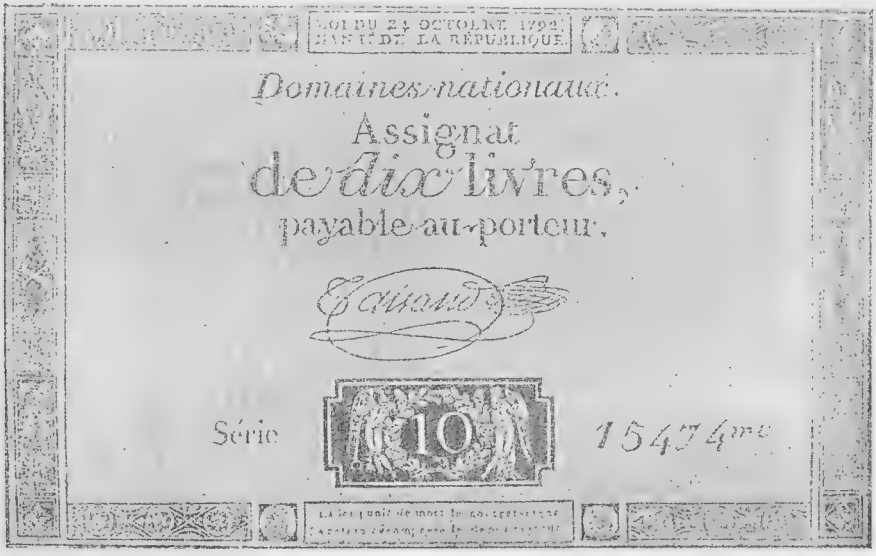
ность къ Генуѣ и затѣмъ первые продались Франціи. Онъ не остановился поэтому передъ строгими мѣрами, тѣмъ болѣе, что необходимо было подать устрашающій примѣръ. Онъ хотѣлъ, чтобы его соотечественники сохраняли спокойствіе и способствовали возможно болѣе революціи. Онъ арестовалъ поэтому зачинщиковъ и наказалъ городъ тѣмъ, что заставилъ его прокармливать войско въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Кромѣ того онъ тотчасъ же написалъ въ Парижъ, что, хотя и стоитъ за спокойствіе, однако, требуетъ, чтобы центръ правленія былъ перенесенъ въ Корте. Вслѣдъ за этимъ Бастія была объявлена „возставшей противъ закона“ и всѣмъ жителямъ, подъ угрозой смертной казни было приказано сдать оружіе.

Въ то время Паоли былъ все еще „babbo“, отцомъ корсиканской націи. Онъ господствовалъ надъ нею настолько, что одного его слова было достаточно для водворенія порядка. Всѣ постановленія парижскаго національнаго собранія не могли сдѣлать и половины того, что могъ сдѣлать онъ.

Но это продолжалось не долго. Введеніе новой конституціи и поспѣшное преобразованіе всѣхъ государственныхъ учрежденій вызвало на островѣ такой же хаосъ, какъ и на континентѣ. На Корсикѣ царила полнѣйшая анархія. Никто не хотѣлъ повиноваться, всѣ хотѣли повелѣвать! Могучее вліяніе Паоли съ каждымъ днемъ становилось все слабѣе и слабѣе. Почти всѣ французскіе чиновники покинули Корсику, чтобы уступить мѣсто любимцамъ и роднымъ Паоли. Этимъ онъ создалъ себѣ заклятыхъ враговъ. Самъ онъ впослѣдствіи почувствовалъ и душевную, и физическую дряхлость и пережилъ горькое разочарованіе, понявъ, что его соотечественники развращены двадцатилѣтнимъ рабствомъ. Число недовольныхъ правленіемъ Паоли возрастало съ каждымъ днемъ. Величайшаго врага, однако, онъ пріобрѣлъ себѣ въ лицѣ Бартоломео Арена. Послѣдній, будучи затѣмъ депутатомъ въ Парижѣ, старался гдѣ только могъ повредить старому корсиканскому вождю, чтобы ослабить его вліяніе на жителей острова. Когда паолисты узнали объ этомъ, ихъ ярость не имѣла границъ. Они подожгли домъ Арена на Корсикѣ и опустошили всѣ его владѣнія. Вся надежда Паоли была на войну,

въ которой онъ рѣшилъ показать корсиканцамъ, что онъ для нихъ значитъ.

Таково было приблизительно положеніе Паоли, когда въ сентябрѣ 1791 года Наполеонъ Бонапартъ вернулся на родину. Пораженіе брата, правда, немного обезкуражило Наполеона, но теперь на первый планъ выступила его собственная карьера. Съ упрямствомъ корсиканца стремился онъ къ начальству надъ добровольнымъ батальономъ національной гвардіи Аяччіо, которую городъ постановилъ образовать въ непродолжительномъ времени. Этотъ постъ казался ему тѣмъ болѣе почетнымъ, что солдаты должны были сами выбрать себѣ начальника. Поэтому всѣ честолюбивые корсиканцы домогались того же. Всякій, обладавшій, благодаря богатству или популярности какимъ-либо вліяніемъ, выставлялъ свою кандидатуру и не останавливался ни передъ чѣмъ, что могло оказать ему помощь въ этомъ отношеніи.



Французскія бумажныя деньги.

Какъ всегда на такихъ выборахъ, большинство шансовъ было на сторонѣ богатыхъ. Хотя Наполеонъ Бонапартъ, благодаря смерти архидіакона, имѣлъ въ своемъ распоряженіи

деньги для такой пропаганды, однако, не могъ равняться въ этомъ отношеніи со своими богатыми соперниками Перальди и Перетти. Вліятельностью онъ тоже особой не пользовался. Онъ могъ бросить на чашку вѣсовъ лишь свою самоувѣренность, свое честолюбіе, свою непоколебимую силу воли, свою отвагу и, главнымъ образомъ, свое счастье.

Тотчасъ же по своемъ прибытіи въ Аяччіо, онъ завязалъ сношенія съ революціонной партіей. Первой задачей ея было разогнать военною силою собиравшійся въ городѣ „Club de feuillants". „Быть можетъ, это чрезвычайно рѣшительное средство,—добавилъ онъ, — быть можетъ, это даже противозаконно, но зато безусловно необходимо. Вспомните принципы Монтескье: законы все равно, что изображенія нѣкоторыхъ боговъ, которыхъ на извѣстное время необходимо закрывать". Въ этомъ воззрѣніи уже заключались всѣ тѣ теоріи, которыя впослѣдствіи осуществилъ Наполеонъ при своемъ государственномъ переворотѣ. Теперь, однако, интересы его были совершенно другіе; честолюбіе его еще не простиралось такъ далеко. Онъ боялся, разумѣется, выставлять открыто свои истинные планы и намѣренія,—и былъ вполнѣ правъ. Отпускъ его кончался тридцать перваго декабря, и если въ это безпокойное время, когда армія Франціи готовилась къ войнѣ, онъ не хотѣлъ стать дезертиромъ, то долженъ былъ вернуться въ свой полкъ. А именно-то теперь на Корсикѣ царило наибольшее воодушевленіе.

Наступили выборы начальника добровольнаго батальона! Неужели же долженъ онъ все бросать на родинѣ и возвращаться въ гарнизонъ? Или лучше ему отказаться отъ своей карьеры во Франціи и посвятить себя дѣлу своихъ соотечественниковъ? Удастся ли ему возвысить этимъ вліяніе и значеніе своего имени на островѣ? Не получитъ ли онъ, ставъ начальникомъ національной гвардіи, всю полноту власти и не сумѣетъ ли онъ дѣйствовать какъ захочетъ? Онъ находился между двухъ огней, но надѣялся искусно использовать это положеніе.

Обстоятельства благопріятствовали Бонапарту. Онъ потерялъ, правда, въ Паоли покровителя, но замѣнилъ его другимъ, тоже вліятельнымъ человѣкомъ. Одинъ изъ его родственниковъ, Антоніо ди-Росси былъ назначенъ вмѣсто Баррена

временнымъ начальникомъ острова и готовъ былъ оказать поддержку молодому лейтенанту. По просьбѣ Наполеона, Росси въ ноябрѣ 1791 года написалъ военному министру Нарбонну, котораго императоръ Наполеонъ сдѣлалъ впослѣдствіи своимъ личнымъ адъютантомъ, и попросилъ его разрѣшенія назначить лейтенанта Наполеона адъютантомъ въ одинъ изъ своихъ добровольныхъ батальоновъ. Нарбоннъ отвѣтилъ утвердительно. Такъ какъ законъ двѣнадцатаго августа 1791 года,— писалъ онъ,—не исключаетъ возможности назначенія офицеровъ въ корсиканскую національную гвардію, то онъ не видитъ препятствій удовлетворить просьбу Бонапарта.

Письмо военнаго министра получилось однако, не такъ скоро, какъ того хотѣлось Наполеону. Перваго января состоялся смотръ, на которомъ должны были присутствовать всѣ активные офицеры французской арміи, и состоялся безъ участія Наполеона. Однако, согласно военнымъ правиламъ, каждый офицеръ, отсутствовавшій въ это время безъ отпуска, долженъ былъ подвергнуться исключенію изъ арміи. Въ отчаяніи Наполеонъ семнадцатаго февраля 1792 года написалъ военному комиссару Сюсси, своему другу въ Валансѣ:

„Неотвратимыя обстоятельства, — онъ, вѣроятно, намекаетъ здѣсь на смерть дяди,—вынудили меня, дорогой мой Сюсси, остаться на Корсикѣ дольше, чѣмъ позволялъ мнѣ отпускъ. Я знаю это и все же не могу ни въ чемъ себя упрекнуть: меня оправдываетъ болѣе священый долгъ.

„Сейчасъ, однако, когда я ничѣмъ больше не связанъ, мнѣ бы хотѣлось вернуться къ вамъ, но я все же рѣшилъ подождать вашихъ совѣтовъ. Каково мое положеніе послѣ смотра 1 января? И что мнѣ предпринять?..

„Я считаю не необходимымъ, чтобы вы прочли мое письмо офицерамъ моего полка. Лишь отъ васъ зависитъ ускорить мое возвращеніе...“

Но еще до отвѣта отъ Сюсси получилось разрѣшеніе Нарбонна. Наполеонъ Бонапартъ могъ не безпокоиться. 22 февраля Росси написалъ полковнику четвертаго артиллерійскаго полка Кампаньолю, что старшій лейтенантъ Бонапартъ, съ согласія военнаго министра, назначается адъютантомъ батальона гражданской милиціи въ Аяччіо. Наполеонъ могъ теперь

спокойно оставаться на Корсикѣ, не отказываясь отъ своего положенія въ арміи.

„При столь тяжелыхъ обстоятельствахъ,—написалъ онъ тотчасъ же, 27 февраля, Сюсси,—мѣсто вѣрнаго корсиканца на его родинѣ. Эта мысль побудила и семью мою просить меня остаться здѣсь Такъ какъ, однако, я не могъ бы продолжать своей службы, то я рѣшилъ подать въ отставку. Теперь, однако, губернаторъ предложилъ мнѣ mezzo termine, которое все сразу устроило. Онъ предложилъ мнѣ должность батальоннаго адъютанта въ національной гвардіи. Это можетъ, конечно, отсрочить мой пріѣздъ, но, я надѣюсь, ненадолго, если все будетъ обстоять благополучно...“

Военный министръ далъ свое согласіе на назначеніе Бонапарта лишь съ тѣмъ условіемъ, что декретъ Законодательнаго Собранія отъ 28 декабря 1791 года, согласно которому всѣ офицеры арміи, кромѣ старшихъ лейтенантовъ, находящихся въ батальонахъ корсиканской національной милиціи, должны вернуться къ своимъ полкамъ не позже 1 апрѣля 1792 года, не будетъ утвержденъ. Теперь, однако, постановленіе это было утверждено. Предстояло поэтому либо вернуться во Францію, либо же позаботиться о своемъ будущемъ на родинѣ. Честолюбіе Бонапарта, понятно, не мирилось съ должностью батальоннаго адъютанта, хотя онъ для того, чтобы сдѣлаться командиромъ батальона, долженъ былъ имѣть чинъ капитана. Но объ этомъ онъ не заботился: препятствій для него вообще не существовало. Онъ долженъ былъ рѣшиться. Мать и родные умоляли его остаться на островѣ,—онъ долженъ сдѣлать карьеру, онъ достигнетъ желанной должности. Онъ былъ того же мнѣнія. На Корсикѣ нуждались въ такихъ офицерахъ, какъ онъ: онъ владѣлъ обоими языками и былъ посвященъ въ политическую и соціальную жизнь страны. Выборы въ этомъ отношеніи имѣли рѣшающее значеніе, и онъ остался.

О своемъ ближайшемъ будущемъ Наполеонъ, повидимому, совсѣмъ не заботился въ то время, такъ какъ предложилъ свои услуги въ качествѣ провожатаго по Корсикѣ писателю и путешественнику Вольнею, который вначалѣ 1792 года пріѣхалъ на островъ.

Вольней намѣревался завести на островѣ культуру тропическихъ растеній, главнымъ образомъ, хлопка и пріобрѣлъ для этой цѣли большое помѣстье въ шестьсотъ гектаровъ: дель-Принчипе, близъ Аяччіо. Онъ обрадовался, встрѣтивъ интеллигентнаго, вполнѣ освѣдомленнаго офицера, который могъ принести ему большую пользу своими совѣтами. Но Наполеонъ при этомъ все время не упускалъ изъ виду своихъ политическихъ цѣлей.

Тѣмъ временемъ, въ январѣ 1792 года, на Корсику прибыли полковникъ жандармеріи Чезаре и генералъ-синдикъ Саличети для сформированія четырехъ добровольныхъ батальоновъ. Былъ объявленъ наборъ, но встрѣтилъ цѣлый рядъ препятствій, благодаря чрезвычайно обостренной партійности населенія острова. На первое апрѣля были, наконецъ, назначены выборы начальниковъ подъ руководствомъ трехъ комиссаровъ директоріи департамента: Мурати, Гримальди и Квенца. Мурати былъ приверженецъ Паоли, Гримальди—другъ Бонапартовъ, между тѣмъ какъ Квенца не принадлежалъ ни къ какой партіи и голосовалъ всегда за сильныхъ. Главнымъ кандидатомъ въ начальники батальона былъ Маттео Поццо-ди-Борго, братъ депутата, Уго Перетти, отказавшійся, однако, въ пользу своего шурина, Квенца,—Людовико Орнано, Піетрино Кунео и Джіамбаттиста Квенца. Наиболѣе сильнымъ противникомъ Бонапарта былъ Поццо ди-Борго, поддерживаемый богатымъ Джіованни Перальди и его партіей.

Кандидатъ Мурати остановился въ домѣ Перальди; Гримальди и Квенца воспользовались гостепріимствомъ Бонапартовъ и Рамолино. Перальди пустилъ въ ходъ все свое вліяніе и богатство, чтобы повредить кандидатурѣ Квенца и Бонапарта. Необходимо было, чего бы это ни стоило, обезвредить опаснаго противника, а вмѣстѣ съ нимъ и Поццо-ди-Борго; иначе говоря, пустить всѣ машины такимъ образомъ, чтобы онѣ работали въ пользу Наполеона. Онъ хотѣлъ и долженъ былъ достигнуть своей цѣли!

Ему не хотѣлось, однако, брать на себя всю отвѣтственность; въ душѣ онъ мечталъ о томъ, чтобы что-нибудь пришло на помощь его планамъ и самъ случай доставилъ бы ему желанную побѣду. Перальди онъ ненавидѣлъ отъ всей души:

ихъ обоюдная вражда длилась уже давно. Перальди не пропускалъ ни одного случая, чтобы не посмѣяться надъ маленькимъ худымъ лейтенантомъ, который, несмотря на молодость, съ такой самоувѣренностью стремился къ отвѣтственной должности. Онъ насмѣхался надъ бѣдностью Бонапарта, которая не позволяла ему развить широкую пропаганду въ пользу своей кандидатуры. Онъ заранѣе уже торжествовалъ побѣду надъ неизбѣжнымъ пораженіемъ честолюбиваго противника. Тѣмъ самымъ онъ задѣвалъ самыя больныя мѣста Наполеона. Нѣкоторое время онъ еще сносилъ эти издѣвательства, но, въ концѣ-концовъ, терпѣніе его истощилось. Онъ вызвалъ Перальди на поединокъ. Противникъ принялъ вызовъ, но не явился къ назначенному мѣсту,—Наполеонъ тщетно прождалъ его полдня у греческой часовни.

Задуманный Бонапартомъ уводъ Мюрати изъ дома Перальди былъ, въ виду многочисленности противной партіи, дѣломъ нелегкимъ. Сторонники Бонапарта были, правда, готовы на все, но сами они не были въ состояніи принять такого смѣлаго рѣшенія. Только геній Наполеона могъ имъ помочь въ этомъ дѣлѣ.

Тѣмъ временемъ онъ пускалъ въ ходъ всѣ усилія и даже то небольшое состояніе, которое получилъ по наслѣдству отъ дяди, чтобы увеличить ряды своихъ приверженцевъ. Въ городѣ онъ не упускалъ ни одного удобнаго случая, чтобы гдѣ-нибудь выдвинуться. Послѣ назначенія дня выборовъ, онъ, какъ и всѣ соискатели, широко распахнулъ двери своего дома. Сторонники его встрѣчали самый радушный пріемъ, вино лилось рѣкою. Косвенно помогалъ ему въ этой пропагандѣ и Саличети. Подъ предлогомъ возникшихъ въ Аяччіо религіозныхъ волненій, онъ добился командировки въ Аяччіо отъ директоріи и приказалъ добровольнымъ батальонамъ, разсѣяннымъ уже по различнымъ округамъ, расположиться на квартиры въ городѣ. Люди Наполеона жили большею частью у Бонапартовъ, и Летиція была принуждена устилать по ночамъ всѣ комнаты и даже площадки лѣстницъ матрацами, чтобы дать ночлегъ своимъ многочисленнымъ гостямъ. Огромные расходы безпокоили ее, и она начинала колебаться въ своей вѣрѣ въ сына. Когда она сообщала объ этомъ Наполео-

ну, тотъ только отвѣтилъ: „Прошу тебя, мать, не падай духомъ и поддержи меня до конца. Обратнаго пути нѣтъ... Черезъ десять дней батальонъ будетъ сформированъ. Мои люди не будутъ тогда обременять тебя... если мнѣ все удастся такъ, какъ мнѣ хочется, наше будущее обезпечено. Если я получу эту должность, передо мной всѣ дороги открыты...“ И, дѣйствительно, онъ подготовилъ все такъ, что теперь все зависѣло отъ благосклонности комиссаровъ.

Ночь послѣ дня пріѣзда ихъ Наполеонъ провелъ безъ сна въ неописуемомъ волненіи. На слѣдующій день онъ появился на улицахъ, погруженный въ раздумье, еще болѣе блѣдный, чѣмъ всегда, съ ярко горящими глазами. Сторонники его собрались вокругъ него и проводили его до дома. Всѣмъ бросился въ глаза его разсѣянный, взволнованный видъ, и всѣ понимали причину этого волненія. Только одинъ Франческо Бонелли отважился прямо спросить, нѣтъ ли у него еще какого-нибудь приказанія. Упавшимъ тономъ, но все же съ оттѣнкомъ надежды во взглядѣ, Бонапартъ отвѣтилъ ему: „Что мнѣ вамъ приказывать? Развѣ вы сами не видите, что нужно сдѣлать?“—„Нѣтъ, скажи намъ!“—„Нужно рѣшиться на крайность! Нужно увести комиссара изъ дома Перальди!“—„Куда же его помѣстить?“ — „Это безразлично... если хотите,—ко мнѣ!“ Приказаніе было тотчасъ же исполнено. Съ помощью нѣсколькихъ преданныхъ національныхъ гвардейцевъ Мурати былъ схваченъ въ домѣ Перальди и приведенъ къ Бонапарту. Комиссаръ былъ немало удивленъ, когда Наполеонъ встрѣтилъ его словами: „Я хочу, чтобы вы были свободны! Совершенно свободны! У Перальди вы бы этой свободой не пользовались!“ Мурати не имѣлъ ничего противъ этого и остался.

Но поступокъ Наполеона сталъ извѣстенъ всему городу. Партія Перальди ожесточилась до крайнихъ предѣловъ и поклялась тяжело отомстить Бонапартамъ. Они хотѣли разстрѣлять его домъ, разграбить и поджечь и захватить Наполеона живымъ или мертвымъ. Только благодаря умнымъ совѣтамъ стараго Маттео Поццо ди-Борго, планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Впрочемъ, Наполеонъ былъ готовъ ко всему: люди его стояли въ полномъ вооруженіи за окнами

дома, готовые обрушиться на каждаго, кто бы осмѣлился приблизиться съ недобрымъ намѣреніемъ.

На слѣдующій день, 1 апрѣля, національные гвардейцы собрались въ церкви Санъ-Франческо. Они не носили еще формы, и только кепи отличали ихъ отъ прочихъ гражданъ. Выборщикамъ было строго запрещено носить оружіе, тѣмъ не менѣе каждый спряталъ за пазуху острый кинжалъ. Нельзя было знать, что готовится на выборахъ при такой ожесточенной борьбѣ партій.

Мертвая тишина овладѣла толпой, когда Маттео Поццо ди-Борго взошелъ на трибуну и въ рѣзкихъ выраженіяхъ обрушился на наспльственный актъ Бонапарта. Ди-Борго былъ блестящимъ ораторомъ, онъ сумѣлъ увлечь слушателей своимъ воодушевленіемъ и использовать вліяніе, которое оказывалъ на островъ его братъ Карло Андреа, въ качествѣ депутата. Наполеонъ замѣтилъ опасность и приказалъ своимъ людямъ сдѣлать все, лишь бы не дать говорить оратору. Въ толпѣ раздались свистки, крики и неистовый топотъ. „Abbasso l'oratore!“—послышалось со всѣхъ сторонъ. Шумъ принималъ все болѣе угрожающій характеръ. Но огромныя голосовыя средства Поццо ди-Борго покрывали собою неистовство толпы, и казалось, что побѣда будетъ за нимъ. Но вдругъ его подняли чьи-то руки и силою увлекли съ трибуны. Враги яростно кинулись на него и можно было бы ожидать всего, если бы Наполеонъ и полковникъ Квирико Казанова изъ Сарднніи не вмѣшались въ толпу. Квенцѣ и Бонапарту, благодаря ихъ вліянію, удалось удалить изъ зала Поццо ди-Борго.

Спокойствіе было снова возстановлено, и выборы пошли своимъ чередомъ. Квенца былъ избранъ первымъ, а Бонапартъ вторымъ начальникомъ батальона. Радость Бонапарта по поводу этой побѣды была неописуема. Люсьенъ написалъ тотчасъ же Жозефу къ Корте: „Наполеонъ и Квенца избраны въ начальники батальона!“ Домъ Бонапартовъ наполнился радостными гостями. Лилось рѣкой вино, и полковая музыка играла въ честь новаго начальника.

Друзья Квенцы и Бонапарта достигли тоже чего хотѣли. Цѣлый рядъ ихъ былъ избранъ капитанами, лейтенантами и унтеръ-офицерами.

Наполеонъ предусмотрѣлъ, въ равной мѣрѣ, и тотъ случай, если бы его постигло пораженіе. На это по крайней мѣрѣ указываетъ свидѣтельство, которое 31 марта выдалъ ему Росси. Росси заявляетъ въ немъ, что онъ нуждается въ офицерѣ, говорящемъ по-итальянски и по-французски, и что, съ вѣдома военнаго министра, назначаетъ его батальоннымъ адъютантомъ. Съ этимъ свидѣтельствомъ въ рукахъ Наполеонъ, навѣрное бы, поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы постараться вновь попасть въ войско, изъ котораго онъ безусловно былъ исключенъ, такъ какъ не явился на вышеупомянутый смотръ. Теперь же, однако, его избраніе въ батальонные командиры положило всему конецъ.

Но если въ лагерѣ Бонапартовъ царило ликованіе и радость, то сторонники Поццо ди-Борго и Перальди замышляли жестокую месть. Какъ истые корсиканцы, они не допускали и мысли, чтобы позоръ, испытанный ими, могъ пройти безнаказанно. Дружба Бонапартовъ съ семьей Поццо уже передъ выборами значительно ослабѣла, теперь же, конечно, порвалась навсегда. Какого опаснаго врага обрѣлъ Наполеонъ въ интеллигентномъ и умномъ, но чрезвычайно склонномъ ко всякаго рода интригамъ Карло Андреа Поццо ди-Борго, ему пришлось испытать впослѣдствіи во время своего возвышенія.

Новый начальникъ батальона воспользовался тотчасъ же своимъ вліяніемъ и властью для принятія необходимыхъ мѣръ. Это было ему тѣмъ болѣе легко, что Квенца не обладалъ никакими военными познаніями и уступилъ ему первенство. Батальонъ Бонапарта, названный вначалѣ „батальономъ Аяччіо“, а впослѣдствіи „вторымъ батальономъ“, расположился въ бывшей семинаріи неподалеку отъ собора. Наполеонъ, однако, не былъ доволенъ этимъ старымъ полуразрушеннымъ зданіемъ и требовалъ, чтобы людямъ его было предоставлено болѣе приличное помѣщеніе и хорошая пища. Ему хотѣлось расположиться въ цитадели.

Въ городѣ торжество Бонапарта и религіозныя смуты, въ особенности конфискація церковныхъ земель, вызвали серьезное броженіе среди населенія. Послѣднее раскололось на два лагеря. Одинъ, болѣе умѣренный, и женщины стояли на сторонѣ монаховъ, другой же, патріотическій, высказывался за

гражданское духовенство. Событіе, разразившееся въ началѣ апрѣля, легко могло повредить популярности Наполеона. На второй день Пасхи, 8 апрѣля 1792 года, священники, не желавшіе подчиниться новому закону, отправились торжественной процессіей къ монастырю Санъ-Франческо для служенія торжественной мессы. Это открытое сопротивленіе клира привело въ ярость патріотовъ, и въ городѣ съ быстротой молніи распространились зловѣщіе слухи.

Около шести часовъ вечера вблизи церкви разгорѣлся споръ между молодыми людьми, игравшими въ кегли. Вскорѣ споръ перешелъ въ драку: въ рукахъ противниковъ засверкали кинжалы. Вокругъ нихъ собралась огромная толпа. Женщины и дѣти взывали о помощи и кинулись въ сосѣднія казармы второго батальона. Вскорѣ оттуда для водворенія порядка показался лейтенантъ съ двѣнадцатью солдатами. Онъ пригрозилъ арестовать зачинщиковъ, но тѣмъ самымъ еще болѣе возбудилъ толпу, состоявшую преимущественно изъ матросовъ, враговъ добровольцевъ. „Долой кепи!“—послышалось со всѣхъ сторонъ. Это дало сигналъ къ безпорядкамъ. Чернь бросилась на солдатъ, чтобы ихъ обезоружить. Поднялась невообразимая сумятица. Изъ всѣхъ оконъ сосѣднихъ домовъ посыпались проклятія національнымъ гвардейцамъ; раздалось даже нѣсколько выстрѣловъ. Гвардейцы стали тотчасъ же защищаться.

Тѣмъ не менѣе толпѣ удалось обезоружить тропхъ изъ нихъ. Одинъ получилъ даже нѣсколько ударовъ кинжаломъ и, истекая кровью, упалъ на площадь. Другіе же вернулись въ семинарію.

Весь батальонъ былъ внѣ себя отъ этого происшествія. Солдаты были твердо убѣждены, что ихъ заманили въ ловушку. Они настойчиво требовали, чтобы имъ разрѣшили отомстить толпѣ за понесенный позоръ. Но Квенцѣ, по счастью, удалось удержать ихъ.

Тѣмъ временемъ волненіе жителей достигло своего апогея. Они, съ своей стороны, были твердо убѣждены, что гвардейцы составили заговоръ противъ жителей Аячіо, и стали готовиться къ оборонѣ. Изъ всѣхъ домовъ, даже самыхъ отдаленныхъ отъ семинаріи, мужчины выходили то и дѣло съ

ружьями, кинжалами и пистолетами. Всѣ они собрались на соборной площади, чтобы показать солдатамъ, что могутъ еще защищаться.

Батальоннаго командира Бонапарта не было въ это время въ казармахъ. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о событіи, разразившемся передъ соборомъ. Услышавъ, однако, шумъ, онъ поспѣшилъ на помощь и отправился въ казарму сорокъ второго пѣхотнаго полка. Тамъ онъ приказалъ дежурному офицеру ударить тревогу,—но приказаніе его не было исполнено. Тогда онъ собралъ вокругъ себя нѣсколько офицеровъ и отправился съ ними въ семинарію, гдѣ былъ расположенъ второй батальонъ. По дорогѣ офицеры встрѣтили молодого человѣка съ двумя ружьями, которыя тотъ отнялъ у національныхъ гвардейцевъ. Бонапартъ и другіе офицеры заставили его вернуть оружіе, но въ эту минуту увидѣли другого, который цѣлился прямо въ нихъ. Наполеонъ подошелъ къ нему и, повидимому, уже успокоилъ его, какъ вдругъ изъ собора показалось нѣсколько вооруженныхъ людей, спѣшившихъ на помощь товарищу. Они выстрѣлили и убили Рокко делла-Серра. Изъ всѣхъ угловъ и переулковъ выскочили возставшіе, и горсточкѣ офицеровъ не оставалось ничего иного, какъ спастись бѣгствомъ. Бонапарту удалось задними дворами пробраться въ семинарію.

Гвардейцевъ во время удалось успокоить, тѣмъ болѣе, что они видѣли, что въ безпорядки не вмѣшиваются ни гражданскія, ни военныя власти. Всю ночь въ казармахъ шли приготовленія къ борьбѣ.

Квенца и Бонапартъ еще до наступленія дня отправились въ цитадель, чтобы просить коменданта о защитѣ и принятіи добровольцевъ, такъ какъ они не въ безопасности въ старой семинаріи. Но Мейларъ, который, вѣроятно, почуялъ ловушку, отказался и предложилъ имъ лишь провіантъ. Вскорѣ послѣ возвращенія обоихъ начальниковъ, въ казарму прибылъ мировой судья Драго для допроса одного изъ раненыхъ солдатъ относительно причинъ безпорядковъ. Но Бонапартъ не только не допустилъ его къ допросу, но приказалъ тотчасъ же арестовать его и сопровождавшихъ его жандармовъ.

Въ восемь часовъ вечера началась упорная борьба между

добровольцами и гражданами. Обѣ стороны понесли значительныя потери убитыми и ранеными. Несмотря на неоднократныя предложенія общиннаго совѣта и властей, батальонъ не прекращалъ огня. Въ пять часовъ вечера полковникъ Мейларъ предложилъ ему очистить семинарію и перейти въ монастырь Санъ-Франческо, расположенный за городскою стѣною. Бонапартъ отказался исполнить это приказаніе и отправился еще разъ къ коменданту съ просьбой отмѣнить распоряженіе. Онъ достигъ своей цѣли. Но ни граждане, ни добровольцы не успокаивались. Маріо Баттиста Перальди, отецъ депутата, рѣшилъ, что насталъ удобный случай отомстить за пораженіе сына, и отправился съ толпой своихъ сторонниковъ къ семинаріи. Солдаты отвѣчали пулями. Наполеонъ велѣлъ занять нѣсколько домовъ, сосѣднихъ съ казармами; люди его разгромили дома и стрѣляли во всѣхъ, кто попадался имъ на пути. 10 апрѣля было, наконецъ, подписано перемиріе въ цитадели, и добровольцы вернулись въ семинарію.

Но уже на слѣдующій день безпорядки вспыхнули снова. Бонапартъ самъ возбуждалъ своихъ добровольцевъ и мчался по улицамъ, отдавая приказанія. Онъ пытался, повидимому, возбудить даже сорокъ второй полкъ противъ его офицеровъ. Въ отвѣтъ на повторенный приказъ Мейлара немедленно очистить городъ отъ добровольцевъ,—въ противномъ случаѣ онъ велитъ ударить въ набатъ,—Наполеонъ написалъ, что онъ исполняетъ лишь свой долгъ и слѣдуетъ приказаніямъ Паоли. Это было, однако, неправдою: Паоли не давалъ ему никакихъ указаній на этотъ счетъ. 12 апрѣля было заключено, наконецъ, второе перемиріе между властями и начальниками добровольныхъ батальоновъ. Но безпорядки окончились лишь тогда, когда директорія департамента 16 апрѣля прислала въ Аяччіо еще трехъ комиссаровъ.

19 апрѣля оба начальника гвардіи прислали директоріи департамента записку, авторомъ которой былъ Бонапартъ. Онъ категорически заявляетъ въ ней, что всѣ волненія были давно подготовлены противниками и назначены на Пасху. Далѣе, онъ жалуется на командира регулярныхъ войскъ за то, что тотъ занялъ цитадель и отказался притти на помощь добровольцамъ и выдать имъ военные припасы. Въ заключеніе онъ

упоминаетъ, что хотѣлъ только отомстить за смерть лейтенанта Рокко делла-Серра. Записка эта составлена чрезвычайно искусно. Наполеонъ постарался прежде всего подчеркнуть тайные мотивы, обусловленные ненавистью, враждой и завистью.

Своей истинной цѣли онъ, однако, въ этой запискѣ не раскрываетъ; очевидно, что занятіемъ цитадели онъ намѣревался овладѣть господствомъ надъ городомъ. Но комендантъ не попался на удочку. Онъ понялъ, что если впустить національную гвардію въ крѣпость, то ей будетъ нетрудно возбудить войско, состоявшее тоже изъ корсиканцевъ, и вмѣстѣ съ ними арестовать французскихъ офицеровъ.

Послѣ того, какъ въ Аяччіо все вновь успокоилось, Бонапартъ вмѣстѣ съ Квенца и національной гвардіей округовъ Аяччіо и Таллано отправился 6 мая въ Корте. Тамъ должны были назначить имъ новый гарнизонъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Наполеонъ посѣтилъ въ Монтичелло генерала Паоли и предложилъ ему отказаться отъ начальствованія надъ вторымъ батальономъ и встать во главѣ новаго, предполагавшагося къ сформированію. Паоли сперва согласился, но впослѣдствіи, повидимому, раздумалъ, такъ какъ 13 мая говорилъ по этому поводу съ Жозефомъ Бонапартомъ и заявилъ, что объ этомъ планѣ нечего и думать, такъ какъ добровольные отряды не должны впредь объединяться подъ начальствомъ одного лица. Въ дѣйствительности же Паоли опасался безграничнаго честолюбія Наполеона и его отважнаго характера. Въ виду этого Жозефъ счелъ своимъ долгомъ посовѣтовать брату возможно скорѣе отправиться во Францію, чтобы привести тамъ въ порядокъ свои дѣла и, кромѣ того, оправдаться противъ обвиненій своихъ враговъ, особенно партіи Поццо ди-Борго и Перальди. Они донесли на него въ Парижъ, что онъ приказалъ стрѣлять въ народъ, и энергично протестовали противъ его узурпированнаго назначенія начальникомъ батальона.

Наполеонъ былъ того же мнѣнія, что и Жозефъ. Онъ считалъ чрезвычайно важнымъ урегулировать свое положеніе въ арміи. Въ серединѣ мая 1792 года онъ покинулъ Корсику и черезъ Валансъ, въ которомъ остановился всего только на

одинъ часъ, прибылъ въ концѣ мѣсяца въ Парижъ. Его обвиняли въ превышеніи власти, подстрекательствѣ къ безпорядкамъ, отказѣ въ повиновеніи и вооруженномъ сопротивленіи властямъ. Обвиняли его еще помимо этого во всевозможныхъ злодѣяніяхъ: ихъ было вполнѣ достаточно, чтобы уготовить ему вѣрную гибель. Къ несчастью, всѣ эти проступки усиливались его основной ошибкой: тѣмъ, что онъ, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, безъ разрѣшенія оставался вдали отъ полка, въ то время какъ каждая сила была на учетѣ. Но молодой офицеръ былъ снабженъ наилучшими рекомендаціями корсиканскихъ властей, которыя ему выдали очень охотно, въ надеждѣ навсегда отъ него избавиться. Во Франціи поэтому ему все охотно простили,—если бы не его злосчастная попытка овладѣть цитаделью.

Наполеонъ, однако, не особенно заботился о своемъ будущемъ,—по крайней мѣрѣ, онъ ничего не пишетъ въ своихъ письмахъ къ Жозефу. Кажется, будто онъ всецѣло поглощенъ политическими событіями во Франціи. О нихъ онъ подробно разсказываетъ брату.

Тѣмъ не менѣе онъ находился теперь въ Парижѣ безъ всякой должности. Онъ остановился въ гостинницѣ „Голландскихъ патріотовъ“, на улицѣ Ройаль-Сенъ-Роше, гдѣ жили также Поццо ди-Борго, Леонетти и Перальди. Обѣдалъ онъ обычно въ ресторанѣ на улицѣ Сенъ-Онорэ, вблизи Пале-Ройаля. Тамъ вмѣстѣ съ Бурьеномъ, котораго онъ случайно встрѣтилъ въ Парижѣ, онъ былъ свидѣтелемъ возстанія 20 іюня 1792 года. Въ тотъ день онъ увидѣлъ процессію въ тридцать тысячъ человѣкъ,—они направлялись въ Тюльери, проникли въ королевскіе покои и заставили Людовика XVI надѣть якобинскую шапку. Эти событія, ставшія роковыми для Жиронды, дали Наполеону поводъ къ серьезнымъ размышленіямъ надъ революціоннымъ движеніемъ. Его возмущеніе выразилось въ словахъ: „Какъ могли впустить эту чернь? Достаточно было смести пушками четыреста—пятьсотъ человѣкъ, остальные тотчасъ же бы разбѣжались“.

Передъ глазами умѣреннаго республиканца должны были разыграться еще болѣе страшныя событія. Прежде всего, ему пришлось начинать сызнова борьбу за существованіе. Се-

мейство Бурьенъ, благодаря неудачнымъ спекуляціямъ, разорилось, и молодой человѣкъ видѣлъ себя въ томъ же положеніи, какъ и своего друга. По словамъ Бурьена, онъ былъ все же богаче его и платилъ за ихъ совмѣстные обѣды. Онъ утверждаетъ, однако, что Наполеонъ былъ принужденъ заложить у его брата часы. Однажды какъ-то обоимъ пришла въ голову мысль нажить деньги спекуляціями домами, хотя Бонапартъ ни минуты не терялъ надежды снова вступить въ ряды арміи. Ихъ предпріятія терпѣли, большею частью, крушенія: нужны были наличныя деньги, которыхъ у нихъ не было даже и въ поминѣ. Бурьенъ былъ, впрочемъ, счастливѣе своего друга, такъ какъ вскорѣ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Штуттгартѣ.

Во время его пребыванія въ Парижѣ оба бывшихъ однокашника изъ Бріенна видѣлись ежедневно. Бурьенъ сопровождалъ Наполеона даже въ Сенъ-Сиръ къ Маріаннѣ. Въ этомъ роялистскомъ заведеніи молодой республиканецъ Бонапартъ обнаруживалъ величайшій тактъ или, вѣрнѣе, величайшую хитрость. Жозефу онъ пишетъ объ этомъ посѣщеніи: „Маріанна—аристократка. Мнѣ пришлось ради нея надѣть маску“. Это вызвало негодованіе его брата Люсьена, игравшаго видную роль въ политическомъ клубѣ въ Аяччіо. Онъ не соглашался съ поведеніемъ Наполеона и сказалъ: „Необходимо всегда становиться выше событій и выказывать рѣшимость, чтобы достигнуть чего-нибудь и заслужить себѣ имя. Въ исторіи нѣтъ людей болѣе достойныхъ презрѣнія, чѣмъ тѣ, которыя держатъ носъ по вѣтру... Я всегда замѣчалъ въ Наполеонѣ чрезвычайно эгоистическое самолюбіе,— оно въ немъ сильнѣе всѣхъ стремленій къ общественному благу. Я думаю, что въ свободномъ государствѣ онъ былъ бы очень опаснымъ человѣкомъ!“

Между тѣмъ Наполеонъ перемѣнилъ квартиру и переѣхалъ въ маленькую, дешевую комнату гостиницы „Мецъ“, на улицѣ дю-Мель. Онъ жилъ здѣсь и во время событій 10 августа. Вмѣстѣ съ братомъ Бурьена онъ былъ свидѣтелемъ отвратительной рѣзни въ Тюльери, во время которой погибли столь жалкой смертью швейцарцы—защитники королевской семьи.

Зрѣлище это произвело на молодого Бонапарта неизгладимое впечатлѣніе. Даже на Святой Еленѣ воспоминаніе объ этомъ днѣ было еще настолько живо, что императоръ въ точности передавалъ всѣ его подробности.

„Не доходя еще до улицы Птп-Шамъ, я встрѣтилъ кучку оборванцевъ, несшихъ на остріѣ копья отрубленную голову. Увидѣвъ меня, прилично одѣтаго, и приняв за аристократа, они подошли ко мнѣ и заставили закричать: „Vive la nation!“ Это было мнѣ нетрудно.

Замокъ былъ окруженъ чернью. Въ распоряженіи короля было, по крайней мѣрѣ, столько же войска, сколько впослѣдствіи у Конвента 13 вандемьера: враги Конвента къ тому же были болѣе дисциплинированы и поэтому гораздо болѣе опасны. Большая часть національной гвардіи была на сторонѣ короля. Въ этомъ слѣдуетъ отдать ей справедливость.

Когда дворецъ былъ взятъ, и король нашелъ убѣжище въ національномъ собраніи, я отважился пробраться въ садъ. Никогда, ни одно поле монхъ сраженій не производило на меня впечатлѣніе такого множества труповъ, какъ это, сплошь усѣянное тѣлами мертвыхъ швейцарцевъ. Быть, можетъ причина этого заключалась въ небольшомъ пространствѣ или же въ томъ, что первое впечатлѣніе такого зрѣлища всегда значительно сильнѣе. Я увидѣлъ хорошо одѣтыхъ женщинъ, издѣвавшихся надъ трупами. Во всѣхъ кафе вокругъ національнаго собранія воодушевленіе достигло крайнихъ предѣловъ. Ярость и бѣшенство отражались на всѣхъ лицахъ, хотя здѣсь была не только чернь. Казалось, всѣ эти мѣста посѣщаются одною и тою же публикой, такъ какъ, несмотря на то, что я былъ очень просто одѣтъ, или, быть можетъ, потому, что мое лицо было спокойнѣе, чѣмъ у другихъ, много враждебныхъ и недовѣрчивыхъ взглядовъ было устремлено на меня“.

Презрѣніе Наполеона къ поведенію короля выразилось въ словахъ, которыя онъ написалъ въ тотъ же день Жозефу: „Если бы король показался на лошади, побѣда осталась бы за нимъ!..“

Дома, на Корсикѣ, трепетали за участь сына и брата. Мать, братья, сестры и всѣ родные просили его вернуться

въ это страшное время и привезти съ собою Маріанну, которая все еще находилась въ Сенъ-Сирѣ. Но раньше Наполеонъ хотѣлъ выяснить свое положеніе. Теперь, когда королевство было низвергнуто и власть перешла къ Конвенту, его честолюбію открывалось необозримое поприще. Съ самоувѣренностью написалъ онъ поэтому 11 августа своему дядѣ Паравичини:

„Пусть не волнуются наши враги... А вы не заботьтесь о племянникахъ: они сумѣютъ проложить себѣ путь!“

Его увѣренность въ себѣ выросла еще больше, когда, благодаря новому порядку вещей, военный министръ Лейаръ былъ замѣненъ жирондистомъ Сервапомъ, а морскимъ министромъ былъ назначенъ математикъ Монжъ, бывшій учитель Наполеона въ Бріеннѣ. Надежды его сразу усилились.

Онъ былъ правъ. Уже 10 іюля онъ получилъ отъ Сервана подтвержденіе его принятія въ армію, а 30 августа получилъ назначеніе артиллерійскимъ капитаномъ. Министръ поставилъ Бонапарту на видъ, чтобы онъ немедленно отправился въ полкъ, стоявшій на Мозелѣ подъ начальствомъ Дюмурье. Но Наполеонъ не послушался приказанія. Онъ нашелъ удобный предлогъ вернуться на Корсику: 1 сентября онъ долженъ былъ взять свою сестру изъ Сенъ-Сира и отвезти на родину, такъ какъ было издано распоряженіе, согласно которому уничтожались всѣ королевскія воспитательныя учрежденія.

Исполнивъ всѣ формальности и получивъ отъ версальскихъ властей на поѣздку Маріанны триста пятьдесятъ два франка, онъ вмѣстѣ съ нею 9 сентября отправился на родину. Въ Марселѣ они остановились на нѣкоторое время. Тамъ шляпа съ перомъ молодой дѣвушки вызвала недовольство толпы. „Долой аристократовъ!“—закричали имъ. Наполеонъ отвѣтилъ хладнокровно: „Мы не большіе аристократы, чѣмъ вы“. Онъ сорвалъ съ сестры шляпу и, къ великой радости толпы, отшвырнулъ ее прочь. Приблизительно, 10 октября братъ съ сестрой уѣхали изъ Тулона на Корсику

Къ своему великому удивленію, увидѣли корсиканцы Наполеона,—его, отъ котораго надѣялись навсегда избавиться. Онъ не только вернулся невредимымъ, но и, сверхъ того, въ

двадцать три года въ чинѣ капитана. Вліяніе его возрастало съ каждымъ днемъ. Отвага и дерзость считались у корсиканцевъ величайшею добродѣтелью, и поэтому Наполеонъ, по возвращеніи на родину, былъ встрѣченъ, какъ прославленный герой.

Онъ старлся использовать это вліяніе, чтобы провести Жозефа въ Конвентъ, но и на этотъ разъ его старанія для брата не привели ни къ чему.

Во время отсутствія Наполеона анархія на Корсикѣ приняла угрожающіе размѣры. Паоли совершенно измѣнился. Онъ склонялся все больше къ англичанамъ, и острову грозила новая бѣда. На сей разъ онъ принялъ молодого Бонапарта чрезвычайно любезно и предупредительно. Наполеонъ, однако, понялъ перемѣну, происшедшую въ старомъ героѣ, и почувствовалъ антифранцузскія намѣренія его. Уѣзжать въ полкъ онъ и не думалъ. Онъ сталъ во главѣ корсиканскихъ монтаньяровъ, взялъ на себя осмотръ корсиканскихъ укрѣпленій и снова принялъ начальство надъ батальономъ національной гвардіи въ Корте. Какъ бы для подкрѣпленія своихъ дѣйствій, онъ писалъ директоріи департамента: „Я здѣсь. Все теперь пойдетъ хорошо“.

Между тѣмъ, въ департаментѣ Варръ подготовлялась экспедиція въ Сардинію, въ которой должны были принять участіе корсиканскіе батальоны національной гвардіи.

ГЛАВА VI.

КОРСИКА ИЛИ ФРАНЦІЯ?

Экспедиція на Маддалену.—Бѣгство съ Корсики.—„Ужинъ въ Бокерѣ“.

(Январь—сентябрь 1793 года).

Въ маѣ 1792 года Антоніо Константини, корсиканскій депутатъ въ Парижѣ, вручилъ законодательному собранію записку, въ которой говорилъ о планахъ покоренія сосѣдняго острова. Константини прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Сассари и былъ хорошо знакомъ съ Сардиніей. Необходимо, говорилъ онъ въ своей запискѣ, овладѣть сначала Маддаленой и нѣкоторыми другими маленькими островками къ сѣверу отъ Сардиніи. Вслѣдъ за этимъ можно будетъ овладѣть и сѣвернымі городами острова, Кастель-Сардо, Сассари и Альгеро. И, наконецъ, подступить съ войскомъ,—которое онъ исчислилъ въ 12 тысячъ человѣкъ,—къ Кагліари, столицѣ острова.

Генералъ-синдикъ Саличети соглашался съ этимъ планомъ. Въ іюлѣ того же года бывшій депутатъ Маріо ди-Перальди тоже подалъ записку, въ которой говорилъ о важности военной экспедиціи въ Сардинію. По совѣту Карно, временный исполнительный совѣтъ приказалъ военному и морскому министерствамъ принять необходимыя мѣры къ военной экспедиціей въ Сардинію.

Завоеваніе Сардиніи имѣло большое преимущество для Франціи. Страна эта поставляла превосходныхъ лошадей, хлѣбъ,—въ которомъ во время революціи ощущался во Франціи большой недостатокъ,—и дорогой мачтовый лѣсъ. Помимо этого, завладѣніе Сардиніей представляло собою большую опору въ Средиземномъ морѣ.

Несмотря на старанія Перальди добиться назначенія начальникомъ экспедиціи корпуса Пасквале Паоли, начальство было поручено командиру альпійской арміи, генералу д'Ансельму и контръ-адмиралу Трюгэ. Ансельму предоставлено было, однако, либо руководить экспедиціею, либо поручить начальствованіе другому генералу. Паоли же былъ назначенъ командиромъ 23-й дивизіи и тѣмъ самымъ главнокомандующимъ всѣмъ войскомъ на Корсикѣ. Въ то время на Корсику и въ Ниццу было послано два спеціальныхъ комиссара, Маріо ди-Перальди и Бартоломео Арена, для переговоровъ съ Паоли относительно сформированія нужнаго войска и для врученія д'Ансельму предписанія исполнительнаго совѣта.

Военныя суда, принимавшія участіе въ экспедиціи, собрались въ ноябрѣ въ Спеціи, а транспортныя суда въ Тулонѣ. Флотъ былъ раздѣленъ на двѣ эскадры, изъ которыхъ Трюгэ командовалъ меньшею, а большую передалъ капитану Латушъ-Тревиль. Сухопутное войско должно было быть сформировано изъ шести тысячъ добровольцевъ, изъ департаментовъ Бушъ-дю-Ронъ и Варъ, а также изъ трехъ тысячъ корсиканскихъ регулярныхъ и добровольныхъ солдатъ, изъ которыхъ послѣдніе должны были быть посажены въ Аяччіо на суда. Кромѣ того, Бастія и Кальви должны были дать войско.

Трюгэ возлагалъ большія надежды на экспедицію въ Сардинію, точно также и назначенный въ Константинополь французскій посланникъ Семонвиль, ожидавшій инструкцій въ Аяччіо. Послѣдній былъ увѣренъ, что экспедиція въ короткое время одержитъ побѣду, и флотъ, послѣ покоренія острова, отправится въ Черное море, чтобы оттуда диктовать условія русскому правительству! Расположенные къ Франціи корсиканцы, въ томъ числѣ Жозефъ и Наполеонъ Бонапарты, въ равной мѣрѣ съ воодушевленіемъ ожидали завоеванія Сардинія. 18 октября Наполеонъ писалъ Костѣ: „Враги покинули Лонгви и Верденъ и перешли черезъ рѣку, чтобы вернуться на родину. Но мы не останавливаемся. Савойя и графство Ницца взяты! Солдаты свободы всегда будутъ одерживать побѣды надъ рабами, оплачиваемыми тиранами!“

Контръ-адмиралъ Трюгэ не сталъ ждать сформированія добровольныхъ батальоновъ, происходившаго очень медленно, а

десятаго декабря съ четырьмя боевыми судами, пятью фрегатами и корветомъ отчалилъ изъ Специи. 15 декабря онъ бросилъ якорь въ рейдѣ Аяччіо, чтобы посадить на суда войско 23 дивизіи. Въ тотъ же день сюда же прибылъ и Латушъ-Тревиль съ десятью военными судами и двумя фрегатами, чтобы отправиться въ Неаполь, произвести тамъ демонстрацію и вручить неаполитанскому двору ультиматумъ съ требованіемъ сохранять нейтралитетъ; было условлено, что обѣ эскадры встрѣтятся затѣмъ въ Пальмскомъ заливѣ и оттуда сообща направятся къ столицѣ Сардиніи.

Экспедиція началась для Трюгэ крайне неблагопріятно, такъ какъ при входѣ въ гавань Аяччіо военное судно „Le Vengeur“ потерпѣло крушеніе. 15 декабря Трюгэ прибылъ въ Аяччіо и познакомился тамъ съ семьей Бонапартовъ. Молодой и свѣтскій, онъ вращался въ лучшихъ домахъ Корсики и заинтересовался, повидимому, старшей сестрой Наполеона, Элизой. Но, вѣроятно, Люсьенъ былъ противъ этого брака.

Къ этому времени относится и знакомство Наполеона съ молодымъ Монтолономъ, который, двадцать три года спустя, долженъ былъ послѣдовать въ изгнаніе вмѣстѣ съ сверженнымъ императоромъ.

Трюгэ старался всѣми силами ускорить сформированіе корсиканскихъ батальоновъ, назначенныхъ въ экспедицію, но Паоли располагалъ незначительными войсками, такъ что въ походѣ въ Средиземное море могли принять участіе вмѣсто трехъ тысячъ, лишь тысяча восемьсотъ человѣкъ и 13 орудій.

Черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія эскадры между матросами и корсиканцами начались распри, поводомъ къ которымъ послужила погоня за „аристократами“, стоившая жизни двумъ корсиканскимъ національнымъ гвардейцамъ. Только благодаря умѣнію начальниковъ, вражда между обѣими націями не приняла широкихъ размѣровъ. Въ виду этого, однако, нечего было и думать брать съ собою въ экспедицію корсиканскую національную гвардію и везти ее на судахъ адмирала Трюгэ. Паоли рѣшился поэтому, вмѣсто національной гвардіи, предоставить въ распоряженіе Трюгэ не только всю сорокъ вторую дивизію, но и тринадцать тысячъ изъ двадцать шестой и пятьдесятъ второй. Корсиканскіе же до-

бровольцы должны были предпринять неожиданное нападеніе на маленькіе островки къ сѣверу отъ Сардиніи; главнымъ образомъ, Паоли имѣлъ въ виду самый крупный изъ нихъ—Маддалену, занимавшую чрезвычайно благопріятное положеніе въ Средиземномъ морѣ. Самъ Нельсонъ говорилъ, что онъ имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ Мальта и Гибралтаръ. Въ январѣ 1793 года приготовленія въ Аяччіо были закончены, и Трюгэ 8 января поднялъ якорь, чтобы направиться къ Кагліари. Наибольшую часть экспедиціоннаго корпуса должны были составлять батальоны двухъ юго-восточныхъ департаментовъ Франціи. Но съ громаднымъ трудомъ собрали едва четыре тысячи солдатъ, большею частью молодыхъ и почти совершенно неопытныхъ. Среди нихъ находились два батальона, носившихъ многообѣщающее названіе „марсельской фалангн“. Лишь въ началѣ января было закончено сформированіе корпуса, и въ тотъ же день, когда Трюгэ покидалъ Аяччіо, транспортъ флота отчалилъ изъ Вильфранша. Общее начальствованіе надъ сухопутными войсками было поручено сперва, какъ мы уже говорили, д'Ансельму, но вслѣдствіе нѣсколькихъ пораженій, а также и грабежей въ Ниццѣ, его отозвали для дачи показаній въ Парижъ, и 20 декабря его замѣнилъ генералъ Брюнъ. Въ концѣ-концовъ, руководство сардинскимъ походомъ было поручено генералу Казабіянкѣ.

Походъ въ столицу Сардиніи, вслѣдствіе различнаго рода несчастныхъ случайностей протекалъ довольно неблагополучно. Не лучше обстояли дѣла и съ походомъ на Маддалену, который былъ задуманъ 28 декабря Трюгэ и, наконецъ, одобренъ Паоли. Въ немъ-то и принялъ участіе молодой Бонапартъ.

Несмотря на всѣ возраженія Паоли, что у него слишкомъ мало войска для защиты приморскихъ городовъ, Трюгэ думалъ, что экспедиція будетъ чрезвычайно облегчена корсиканскими добровольцами. Паоли назначилъ главнокомандующимъ полковника Колонна ди-Чезаре Рокка. Чезаре, какъ его обычно называютъ, неохотно принялъ отвѣтственное порученіе, такъ какъ считалъ безцѣльнымъ и преждевременнымъ походъ на Сардинію. Снабженный неограниченными полномочіями отъ Паоли, онъ отправился сначала въ Сартену, гдѣ

стояло четыре добровольныхъ батальона. Оттуда онъ направился на Аяччіо. Тамъ находилось два батальона подъ предводительствомъ Квенцы и Наполеона. Дисциплина обоихъ батальоновъ оставляла желать много лучшаго, и Чезаре возлагалъ мало надеждъ на военную цѣнность этихъ отрядовъ. Въ отвѣтъ на свои настоятельныя просьбы онъ получилъ, наконецъ, разрѣшеніе взять съ собою часть жандармеріи изъ Бонифачіо.

Съ небольшимъ войскомъ, состоявшимъ изъ ста пятидесяти регулярныхъ солдатъ и четырехсотъ пятидесяти корсиканскихъ добровольцевъ и нѣсколькихъ жандармовъ, онъ прибылъ, наконецъ, въ ночь съ 18-го на 19-е февраля въ Бонифачіо на корветѣ „Фоветтъ“ и двадцати небольшихъ судахъ. На слѣдующій день они были уже въ виду острововъ Маддалены, какъ вдругъ неблагопріятный вѣтеръ заставилъ флотилію повернуть обратно. 22-го, утромъ, Чезаре снова вышелъ въ море и благополучно достигъ маленькаго островка Санъ-Стефано, который отдѣлялся отъ Маддалены лишь узкимъ проливомъ. Подъ охраной орудій корвета „Фоветтъ“ они въ тотъ же день высадились и, послѣ небольшой стычки, на слѣдующій день заставили сдаться крохотный гарнизонъ Санъ-Стефано, состоявшій всего изъ тридцати человѣкъ.

Маддалена же оказала нападавшимъ значительно большее сопротивленіе. Двѣ батареи, поддерживаемыя полутораста регулярными и сотней добровольцевъ, защищали фортъ Бальбіано и гавань, входъ въ которую былъ блокированъ нѣсколькими галерами. По приказанію Чезаре, старшій лейтенантъ „Набуліонэ Бонапарте“, какъ онъ значился въ то время въ спискахъ своего батальона, воздвигъ въ ночь съ 23 на 24 февраля напротивъ маддаленской гавани батарею и утромъ пустилъ первыя ядра по направленію къ острову. Судя по мемуарамъ Чезаре и по показаніямъ самого Наполеона, батарея причинила врагу довольно значительный уронъ.

24-го былъ созванъ военный совѣтъ. Всѣ офицеры согласились съ Чезаре, чтобы на слѣдующій день, подъ охраной корвета и воздвигнутой Бонапартомъ батареи, совершить высадку въ гавани и взять обѣ непріятельскихъ батареи. Рѣшеніе это было встрѣчено съ воодушевленіемъ и солдатами, и

только экипажъ корвета былъ противоположнаго мнѣнія. Многіе были убѣждены, что сѣверный берегъ Сардиніи наводненъ солдатами и видѣли всюду лишь измѣну и опасности. Они рѣшили поэтому повернуть обратно и въ ночь съ 24 на 25 февраля стали готовиться къ отплытію. Въ экипажѣ находились большею частью молодые неопытные матросы, что, однако, отнюдь не оправдываетъ этой трусости. Ихъ намѣреніе стало вскорѣ извѣстно и прочимъ войскамъ, и потребовалось все вліяніе офицеровъ, чтобы солдаты не обратили орудій взятой лишь наканунѣ крѣпости Санъ-Стефано на „Фоветтъ“, чтобы разстрѣлять трусовъ.

Взволнованный этимъ обстоятельствомъ, Чезаре съ кучкой вѣрныхъ жандармовъ тотчасъ же отправился на бортъ судна, чтобы подвергнуть допросу офицеровъ. Они отвѣтили, что уступаютъ лишь настояніямъ матросовъ, но теперь, когда къ нимъ явился главнокомандующій, никто изъ нихъ и не думаетъ о возвращеніи. На слѣдующее утро Чезаре попробовалъ уговорить остаться экипажъ, но тщетно. „Въ такомъ случаѣ,— воскликнулъ Чезаре повелительнымъ тономъ, указывая на жандармовъ, стоявшихъ подлѣ пороховыхъ бочекъ,—повинуйтесь мнѣ, или мои жандармы подожгутъ пороховыя бочки, и корветъ взлетитъ на воздухъ!“ Когда, однако, капитанъ произвелъ голосованіе, и подавляющее большинство экипажа высказалось за возвращеніе,—Чезаре съ тяжелымъ сердцемъ подалъ знакъ къ отплытію. Ему пришлось громко прочесть приказъ старшему лейтенанту Квенцѣ, чтобы матросы убѣдились, что они дѣйствительно возвращаются на родину. Кромѣ того, бунтовщики мѣшали ему отдавать распоряженія и обращались съ нимъ, какъ съ своего рода заложникомъ, неувѣренные, что приказъ его будетъ приведенъ въ исполненіе.

Какъ громомъ поразилъ этотъ приказъ Квенцу и Бонапарта и ихъ отряды. Они уже такъ близки къ цѣли и теперь вдругъ изъ-за возставшихъ матросовъ корвета должны бросать все и безславно, не совершивъ ничего, вернуться на родину! Но злоба и бѣшенство уступили скоро мѣсто безпомощности и безсилію. Изъ боязни, что „Фоветтъ“ оставитъ ихъ беззащитными, они бросились на корабль съ криками: „Спасайся, кто можетъ!“ Они не взяли съ собою даже орудій!

Бонапартъ съ невѣроятнымъ трудомъ довезъ ихъ до берега, но долженъ былъ оставить ихъ тамъ, и они попали въ руки сардинцевъ.

Разсказываютъ, что Бонапартъ имѣлъ на „Фоветтѣ“ чрезвычайно бурную сцену съ Чезаре и обвинялъ послѣдняго въ трусости и неспособности, послѣ чего матросы перешли на сторону своего главнокомандующаго и пригрозили выкинуть Бонапарта за бортъ. Это сообщеніе опровергается, однако, тѣмъ фактомъ, что Бонапартъ находился вовсе не на корветѣ, а на маленькомъ суднѣ. За это нѣсколько дней спустя по прибытіи въ Бонифачіо его едва не убили матросы „Фоветта“. Они намѣревались повѣсить его на ближайшемъ фонарѣ, какъ „аристократа“. Лишь вмѣшательству добровольцевъ освободившихъ его изъ рукъ бунтовщиковъ, обязанъ онъ спасеніемъ своей жизни.

Несмотря на оправдательную записку и заявленіе офицеровъ, что онъ не могъ поступить иначе, Колонна ди-Чезаре-Рокка попалъ въ немилость къ правительству. Бонапартъ же воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы развивать планы, какимъ образомъ легче всего завладѣть островами Маддалены,—планы, которые, дѣйствительно, заслуживали осуществленія. Ему удалось изучить на мѣстѣ положеніе дѣлъ, и онъ втайнѣ надѣялся получить начальствованіе надъ экспедиціей. Но исполнительный совѣтъ отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ завладѣнія Сардиніей, такъ какъ двѣ уже потерпѣли такое плачевное фіаско.

Наполеонъ вспоминалъ крайне неохотно о своемъ неудавшемся походѣ и никогда не говорилъ о немъ ни въ своихъ бесѣдахъ съ друзьями, ни даже на Святой Еленѣ. Для него военная карьера началась съ осады Тулона, во время которой онъ пожалъ свои лавры. Да и развѣ онъ могъ начать свою гріумфальную карьеру пораженіемъ?

* * *

Неудачный походъ на Сардинію былъ причиной паденія Паоли и долженъ былъ роковымъ образомъ повлечь за собою для Франціи временную потерю Корсики.

Бартоломео Арена былъ прежде ярымъ поклонникомъ Па-

оли, но послѣдній не любилъ его и сдѣлалъ его, въ концѣ-концовъ, своимъ заклятымъ врагомъ.

Вмѣстѣ съ Маріо Перальди Арена былъ назначенъ особымъ комиссаромъ для наблюденія за сардинской экспедиціей. Вернувшись въ Ниццу, онъ взвалилъ всю отвѣтственность на неудачный походъ на корсиканскаго вождя; бывшіе марсельскіе добровольцы, ведшіе себя такъ безславно во время похода, агитировали, съ своей стороны, въ клубахъ противъ Паоли, такъ какъ считали его виновникомъ неудавшагося похода.

Депутатъ и бывшій генералъ-синдикъ Саличети, единственный изъ всѣхъ корсиканскихъ депутатовъ голосовалъ въ Національномъ Конвентѣ за казнь Людовика XVI. Онъ ненавидѣлъ Паоли отъ всей души. Ненавидѣлъ, какъ можетъ ненавидѣть только корсиканецъ, и стремился всѣми силами уронить авторитетъ своего соотечественника. Но причинъ сомнѣваться въ патріотическихъ воззрѣніяхъ Паоли еще не было. 11 сентября 1792 года онъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантомъ и командиромъ 23-й дивизіи. Назначеніе это было встрѣчено съ большимъ неудовольствіемъ. Кромѣ того, онъ былъ президентомъ управленія департамента и совмѣщалъ, такимъ образомъ, въ одномъ лицѣ высшую военную и гражданскую власть на островѣ.

Чтобы тѣснѣе объединить Корсику въ военномъ отношеніи, по совѣту Саличети, 17 января 1793 г. 23 дивизія была подчинена Бирону, генералу итальянской арміи. Побудительной причиной для этого послужило, однако, желаніе ограничить власть Паоли, который былъ теперь поставленъ въ зависимость отъ главнокомандующаго итальянской арміей, а не только отъ одного военнаго министра. Когда Бирон запросилъ военнаго министра, не лучше ли ему будетъ вызвать Паоли въ Ниццу, и получилъ на это утвердительный отвѣтъ, онъ пригласилъ его къ себѣ для совѣщанія. Паоли почувствовалъ, однако, что ему предстояло; онъ отвѣтилъ, что онъ боленъ и слишкомъ старъ, чтобы отправиться въ путешествіе.

Онъ былъ превосходно освѣдомленъ относительно всего, что происходило въ столицѣ. Въ справедливомъ возмущеніи, онъ написалъ 28 января военному министру: „Я узналъ что нѣ-

сколько честолюбивыхъ, недобросовѣстныхъ людей съ нѣкотораго времени распространяютъ путемъ газетъ и двусмысленныхъ слуховъ сомнѣнія въ искренности моихъ симпатій къ республикѣ и моего усердія ко всему, что способствуетъ ея славѣ и процвѣтанію". Онъ надѣется, добавлялъ онъ, что не будетъ забыта его прежняя дѣятельность и доказательства его приверженности къ Франціи.

Паоли говорилъ правду. Несмотря на свои симпатіи къ англичанамъ, онъ всею душою и всѣмъ сердцемъ сталъ французомъ и отнюдь не стремился къ власти. Онъ былъ пастроенъ конституціонно и уважалъ принципы революціи. Враги его лгали, утверждая, что онъ съ затаенной радостью привѣтствовалъ водворившуюся на Корсикѣ анархію, стараясь извлечь изъ нея для себя пользу.

Тѣмъ временемъ Людовикъ XVI 21-го января жизнью своею искупилъ на эшафотѣ ошибки своихъ предшественниковъ. Нѣсколько дней спустя, 30-го января, Франція объявила войну Англіи. Саличети полагалъ, что теперь можетъ дѣйствовать открыто и въ концѣ января и въ началѣ февраля въ цѣломъ рядѣ рѣчей въ Конвентѣ указалъ на то, что необходимо серьезно подумать о защитѣ Корсики, образующей важный опорный пунктъ на Средиземномъ морѣ. Онъ предостерегалъ французскую націю отъ чрезмѣрнаго довѣрія къ генералу Паоли, такъ какъ послѣдній много лѣтъ получалъ пособія отъ Великобританіи и такъ какъ его старинныя симпатіи къ англичанамъ могли легко послужить во вредъ республикѣ. Онъ предложилъ прежде всего назначить трехъ чрезвычайныхъ комиссаровъ *). Нѣсколько дней спустя онъ настоялъ на распущеніи четырехъ батальоновъ національной гвардіи, преданныхъ, по его мнѣнію, Паоли, и предложилъ сформировать столько же полковъ легкой пѣхоты, но офицеровъ не выбирать, а назначать черезъ посредство исполнительнаго совѣта.

На обвиненія и мѣропріятія правительства Паоли отвѣчалъ точно такъ же, какъ раньше. Предложеніе отправиться во Францію исходило на этотъ разъ отъ комиссаровъ побе-

*) Онъ добился своего избранія однимъ изъ этихъ комиссаровъ.

режья Средиземнаго моря. Арена и на этотъ разъ былъ тутъ замѣшанъ. Паоли отвѣтилъ, что страна, вслѣдствіе опаснаго положенія, въ которомъ она въ данный моментъ находится, не можетъ обойтись безъ своего вождя да, кромѣ того, его возрастъ и недуги не позволяютъ отправиться ему въ морское путешествіе.

Окружающіе Паоли и многочисленные корсиканцы были возмущены обвиненіями противъ ихъ маститаго вождя и еще больше даннымъ 7 февраля распоряженіемъ министра Клавьера, въ которомъ тотъ обвинялъ жителей острова въ нежеланіи принять ассигнаты, въ отказѣ отъ продажи національныхъ земель и въ покровительствѣ священникамъ, не принесшимъ присяги. Министръ считалъ Корсику департаментомъ, приносившимъ государственной казнѣ наименьшій доходъ. Вольнэй, надѣявшійся получить на Корсикѣ высокій постъ, но потерпѣвшій крушеніе и исполненный ненависти къ корсиканцамъ, зашелъ еще дальше. Произнесши въ Конвентѣ безпощадную рѣчь о положеніи на Корсикѣ, онъ написалъ 20 марта въ „Moniteur'ѣ“ статью, выставлявшую въ самомъ черномъ свѣтѣ политическое, соціальное и финансовое положеніе острова. Онъ обрушился въ ней на Паоли, на его правую руку— Поццо ди-Борго и даже на Саличети.

12 февраля комиссары Саличети, Дельше и Лакомбъ Сенъ-Мишель выѣхали изъ Парижа и остановились на нѣсколько дней въ Марселѣ и Ниццѣ и 25 апрѣля прибыли въ Санъ-Фіоренцо, откуда на слѣдующій день достигли Бастіи. Дорогою они узнали, что послѣдняя попытка ихъ предшественниковъ побудить Паоли къ путешествію во Францію окончилась неудачей.

Въ Санъ-Фіоренцо и Бастіи депутаты хотя и были приняты сочувственно населеніемъ и клубами, но арестъ Бартоломео Арена, прибывшаго съ ними изъ Прованса, привелъ скоро къ открытому возстанію. Арену намѣревались уже по приказанію управленія департамента отослать въ Корте, когда товарищи его заявили протестъ, и Аренѣ и другимъ корсиканцамъ была предоставлена свобода.

Паоли, Поццо ди-Борго и директорія департамента были до крайности возмущены такимъ отношеніемъ депутатовъ рес-

публики и обратились съ жалобой къ военному министру, открыто обвинивъ комиссаровъ въ подстрекательствѣ къ безпорядкамъ. Саличети былъ готовъ примириться и заставилъ замолчать тѣхъ, которые видѣли въ Паоли врага республики и высказали подозрѣніе, что онъ собирается обратиться за помощью къ англичанамъ. Вмѣстѣ съ двумя своими товарищами, онъ 10 апрѣля выпустилъ обращеніе къ корсиканцамъ, въ которомъ призывалъ ихъ объединиться и общими усиліями встать на защиту Франціи противъ половины Европы, высказавшейся противъ французской республики. Онъ считалъ наилучшимъ примириться съ Паоли и заставить его разстаться съ ближайшими совѣтниками, особенно же съ Поццо ди-Борго и Перальди. Втайнѣ онъ надѣялся побудить его удалиться отъ дѣлъ. Лишь въ этомъ, по его мнѣнію, былъ единственный выходъ.

Подъ предлогомъ посѣщенія семьи, Саличети отправился въ Корте, гдѣ 13 апрѣля вступилъ съ Паоли въ переговоры, убѣдившіе его въ добрыхъ намѣреніяхъ корсиканскаго вождя и заставившіе увѣровать въ мирное окончаніе спора. Онъ добился даже отъ Паоли обѣщанія, что тотъ поѣдетъ въ Бастію для переговоровъ съ комиссарами и для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ къ объединенію. Вдругъ, точно ударъ грома, поразилъ всѣхъ приказъ правительства арестовать Паоли и Поццо ди-Борго и отправить ихъ немедленно въ Парижъ.

Поводъ къ этому распоряженію подалъ одинъ изъ членовъ семьи Бонапартовъ. Восемнадцатилѣтній, самоувѣренный Люсьенъ, гордый своимъ блестящимъ краснорѣчіемъ и, подобно всѣмъ Бонапартамъ, преждевременно развитой, предалъ Паоли. Оскорбленное самолюбіе и страстное желаніе сыграть какую-либо роль послужили, вѣроятно, причинами этого необдуманнаго шага. Семонвиль, ожидавшій въ Аяччіо своего назначенія при константинопольскомъ дворѣ, обѣщалъ Люсьену взять его съ собою въ Турцію. Однако, его назначеніе посланникомъ было встрѣчено несочувственно султаномъ, и онъ вмѣстѣ съ Люсьеномъ вернулся во Францію. Причина неудовольствія султана новымъ посланникомъ была еще въ то время неизвѣстна Люсьену. Онъ приписывалъ ее Паоли, къ кото-

рому и безъ того не былъ расположенъ, такъ какъ тотъ не назначилъ его своимъ секретаремъ. Вся его злоба поэтому обрушилась на него. Съ юношескимъ пыломъ, необдуманно обвинилъ онъ Паоли въ тулонскомъ „обществѣ республиканцевъ“ въ измѣнѣ отечеству,—въ этомъ онъ кается впослѣдствіи въ своихъ мемуарахъ. Клубъ встрѣтилъ сочувственно рѣчь Люсьена и составилъ адресъ Конвенту, который и былъ прочтенъ 2-го апрѣля депутатомъ департамента Варръ, Эскедью. Эскедье обвинялъ Паоли въ измѣнѣ, взводилъ на него отвѣтственность за неудачу похода сардинской экспедиціи и высказалъ подозрѣніе по поводу его связей съ англичанами. Находясь еще подъ впечатлѣніемъ ошеломляющаго извѣстія о предательствѣ Дюмурье, возбужденный Конвентъ потребовалъ немедленнаго ареста Паоли.

Постановленіе Конвента не терпѣло никакихъ отлагательствъ. Тотчасъ же по полученіи его комиссары Конвента лишили Паоли всѣхъ его должностей, передали начальство надъ двадцать третьей дивизіей генералу Казабіянкѣ и всѣми мѣрами стремились предотвратить недовольство корсиканцевъ.

Негодованію паолистовъ не было предѣловъ! Повсюду директорія департамента старалась парализовать приказанія комиссаровъ Конвента. Большая часть городовъ отошла отъ республики; только въ Кальви, Санъ-Фіоренцо и Бастіи французы еще съ трудомъ держались.

На Аяччіо нельзя было больше и разсчитывать. Мэръ Джіованни Джироламо Леви, родственникъ и другъ Бонапартовъ, былъ замѣненъ Винченцо Гвитера, а всѣ другія власти сторонниками Паоли. Всѣ обратились противъ французовъ и ихъ сторонниковъ, въ особенности же противъ семьи Бонапартъ.

***

Съ теченіемъ времени, вѣроятно, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Саличети, Наполеонъ Бонапартъ измѣнилъ свои взгляды относительно Паоли и корсиканской политики. Онъ пришелъ къ заключенію, что Корсика не можетъ быть самостоятельной и что спасеніе ея лишь въ сліяніи съ Франціей. Его первыя сочиненія, „Lettre à Bouttafoco“ и „Discours de Lyon“ ясно обнаруживаютъ вліяніе Саличети. То, что Наполе-

онъ, несмотря на все, что противъ него говорили, сталъ по своимъ симпатіямъ французомъ, нельзя приписывать только тому обстоятельству, что его отецъ уже былъ расположенъ къ Франціи. Наполеонъ получилъ воспитаніе во Франціи и слился мало-по-малу съ ненавистной для него въ началѣ націей. Его умъ говорилъ ему, что Франція единственное государство, съ которымъ можетъ слиться Корсика, не утративъ своей національной гордости. Его взоръ обращался теперь только къ Франціи, которую онъ долженъ былъ сдѣлать великой, сильной, могущественной!

Разрывъ между Бонапартами, бывшими всѣ однихъ воззрѣній, и паолистами, былъ неизбѣженъ. Паоли былъ прежде расположенъ къ Наполеону, но по причинамъ, которыя слѣдуетъ искать во властолюбивой натурѣ Наполеона, обнаружившейся уже въ ранней молодости, между ними стало замѣчаться все болѣе и болѣе растущее отчужденіе, распространившееся впослѣдствіи и на остальныхъ членовъ семьи Бонапарта. Къ этому присоединились еще и политическія воззрѣнія Бонапарта несомнѣнно прогрессивнаго характера, склонявшагося еще со времени Марбефа къ Франціи.

Послѣ экспедиціи на Маддалену, то-есть, съ начала марта, Наполеонъ находился въ Аяччіо, гдѣ зорко слѣдилъ за ходомъ событій.

Для защиты своихъ интересовъ сторонники Паоли учредили перваго апрѣля въ Аяччіо клубъ, который назывался „клубомъ неподкупныхъ друзей народа“ и уже при основаніи своемъ насчитывалъ до пятисотъ членовъ. Чтобы тѣснѣе сплотить всѣхъ патріотовъ, клубъ этотъ намѣревался слиться съ „Друзьями конституціи“, надѣясь тѣмъ самымъ еще лучше послужить родинѣ. Наполеонъ и сторонники его отнеслись, однако, отрицательно къ этому плану, исходившему отъ ихъ противниковъ, Перальди и Гвитера. Сліяніе клубовъ не состоялось. Пятаго апрѣля мэръ сообщалъ директоріи департамента объ основаніи клуба и принесъ жалобу на Бонапартовъ и ихъ партію, воспротивившуюся сліянію обоихъ обществъ. Ярость паолистовъ возросла тѣмъ болѣе, когда стало извѣстнымъ, что Жозефъ Бонапартъ тайно отправился въ Бастію, для переговоровъ съ

Саличети и что оттуда онъ непрерывно сообщается съ братомъ относительно хода событій.

Въ это время до Аяччіо дошло постановленіе объ арестѣ Паоли. Хотя Наполеонъ и считалъ преждевременнымъ постановленіе Конвента,—онъ не зналъ еще, что ближайшей причиной къ нему послужилъ его братъ Люсьенъ,—онъ все же рѣшилъ оказать Франціи услугу и посовѣтовалъ Конвенту отмѣнить свой декретъ противъ Паоли. Еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, поразившимъ и друзей, и недруговъ, онъ составилъ обращеніе къ клубу въ Аяччіо, которое послѣдній долженъ былъ послать Конвенту. Въ благородномъ негодованіи онъ писалъ:

„Представители! Вы истинный суверенитетъ народа, всѣ ваши распоряженія подсказываются вамъ самимъ народомъ. Всѣ ваши законы—благодѣянія,—потомки отблагодарятъ васъ за нихъ...

Лишь одно распоряженіе омрачило гражданъ Аяччіо: вы призвали на судъ къ себѣ пораженнаго недугами семидесятилѣтняго старца,—его имя было смѣшано на моментъ съ какимъ-то гнуснымъ заговорщикомъ или честолюбцемъ...“ Обращеніе заканчивается словами: „Представители! Паоли больше семидесяти лѣтъ; онъ больной человѣкъ,—иначе онъ бы давно предсталъ предъ вами, чтобъ пристыдить своихъ враговъ. Мы обязаны ему всѣмъ. Онъ всегда будетъ пользоваться нашимъ уваженіемъ. Отмѣните же вашъ декретъ отъ второго апрѣля и возвратите всему народу его гордость и славу. Услышьте же нашъ голосъ, исполненный скорби...“

Одновременно съ этимъ—приблизительно въ концѣ апрѣля—онъ составилъ два обращенія къ городскому управленію Аяччіо, въ которыхъ предлагалъ торжественно подкрѣпить присягу, связывавшую корсиканцевъ съ Франціей. Но, какъ первое, такъ и второе его предложеніе не были приняты, такъ какъ вліяніе Бонапартовъ и сторонниковъ ихъ въ Аяччіо съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе падало.

Отчаянною попыткою,—мы, правда, не знаемъ о ней ничего опредѣленнаго, но во всякомъ случаѣ она бы навѣрное стоила ему очень дорого,—онъ надѣялся Франціи вернуть Корсику. Рѣчь шла ни о чемъ иномъ, какъ о новой попыткѣ

овладѣть цитаделью, довѣренной одному изъ самыхъ ревностныхъ паолистовъ. Именемъ комиссаровъ республики, онъ предложилъ коменданту Колонна-Лекка титулъ генералъ-лейтенанта, если онъ передастъ ему крѣпость. Комендантъ отклонилъ предложеніе, и Бонапартъ воспользовался другимъ, представившимся ему вскорѣ удобнымъ случаемъ, чтобы хитростью достичь своей цѣли.

Со дня объявленія войны Англіи городское управленіе было озабочено приведеніемъ Аяччіо въ состояніе, способное къ оборонѣ, и послѣ различныхъ ходатайствъ получило разрѣшеніе перевезти на берегъ нѣсколько пушекъ съ судна „Le Vengeur“, стоявшаго въ гавани съ самаго начала сардинской экспедиціи. Когда орудія приблизились къ крѣпостному валу, нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Бонапартъ, и члены клуба „Друзей конституціи“, попытались проникнуть въ крѣпость, чему, однако, энергично воспрепятствовалъ губернаторъ. Онъ велѣлъ тотчасъ же поднять мость и воспретилъ приближаться ко рву. По другимъ свѣдѣніямъ, Наполеонъ намѣревался выставить орудія и бомбардировать цитадель, но по совѣту друзей отказался отъ этой дерзкой попытки, которая, въ случаѣ неудачи, должна была повлечь для виновниковъ ея самыя тяжелыя послѣдствія.

Наполеонъ поступилъ бы очень неблагоразумно, если бы продолжалъ оставаться въ Аяччіо. Письмо Люсьена, въ которомъ онъ хвастался братьямъ тѣмъ, что заманилъ Паоли въ ловушку, попало въ руки Паоли, и послѣдній постарался о распространеніи его среди населенія острова. То, что Жозефъ находился въ Бастіи у комиссаровъ французской республики, способствовало еще больше возбужденію населенія. Наполеонъ рѣшилъ поэтому покинуть родной городъ и тоже отправиться въ Бастію.

Второго мая онъ извѣстилъ своего сторонника Санто-Бонелли, прозваннаго Санто-Риччи, чтобы онъ готовился въ путешествіе для сопровожденія его и охраны. Санто-Риччи прибылъ въ тотъ же день вечеромъ, а на слѣдующій день оба они отправились въ Бастію. Когда Наполеонъ прибылъ въ Корте и съ однимъ своимъ родственникомъ, Ариджи, сталъ совѣщаться о положеніи дѣлъ и высказалъ намѣреніе посѣ-

тить Паоли, тотъ категорически отсовѣтовалъ ему это дѣлать, такъ какъ вслѣдствіе письма Люсьена онъ былъ возстановленъ противъ Бонапартовъ и, навѣрное, не остановился бы передъ его арестомъ. Наполеонъ рѣшилъ поэтому тотчасъ же уѣхать: вернуться въ Аяччіо и оттуда моремъ пробраться въ Бастію. Вмѣстѣ со своимъ спутникомъ переночевавъ въ Арка-ди-Виваріо у родственниковъ Бонапартовъ, они благополучно прибыли въ Боконьяно. Наполеонъ отправился къ Тузоли, а спутникъ его къ себѣ домой. Они условились встрѣтиться утромъ въ предмѣстьѣ Корзачи,—Боконьяно состояло изъ нѣсколькихъ такихъ предмѣстій,—и продолжить путь въ Аяччіо.

Тѣмъ временемъ въ Корте распространилось извѣстіе о прибытіи Наполеона, и Паоли послалъ тотчасъ же людей, чтобы арестовать его. Ночью въ Боконьяно прибылъ Маріо Перальди и попросилъ Морелли, въ равной мѣрѣ преданныхъ Паоли, захватить Бонапарта, какъ только онъ покажется въ деревнѣ. На слѣдующее утро они отправились въ харчевню, гдѣ остановился Бонапартъ и арестовали его. Между тѣмъ Санто-Риччи не сидѣлъ сложа руки. Онъ поспѣшилъ къ Вицца Вонна, расположеннымъ къ Бонапарту. Желая спасти Наполеона, они пустились на хитрости. Они попросили Морелли разрѣшить имъ пригласить Наполеона къ завтраку. Морелли согласились, но сами стали на стражѣ передъ дверью дома Вицца Вонна. Во время переговоровъ Санто-Риччи извѣстилъ всѣхъ своихъ друзей и друзей Бонапарта и велѣлъ имъ притти къ дому, въ которомъ завтракалъ Наполеонъ, чтобы помочь въ случаѣ необходимости. Потомъ самъ вошелъ въ домъ, чему Морелли нисколько не воспрепятствовали. Не теряя времени, онъ уговорилъ Бонапарта спуститься по лѣстницѣ въ копюшню, и оттуда они черезъ крохотную калитку незамѣтно вышли на улицу. Тамъ Санто-Риччи ожидали двое молодыхъ энергичныхъ человѣка, и всѣ они вмѣстѣ отправились прямо въ Аяччіо.

Когда они отошли уже на порядочное разстояніе отъ дома, Морелли ихъ замѣтили. Они пустились въ погоню съ криками: „A morte il traditore della patria!“ Но въ этотъ моментъ на помощь подбѣжали Тузоли, окружили паолистовъ, и въ общей свалкѣ Бонапарту и его троимъ спутникамъ удалось незамѣтно

скрыться. Нѣсколько дней спустя онъ, вмѣстѣ съ Санто-Риччи, распрощавшись съ молодыми людьми, изъ Боконьяно прибылъ благополучно въ Аяччіо; прибылъ онъ ночью, чтобы быть незамѣченнымъ. Бонапартъ первымъ дѣломъ отправился къ своему родственнику Джіованни Джироламо Леви. Послѣдній, ради безопасности, принялъ его въ свой домъ, въ которомъ скрывалось уже много надежныхъ вооруженныхъ людей, чтобы быть наготовѣ на случай внезапнаго нападенія паолистовъ. Бонапартъ не былъ, повидимому, озабоченъ. Онъ съ увлеченіемъ бесѣдовалъ съ Маміаной, женою Леви, и провелъ ночь въ большой комнатѣ съ альковомъ. Слѣдующій день прошелъ такъ же спокойно. Лишь вечеромъ получилось извѣстіе, что грозитъ опасность, и было рѣшено ночью отвезти Бонапарта на корабль, который отвезъ бы его въ Бастію. Вдругъ въ дверь раздался оглушительный стукъ. Бонапартъ и вооруженные люди Леви приготовились къ стычкѣ, какъ вдругъ служанка сообщила, что передъ домомъ жандармы. Леви возстановилъ порядокъ и впустилъ жандармскаго унтеръ-офицера. Послѣдній передалъ приказаніе арестовать Наполеона Бонапарта, который находился въ этомъ домѣ. Но голосъ его дрожалъ: по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ очень боялся, такъ какъ матрацы, на которыхъ провели ночь люди, указывали на готовящееся сопротивленіе. Леви прежде всего выразилъ жандарму неудовольствіе за то, что въ домъ къ нему, бывшему мэру, врываются столь безцеремонно позднею ночью. Онъ возмущенъ и предоставляетъ жандармскому унтеръ-офицеру обыскать все, чтобы онъ самъ убѣдился въ нелѣпости своихъ подозрѣній. Видимо успокоенный его заявленіемъ, жандармъ вѣжливо извинился и, выпивъ глотокъ вина, удалился изъ дому.

Медлить больше было нельзя, такъ какъ жандармы могли каждую минуту вернуться. Заднею дверью они прошли въ садъ, а оттуда на набережную, гдѣ лодка уже ожидала Наполеона. Леви вмѣстѣ съ ними отправился на корветъ, который тотчасъ же поднялъ якорь и направился къ Бастіи. Уже на слѣдующее утро въ городѣ распространился слухъ объ отъѣздѣ Наполеона. Сторонники его торжествовали, а враги находились въ крайнемъ смущеніи. 10 мая Наполеонъ высадился въ

Мацинаджіо, а оттуда направился поспѣшно къ комиссарамъ республики.

Тѣмъ временемъ сторонники Паоло не дремали. Всѣми силами старались они отмѣнить тяжкое постановленіе отъ 2 апрѣля,—приказъ объ арестѣ Паоли,—который долженъ былъ навѣки отчудить Корсику отъ Франціи: Паоли самъ написалъ 26 апрѣля обращеніе къ Конвенту, въ которомъ снова излагалъ причины, почему онъ не явился въ Парижъ *). Далѣе, онъ опровергалъ всѣ обвиненія, взводимыя на него и предлагалъ добровольно пойти въ изгнаніе, если личность его препятствуетъ миру между Франціей и его роднымъ островомъ. Въ отвѣтъ на это письмо, прочтенное 16 мая въ Конвентѣ и произведшее большое впечатлѣніе, исполнительный совѣтъ обратился къ комиссарамъ съ предписаніемъ, чтобы они возможно болѣе мягко обходились съ почтеннымъ корсиканскимъ вождемъ и лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ прибѣгли къ насильственнымъ мѣрамъ. 30 мая Конвентъ рѣшилъ послать на Корсику еще двухъ комиссаровъ, Антибуля и Бо. А нѣсколько дней спустя, 5 іюня, отсрочилъ приведеніе въ исполненіе декрета 2 апрѣля.

Но было уже поздно! Оба новыхъ комиссара—имп были назначены умышленно два безпартійныхъ француза, а не корсиканца—были задержаны вслѣдствіе возстанія на югѣ Франціи, въ Марселѣ, и взяты въ плѣнъ. Но даже если бы они могли продолжить свое путешествіе, они все равно пріѣхали бы на Корсику черезчуръ поздно для водворенія мира! Возстаніе распространилось по всей странѣ. На распоряженіе Салиѣети и его двухъ коллегъ Паоли и директорія департамента отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ,—началась открытая война. 26 мая въ Кортe состоялось собраніе депутатовъ корсиканскаго народа, самое многочисленное и значительное изъ всѣхъ собраній на островѣ. Народъ снова провозгласилъ Паоли отцомъ отечества и возстановилъ Поццо ди-Борго въ его дол-

*) Черезъ два года Паоло отправился въ Лондонъ и, несмотря на почтенный возрастъ, такъ хорошо перенесъ трудное морское путешествіе, что прожилъ тамъ еще свыше двадцати лѣтъ. Онъ вполнѣ справедливо боялся предстать передъ революціоннымъ трибуналомъ и быть осужденнымъ на гильотину.

жности генералъ-синдика. Собраніе заявило далѣе, что вѣрная присягѣ Корсика и впредь предана Франціи, но что народъ отказывается повиноваться Салічети, преслѣдующему свои собственные интересы, а также и двумъ другимъ комиссарамъ.

Въ эти дни рѣшилась и участь Бонапартовъ и другихъ враговъ Паоло. Было рѣшено предать вѣчному проклятію и безчестію семью Арена и Бонапартовъ, рожденныхъ въ грязи деспотизма и воспитанныхъ на средства привыкшаго къ роскоши паши (Марбефа)!

Слова не замедлили превратиться въ дѣйствительность. Домъ Бонапартовъ въ Аяччіо, а также и владѣнія нѣкоторыхъ другихъ корсиканцевъ, объявленныхъ врагами отечества, были разграблены и отчасти разрушены. Летиція и дѣти ея, извѣщенные заранѣе о нападеніи на Аяччіо, успѣли, по счастью, спастись и благополучно прибыли 3 іюля въ Кальви.

Въ то время, какъ революція на Корсикѣ шла своимъ чередомъ, Наполеонъ не сидѣлъ сложа руки въ Бастіи. Онъ составилъ планъ защиты пролива Аяччіо и, нѣсколько времени спустя, написалъ проектъ защиты гавани Санъ-Фіоренцо, предложивъ его комиссарамъ. Поглощенный занятіями, составляя непрерывно одинъ планъ за другимъ и окрыленный желаніемъ отомстить врагамъ, онъ напалъ, наконецъ, на мысль овладѣть Аяччіо. Такъ какъ городъ за немногими исключеніями былъ преданъ Франціи, то, по его мнѣнію, было легко прибѣгнуть къ хитрости. Комиссары согласились съ нимъ и тайно подготовленная къ экспедиціи небольшая эскадра съ четырьмястами солдатъ покинула Санъ-Фіоренцо. Кромѣ двухъ комиссаровъ Салічети и Лакомба Сенъ-Мишеля, на кораблѣ находились Наполеонъ и братъ его Жозефъ, одушевленные радужными надеждами. Эскадра состояла всего изъ одного корвета и нѣсколькихъ маленькихъ судовъ; съ такимъ незначительнымъ войскомъ, конечно, нельзя было взять городъ, охраняемый сильными укрѣпленіями,—но они расчитывали, главнымъ образомъ, на внезапное нападеніе, которое должно было повсюду вызвать смятеніе и хаосъ.

Только 29 мая они прибыли въ заливъ Аяччіо. Въ нетерпѣніи получить извѣстія о своей семьѣ Бонапартъ высадился

въ окрестностяхъ города и узналъ отъ вѣрныхъ ему пастуховъ, что домъ его разрушенъ и вся семья спаслась бѣгствомъ. Неудовлетворенный такими извѣстіями, онъ велѣлъ имъ отыскать убѣжище его близкихъ и передать имъ, чтобы они ожидали его у башни Капителло. Вслѣдъ за этимъ онъ снова вернулся на корабль. Черезъ два дня флотъ бросилъ якорь вблизи старой башни. Но, когда первыя суда подошли на разстояніе пушечнаго выстрѣла къ батареямъ, изъ цитадели раздался орудійный залпъ.

Къ такому пріему они были неподготовлены. Они разсчитывали, что большая часть гарнизона тотчасъ же примкнетъ къ войскамъ Конвента, но жестоко ошиблись. Несмотря на сигналы, къ нимъ ночью 31 мая присоединилось лишь небольшое судно. 1 іюня отрядъ солдатъ высадился на берегъ, но уже второго вечеромъ снова вернулся на корабль. Высадка эта, однако, побудила перейти на сторону правительственныхъ войскъ тридцать человѣкъ солдатъ и нѣсколькихъ гражданъ, среди нихъ семью Бонапартъ и аббата Коти. Повелительное обращеніе къ городскому управленію осталось безъ отвѣта. Выпустивъ нѣсколько залповъ, комиссары, убѣдившись въ энергичномъ сопротивленіи гарнизона, подкрѣплявшагося ежедневно народнымъ ополченіемъ, рѣшили двинуться въ обратный путь. 3 іюня флотъ прибылъ въ Кальви, гдѣ Наполеонъ и его близкіе нашли гостепріимство въ семьѣ Джіубега.

Отступленіе было отрѣзано. Они навѣки порвали съ Паоли. Изгнанный со всей своей семьей, лишившись своего дома и всѣхъ своихъ владѣній, Наполеонъ, навѣрное бы, пришелъ въ отчаяніе, если бы уже давно не избралъ своей новой родиной Францію. Всѣ его узы съ Корсикой были навѣки порваны.

Но, прежде чѣмъ навсегда разстаться съ островомъ, — онъ увидѣлъ его впослѣдствіи одинъ только разъ, и то вопреки желанію, возвращаясь изъ Египетскаго похода,—онъ составилъ записку относительно послѣднихъ событій *). Въ этой запискѣ, обращенной противъ Паоли, онъ со всей своей пла-

*) Она была озаглавлена: „Position politique et militaire du département de Corse au 1 juin 1793“.

менной ненавистью обрушивался на человѣка, которому еще такъ недавно поклонялся и котораго считалъ отцомъ и спасителемъ отечества, и нарисовалъ портретъ Паоли самыми черными красками *).

Народные представители рѣшили разстаться. Лакомбъ Санъ-Мишель долженъ былъ остаться въ Бастіи, чтобы защищать городъ противъ паолистовъ, а впослѣдствіи и противъ англичанъ, между тѣмъ какъ Саличети и Дельше отправились въ Парижъ, чтобы лично дать отвѣтъ и испросить помощи. Жозефъ Бонапартъ отправился вмѣстѣ съ ними для передачи временному исполнительному совѣту записки своего брата. Въ лицѣ Саличети Наполеонъ встрѣтилъ вѣрнаго сторонника и, несмотря на протестъ корсиканскихъ депутатовъ, Константини и Феральди,—Паоли, Поццо ди-Борго и другіе важнѣйшіе враги Франціи 17 іюля были присуждены къ изгнанію.

* * *

Роль Наполеона на Корсикѣ была сыграна. Теперь оставалось только извлечь наивозможно больше пользы изъ французской революціи.

Тринадцатаго іюня 1793 года онъ со всѣмъ своимъ семействомъ прибылъ въ Тулонъ. Онъ помѣстилъ ихъ пока что въ сосѣдней деревушкѣ Лавалеттъ, такъ какъ въ самомъ Тулонѣ было не только черезчуръ дорого, но и недостаточно безопасно для бѣглецовъ. Впослѣдствіи же семья переселилась въ Марсель. Самъ Наполеонъ отправился въ Ниццу. Тамъ стояла часть четвертаго полка, главное ядро котораго находилось въ Гренобле. Артиллерійскимъ паркомъ въ Ниццѣ командовалъ только что назначенный полковникъ Дюжаръ.

Случай снова благопріятствовалъ Наполеону. Едва прибылъ онъ въ главную квартиру, какъ, къ великой своей радо-

---

*) Несмотря на эту вражду, Наполеонъ относился къ нему впослѣдствіи съ большимъ уваженіемъ, особенно, когда сталъ консуломъ и императоромъ. Онъ намѣревался даже вызвать Паоли изъ Лондона въ Парижъ, чтобы предоставить ему высокій почетный постъ. Паоли, въ свою очередь, гордился подвигами своего соотечественника и главнымъ образомъ радовался тому, что именно корсиканецъ наказалъ республику Геную,—наслѣдственнаго врага корсиканскаго народа.

сти, встрѣтилъ брата своего бывшаго покровителя въ Оксонѣ, генерала Жана дю-Тейля. Послѣдній былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи итальянской арміи, такъ какъ благоразумно перешелъ на сторону революціи, между тѣмъ какъ братъ его Жанъ Пьеръ, бывшій начальникъ Наполеона, не любилъ республики и окончилъ свою жизнь на эшафотѣ.

Жанъ дю-Тейль вспомнилъ тотчасъ же о мнѣніи своего брата, о молодомъ интеллигентномъ офицерѣ и постарался использовать способности его для своихъ цѣлей. Онъ назначилъ Бонапарта на береговыя батареи, повидимому, въ качествѣ своего адъютанта. По крайней мѣрѣ, въ качествѣ послѣдняго Наполеонъ пишетъ 3 іюля военному министру Бушотту:

„Гражданинъ министръ. До сихъ поръ въ артиллеріи было не принято сооружать пламенныя печи вблизи береговыхъ батарей,—мы довольствовались простыми колосниками и кузнечными мѣхами; такъ какъ, однако, преимущества пламенныхъ печей общеизвѣстны, то генералъ дю-Тейль поручилъ мнѣ обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой прислать чертежи: мы получимъ тогда возможность соорудить на берегу нѣсколько пламенныхъ печей, чтобы сжигать суда деспотовъ!“

Съ другимъ письмомъ въ тотъ же день онъ обратился къ начальнику Тулонской артиллеріи Родъ-де-Барра. Письмо касается той же темы и доказываетъ, какъ и первое, дѣйствительную роль Наполеона на береговыхъ батареяхъ. Но Тейль не долго оставлялъ его тамъ. Нѣсколько дней спустя онъ отдалъ Бонапарту приказъ отправиться въ Авиньонъ. Онъ долженъ былъ принять тамъ орудія и амуницію для итальянской арміи, такъ какъ генералъ имѣлъ основаніе опасаться, что они могутъ попасть въ руки марсельцевъ. Послѣдніе возстаніемъ 31 мая отложились отъ Конвента и взволновали весь югъ.

Въ качествѣ путевыхъ издержекъ капитанъ Бонапартъ получилъ двѣнадцать тысячъ франковъ ассигнаціями. Онъ поѣхалъ, но не сразу исполнилъ свое порученіе, такъ какъ Авиньонъ, Попъ-Сенъ-Эспри и Басъ-Дюрансъ находились въ рукахъ марсельцевъ.

Для подавленія этого возстанія Конвентъ въ началѣ іюля 1793 года послалъ генерала Карто съ небольшимъ отрядомъ.

Наполеонъ въ этой экспедиціи участія не принималъ. Тѣ исторіки, которые ссылаются въ этомъ отношеніи на рукопись нотаріуса Шамбо, сохранившуюся въ Авиньонскомъ архивѣ, утверждаютъ, что Наполеонъ примкнулъ въ Понтэ, куда прибылъ пятнадцатаго іюля, къ отряду Карто, поступивъ подъ начальство батальоннаго командира Дура. Послѣ того, какъ Карто потерпѣлъ пораженіе въ своемъ нападеніи 25 іюля на Авиньонъ и отступилъ отъ города, жена журналиста Турналя, взятая въ плѣнъ марсельцами, прибѣжала взволнованная въ лагерь и сообщила, что федералисты очистили городъ. Заслуга въ этомъ отступленіи враговъ приписывается якобы капитану Бонапарту, такъ какъ онъ выставилъ свои оба орудія на Роше-де-Вильневъ. Замѣтивъ, что нападеніе Карто должно кончиться неудачей, Бонапартъ открылъ огонь по марсельскимъ повстанцамъ. Послѣдніе заняли якобы позиціи на Роше-де-Домъ. Но батарея Бонапарта разрушила непріятельскія орудія и ранила двухъ канониpовъ.

Этотъ подвигъ Наполеона при Авиньонѣ не подтверждается помимо рукописи Шамбо ни однимъ автентичнымъ документомъ. Ни комиссары, ни депутаты не упоминаютъ о немъ въ своихъ письмахъ къ правительству. Да и самъ Наполеонъ не говоритъ объ участіи въ этой экспедиціи ни въ „Ужинѣ въ Бокерѣ“, ни въ своемъ рапортѣ 1794 года, ни въ прошеніи 1795 года къ комитету общественнаго спасенія, ни даже на Святой Еленѣ. Ни Карто, ни Домартенъ, ни Альбитъ, ни Роверъ, никто не упоминаетъ въ своемъ сообщеніи о событіи 25 іюля 1793 года при Авиньонѣ имени Бонапарта; кромѣ того, въ арміи Карто всѣ офицерскія должности были уже замѣщены, и ставится вопросъ, въ качествѣ кого Наполеонъ Бонапартъ могъ принять начальство надъ канонирами Дура.

Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что онъ зорко слѣдилъ за событіями въ Авиньонѣ и изложилъ ихъ затѣмъ самъ подробно въ своемъ сочиненіи „Ужинъ въ Бокерѣ“. Лишь одинъ разъ онъ ошибается. Онъ говоритъ, что аллоброги были въ Вильневѣ. Быть тамъ они не могли, потому что Вильневъ былъ занятъ отрядами Дура. Среди его солдатъ не было ни одного аллоброга. Эта незначительная ошибка служитъ лиш-

нимъ доказательствомъ того, что Наполеонъ не былъ при взятіи Авиньона и не принималъ въ немъ участія.

Послѣ того, какъ Карто ушелъ со всѣмъ своимъ войскомъ въ Марсель, чтобы подавить возстаніе въ самомъ его очагѣ,— Бонапартъ исполнилъ данное ему порученіе и занялся перевозкой амуниціи. Кромѣ того, ему пришла въ голову счастливая мысль описать Конвенту сопротивленіе федералистовъ въ вышеупомянутой брошюрѣ. Онъ озаглавилъ эту брошюру: „Ужинъ въ Бокерѣ“ и постарался въ ней доказать, насколько безполезно и безсмысленно это сопротивленіе. Онъ обращается къ марсельцамъ и передаетъ разговоръ между марсельскимъ купцомъ, нимскимъ гражданиномъ-фабрикантомъ изъ Монпелье и однимъ военнымъ о событіяхъ при Авиньонѣ. Подъ военнымъ слѣдуетъ разумѣть самого Наполеона. Онъ старается доказать своимъ троимъ собесѣдникамъ безумство и безцѣльность возстанія юга противъ Конвента. „Повѣрьте мнѣ,—говоритъ онъ,—стряхните съ себя ярмо тѣхъ злодѣевъ, которые подстрекаютъ васъ къ контръ-революціи! Возстановите свои конституціонныя власти! Возвратите комиссарамъ свободу, чтобы они заступились за васъ въ Парижѣ. Васъ ввели въ заблужденіе. Не впервые уже горсть заговорщиковъ и авантюристовъ сводитъ народъ съ истиннаго пути. Всегда повсюду легковѣріе и невѣжество массъ бывало причиной большинства гражданскихъ войнъ...“ И дальше: „Объединитесь, и армія, не колеблясь ни секунды, пойдетъ къ стѣнамъ Перпиньяна, чтобы заставить танцовать кармаіьолу *) испанца, возгордившагося побѣдами. А Марсель останется навсегда центромъ свободы: придется вырвать изъ исторіи его лишь отдѣльныя страницы“.

Однихъ словъ этихъ достаточно, чтобы понять, съ какой высоты Наполеонъ смотрѣлъ на гражданскую войну. Главной цѣлью его интереснаго сочиненія было, однако, желаніе проложить перомъ путь для арміи. Если ему не пришлось съ мечомъ въ рукахъ принять участія въ подавленіи возстанія, то онъ рѣшилъ помочь хотя бы словами: перо и военная сила должны итти рука объ руку. Онъ на свои средства издалъ

*) Республиканскій танецъ свободы.

брошюрку въ шестнадцать страницъ у типографа Турналя въ Авиньонѣ.

Боязнь, однако, никогда не играть активной роли въ войскѣ, а всегда исполнять лишь такія порученія, какъ послѣднее, въ то время, какъ вокругъ него республиканскій барабанъ призывалъ всѣхъ патріотовъ къ границамъ отечества, побудило Наполеона написать 28 августа 1793 года военному министру Бушоту относительно назначенія въ старшіе лейтенанты. Одновременно съ этимъ онъ просилъ и о должности въ Рейнской арміи. Бушотъ отвѣтилъ молодому артиллерійскому офицеру не самъ, а обратилъ на него вниманіе депутатовъ Альбитта, Эскюдье, Огюстэна Робеспьера и другихъ, написавъ имъ: „Пойдите къ господину Бонапарту; его предложеніе—предложеніе патріота. Если онъ обладаетъ способностями, постарайтесь использовать ихъ и дайте ему возможность себя проявить“.

Тѣмъ временемъ Наполеонъ и самъ уже обратилъ вниманіе депутатовъ своей брошюрой. Особенно Салічети высказался съ воодушевленіемъ за произведеніе своего друга и соотечественника. Вслѣдъ за этимъ она уже на государственный счетъ—въ двадцать страницъ—была отпечатана у военнаго типографа Марка Ореля въ Авиньонѣ и распространена по всему югу.

Впрочемъ, она не достигла желаемаго успѣха. Спустя короткое время „Ужинъ въ Бокерѣ“, эта незначительная чернильная война Наполеона, была позабыта; авторъ же ея вновь отправился въ Ниццу.

ГЛАВА VII.

ТУЛОНЪ.

(Сентябрь—декабрь 1793 года).

Послѣ побѣды радикальныхъ монтаньяровъ надъ Жирондою въ Парижѣ 31 мая 1793 года цѣлый рядъ департаментовъ возсталъ противъ господства якобинцевъ. Но спустя короткое время это сопротивленіе, не исключая и Бордо, Марселя, Ліона и нѣкоторыхъ другихъ городовъ южной Франціи, было подавлено. Жителей Тулона, среди населенія котораго давно уже замѣчалось броженіе, тоже подстрекали къ сопротивленію противъ господства якобинцевъ.

Съ начала 1793 года клубы въ Тулонѣ достигли всей полноты власти. Отъ нихъ зависѣлъ и общинный совѣтъ и директорія департамента,—словомъ, вся гражданская и военная власть, не исключая и морского управленія. Городъ всецѣло подчинился произвольнымъ насильственнымъ мѣропріятіямъ террора. Помимо этого, ему приходилось страдать и отъ войны: гавань блокировали англійскія и испанскія суда и препятствовали какой бы то ни было морской защитѣ. Вслѣдствіе этого и торговля, и промышленность, и всѣ занятія жителей пришли въ полный застой, такъ что городу грозило полное разореніе.

Неожиданно въ Тулонѣ получилось извѣстіе о побѣдѣ страшныхъ монтаньяровъ и о пораженіи Жиронды. Возбужденіе умовъ достигло крайнихъ предѣловъ, и для открытаго возстанія противъ монтаньяровъ нуженъ былъ только какой-нибудь поводъ.

Когда народные представители, Бейль и Бове, вслѣдствіе тревожныхъ вѣстей изъ Тулона и Ниццы, поспѣшили на

мѣсто дѣйствія и попытались прочесть въ секціяхъ новую конституцію,—ихъ освистали, согнали съ трибуны и заключили въ тюрьму. Комиссары Барра и Фреронъ, намѣревавшіеся спустя короткое время пробраться въ Тулонъ въ сопровожденіи генерала Лапойпа, лишь съ трудомъ избѣгли той же участи. Вернувшись въ Ниццу, они предприняли необходимые шаги и просили своихъ коллегъ въ альпійской арміи прислать въ Тулонъ отрядъ въ три тысячи человѣкъ. Начальство надъ нимъ они передали только недавно произведенному въ генералы бывшему художнику Карто, чрезвычайно мужественному, но, къ сожалѣнію, неспособному къ веденію крупныхъ военныхъ операцій. Въ то время главнокомандующій итальянской арміей, генералъ Брюне, долженъ былъ послать три тысячи человѣкъ въ деревню Лавалеттъ. Брюне воспротивился, однако, и былъ за это отрѣшенъ отъ должности и казненъ шестого ноября въ Парижѣ.

Тулонъ былъ охваченъ полнѣйшей реакціей. Городъ былъ готовъ перейти изъ одной тиранніи въ другую, не менѣе тяжелую: къ роялистамъ, которые жестоко мстили насильственными мѣрами своимъ врагамъ, сторонникамъ якобинцевъ. Къ этому присоединилось еще болѣе тяжелое владычество англичанъ и испанцевъ, которые завладѣли вскорѣ всѣмъ общественнымъ управленіемъ.

1 февраля 1793 года Конвентъ объявилъ войну Англіи. 23 числа того же мѣсяца флотъ, подъ начальствомъ генерала Гуда, отплылъ въ Средиземное море и 15 іюля показался впервые передъ Тулономъ. Тѣмъ не менѣе въ то время предложеніе Гуда оказать поддержку тулонцамъ было отвергнуто.

Во главѣ стоявшаго въ Тулонѣ флота находился контръ-адмиралъ графъ Трогоффъ-Керлеси. Вторымъ начальникомъ былъ контръ-адмиралъ Сенъ-Жюльенъ де-Шамбонъ. За исключеніемъ Сенъ-Жюльена все начальство было предано центральному комитету и дѣлу реакціи. Начальники батальоновъ, расположенныхъ въ Тулонѣ, были на сторонѣ новаго положенія вещей. Относительно взглядовъ второго начальника флота, Сенъ-Жюльена, трудно сказать что-либо опредѣленное: да и тогда было неизвѣстно, былъ ли онъ на сторонѣ клуба

или реакціи. Несомнѣнно только то, что онъ питалъ старую, затаенную вражду къ жителямъ Тулона.

Французскій флотъ состоялъ изъ восемнадцати боевыхъ судовъ. Среди нихъ находилось адмиральское судно „Торговля Марселя", со ста восемнадцатью орудіями, считавшееся лучшимъ кораблемъ во всемъ мірѣ,—шесть фрегатовъ, четыре корвета и два бригга.

Провіанта хватало до конца сентября. Согласно постановленію, полученному изъ Парижа, городскому управленію было разрѣшено въ случаѣ необходимости обратиться къ государственнымъ складамъ. Свободная наличность казны доходила до шести милліоновъ двухсотъ тысячъ франковъ, исключая мелкихъ кассъ.

Тулонъ былъ такимъ образомъ снабженъ въ избыткѣ жизненными припасами, такъ что мнѣніе, будто онъ обратился за помощью къ англичанамъ въ виду недостатка жизненныхъ средствъ, совершенно необоснованно. Во время переговоровъ съ англійскимъ адмираломъ центральный комитетъ заявилъ, что провіанта оставалось всего лишь на пять дней. Въ дѣйствительности же только перваго сентября, пять дней спустя послѣ взятія Тулона, англичанами и союзниками были открыты государственные склады.

Путемъ различнаго рода прокламацій 23 августа Гудъ попытался еще разъ воздѣйствовать на населеніе Марселя и Тулона. Обращеніе къ тулонцамъ было доставлено племянникомъ адмирала, лейтенантомъ Кукомъ, который въ ночь съ 23 на 24 прибылъ въ гавань. Въ обращеніи англійскаго адмирала предполагалось поднять королевское знамя, обезоружить находившіяся въ гавани суда, а также предоставить имъ и всѣ форты въ распоряженіе союзниковъ. При заключеніи мира,—Гудъ не преминулъ благоразумно добавить, что его долго ждать не придется,—форты вмѣстѣ съ орудіями, запасами провіанта, также и флотъ будутъ возвращены законному властителю.

На сей разъ обращеніе его встрѣтило больше сочувствія, чѣмъ мѣсяцъ назадъ. Отчасти изъ страха передъ местью Карто, отчасти же въ надеждѣ, что союзники не оставятъ безъ

своей помощи несчастный городъ, тулонцы приняли предложеніе англичанъ.

Подъ предлогомъ приступа подагры Трогоффъ остался на берегу,—въ дѣйствительности же онъ надѣялся на дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ центральнаго комитета. Высшее начальство надъ флотомъ перешло къ помощнику его, контръ-адмиралу Сенъ-Жюльену. Сенъ-Жюльенъ поднялъ адмиральскій флагъ на своемъ суднѣ „Торговля Марселя“ и издалъ приказъ овладѣть фортомъ и мысомъ Сепэ. Вслѣдъ за этимъ онъ съ флотомъ занялъ позицію между фортами Мандріэ и Эгилеттъ и началъ готовиться къ сопротивленію непріятельскому союзному флоту. Это было 26 августа.

Но Сенъ-Жюльенъ не выказалъ той рѣшимости, которая была тутъ необходима. Распропагандированный роялистами экипажъ судовъ былъ въ равной мѣрѣ нерѣшителенъ, и въ то время, какъ большинство внимало обѣщаніямъ подстрекателей, экипажи лишь трехъ судовъ отвергли предложеніе тулонцевъ и поклялись сопротивляться какъ союзникамъ, такъ и городу.

28 августа утромъ состоялся послѣдній военный совѣтъ на адмиральскомъ суднѣ. Онъ долженъ былъ убѣдить Сенъ-Жюльена, что объ успѣшномъ сопротивленіи нечего даже и думать, такъ какъ большинство офицеровъ и большая часть экипажа будетъ на сторонѣ высадки англичанъ. Въ пять часовъ вечера испанскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Лангара показался передъ Тулономъ. Гудъ, ожидавшій только прибытія союзниковъ, высадилъ тысячу пятьсотъ человѣкъ и занялъ, между прочимъ, фортъ Ла-Мальгъ и Сенъ-Луи. Когда затѣмъ на слѣдующій день къ нимъ присоединился англо-испанскій флотъ, состоявшій изъ тридцати одного военнаго корабля, французскій адмиралъ издалъ приказъ: готовиться къ сраженію! Въ началѣ, однако, повиновалось лишь пять судовъ, и только спустя нѣкоторое время ихъ примѣру послѣдовали еще семь.

Сенъ-Жюльенъ понялъ, что всякое сопротивленіе тщетно и немыслимо и сталъ готовиться къ отступленію вмѣстѣ съ республикански-настроенными войсками въ городокъ Ла-Сейнъ, расположенный на берегу, чтобы оттуда соединиться

съ арміей Карто, двигавшейся по направленію къ Тулону. Если необходимо было большое мужество и, главнымъ образомъ, энергичное руководство для того, чтобы побудить населеніе Тулона и флотъ, находившійся между двумя огнями, к другому образу мыслей, то вся сдача Тулона, одного изъ важнѣйшихъ, превосходно защищенныхъ военныхъ портовъ Франціи, должна быть порицаема. Вмѣсто того, чтобы сдаться республиканской арміи, жители Тулона предпочли предаться англичанамъ и испанцамъ въ надеждѣ сдѣлать тѣмъ самымъ первый шагъ къ возстановленію монархіи. Поведеніе главнокомандующаго флотомъ адмирала Трогоффа, игравшаго двойную игру, заслуживаетъ самаго строгаго порицанія. Между тѣмъ Сенъ-Жюльенъ виноватъ значительно менѣе, такъ какъ его могутъ упрекнуть въ крайнемъ случаѣ лишь въ недостаткѣ рѣшимости.

Если бы генералъ Карто со своей карательной экспедиціей нѣсколько болѣе поторопился, то Тулонъ, быть можетъ, не попалъ бы въ руки врага. 25 августа Карто прибылъ въ Марсель, но лишь 29-го, въ день сдачи Тулона союзникамъ, отправился туда во главѣ своихъ шести тысячъ человѣкъ. 31-го его авангардъ занялъ деревушку Олліуль, расположенную въ нѣсколькихъ километрахъ отъ городскихъ фортовъ, но послѣ недолгой стычки былъ отбитъ. Нѣсколько дней спустя, 7 сентября, когда на помощь подошла дивизія Лапойпа отъ итальянской арміи, Карто возобновилъ нападеніе; на этотъ разъ Олліуль, послѣ упорнаго сопротивленія, попала въ руки республиканскихъ войскъ, и Карто разбилъ въ деревушкѣ свою главную квартиру.

Республиканцы имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько болѣе двѣнадцати тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ одна половина была подъ начальствомъ Карто, другая же подъ начальствомъ Лапойпа. Послѣдній, въ началѣ независимый, обложилъ городъ съ сѣвера и востока и былъ отрѣзанъ теперь отъ Карто. Въ концѣ мѣсяца республиканская армія получила подкрѣпленіе въ лицѣ новыхъ тысячи пятьсотъ—двухъ тысячъ человѣкъ; дальнѣйшія подкрѣпленія пришли лишь послѣ окончанія осады Тулона. Если у французовъ недоставало почти всего,—и оружія, и амуниціи, и провіанта,—то все же они

были воодушевлены желаніемъ отомстить злосчастному городу. На сторонѣ же союзниковъ вспыхнули скоро крупныя несогласія между войсками различныхъ національностей.

Въ началѣ сентября союзники насчитывали четыре тысячи испанцевъ, двѣ тысячи англичанъ и тысячу пятьсотъ французовъ, всего, такимъ образомъ, семь тысячъ пятьсотъ человѣкъ. Лучшими солдатами были англичане, а впослѣдствіи и пьемонтцы, которые пришли лишь во время осады вмѣстѣ съ неаполитанцами и другими вспомогательными отрядами. Губернаторомъ Тулона былъ назначенъ англійскій генералъ Гудалль, начальникомъ же войскъ—испанскій адмиралъ герцогъ Гравина.

Въ сраженіи при Олліули у республиканцевъ былъ раненъ начальникъ батальона Кузенъ де-Доммартенъ. Это былъ превосходный офицеръ, и его было необходимо кѣмъ-либо замѣнить. Но въ арміи хорошихъ артиллерійскихъ офицеровъ было очень мало.

Въ это время, 16 сентября, Бонапартъ находился въ Марселѣ, гдѣ собиралъ обозъ для итальянской арміи. Возвратясь въ Ниццу, онъ явился на главную квартиру Боссе, гдѣ посѣтилъ своего друга и соотечественника Салічети. Послѣдній предложилъ ему тотчасъ же мѣсто Доммартена и Бонапартъ согласился. Свидѣтельство Салічети, написавшаго 26 сентября 1793 года письмо комитету общественнаго спасенія:— „Рана Доммартена лишила насъ начальника артиллеріи, но на помощь намъ пришелъ случай, мы встрѣтили гражданина Боунапарте, чрезвычайно освѣдомленнаго артиллерійскаго капитана, намѣревавшагося отправиться въ итальянскую армію, и приказали ему занять мѣсто Доммартена“, — подтверждается донесеніемъ Гаспарена и самимъ Наполеономъ.

По другой версіи, Салічети и Гаспарену было поручено прислать изъ Марселя подходящаго артиллерійскаго офицера. Случайно они встрѣтили на улицѣ Жозефа Бонапарта и вмѣстѣ съ нимъ стали искать Наполеона и нашли его, наконецъ, въ клубѣ. Въ ближайшемъ кафе они съ трудомъ убѣдили его занять свободную должность начальника артиллеріи; онъ согласился на это послѣ продолжительнаго размышленія, такъ

какъ былъ чрезвычайно невысокаго мнѣнія о военныхъ способностяхъ Карто.

До прибытія Бонапарта въ республиканской главной квартирѣ не было опредѣленнаго мнѣнія на счетъ того, какимъ образомъ лучше всего взять Тулонъ. Карто былъ склоненъ стать во главѣ небольшого отряда и вселить воодушевленіе въ подчиненныхъ ему солдатъ, но онъ абсолютно не понималъ значенія и роли артиллеріи, такъ какъ предполагалъ, какъ впослѣдствіи самъ признавался, взять Тулонъ тремя направленными на крѣпость штурмовыми колоннами, исключительно при помощи пѣхоты.

Съ тѣхъ поръ, однако, какъ Наполеонъ Бонапартъ принялъ на себя начальство надъ артиллеріей, осада и бомбардировка Тулона вступили на правильный путь.

Роль Наполеона въ осадѣ этой крѣпости не всегда подвергалась вѣрной оцѣнкѣ. По мнѣнію однихъ, вся заслуга принадлежитъ ему; по другой же версіи, главнымъ образомъ, его враговъ и завистниковъ, его участіе ограничивалось второстепенными незначительными операціями. То и другое мнѣнія ложны, и какъ всегда, болѣе всего справедлива золотая середина.

Несомнѣнно одно, что чрезвычайно богато одаренный молодой артиллерійскій офицеръ произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе на своихъ начальниковъ и товарищей. Даже тѣ, которые лишь короткое время находились вмѣстѣ съ нимъ передъ Тулономъ, унесли съ собою неизгладимое впечатлѣніе объ его талантахъ. Такъ, генералъ Доппэ четыре года спустя пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „Съ радостью могу я сказать, что этотъ молодой офицеръ (Бонапартъ), ставшій теперь побѣдителемъ Италіи, совмѣщалъ въ себѣ съ многочисленными способностями рѣдкую отвагу и неутомимую энергію. При всѣхъ своихъ объѣздахъ арміи, какъ передъ поѣздкой въ Тулонъ, такъ и потомъ, я постоянно находилъ его на посту. Нуждаясь въ короткомъ отдыхѣ, онъ закутывался въ плащъ и ложился на землю: никогда не покидалъ онъ батарей!“

Даже Барра, который отрицаетъ за Наполеономъ какую бы то ни было самостоятельную роль во взятіи Тулона и вообще считаетъ себя единственнымъ создателемъ величія Наполеона,

не могъ, однако, отрицать неутомимой энергіи, мужества и храбрости молодого артиллерійскаго офицера. Небольшой, худощавый, на первый взглядъ слабый корсиканецъ, со своею

Бонапартъ передъ Тулономъ. (По современной гравюрѣ).

сильною, всепобѣждающею волей, возбуждалъ въ немъ восхищеніе. Развивавшійся передъ его глазами военный геній, проницательный взглядъ, не знавшій ошибокъ и безстрашная отвага Бонапарта кажутся Барра чудомъ.

Свидѣтельства о молодомъ Бонапартѣ могутъ быть умножены до безконечности. Въ январѣ 1797 года генералъ Ан-

дрессе, не бывшій, правда, при Тулонѣ, но состоявшій въ тѣсной дружбѣ съ генераломъ Дюгоммье, говоритъ въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ директоріи о Бонапартѣ: „Артиллеріи принадлежитъ честь его блестящей карьеры, онъ былъ простымъ капитаномъ, когда вырвалъ Тулонъ изъ рукъ англичанъ“.

* * *

Тулонъ расположенъ на сѣверо-востокѣ большой полукруглой бухты, защищенной на сѣверѣ холмомъ Фарономъ, увѣнчаннымъ фортами, на западѣ же и на востокѣ болѣе или менѣе удобно расположенными, но сильными фортами и укрѣпленіями. Чтобы заставить сдаться Тулонъ, нужно было только отрѣзать союзный флотъ, стоявшій на якорѣ въ гавани, у входа въ городъ. Флотъ снабжалъ городъ и войскомъ, и провіантомъ. Лишившись этого важнѣйшаго опорнаго пункта и будучи предоставлена самой себѣ, крѣпость не могла бы оказать продолжительнаго сопротивленія. Нужно было овладѣть западнымъ берегомъ полуострова Ле-Керъ и оттуда уже забросать гавань и городъ горящими бомбами, чтобы заставить отчалить англо-испанскій флотъ.

Наполеонъ Бонапартъ первый понялъ это. Другіе потомъ высказали ту же мысль, но онъ первый съ проницательностью, повергшей въ изумленіе комиссаровъ Конвента Гаспарена и Салицети, приступилъ тотчасъ же къ мѣропріятіямъ, которыя были необходимы для достиженія его цѣли.

„Съ этого момента“,—пишетъ Мармонъ въ своихъ мемуарахъ,—„все дѣлалось по его (Бонапарта) распоряженіямъ или подъ его вліяніемъ. Онъ составилъ тотчасъ же списокъ необходимыхъ мѣропріятій, указалъ на нужныя средства, привелъ все въ движеніе и черезъ недѣлю пріобрѣлъ уже огромное вліяніе на комиссаровъ Конвента“.

14 ноября 1793 года (24 брюмера II года) Бонапартъ развилъ военному министру Бушотту свой планъ взятія Тулона:

„Гражданинъ-министръ, планъ взятія Тулона, который я представилъ генераламъ и комиссарамъ Конвента, единственный, по моему мнѣнію, возможный. Если бы онъ съ са-

маго начала былъ приведенъ въ исполненіе, мы бы, вѣроятно, были теперь уже въ Тулонѣ...

„Выгнать врага изъ порта—первая цѣль всякой планомѣрной осады. Можетъ быть, эта операція дастъ намъ Тулонъ. Я коснусь обѣихъ гипотезъ.

„Чтобы овладѣть гаванью, нужно взять, прежде всего, фортъ Эгилеттъ.

„Овладѣвъ этимъ пунктомъ, необходимо бомбардировать Тулонъ изъ восьми или десяти мортиръ. Мы господствуемъ надъ возвышенностью Аренъ, не превышающей девятисотъ туазовъ, и можемъ подвинуться еще на восемьсотъ туазовъ, не переходя рѣки Невъ. Одновременно съ этимъ мы выдвинемъ двѣ батареи противъ форта Мальбускэ и одну противъ Артигъ. Тогда, быть можетъ, врагъ, сочтя свое положеніе въ гавани потеряннымъ, будетъ бояться, съ минуты на минуту, попасть въ наши руки и рѣшитъ отступить.

„Какъ вы видите, планъ этотъ чрезвычайно гипотетиченъ. Онъ былъ бы хорошъ мѣсяцъ назадъ, когда непріятель не получалъ еще подкрѣпленія. Въ настоящее время возможно, что даже, если флотъ будетъ принужденъ выйти изъ гавани, гарнизонъ выдержитъ продолжительную осаду.

„Тогда обѣ батареи, которыя мы направимъ противъ Мальбускэ, будутъ подкрѣплены еще третьей. Мортиры, бомбардирующія три дня Тулонъ, должны будутъ обратиться противъ Мальбускэ, чтобы разрушить его укрѣпленія. Фортъ не окажетъ и сорока восьми часовъ сопротивленія, ничто не будетъ намъ больше препятствовать подвинуться къ самымъ стѣнамъ Тулона.

„Мы будемъ штурмовать съ той стороны, гдѣ находятся рвы и валъ арсенала. Тѣмъ самымъ, подъ прикрытіемъ батарей на Мальбускэ и на возвышенности Аренъ, мы вступимъ во вторую линію.

„Въ этомъ движеніи намъ будетъ много препятствовать фортъ Артигъ, но четыре мортиры и шесть орудій, которыя при началѣ штурма поднимуться туда, откроютъ жаркій огонь...“

Наполеонъ былъ первымъ, который, искуснымъ размѣщеніемъ и созданіемъ осадной артиллеріи, не существовавшей до него, осуществилъ свои идеи, и тѣмъ самымъ

принялъ живѣйшее участіе въ конечномъ паденіи Тулона. Прибывъ къ Тулону, онъ нашелъ лишь тринадцать орудій, среди нихъ двѣ мортиры, которыя безъ всякаго разбора употреблялись противъ непріятельскихъ фортовъ. Благодаря его благоразумію, осадная артиллерія уже 14 ноября состояла изъ пятидесяти трехъ орудій и крупныхъ мортиръ, изъ числа которыхъ тридцать были уже установлены на батареяхъ. Геній Бонапарта и его неутомимая дѣятельность сумѣли найти вспомогательныя средства тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего ожидали. Къ выше цитированному письму къ Бюнотту приложено донесеніе, въ которомъ онъ пишетъ:

„Я послалъ въ Ліонъ, въ Бріансонъ и въ Гренобль интеллигентнаго офицера, котораго выписалъ изъ итальянской арміи, чтобы раздобыть изъ этихъ городовъ все, что можетъ принести намъ какую-либо пользу.

„Я испросилъ у итальянской арміи разрѣшенія прислать орудія, ненужныя для защиты Антиба и Монако... Я досталъ въ Марселѣ сотню лошадей.

„Я выписалъ отъ Мартига восемь бронзовыхъ пушекъ...

„Я устроилъ паркъ, въ которомъ изготовляется порохъ, шанцевыя корзины, плетеныя загражденія и фашины.

„Я потребовалъ лошадей изъ всѣхъ департаментовъ, изъ всѣхъ округовъ и ото всѣхъ военныхъ комиссаровъ отъ Ниццы до Валанса и Монпелье.

„Я получаю изъ Марселя ежедневно по пяти тысячъ мѣшковъ съ землею и надѣюсь, что скоро у меня будетъ нужное количество ихъ...

„Я принялъ мѣры къ возстановленію литейнаго завода въ Арденнахъ и надѣюсь, что черезъ недѣлю у меня будутъ уже картечь и ядра, а черезъ недѣли двѣ—и мортиры.

„Я устроилъ оружейныя мастерскія, въ которыхъ исправляется оружіе...

„Гражданинъ-министръ! Вы не откажетесь признать хотя бы долю моихъ заслугъ, если узнаете, что я одинъ руковожу какъ осаднымъ паркомъ, такъ и военными дѣйствіями и арсеналомъ. Среди рабочихъ у меня нѣтъ ни одного даже унтеръ-офицера. Въ моемъ распоряженіи всего пятьдесятъ канонировъ, среди которыхъ много рекрутовъ“.

За его исключительную дѣятельность, проявившуюся съ самаго начала осады и для того, чтобы придать больше вѣса его распоряженіямъ, комиссары 29 сентября представили капитана Бонапарта къ чину начальника батальона; назначеніе пришло въ Тулонъ 18 октября *).

Главное вниманіе его было устремлено на взятіе форта Эгилеттъ, господствовавшаго съ запада надъ входомъ въ гавань. Предварительно, однако, нужно было взять расположенныя на берегу укрѣпленія мѣстечка Ле-Керъ, которое только недавно было укрѣплено фортомъ Мюльграномъ, называемымъ также „Маленькимъ Гибралтаромъ“. Въ теченіе сентября были воздвигнуты батареи „Монтань“ и „Санкюлотъ“, облегчившія взятіе Ла-Сейна. 21 сентября мѣстечко это попало въ руки республиканцевъ, и уже на слѣдующій день была предпринята первая вылазка противъ форта Эгилеттъ и Балагье, окончившаяся, однако, неудачей.

Къ великой досадѣ генерала Карто, Бонапартъ дѣйствовалъ всецѣло по собственному усмотрѣнію и не исполнялъ, правда, съ разрѣшенія комиссаровъ, часто безсмысленные приказы генерала. Карто лишь съ презрительной улыбкой или качаніемъ головы относился къ ребяческимъ, по его мнѣнію, представленіямъ о стратегіи молодого артиллерійскаго офицера. Его съ трудомъ удалось убѣдить въ справедливости плана Наполеона, особенно же согласиться на взятіе Ла-Керя. Но Бонапартъ настаивалъ на своемъ мнѣніи, взялъ въ руки карту, указалъ пальцемъ на фортъ Эгилеттъ и сказалъ категорическимъ тономъ: „Здѣсь Тулонъ!“ Карто снисходительно улыбнулся, толкнулъ локтемъ стоящаго рядомъ съ нимъ комиссара и замѣтилъ: „Небольшія же у него познанія въ географіи“. Бонапартъ былъ день и ночь занятъ собираніемъ необходимаго осаднаго матеріала изъ сосѣднихъ городовъ и мѣстечекъ, улучшеніемъ своего артиллерійскаго парка и воздвиганіемъ новыхъ батарей, которыя, прежде всего, имѣли своею цѣлью взятіе Эгилеттъ. По его приказанію, выросли батареи „Врегаръ“, „Саблеттъ“ и „Грандъ-Радъ“, ко-

*) Оба комиссара Гаспаренъ и Саличчети нѣсколько дней спустя назначили Бонапарта „adjutant-général, chef de brigades“.

торыя всѣ обстрѣливали фортъ Мюльгравъ, воздвигнутый лишь во время осады для прикрытія Эгилетть и отчасти также судовъ, стоявшихъ на якорѣ около берега.

Передъ англійскимъ редутомъ Наполеонъ воздвигъ три батареи; наибольшей опасности отъ англійскаго огня подвергалась знаменитая батарея „Безстрашныхъ“, на устройство которой Картонизи что не хотѣлъ дать своего согласія, такъ какъ полагалъ, что она не сможетъ оказать сопротивленія. На сей разъ онъ былъ не совсѣмъ не правъ: едва была воздвигнута батарея, какъ англійскія военныя суда и фортъ Мюльгравъ обрушились на нее такимъ огнемъ, что прислуга отказалась оставаться на своемъ посту. Бонапартъ прибѣгъ къ хитрости, которая такъ часто оказывала ему услугу въ его дальнѣйшихъ походахъ. Онъ велѣлъ поставить на батареѣ столбъ съ надписью: „Батарея безстрашныхъ“, и къ ней стали стекаться самые храбрые, такъ какъ каждому было лестно обслуживать эту батарею.

Въ концѣ сентября генералъ Лапойпъ, разбивши свою главную квартиру къ сѣверо-востоку отъ Тулона, въ Сольфаріедъ и оттуда почти самостоятельно производившій свои операціи противъ крѣпости, получилъ приказаніе овладѣть береговыми укрѣпленіями на востокѣ, главнымъ же образомъ, фортомъ Кань-Брюнъ, служившимъ ключомъ къ большому форту Ла-Малыгъ, господствовавшему надъ внѣшнимъ рейдомъ. Лапойпъ, однако, считалъ нужнымъ произвести 1 октября нападеніе на Монъ-Фаронъ, чтобы въ день офиціальнаго провозглашенія Людовика XVII въ Тулонѣ нанести рѣшительный тяжелый ударъ.

Съ тремя колоннами поднялся онъ 1 октября на возвышенность и укрѣпился тамъ. Опьяненный побѣдой, за недостаткомъ бумаги написалъ онъ на ассигнаціи: „Республиканскія войска только-что взяли Монъ-Фаронъ, укрѣпленія и редутъ“, и послалъ донесеніе главнокомандующему. Но недолго, однако, онъ праздновалъ свою побѣду, такъ какъ англійскій генералъ Мюльгравъ и испанскій адмиралъ Гравина поспѣшно собрали нѣсколько батальоновъ и уже къ вечеру снова овладѣли позиціей. Только своимъ родственнымъ отношеніямъ съ комиссаромъ Фрерономъ Лапойпъ обязанъ тѣмъ, что его непо-

слушаніе не обошлось гораздо дороже. Карто лишилъ его тотчасъ же начальствованія, но комиссары возстановили его скоро въ правахъ. Ободренные успѣхомъ на Монъ-Фаронѣ, осажденные рѣшались на вылазки. Особенно замѣчательной была вылазка 14 октября, когда республиканскій лагерь торжествовалъ побѣду надъ городомъ Ліономъ, тоже возставшимъ противъ Конвента. Генералъ лордъ Мюльгравъ выступилъ съ тремя тысячами человѣкъ подъ прикрытіемъ батареи форта Мальбускэ и предпринялъ смѣлую вылазку къ сѣверо-западу. Эта вылазка была отбита республиканскими войсками съ помощью Бонапарта.

На слѣдующій день Лапойпъ произвелъ нападеніе на Капъ-Брюнъ, которое окончилось для него столь же неблагопріятно, какъ и штурмъ Монъ-Фарона 1 октября.

Положеніе Карто становилось все болѣе и болѣе непрочнымъ. Почти каждый день комиссары писали въ Парижъ, требуя отозванія генерала Карто. Съ своей стороны жаловался на депутатовъ и Лапойпа, который издѣвается надъ нимъ, дѣйствуя самостоятельно, и не повинуется его приказаніямъ. Бонапартомъ Карто былъ тоже болѣе, чѣмъ недоволенъ: тотъ тоже дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію. Жена Карто, находившаяся въ лагерѣ, оцѣнивала, повидимому, заслуги молодого артиллерійскаго офицера значительно больше, чѣмъ ея мужъ, такъ какъ защищала его и говорила: „Предоставь молодому человѣку полную свободу, онъ знаетъ больше тебя. Онъ тебя ни о чемъ не спрашиваетъ, но даетъ тебѣ отчетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Слава достанется тебѣ одному! Если же онъ сдѣлаетъ промахъ, виноватымъ окажется онъ!“ При постоянномъ стремленіи Наполеона награждать лицъ, игравшихъ въ его жизни какую-либо роль, бывшихъ ему чѣмъ-либо полезными или хотя бы только встрѣчавшихся съ нимъ и не приносившихъ ему никакого вреда, — онъ не забылъ и Карто. Во время Имперіи онъ предоставилъ ему доходное мѣсто, а послѣ смерти генерала къ злосчастный 1813 годъ онъ вспомнилъ и о вдовѣ: 20 декабря 1813 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до крушенія Имперіи, онъ назначилъ ей пенсію въ три тысячи франковъ.

Но, наконецъ, часъ генерала пробилъ. Карто 7 декабря

Батарея „Сапкюлотть“. (По рисунку Гранэ).

покинулъ армію, чтобы принять начальствованіе надъ итальянскимъ войскомъ. До прибытія вновь назначеннаго главнокомандующаго Дюпю власть перешла къ Лапойпу, и онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней съ 5 по 12 ноября пользовался всеобщимъ уваженіемъ солдатъ. Дюпю былъ немного болѣе способенъ къ начальствованію надъ арміей, чѣмъ его предшественникъ. Онъ промѣнялъ свою бывшую профессію врача на литературу и сталъ извѣстенъ въ 1785 году изданіемъ мемуаровъ, приписываемыхъ мадамъ де-Варренъ. Наполеонъ ставилъ его по имени, такъ какъ въ Валансѣ читалъ исповѣдь Руссо, а также вышеупомянутое произведеніе Дюпю. Благодаря революціи Дюпю, какъ и многіе другіе, довольно незаслуженно возвысился до генеральскаго чина въ арміи и скончался неожиданно,—впрочемъ, вопреки своему желанію—главнокомандующимъ осадной арміею передъ Тулономъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней своего начальствованія ему улыбалось счастье: ему удалось нанести рѣшительный ударъ городу,—вѣрнѣе, форту Балагье, бывшему вмѣстѣ съ Эгилетъ ключомъ къ крѣпости. Дюпю и Бонапартъ, приписывавшіе себѣ главную заслугу этого дня, руководили штурмомъ. Лишь умѣлому сопротивленію англійскаго генерала О'Гарра, слѣдившему съ адмиральскаго судна за движеніями республиканской арміи, удалось отразить этотъ штурмъ.

Наполеонъ былъ внѣ себя, что штурмъ окончился неудачей, хотя и ставилъ послѣднюю въ вину одному Дюпю, который велѣлъ подать сигналъ къ отступленію, когда увидѣлъ, что одинъ изъ его генераловъ палъ. Въ бѣшенствѣ, съ налитымъ кровью лицомъ, — онъ былъ раненъ въ лобъ,—онъ галопомъ помчался къ Дюпю и закричалъ въ возмущеніи: „Мы потеряли Тулонъ! Какой-то мазила велѣлъ трубить отступленіе!“ И не только Бонапартъ, но и солдаты кричали: „Неужели нами всегда будутъ командовать живописцы и доктора?“, говорили они.

16 ноября прибылъ, наконецъ, Дюгомье, на котораго, благодаря его выдающимся подвигамъ въ итальянской арміи, правительство возлагало большія надежды, и принялъ главное начальство надъ арміей, которое и сохранилъ до конца осады. Почти одновременно съ Дюгомье прибылъ въ глав-

пую квартиру артиллерійскій генералъ Жанъ дю-Тейль, а нѣсколько дней спустя, майоръ Мареско. Въ концѣ ноября и въ началѣ декабря прибыли еще многочисленные отряды и довольно значительный осадный матеріалъ, такъ что число осаждавшихъ простиралось скоро уже до тридцати пяти тысячъ человѣкъ

Въ короткое время Дюгомье снискалъ довѣріе солдатъ и возстановилъ дисциплину. Онъ, повидимому, призналъ вскорѣ значеніе Бонапарта и предоставилъ ему возможно болѣе полную свободу дѣйствій. Однажды молодой офицеръ, заваленный работами по артиллеріи, обѣдалъ за столомъ генерала. „Возьми,—сказалъ ему Дюгомье, подавая блюдо мозговъ,—возьми, это тебѣ пригодится“.

Дю-Тейль принялъ на себя главное начальствованіе надъ артиллеріей и Бонапартъ былъ назначенъ его помощникомъ. Генералъ провѣрилъ распоряженія своего предшественника, но могъ только одобрить мѣропріятія Наполеона. Если дю-Тейль номинально и былъ главою артиллеріи, то все же Бонапартъ пользовался, повидимому, полной свободой, по крайней мѣрѣ, относительно рѣшительныхъ операцій на полуостровѣ Ле-Керъ и передъ фортомъ Мальбускэ. Дю-Тейль жаловался часто, что въ арміи такъ мало артиллерійскихъ офицеровъ: „Насъ только двое,—добавлялъ онъ обычно,—Бонапартъ и я. Если съ нами случится какое-нибудь несчастье, насъ никто не сможетъ замѣнить. Придется снять осаду, или же она затянется на неопредѣленное время“.

По своемъ прибытіи Доппэ нѣсколько разъ созывалъ совѣщанія, обсуждавшія различные проекты взятія Тулона. Такъ какъ планъ Бонапарта совпадалъ съ намѣреніями самого Доппэ, то комитетъ общественнаго спасенія въ Парижѣ рѣшилъ совмѣстить оба плана. Въ концѣ-концовъ было рѣшено слѣдующее:

1. Произвести нападеніе на фортъ Мюльгравъ и взять затѣмъ форты Эгилеттъ и Балагье.

2 и 3. Подвергнуть бомбардировкѣ Мальбускэ и мысъ Брюнъ, чтобы отклонить вниманіе врага.

4. Овладѣть Монъ-Фарономъ.

5. Выставить между батареями Мальбускэ и фортомъ Монтань сильныя мортиры и забросать городъ бомбами, чтобы вызвать въ немъ панику и смятеніе.

Въ теченіе мѣсяца Бонапартъ воздвигъ снова нѣсколько батарей, среди которыхъ слѣдуетъ отмѣтить одну, носившую названіе „Конвентъ“. Ея орудія причинили форту Мальбускэ значительный вредъ. Ночью съ 27 на 28 ноября она открыла огонь, и уже на слѣдующій день О'Гара созвалъ военный совѣтъ, обсуждавшій вопросъ о взятіи этой батареи. Главное начальство надъ отрядомъ въ двѣ тысячи четыреста человѣкъ и тысячью двумястами резерва онъ поручилъ генералу Дюнда, но самъ все же, несмотря на свое положеніе губернатора крѣпости, захотѣлъ присутствовать при нападеніи. 13 ноября войско двинулось, перешло Невъ и поднялось на возвышенность Аренъ. Тамъ послѣ непродолжительной стычки они овладѣли батареей, Карто заколотилъ орудія и взялъ въ плѣнъ всѣхъ тѣхъ, кто не успѣлъ спастись бѣгствомъ. Вмѣсто того, однако, чтобы, достигнувъ цѣли, подождать новыхъ приказовъ или испросить ихъ, генералъ Дюнда не могъ воспрепятствовать тому, что солдаты разсѣялись и начали грабить. Когда О'Гара это замѣтилъ, онъ вскочилъ на лошадь, собралъ около тысячи человѣкъ и бросился преслѣдовать французовъ. Это было его гибелью. Дюгомье съ своей стороны тоже поспѣшилъ на помощь. Ему удалось остановить бѣглецовъ, и подкрѣпивъ ихъ нѣсколькими батальонами свѣжаго войска, онъ отбилъ англичанъ. Въ этой стычкѣ въ руки побѣдителей попалъ О'Гара, назначенный вмѣсто Гудаля губернаторомъ Тулона. Сильная потеря крови, вслѣдствіе легкаго ранепія, настолько ослабила тучнаго генерала, что онъ долженъ былъ присѣсть у стѣны и былъ, такимъ образомъ, застигнутъ подступившимъ врагомъ. Помимо семнадцати другихъ офицеровъ, раздѣлившихъ участь О'Гара, союзники потеряли убитыми и ранеными около четырехсотъ человѣкъ. Потери республиканцевъ были значительно меньше.

Въ этой побѣдѣ принималъ участіе и молодой Бонапартъ. 1 декабря 1793 года (11 фримера II года) Дюгомье пишетъ

военному министру: „Я не могу нахвалиться поведеніемъ тѣхъ моихъ помощниковъ, которые захотѣли сражаться. Среди наиболѣе отличившихся и энергично помогавшихъ мнѣ собрать войско и напасть на врага, я считаю своимъ долгомъ назвать въ особенности гражданина Бонапарта, начальника артиллеріи, и полковыхъ командировъ Арену и Червони“.

Такую же похвалу Бонапартъ услыхалъ и отъ депутата Саличети, который сообщилъ своимъ коллегамъ объ исключительной храбрости республиканскихъ войскъ передъ Тулономъ и не забылъ упомянуть и о Бонапартѣ: „Словами описать храбрость нашего войска почти невозможно... наши солдаты творили бы чудеса, если бы имѣли достаточно офицеровъ. Дюгомье, Гарнье, Мурэ и Бонапартъ вели себя превосходно“.

Въ теченіе декабря къ Тулону подошли новыя значительныя подкрѣпленія, и такъ какъ тамъ и сямъ обнаруживались признаки утомленія и упадка дисциплины, то Дюгомье рѣшилъ нанести непріятелю рѣшительный ударъ до наступленія холоднаго времени года.

28 ноября планъ штурма былъ утвержденъ, и 11 декабря въ Олліули состоялся послѣдній военный совѣтъ. Главныя силы должны были быть обращены на фортъ Мюльгравъ, расположенный на полуостровѣ Ле-Керъ. 14 декабря всѣ батареи открыли канонаду, особенно же тѣ, что стояли ближе къ форту. 15 и 16 артиллерійская борьба по всей линіи продолжалась, а въ ночь на 17 декабря двинулись три колонны въ семь тысячъ человѣкъ изъ Ла-Сейна. Но, несмотря на начальные успѣхи, сила нападенія была ослаблена, и Дюгомье вскричалъ въ отчаяніи: „Я погибъ!“ Онъ намѣревался уже вызвать резервъ, но въ это время приблизился Бонапартъ съ Мупрономъ во главѣ резервной колонны. Соединенными усиліями удалось, наконецъ, подняться на послѣднія непріятельскія укрѣпленія, сломивъ отчаянное сопротивленіе союзниковъ. Теперь оставалось еще занять береговые форты Эгилеттъ и Балагье. Но, прежде чѣмъ французы приступили къ ихъ штурму, союзники очистили ихъ, такъ какъ ихъ безъ форта Мюльграва удержать было почти немыслимо.

Участь Тулона должна была рѣшиться въ теченіе нѣсколькихъ дней. Бонапартъ предсказалъ паденіе города, но генералы и комиссары не вѣрили еще въ близкое достиженіе своей цѣли. Послѣ взятія фортовъ на полуостровѣ Ле-Керь, Наполеонъ отправился на батарею „Конвентъ“, чтобы дѣятельнѣе взяться за бомбардировку Мальбуске. Тѣмъ временемъ восточная армія во главѣ съ Лагойномъ возобновила свой штурмъ Мопъ-Фарона и, наконецъ, укрѣпилась на высотахъ.

Взятіе острова стало извѣстнымъ въ городѣ въ 4 часа утра 17 декабря. Былъ созванъ тотчасъ же военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Гуда, на которомъ было рѣшено очистить городъ, такъ какъ форты снова взять невозможно, а Тулонъ, вслѣдствіе этого, держаться дольше не можетъ.

Въ ночь съ 17 на 18 неаполитанцы безъ особаго приказа покинули фортъ Мисьесси, заколотивъ предварительно орудія. Мальбуске, занятый испанцами и оказавшій столь упорное сопротивленіе французамъ, долженъ былъ быть также очищенъ, такъ какъ не могъ держаться безъ расположеннаго позади форта Мисьесси. Англичане, съ своей стороны, очистили фортъ Фаронъ и взорвали на воздухъ два другихъ форта, расположенныхъ впереди: Де-Поммэ и Сенъ-Андро. Всѣ остальные, кромѣ большого форта Ла-Малыгъ, который долженъ былъ прикрывать отступленіе союзниковъ на суда, были очищены вечеромъ 18-го. Войско Конвента тотчасъ же заняло очищенные форты и начало оттуда обстрѣливать городъ, который лишь теперь увидѣлъ, какъ близка его участь. Вмѣсто того, чтобы подготовить населеніе къ предстоящему оставленію крѣпости, для того, чтобы жители могли подготовиться къ бѣгству, союзники совершенно не посвящали ихъ въ ходъ событій. Паника поэтому была неминуема. Изъ боязни мести побѣдителей, жители, беря съ собою самое необходимое, старались поспѣшно достичь гавани, чтобы оттуда на всевозможныхъ судахъ и лодкахъ добраться до флота. Въ этой панникѣ погибло не мало народа. Страхъ и отчаяніе достигли своего апогея, когда испанцы взорвали на воздухъ два французскихъ фрегата, нагруженныхъ порохомъ, а Сидней Смитъ,

Максимиліанъ Робеспьеръ.

впослѣдствіи столь мужественно защищавшій Акку противъ штурма Бонапарта и заставившій его снять осаду, поджегъ арсеналъ.

Отъѣздъ союзниковъ совершился съ огромной поспѣшностью и походилъ на бѣгство. Они не успѣли, однако, взорвать на воздухъ нѣсколькихъ французскихъ судовъ и забрать съ собою многочисленныхъ бѣглецовъ, которыхъ высадили на островахъ, расположенныхъ напротивъ Тулона.

19 декабря войска Конвента вступили въ Тулонъ и жестоко отомстили населенію города. Хотя главнымъ зачинщикамъ и удалось спастись бѣгствомъ, все же нѣсколько тысячъ человѣкъ жизнью своею поплатились за то, что они жили въ городѣ, осмѣлившемся выступить противъ Конвента!

Поспѣшившій изъ Ліона депутатъ Фуше въ письмѣ отъ 23 декабря къ Калло д'Эрбуа даетъ волю своему ликованію: „Мы можемъ отпраздновать побѣду только однимъ способомъ. Сегодня вечеромъ двѣсти тринадцать бунтовщиковъ перешли въ лучшій міръ... Прощай, мой другъ, слезы радости застилаютъ мнѣ глаза—онѣ наводняютъ всю мою душу".

Судя по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, Бонапартъ и канониры его не принимали никакого участія въ этой рѣзнѣ, а были заняты осмотромъ отчасти пораженнаго огнемъ арсенала и возведеніемъ батарей на фортѣ Балагье и на противоположномъ Гроссъ-Турѣ. Черезъ шесть дней послѣ взятія Тулона онъ, будучи назначенъ 22 декабря бригаднымъ генераломъ, испросилъ продолжительный отпускъ.

Относительно взятія Тулона генералъ Дюгомье сообщаетъ, между прочимъ: „Огонь нашихъ батарей, руководимыхъ величайшимъ талантомъ, возвѣстилъ непріятелю гибель". Кого разумѣетъ онъ подъ этимъ „величайшимъ талантомъ", угадать не трудно, тѣмъ болѣе, что дивизіонный генералъ дю-Тейль въ письмѣ къ военному министру отъ 19 декабря 1793 года прямо говоритъ о военныхъ способностяхъ молодого артиллерійскаго офицера Бонапарта. „Мнѣ нехватаетъ словъ,—пишетъ онъ,—чтобы описать тебѣ заслуги Бонапарта: множество знаній, высокая степень интеллигентности и безконечное мужество,—вотъ хотя слабое представленіе объ

исключительныхъ способностяхъ этого рѣдкаго офицера. Отъ тебя, министръ, зависитъ использовать ихъ на славу республики". Событія передъ Тулономъ и имя Бонапарта должны были глубоко запечатлѣться въ памяти человѣчества. Здѣсь началась побѣдная карьера молодого корсиканца, который повергъ всю вселенную въ изумленіе и трепетъ своимъ геніемъ, своей энергіей, своей всесокрушимой волей, но также и своими насиліями!

ГЛАВА VIII.

НАПОЛЕОНЪ и РОБЕСПЬЕРЪ.

Въ итальянской арміи въ 1794 году.

За свои заслуги при взятіи Тулона Бонапартъ полномочіями комиссаровъ былъ назначенъ 23 декабря бригаднымъ генераломъ. По требованію, онъ послалъ въ военное министерство свой послужной списокъ, изобиловавшій неточностями. Онъ не только прибавлялъ себѣ восемь мѣсяцевъ и чрезмѣрно преувеличивалъ свои заслуги, что извинительно, однако, принимая во вниманіе тогдашнее неспокойное время, но и,—что гораздо болѣе важно,—отрицалъ свое аристократическое происхожденіе, доказать которое стоило его отцу столько трудовъ и расходовъ! Но времена измѣнились. То, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ считалось большимъ плюсомъ, служило теперь помѣхой для дальнѣйшей карьеры, а какъ отецъ, такъ и сынъ умѣли извлекать пользу изо всякаго положенія вещей!

6-го февраля 1794 года послѣдовало офиціальное назначеніе Наполеона бригаднымъ генераломъ, а 16 марта онъ получилъ соотвѣтственный патентъ. Итакъ, прослуживъ всего восемь лѣтъ, изъ которыхъ половину, отчасти на основаніи офиціальнаго отпуска, отчасти же безъ разрѣшенія, онъ находился вдали отъ полка, онъ сдѣлался бригаднымъ генераломъ, — поистинѣ карьера, которой могъ ему позавидовать любой, посѣдѣвшій на службѣ генералъ!

Черезъ нѣсколько дней послѣ предварительнаго назначенія бригаднымъ генераломъ, 26 декабря 1793 г., комиссары Конвента поручили ему произвести наивозможно болѣе быструю ревизію побережья отъ устья Роны до Ниццы. При

этомъ онъ долженъ былъ сформировать нѣсколько отрядовъ морской артиллеріи и учредить, кромѣ того, судъ для устраненія господствовавшихъ въ арміи злоупотребленій. Помимо этого, ему было поручено поставить пламенныя печи повсюду, гдѣ только онъ признаетъ нужнымъ. Онъ долженъ былъ, наконецъ, осмотрѣть еще форты Св. Николая и Сенъ-Жана въ Марселѣ и привести ихъ въ состояніе, годное къ оборонѣ, усиливъ на нихъ артиллерію.

Уже 28 декабря мы находимъ Бонапарта въ Марселѣ, гдѣ онъ встрѣтился съ своей семьей.

Послѣ осмотровъ фортовъ Лагардъ, Св. Николая и Сенъ-Жана, а также и остальныхъ батарей, онъ написалъ 4 декабря 1794 г. письмо военному министру Бушотту, которое могло стать для него роковымъ:

„Фортъ Св. Николая не могъ бы держаться даже и четверти часа *). Три вала, которые окружаютъ его со стороны города, разрушены и доступъ къ нему открытъ со всѣхъ сторонъ.

„Необходимо, однако, во что бы то ни стало укрѣпить этотъ фортъ. Для этой цѣли нужно возстановить хотя бы одну изъ трехъ стѣнъ.

„Я приказалъ поставить вблизи форта орудія такимъ образомъ, чтобы они господствовали надъ городомъ.

„Всѣ сосѣднія батареи, защищающія гавань Марселя, находятся въ плачевномъ состояніи. Ихъ устройство обнаруживаетъ полнѣйшее незнаніе всѣхъ принциповъ обороны. Онѣ не въ состояніи даже выдержать орудійнаго салюта...“

Лѣтомъ 1793 года марсельцы возстали противъ правительства, въ виду чего Бонапартъ и считалъ необходимымъ возстановленіе укрѣпленій фортовъ Св. Николая, обращенныхъ къ городу. Ясно, впрочемъ, также и то, что открытый съ трехъ сторонъ фортъ не могъ бы оказать серьезнаго сопротивленія и нападенію со стороны моря. Впослѣдствіи фортъ былъ приведенъ, дѣйствительно, въ состояніе, способ-

*) Фортъ Святого Николая служилъ для защиты гавани и рейда и господствовалъ въ то же время надъ городомъ. Во время революціи стѣны, обращенныя къ Марселю, были разрушены.

ное къ оборонѣ, такъ какъ и теперь еще наряду съ противоположнымъ фортомъ Сенъ-Жаномъ онъ служитъ для защиты старой гавани и большого рейда.

Мѣропріятія Бонапарта, поскольку они касались возстановленія крѣпостныхъ стѣнъ форта Св. Николая, вызвали недовольство населенія. Оно увидѣло въ немъ угрозу своему городу. Депутатъ Менье написалъ поэтому марсельскому депутату Гренэ, чтобы тотъ поставилъ вопросъ этотъ на обсужденіе Конвента и вызвалъ въ Парижъ Бонапарта для оправданія, а также и его начальника, дивизіоннаго генерала Лапойпа.

Правительственный курьеръ, привезшій приказъ, прибылъ въ Марсель 6 марта. Тамъ онъ нашелъ одного лишь Лапойпа, такъ какъ Бонапартъ, продолжавшій тѣмъ временемъ свою инспекціонную поѣздку, былъ извѣщенъ о намѣреніи Менье и отправился въ Тулонъ, гдѣ находились благосклонно расположенные къ нему комиссары Конвента Саличети и Огюстэнъ Робеспьеръ. По ихъ совѣту Наполеонъ уже 25 февраля написалъ письмо Мазюрье, вліятельному чиновнику въ военномъ министерствѣ, въ которомъ далъ подробныя объясненія относительно распоряженій, отданныхъ имъ на береговой полосѣ и въ Марселѣ.

Лапойпъ, повинуясь приказу, отправился въ Парижъ и защищался тамъ 13 марта передъ Конвентомъ, который принялъ во вниманіе его оправданія и доводы. Саличети и младшій Робеспьеръ посовѣтовали Бонапарту спокойно оставаться въ Тулонѣ и выждать конца бури. Онъ послѣдовалъ этому совѣту, и, дѣйствительно, дѣло не получило дальнѣйшаго хода.

„Переписка Наполеона“ и дополненіе къ ней содержатъ цѣлый рядъ писемъ молодого генерала, въ которыхъ онъ говоритъ относительно своихъ распоряженій, отданныхъ имъ для защиты побережья отъ Марселя до Ментона. Всѣ онѣ свидѣтельствуютъ объ его умѣ и необыкновенной проницательности, съ которой онъ обнаруживалъ слабые незащищенные пункты на побережьѣ и измѣнилъ ихъ такимъ образомъ, чтобы они могли выдержать нападеніе. Онъ считалъ необходимымъ, прежде всего, воздвигать батареи, которыя должны

были препятствовать приближенію къ берегу непріятельской эскадры и крейсеровъ. Благодаря этому, по крайней мѣрѣ, французскія каботажныя суда могли свободно и безопасно крейспровать между приморскими портами.

Уже 7 января Бонапартъ былъ назначенъ артиллерійскимъ генераломъ итальянской арміи. Начало похода вслѣдствіе дурного времени года, было отложено, однако, до начала апрѣля. 1 апрѣля Бонапартъ получилъ отъ Огюстэна Робеспьера и временнаго главнокомандующаго итальянской арміей Дюмербіона приказъ отправиться въ армію въ качествѣ генерала и генералъ-инспектора.

Нѣтъ ничего болѣе измѣнчиваго въ міровой исторіи, нежели сужденія о событіяхъ и лицахъ. Можетъ случиться, что человѣкъ, который при своей жизни и долгіе годы послѣ смерти встрѣчаетъ лишь ненависть, осуждается всѣми и именуется всѣми чуть ли не злодѣемъ, находитъ себѣ справедливую оцѣнку спустя нѣсколько поколѣній, когда люди могутъ мыслить о немъ ясно, безъ предразсудковъ, когда открываются архивы и опубликовываются автентичныя свидѣтельства очевидцевъ и современниковъ. Онъ является тогда передъ ними въ другомъ, болѣе мягкомъ свѣтѣ. Такимъ человѣкомъ былъ Максимиліанъ Робеспьеръ, знаменитый членъ Конвента, старшій братъ Огюстэна Робеспьера, защитника молодого Бонапарта.

Въ рамки нашей работы не входитъ давать очеркъ исторіи Конвента и характеристики старшаго Робеспьера. Но для пониманія событій, трактуемыхъ въ этой главѣ, необходимо упомянуть, что человѣкъ этотъ отнюдь не былъ кровожаднымъ и жестокимъ, какъ его прежде, да и теперь еще всегда изображаютъ историки. Въ три мѣсяца существованія революціоннаго трибунала были приведены въ исполненіе три тысячи двѣсти двадцать смертныхъ приговоровъ; по закону же 22 преріала II года въ теченіе сорока девяти дней состоялось тысяча триста семьдесять шесть казней. Но изъ всѣхъ этихъ приговоровъ, вынесенныхъ послѣ 22 преріаля, лишь одинъ снабженъ подписью Робеспьера.

Максимиліанъ Робеспьеръ былъ человѣкомъ, не любив-

нимъ ни денегъ, ни женщинъ, ни удовольствій, а ведшимъ, въ общемъ, спокойную жизнь, посвященную неутомимой работѣ. Младшій братъ, Огюстэнъ Робеспьеръ, былъ отнюдь не слабой копіей члена Конвента! Одаренный гуманнымъ и мягкимъ характеромъ, онъ столь же отрицательно относился къ дѣяніямъ креатуръ Дантона, какъ и генералъ Бонапартъ. А во время его пребыванія въ итальянской арміи въ качествѣ представителя Конвента, тамъ не было ни массовыхъ казней, ни произвольныхъ смертныхъ приговоровъ, столь частыхъ въ другихъ республиканскихъ войскахъ, въ которыхъ присутствовали Карьеръ и Жозефъ ле-Бонъ. Когда молодой Робеспьеръ прибылъ въ качествѣ представителя въ департаментъ верхней Соны, онъ приказалъ освободить много бѣднаго люда, заключеннаго въ тюрьмы за религіозныя преступленія.

Не только Бонапартъ испытывалъ симпатію къ молодому Робеспьеру: оба они скоро поняли, что сходятся или, вѣрнѣе, дополняютъ другъ друга во многихъ вопросахъ, особенно же касавшихся администраціи.

5 апрѣля Огюстэнъ Робеспьеръ писалъ своему брату:

„ ... для патріотовъ же я добавлю, что назвалъ тебѣ уже разъ... гражданина Бонапарта, начальника артиллеріи, заслуги котораго совершенно исключительны. Онъ корсиканецъ. Онъ возсталъ противъ коварныхъ замысловъ Паоли, и владѣнія его разрушены измѣнниками отечества“.

О Бонапартѣ и объ отношеніяхъ его къ ея братьямъ Шарлотта Робеспьеръ пишетъ въ своихъ мемуарахъ:

„Бонапартъ былъ искреннимъ республиканцемъ, — я утверждаю даже, что онъ былъ монтаньяромъ. По крайней мѣрѣ, онъ производилъ на меня такое впечатлѣніе своими воззрѣніями въ то время, когда я находилась въ Ниццѣ. Впослѣдствіи побѣды вскружили ему голову и заставили его стремиться къ господству надъ гражданами. Будучи, однако, еще простымъ артиллерійскимъ офицеромъ въ итальянской арміи, онъ обнаруживалъ приверженность къ дѣлу свободы и равенства...

„Преклоненіе Бонапарта предъ моимъ старшимъ и дружба съ младшимъ братомъ, быть можетъ, и сочувствіе къ моему горю доставили мнѣ при консульствѣ скромную пенсію“.

Максимиліанъ Робеспьеръ въ Конвентѣ.

***

Съ 1792 года французское войско, находившееся на юго-восточномъ побережьѣ, носило названіе итальянской арміи, хотя до сихъ поръ это гордое названіе было лишь пустымъ звукомъ. Въ теченіе 1792 и 1793 годовъ комитету общественнаго спасенія былъ представленъ цѣлый рядъ плановъ относительно вторженія въ Италію. Изъ четырехъ проектовъ: перейти черезъ Альпы, либо черезъ малый Санъ-Бернаръ, либо черезъ Монъ-Сенисъ, либо черезъ Коль-ди-Тенда, или выступить изъ Савойи къ сѣверу, чтобы перейти Альпы при Альторэ, комитетъ высказался за переходъ черезъ Коль-ди-Тенда. Въ концѣ 1793 года дѣло не подвинулось дальше попытки овладѣть ущельемъ, занятымъ пьемонтцами.

До начала активныхъ операцій правительство рѣшило, прежде всего, овладѣть сардинской крѣпостью Онеглія, расположенной между Ниццой и Савойей. Итальянская армія получала почти всѣ жизненные припасы изъ Генуи, но большія транспорты ихъ захватывались часто въ Онеглія и конфисковались. Такъ какъ бомбардировка города французскими военными кораблями не привела ни къ чему *), то было рѣшено завладѣть расположеннымъ впереди генуэзскимъ берегомъ **) и взять Онеглію съ суши.

Экспедиціей въ Онеглію и Саорджіо, откуда черезъ Коль-ди-Тенда надѣялись достичь Кунеи, преслѣдовала одновременно и намѣреніе не дать времени пьемонтцамъ какъ слѣдуетъ подготовиться къ борьбѣ. Начальствованіе надъ двухтысячнымъ экспедиціоннымъ корпусомъ было поручено генералу Массена. Комиссары Конвента и артиллерійскій генералъ Бонапартъ, приглашенный въ качествѣ своего рода консультанта, должны были слѣдовать за войскомъ. Операціонный планъ былъ составленъ, повидимому, Наполеономъ или, по крайней мѣрѣ, имъ развитъ; онъ, по формѣ своей, напоми-

---

*) Въ концѣ ноября 1792 года, Тюрго бомбардировалъ городъ, высадилъ войско, разграбилъ и поджегъ городъ.

**) Это было сдѣлать тѣмъ легче, что Генуя была совершенно ослаблена; она не могла даже воспрепятствовать англичанамъ взятію французскаго фрегата (Ла-Модестъ), стоявшаго въ Гавани.

наетъ планъ, продиктованный имъ два мѣсяца спустя, и написанъ, какъ и тотъ, рукою его адъютанта Юпо.

6 апрѣля, рано утромъ, началось движеніе корпуса, раздѣленнаго на двѣ колонны. Правый флангъ, въ которомъ находились комиссары Конвента и Бонапартъ, достигъ 8 апрѣля Онеглія, которую занялъ безъ всякаго сопротивленія. Первое нападеніе Массены на высоты, какъ и высадка Бригга, потерпѣли фіаско, благодаря неправильному распоряженію, такъ что 15 апрѣля долженъ былъ быть предпринятъ новый штурмъ. На слѣдующій день Массена пошелъ на Коль-ди-Тенда и 17 апрѣля занялъ Понте-ди-Нава, Ормею и Гарессіо.

Достигнувъ цѣли, Массена испросилъ дальнѣйшихъ приказаній и написалъ 20 апрѣля изъ Гарессіо слѣдующее письмо Дюмербіону, который, вслѣдствіе болѣзни, долженъ былъ передать ему главное начальствованіе надъ арміей:

„Впрочемъ, ни народный представитель Робеспьеръ, ни я не отказываемся отъ экспедиціи въ Саорджіо. Тебя извѣстятъ, конечно, что вначалѣ хотѣли принять участіе также и Маккаръ или Лебренъ. Вслѣдствіе этого, я сообщаю тебѣ планъ, который, какъ говорятъ, окончательно еще не утвержденъ *)“.

Изъ этого письма видно, что ни Массена, ни Дюмербіонъ, главнокомандующій итальянской арміей, не составляли плановъ: составилъ ихъ другой, чье имя не называлось и котораго не знали также оба генерала. Этимъ офицеромъ былъ, повидимому, Бонапартъ, совѣтникъ и повѣренный комиссаровъ Конвента, Робеспьера и Рикора.

На сей разъ нападеніе французскихъ войскъ увѣнчалось успѣхомъ. Послѣ многочисленныхъ переходовъ и стычекъ, пьемонтское войско было сбито съ позицій, а 28 апрѣля въ руки побѣдителя досталось Саорджіо. 29-го въ Саорджіо состоялся военный совѣтъ, на которомъ Бонапартъ развивалъ свой планъ дальнѣйшихъ операцій. Было рѣшено подвергнуть на обсужденіе комитета общественнаго спасенія въ Парижѣ планъ слиянія альпійской арміи съ итальянской и испросить

*) Массена получилъ его на слѣдующій день.

необходимое подкрѣпленіе, — послѣднее было осуществлено лишь отчасти.

Послѣ военнаго совѣта въ Саорджіо, Бонапартъ отправился въ Ниццу и разработалъ тамъ „планъ двухъ подготовительныхъ операцій къ пьемонтской кампаніи“. 20 или 21 мая въ Кальмарѣ состоялась конференція, въ которой принимали участіе комиссары Конвента и различные генералы итальянской и альпійской армій. Они одобрили планъ Наполеона и послали его черезъ представителей Робеспьера, Рикора и Лапорта на утвержденіе комитета общественнаго спасенія въ Парижѣ.

Этотъ составленный, послѣ детальнаго обсужденія, планъ, въ которомъ съ невѣроятной тщательностью было разсчитано каждое движеніе колонны, былъ своего рода шедевромъ. Единственной его ошибкой было то, что онъ не считался со случайностями, которыя въ данномъ случаѣ сразу могли подвергнуть сомнѣнію успѣшныя движенія войска. Наполеонъ долженъ былъ, конечно, считаться съ несостоятельностью и незначительными познаніями начальниковъ, а также и съ гористой мѣстностью. Главная причина заключается, однако, въ томъ, что онъ не былъ совершенно свободенъ при составленіи этого плана, а долженъ былъ сообразоваться со взглядами комиссаровъ Конвента. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе его военной искусности, былъ осуществленъ планъ нападенія и признанъ не только пригоднымъ, но и вызвалъ всѣмъ своимъ цѣлымъ общій восторгъ. Нельзя согласиться съ тѣмъ, что Наполеонъ воспользовался „запиской“ генерала Клозада. Послѣдняя—не что иное, какъ чрезвычайно подробное географическое изслѣдованіе поля военныхъ дѣйствій; съ военно-научной точки зрѣнія, она, однако, не имѣетъ никакой цѣнности. Клозадъ былъ человѣкомъ старой школы, не понимавшимъ движенія массъ. Это, такимъ образомъ, вполнѣ самостоятельный планъ Бонапарта, человѣка, заслуги котораго „превосходятъ обычный масштабъ“.

Вслѣдствіе взятія альпійской арміей Аргентьерскаго ущелья, а также въ виду все болѣе натянутыхъ отношеній къ Генуэзской республикѣ, общее политическое положеніе измѣ-

нилось. Приходилось поэтому произвести нѣкоторыя измѣненія въ первоначально утвержденномъ планѣ похода. 20 іюня Бонапартъ составилъ второй „планъ двухъ подготовительныхъ операцій къ пьемонтской кампаніи“ и вручилъ его младшему Робеспьеру, который вскорѣ послѣ этого отправился въ Парижъ, чтобы представить на разсмотрѣніе комитета общественнаго спасенія.

Карно былъ, однако, мало склоненъ раздѣлять наступательный планъ комиссаровъ и генераловъ итальянской арміи. Его распоряженіе альпійской арміей состоялись передъ отправкой младшаго Робеспьера въ Парижъ: согласно имъ, альпійская армія должна была занимать исключительно оборонительныя позиціи, между тѣмъ, какъ итальянская армія должна была ограничиться возстановленіемъ береговыхъ укрѣпленій, занятіемъ твердыхъ позицій и небольшой экспедиціей въ Купею. Когда поэтому Огюстэнъ Робеспьеръ прибылъ въ Парижъ, его планъ встрѣтилъ всюду упорное сопротивленіе. Благодаря предстоявшему 9 термидора паденію Максимиліана Робеспьера, повлекшему за собой, естественно, и паденіе младшаго брата, Карно считалъ вопросъ исчерпаннымъ. Онъ отдалъ приказъ обѣимъ арміямъ на юго-востокѣ республики воздержаться отъ какихъ бы то ни было наступательныхъ операцій.

Дружба Бонапарта съ Огюстэномъ Робеспьеромъ едва не стала для него роковой. 13 іюля (25 мессидора II года) комиссаръ Конвента, Рикоръ, вѣроятно, въ согласіи съ Робеспьеромъ, поручилъ генералу Бонапарту отправиться въ Геную. Согласно его распоряженію, онъ долженъ былъ вступить въ перегеворы съ генуэзскимъ правительствомъ относительно обороны побережья и дороги отъ Ментоны въ Лоано. Вмѣстѣ съ этимъ ему было, однако, дано и другое, тайное, порученіе:

„1. Онъ долженъ былъ осмотрѣть крѣпость Савону и ея окрестности.

2. Онъ долженъ былъ ознакомиться съ укрѣпленіями Генуи и собрать свѣдѣнія относительно ея окрестностей, необходимыя въ началѣ войны, исходъ которой трудно было предсказать.

3. Онъ долженъ былъ, по возможности, болѣе обстоятельно освѣдомиться относительно артиллеріи и другихъ военныхъ вопросовъ.

4. Онъ долженъ былъ, по возвращеніи въ Ниццу, принять триста центнеровъ пороха, купленнаго для Бастіи и уже оплаченнаго.

5. Онъ долженъ былъ ознакомиться съ административной и дипломатической дѣятельностью республиканскаго посланника Тилли и его агента, на котораго поступилъ цѣлый рядъ жалобъ.

6. Онъ долженъ былъ произвести развѣдки, которыя могли бы раскрыть намѣренія генуэзскаго правительства относительно коалиціи".

Въ сопровожденіи своего брата Луи и будущихъ генераловъ, Мармона, Юно и Сонжи, Бонапартъ на слѣдующій день (14 іюля) отправился въ путь и, исполнивъ порученіе, 27 іюля вернулся въ Ниццу.

Какъ только въ главной квартирѣ итальянской арміи получилось извѣстіе о паденіи старшаго Робеспьера, всѣхъ находившихся прежде въ добрыхъ отношеніяхъ съ Огюстэномъ Робеспьеромъ, охватилъ паническій страхъ: каждый старался свалить угрожавшую ему опасность на другихъ, чтобы не быть вовлеченнымъ въ паденіи Робеспьеровъ и ихъ сторонниковъ и раздѣлить ихъ участь. Генералъ Бонапартъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые должны были поплатиться за свою дружбу съ младшимъ изъ обоихъ братьевъ.

6 августа комиссары Конвента, Альбитъ, Саличети и Лапортъ, высказали противъ него подозрѣніе комитету общественнаго спасенія. Часть ихъ донесеній, касавшихся Наполеона Бонапарта, гласила:

„Планъ похода встрѣтилъ даже сочувствіе; онъ долженъ былъ остаться втайнѣ, но его необходимо было привести въ исполненіе. Теперь, однако, планъ этотъ сталъ извѣстенъ итальянской арміи! Наши враги узнали про него...

„Короче говоря, вы должны знать, что Бонапартъ и Рикоръ сами признались Салицетти, что будутъ осаждать Кунео лишь для видимости; комиссары же при альпійской арміи не должны знать ничего объ этомъ.

„Изъ этого мы заключаемъ, что насъ обманули интриганы и льстецы, что вашего постановленія не только не хотѣли исполнить, но даже, наоборотъ, хотѣли оставить въ бездѣйствіи армію въ восемьдесять тысячъ человѣкъ. Помимо этого, мы замѣтили, что они же старались уготовить альпійской арміи пораженіе и затмить ея славу лаврами, завоеванными ея же отвагою. Въ виду этого они хотѣли занять проходъ Монъ-Сенисъ и малый Санъ-Бернаръ, который генералъ Дюма снабдилъ недостаточнымъ количествомъ войска. Насъ же они намѣревались заманить въ Демонтъ, чтобы потомъ оставить насъ тамъ. Таковъ былъ, товарищи-граждане, ставшій теперь извѣстнымъ планъ младшаго Робеспьера и Рикора; онъ совпадаетъ вполнѣ со всѣми движеніями непріятеля. Бонапартъ былъ ихъ сторонникомъ. Онъ составилъ имъ планъ, который мы должны были осуществить. Анонимное письмо изъ Генуи извѣстило насъ, что для подкупа одного изъ генераловъ былъ отправленъ милліонъ. „Будьте настороже!—говорили намъ. Является Саличети и заявляетъ намъ, что Бонапартъ по порученію Рикора отправился въ Геную. Что дѣлать этому генералу за границей? Все наше подозрѣніе падаетъ на него!“

Одновременно съ этимъ, комиссары Конвента подписали постановленіе объ исключеніи со службы генерала Бонапарта. главнокомандующему итальянской арміей было приказано отправить его въ Парижъ подъ вѣрной охраной, предварительно, однако, конфисковавъ всѣ его бумаги *). Распоряженія комиссаровъ пришли въ Ниццу въ ночь съ 8 на 9 августа, и уже на слѣдующее утро жандармскій генералъ Вьевенъ и адъютантъ Арена отправились къ Бонапарту, опечатали его бумаги, а самаго его на слѣдующій день заключили въ фортъ Каррэ, близъ Антиба.

Поведеніе комиссара Конвента Рикора,—которому вмѣстѣ

*) Въ случаѣ отправленія въ Парижъ Мармонъ и Таленъ рѣшили раздѣлаться со стражей и перейти затѣмъ съ Бонапартомъ границу. Уже въ то время Наполеонъ оказывалъ на своихъ подчиненныхъ такое исключительное вліяніе, что тѣ отказывались отъ отечества, семьи и надеждъ на повышеніе, лишь бы слѣдовать за своимъ генераломъ.

съ женой удалось спастись въ Грассъ,—а также и посылка Бонапарта въ Геную возбудили подозрѣнія, хотя порученіе и оправдывалось тайной миссіей, найденной въ бумагахъ арестованнаго генерала.

Что побудило друга Бонапарта, Саличети, подписать столь зловѣщее для него донесеніе комитету общественнаго спасенія, мы до сихъ поръ въ точности не знаемъ. Быть-можетъ, онъ надѣялся спасти его, такимъ образомъ; можетъ быть, послѣ осмотра бумагъ Бонапарта, онъ снова почувствовалъ расположеніе къ нему; можетъ быть, другіе комиссары, офицеры генеральнаго штаба или другіе генералы, особенно графъ Лоренти, или же, можетъ быть, всѣ комиссары, поддерживавшіе до того обвиненіе, убѣдились въ невиновности Бонапарта,—мы въ точности не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, Саличети и Альбитте 20 августа 1794 года подписали постановленіе объ освобожденіи артиллерійскаго генерала итальянской арміи, такъ какъ не нашли ничего, что могло бы оправдать подозрѣнія, высказанныя противъ него. Шагъ этотъ былъ признанъ, однако, нѣсколько смѣлымъ, такъ какъ Бонапартъ обладалъ многими свѣдѣніями, которыя могли быть весьма полезны для итальянскаго войска.

Уже въ тотъ день Бонапартъ былъ выпущенъ изъ крѣпости, вѣрнѣе говоря, могъ вернуться къ расположенной къ нему семьѣ графа Лоренти въ Ниццѣ, не будучи, однако, возстановленъ въ своей прежней должности. Во время своего заключенія онъ самъ развилъ свою защиту въ довольно странномъ обращеніи къ комиссарамъ Конвента Саличети и Альбитту:

„Вы,—возмущенно говорилъ онъ въ ней,—лишили меня моего званія, арестовали и взвели на меня обвиненія.

„Я заклейменъ, не будучи осужденнымъ, или вѣрнѣе осужденъ, не будучи даже допрошенъ!

„Въ революціонномъ государствѣ есть два класса: подозрительные и патріоты.

„Взвести подозрѣніе на патріота, значитъ, вынести ему приговоръ, лишающій его самаго цѣннаго, чѣмъ онъ обладаетъ: довѣрія и уваженія! Къ какому классу меня причисля-

ютъ? Развѣ съ начала революціи я не оставался всегда неизмѣнно вѣренъ ея принципамъ?

„Развѣ я не всегда боролся либо съ внутренними врагами, либо, въ качествѣ солдата, съ чужеземными?

„Я служилъ подъ Тулономъ и стяжалъ частичку тѣхъ лавровъ, которые выпали на долю итальянской арміи при взятіи Саорджіо, Онеглія и Танаро.

„При раскрытіи заговора Робеспьера я держался, какъ человѣкъ, привыкшій слѣдовать твердымъ принципамъ.

За мною нельзя оспаривать званія патріота...

„На меня взвели подозрѣніе и конфисковали мои бумаги!..

„Невиновный, патріотичный, заклейменный, я все не хочу роптать на комитетъ, какія бы мѣры ни принималъ онъ противъ меня.

„Если трое людей заявятъ, что я совершилъ преступленіе. я не возражу ни слова судьѣ, который осудитъ меня.

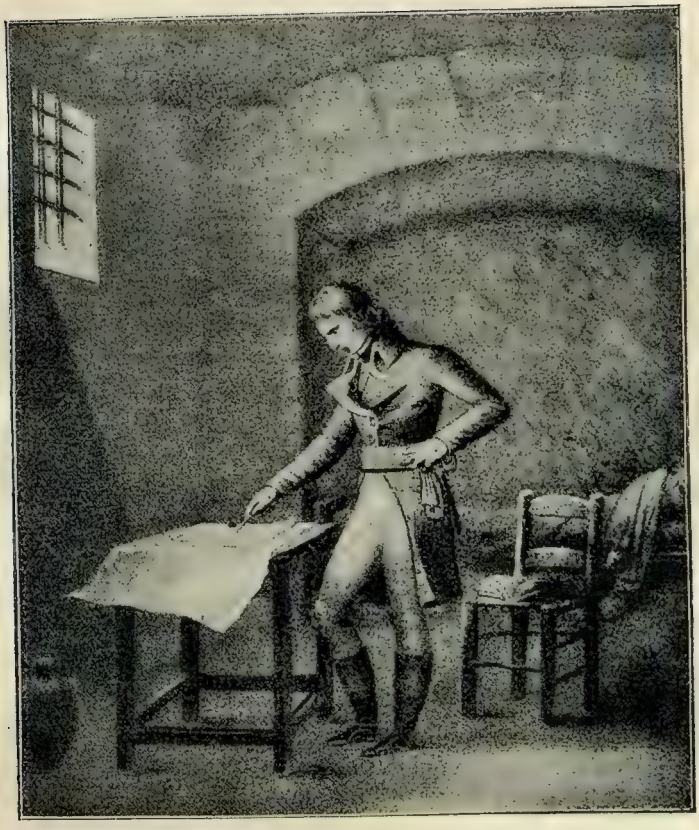
„Саличети, ты знаешь меня! Развѣ въ теченіе пяти лѣтъ ты замѣчалъ что-нибудь въ моемъ поведеніи сомнительнаго для дѣла революціи? Альбитте, ты не знаешь меня! Тебѣ не могли привести ни одного доказательства моей вины. Ты не выслушалъ меня, но ты знаешь, какъ умѣютъ сѣять люди клевету. Неужели же долженъ быть я поставленъ на одну ступень съ врагами отечества? Неужели же патріоты должны потерять генерала, который не безъ пользы служилъ республикѣ? Неужели же комиссары Конвента должны побудить правительство къ несправедливости и неполитичнымъ поступкамъ?

„Услышьте меня! Снимите съ меня давящее время и верните мнѣ почетъ патріота!

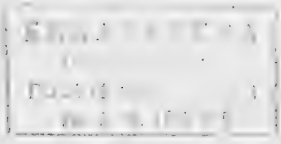
„Если же клеветники захотятъ моей жизни,—я мало дорожу ею; я такъ часто готовъ былъ ею пожертвовать! Лишь мысль, что я могъ быть все же полезенъ отечеству, заставляетъ меня мужественно нести тяжелое бремя!“

**
*

Послѣ 9 термидора итальянская армія ограничилась оборонительной тактикой, изъ которой австро-сардинцы надѣялись извлечь пользу. Они, съ своей стороны, готовились перейти къ наступленію и направиться къ Бормидѣ, чтобы вступить въ сношенія съ англійскими судами на побережьѣ. Ко-



Наполеонъ въ фортѣ Карре близъ Антиба.
(По рисунку Вебера).



миссары Конвента старались воспрепятствовать этому и 24 августа испросили у комитета разрѣшеніе произвести наступленіе по направленію къ Дего. Но такъ какъ въ это время поступили точныя свѣдѣнія о движеніи врага, то Саличети и Простъ,—послѣдній 26 августа заступилъ мѣсто Альбитта,—рѣшили не дожидаться отвѣта изъ Парижа и издали приказъ приступить къ операціямъ. Конечно, цѣлью послѣднихъ должно было быть отбитіе врага съ позицій въ Керо, Альтаре и Маларе. Уже въ началѣ экспедиціи, 14 сентября, Бонапартъ былъ возстановленъ въ своей прежней должности артиллерійскаго генерала итальянской арміи *). Онъ принялъ участіе въ этомъ походѣ и на этотъ разъ не примнулъ составить планъ операцій. Экспедиція продолжалась недолго и не имѣла крупнаго военнаго значенія; тѣмъ не менѣе успѣхомъ своимъ она обязана въ значительной мѣрѣ благоразумію Бонапарта. Въ донесеніи генерала Дюмербіона объ удачной экспедиціи говорится между прочимъ: „Способностямъ артиллерійскаго офицера я обязанъ тѣми благоразумными распоряженіями, которыя дали намъ въ руки побѣду“.

По распоряженію комиссаровъ, побѣда при Дего не была использована. Несмотря на то, что Бонапартъ въ военномъ совѣтѣ, состоявшемся въ Керо, высказался за продолженіе экспедиціи, было рѣшено удовлетвориться достигнутыми результатами. Наполеонъ вернулся въ Ниццу, чтобы заняться дѣлами внутренней службы. 15 декабря онъ уѣхалъ въ Тулонъ для подготовленія морской экспедиціи.

Въ концѣ похода въ Дего въ главную квартиру Дюмербіона прибыли комиссары Конвента Риттеръ и Тюрро, заступившіе мѣсто Саличети и Проста. Они скоро поняли значеніе и заслуги Бонапарта, и послѣдній снова сталъ героемъ дня. Вслѣдствіе стягиванія австро-сардинской арміи передъ правымъ флангомъ французовъ снова возникла мысль о наступательныхъ дѣйствіяхъ. На основаніи плана операцій, составленнаго Бонапартомъ, комиссары 1-го и 3-го ноября написали снова комитету общественнаго спасенія и предло-

*) Ему было поручено произвести необходимыя подготовительныя работы для морской экспедиціи, состоявшей изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ.

жили начать новый итальянскій походъ. Они надѣялись послѣ взятія Цевы продвинуться вплоть до Турина, но комитетъ и Карно были другого мнѣнія. Въ началѣ ноября получилось приказаніе ограничиться исключительно оборонительной тактикой. 6 декабря они повторили приказъ, но въ то же время задумали экспедицію на Корсику.

Смѣна комиссаровъ имѣла для Бонапарта значеніе еще и въ другомъ отношеніи. Тюрро, по выраженію Наполеона на Св. Еленѣ, былъ „assez insignifiant“,—жена же его „extrêmement jolie, fort aimable“. Она, повидимому, произвела сильное впечатлѣніе на двадцатипятилѣтняго генерала, да и самъ онъ не былъ ей безразличенъ. Императоръ разсказываетъ, что во время экспедиціи въ Дего, въ одно прекрасное сентябрское утро она настолько очаровала его, что онъ, желая удовлетворить ея капризъ, произвелъ вылазку въ окрестностяхъ Коль-ди-Тенда, во время которой было убито нѣсколько человѣкъ. „Мы одержали, правда, побѣду,—говорилъ онъ,—но успѣха не могло быть... вылазка была безсмысленна,—нѣсколько людей осталось на полѣ сраженія. Вспоминая впослѣдствіи объ этомъ небольшомъ эпизодѣ, я всегда испытывалъ раскаяніе“.

Повидимому, Наполеонъ въ этомъ случаѣ выставляетъ себя въ нѣсколько черномъ свѣтѣ. То, что стычка эта дѣйствительно состоялась, подтверждается, какъ свидѣтельствомъ императора, такъ и сообщеніями мадамъ Тюрро. Во всякомъ случаѣ, однако, она могла послѣдовать лишь послѣ 21 сентября, такъ какъ Тюрро пріѣхалъ въ Ниццу вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Риттеромъ лишь 21-го и оттуда тотчасъ же отправился въ армію. Трудно предположить, чтобы мадамъ Тюрро пріѣхала раньше своего супруга. Возможно, однако, что небольшой эпизодъ, о которомъ вспоминалъ въ изгнаніи свергнутый императоръ, произошелъ при нападеніи на редутъ „Уніонъ“, близъ Вадо, 26 сентября. Мадамъ Тюрро отрицаетъ, впрочемъ, что Бонапартъ рѣшился на эту стычку изъ желанія ей угодить.

Судя по всему, что мы знаемъ о характерѣ Наполеона въ этомъ отношеніи, онъ не былъ способенъ на подобный поступокъ. Женщины хотя и возбуждали его интересъ, но никогда не оказывали на него такого вліянія, чтобы изъ-за пары пре-

красныхъ глазъ онъ неблагоразумно и неосторожно согласился поставить на карту жизнь нѣсколькихъ солдатъ. Его память, очевидно, ему измѣняетъ. По всей вѣроятности, желая оказать любезность симпатичной женѣ начальника, онъ просто на просто пригласилъ ее присутствовать при одной изъ многочисленныхъ аванпостныхъ стычекъ. Онъ доставилъ капризной красавицѣ это „удовольствіе“ не только потому, что былъ въ нее влюбленъ, но по всей вѣроятности и потому, что зналъ, какое вліяніе имѣетъ она на своего мужа. Комиссаръ Тюрро былъ чрезвычайно вліятельнымъ лицомъ и покровительствовалъ генералу, а Бонапартъ не хотѣлъ утрачивать этой благосклонности. Помимо этого, невѣроятно, чтобы стычка произошла въ окрестностяхъ Коль-ди-Тенда, такъ какъ въ сентябрѣ не было уже больше и рѣчи объ этой позиціи. Несомнѣнно, однако, лишь одно: Бонапартъ не былъ сухимъ генераломъ, всецѣло поглощеннымъ своими дѣлами,—хорошенькая, симпатичная женщина могла, несмотря на все, вызвать его интересъ.

ГЛАВА IX.

Неудачная экспедиція на Корсику.—Пребываніе въ Парижѣ.—Въ ожиданіи счастья.

(Январь—сентябрь 1795 г.).

Оказывая сопротивленіе Конвенту, Паоли разсчитывалъ, главнымъ образомъ, на поддержку англійскихъ и испанскихъ войскъ. Своимъ присутствіемъ въ Средиземномъ морѣ они должны были воспрепятствовать отправкѣ французскихъ подкрѣпленій на Корсику. Но онъ не принялъ во вниманіе упорства правительственныхъ войскъ. Комиссаръ Конвента Лакомбъ Санъ-Мишель оказалъ ему рѣшительное сопротивленіе при Санъ-Фіоренцо, Бастіи и Кальви. Собственными силами и собственными средствами корсиканцы не могли дольше держаться, такъ какъ у нихъ не было ни оружія, ни денегъ. Единственной надеждой Паоли были поэтому англичане. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ еще лѣтомъ 1793 года получилъ отъ нихъ помощь отчасти военными припасами, отчасти же наличными деньгами. Когда затѣмъ они лишились Тулона и понимали прекрасно, что Франція не можетъ тотчасъ же выслать войска, такъ какъ должна сперва усилить и укрѣпить свой флотъ, то англичане обратились къ Корсикѣ, чтобы использовать свой флотъ и солдатъ, оказавшихся не у дѣлъ послѣ паденія Тулона.

Первою ихъ цѣлью было Санъ-Фіоренцо. Уже 17 февраля 1794 г. оно досталось имъ въ руки, хотя и послѣ упорной борьбы. Три мѣсяца спустя, 22 мая, капитулировала Бастія, а 11 августа, наконецъ, и Кальви. Геройству Нельсона пришлось здѣсь выдержать тяжелое испытаніе: при осадѣ Бастіи онъ потерялъ глазъ.

Но и Лакомбъ Сенъ-Мишель сражался геройски, пока

наконецъ, въ одну бурную ночь, 6 флореала II года (25 апрѣля 1794 года) онъ не былъ принужденъ спастись бѣгствомъ въ Капраю, а оттуда въ Геную, чтобы испросить тамъ помощи. Онъ занялся собираніемъ боевыхъ припасовъ и жизненныхъ средствъ и попытался переправить ихъ на лодкахъ въ Капраю, которую считалъ своего рода резервнымъ депо. Грузъ, однако, былъ почти цѣликомъ захваченъ англійскими судами, крейсировавшими въ водахъ Средиземнаго моря.

Лакомбъ Сенъ-Мишель отправился въ Тулонъ. Тамъ Саличети получилъ, наконецъ, отъ комитета общественнаго спасенія разрѣшеніе оказать помощь острову Корсикѣ, но приготовленія къ экспедиціи затянулись, а тѣмъ временемъ и Бастія, и Кальви пошли на капитуляцію.

Занятіе трехъ крѣпостей англичанами имѣло для острова самыя обширныя послѣдствія. Паоли заключилъ съ побѣдителями договоръ, согласно которому король долженъ былъ получить верховную власть надъ островомъ и быть представленнымъ на немъ въ лицѣ вице-короля. Паоли полагалъ, что тѣмъ самымъ дастъ родинѣ не только свободу, но и наиболѣе вѣрную защиту и твердую опору противъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ. Но онъ жестоко ошибся. Отдаться въ руки англичанъ и подчинить своихъ соотечественниковъ управленію сэра Жильберта Эліотта было все равно, что совершенно лишить ихъ свободы. Недовольство продолжало расти. Положеніе Паоли на родинѣ становилось все болѣе и болѣе непрочнымъ.

Всѣ эти обстоятельства и событія, разыгравшіяся на Корсикѣ, побудили французское правительство принять рѣшительныя мѣры. Во главѣ партіи, добивавшейся этого, стоялъ, какъ мы уже говорили, Саличети, поддерживаемый въ этомъ отношеніи Бонапартами. 23 сентября 1794 года (2 вандемьера II года) Наполеонъ писалъ комиссару Конвента, гражданину Мюльтедо о результатахъ экспедиціи въ Дего и въ заключеніи письма говорилъ: „Намъ остается только освободить Корсику отъ рабства англичанъ. Время сейчасъ самое удобное, намъ нельзя терять ни минуты. Испанцы вернулись въ свои гавани. У насъ самыя свѣжія извѣстія изъ Аяччіо. Вмѣсто того, чтобы усилить этотъ защитный пунктъ Корсики,

англичане, наоборотъ, ослабили цитадель, забравъ изъ нея много военныхъ припасовъ.

„Съ восьмью—десятью тысячами человѣкъ, экспедиція на Корсику будетъ въ это время года лишь пріятной прогулкой военной".

„Прогулка" эта подготовлялась въ Тулонѣ. Заново вооруженный флотъ былъ вначалѣ предназначенъ правительствомъ къ экспедиціи въ Ливорно для высадки тамъ войска и дальнѣйшей ихъ отправки въ Римъ. Городъ этотъ служилъ центральнымъ пунктомъ всѣхъ религіозныхъ интригъ и заговоровъ, угрожавшихъ серьезною опасностью революціи.

Въ январѣ 1793 года посланникъ Бассевиль былъ злодѣйски убитъ. Нужно было отомстить за его смерть. Планъ экспедиціи былъ разработанъ и, навѣрное, былъ бы приведенъ въ исполненіе, если бы до отплытія флота 9 февраля 1795 года не былъ заключенъ миръ между Тосканой и Франціей.

Лишь теперь комитетъ общественнаго спасенія высказался всецѣло за экспедицію на Корсику.

Наполеонъ былъ счастливъ, что желаніе его исполняется. Онъ снова задумался о своемъ будущемъ на родинѣ. При господствовавшей реакціи, послѣдовавшей за терроромъ и вслѣдствіе мало благопріятнаго положенія, въ которомъ онъ находился послѣ своего ареста, онъ долженъ былъ быть готовъ на все. Онъ вовсе не такъ уже прочно сидѣлъ въ сѣдлѣ, какъ самъ старался себя увѣрить. Какъ однажды Франція, такъ теперь Корсика была для него спасительнымъ якоремъ.

Приготовленія къ этой экспедиціи шли, однако, чрезвычайно медленно. Хотя комиссары Конвента уже 5 декабря 1794 года писали: „Всѣ приготовленія къ стягиванію войскъ, предназначенныхъ для Корсики закончены. Осадныя и полевыя батареи на судахъ, провіантъ и военные припасы прибудутъ черезъ нѣсколько дней",—но все же даже мѣсяцъ спустя экспедиція была далеко еще не готова. Лишь въ началѣ марта 1795 года флотъ двинулся къ Корсикѣ.

Начальствованіе надъ войскомъ было поручено генералу Муре. Начальникомъ генеральнаго штаба былъ назначенъ генералъ Верни, а бригадными командирами Первони и Лагарпъ. Во главѣ артиллеріи стоялъ Наполеонъ Бонапартъ, а флотомъ

командовалъ адмиралъ Сенъ-Мартенъ. Комиссары Саличети и Лакомбъ Сенъ-Мишель приняли также участіе въ экспедиціи, лишь Тюрро остался въ Тулонѣ. Бонапартъ развернулъ снова свою обычную энергію. Онъ былъ окрыленъ самыми радужными надеждами на успѣхъ. Всѣ его друзья получили отвѣтственныя должности. Юно сопровождалъ его въ качествѣ личнаго адъютанта,—онъ лишь недавно былъ произведенъ въ капитаны. Мармонъ получилъ начальствованіе надъ обозомъ. Мюратъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба; Сюлья и Сенжи распоряжались движеніями войскъ. Наполеонъ спокойно смотрѣлъ на будущее. Малорадостное прошлое было забыто, и всѣ мысли его были устремлены впередъ. 2 апрѣля онъ со своимъ немногочисленнымъ штабомъ вступилъ на бортъ „Аянтье“. Адмиралъ Сенъ-Мартенъ былъ, однако, человѣкомъ весьма осторожнымъ. Онъ не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности за веденіе на Корсику столь многочисленнаго войска съ малоопытнымъ и малопригоднымъ для морскихъ экспедицій флотскимъ экипажемъ. Поэтому онъ рѣшилъ предварительно отплыть вмѣстѣ съ эскадрой, чтобы осмотрѣть укрѣпленія врага. Если ему удастся очистить море отъ англичанъ, то онъ возвратится и возьметъ войско. Флотъ горделиво двинулся въ море. Но столкновеніе его съ англійской эскадрой, состоявшей изъ пятнадцати боевыхъ судовъ и десяти фрегатовъ, окончилось довольно неудачно. Хотя французской эскадрѣ и удалось сперва захватить англійское судно „Берникъ“, отправившееся въ Гибралтаръ для починки, но вскорѣ послѣ этого, 13 и 14 марта произошло сраженіе между мысомъ Корсо и Ливорно. Сраженіе окончилось чрезвычайно неудачно для французовъ, несмотря на всю храбрость. Они потеряли два своихъ лучшихъ судна и въ концѣ-концовъ были принуждены скрыться подъ охрану береговыхъ батарей въ гавань Сенъ-Жуанъ и на Гіерійскіе острова.

Это пораженіе положило конецъ всей экспедиціи на Корсику. Войска получили 12 марта 1795 года (22 вентоза II года) приказаніе тотчасъ же присоединиться къ итальянской арміи.

Надежда Наполеона рушилась! Онъ остался безъ опредѣленной должности, такъ какъ его постъ инспектора побережья

былъ переданъ тѣмъ временемъ его соотечественнику Казабіянкѣ. Но бездѣятельность его длилась недолго. 9 апрѣля 1795 года онъ получилъ приказаніе тотчасъ же отправиться въ западную армію. Въ это время онъ находился въ кругу своей семьи въ Марселѣ. Причина такого перемѣщенія заключалась въ томъ, что въ Парижѣ зародилось недовѣріе противъ многочисленныхъ корсиканцевъ, находившихся въ итальянской арміи: ихъ старались распредѣлить по всему войску. Наполеонъ, правда, не былъ ни смѣщенъ, ни понижевъ въ чинѣ; его просто коснулась общая мѣра, предпринятая комитетомъ противъ двадцати дивизіонныхъ и пятидесяти четырехъ бригадныхъ генераловъ.

Радоваться Бонапарту, однако, было нечего, такъ какъ это было равносильно отказу отъ всѣхъ его плановъ на будущее. Кромѣ того, онъ долженъ былъ стать въ вандейской арміи подъ начало смѣлаго Гоша, равнаго ему по силѣ генія и энергіи. Его честолюбіе противилось этому. Но служба въ Вандеѣ была ему непріятна и вслѣдствіе самаго характера тамошней борьбы: гражданская война никогда не пользовалась особыми симпатіями Наполеона.

Онъ старался поэтому отсрочить свой отъѣздъ сперва подъ предлогомъ, что долженъ подождать своего преемника въ итальянской арміи. Преемникомъ его былъ назначенъ генералъ Дюжаръ, прибывшій въ Марсель лишь въ началѣ мая. 9 мая, продавъ часть своихъ экипажей и лошадей, Бонапартъ вмѣстѣ съ братомъ Людовикомъ, который ѣхалъ покамѣстъ въ военную школу въ Шалонъ, а также и съ Юно и Мармономъ покинулъ Марсель. Они отправились въ большомъ удобномъ дилижансѣ и въ дорогѣ не отказывали себѣ ни въ чемъ. Ближайшей цѣлью ихъ путешествія былъ Парижъ. Сейчасъ, какъ и въ 1792 году, Наполеонъ надѣялся найти тамъ выходъ изъ своего критическаго положенія.

По дорогѣ въ столицу они остановились на нѣсколько часовъ въ Авиньонѣ и на нѣсколько дней въ Монтелимарѣ. Здѣсь Наполеонъ намѣревался пріобрѣсти помѣстье и тотчасъ же уплатить за него. Вслѣдъ за этимъ они направились въ Валансъ и нашли тамъ старыхъ знакомыхъ Монталиве и книгопродавца Сореля.

Въ Шалонѣ Наполеону снова пришла мысль купить себѣ помѣстье. Онъ осмотрѣлъ помѣстье Раньи, принадлежавшее де-Монтиньи, и написалъ Жозефу: „Если бы ты былъ хорошимъ дѣльцомъ, ты бы купилъ это имѣніе за восемь тысячъ ассигнаціями. Ты могъ бы пустить въ ходъ шестьдесятъ тысячъ франковъ изъ приданаго жены. Мнѣ лично это бы очень хотѣлось, и я совѣтую тебѣ такъ поступить".

Приблизительно въ это время Бонапартъ со своими спутниками остановился у родителей Мармона въ Шатильонѣ-на-Сенѣ. Худощавый, блѣдный и скупой на слово офицеръ произвелъ здѣсь, въ этой антиякобинской семьѣ, неблагопріятное впечатлѣніе. Всѣ обратили вниманіе на его строгость по отношенію къ шестнадцатилѣтнему брату Луи, который никакъ не могъ научиться справляться съ логарифмами: скромный молодой человѣкъ вызывалъ жалость, особенно у дамъ.

Тѣмъ не менѣе Бонапартъ сумѣлъ увлечь молодую падчерицу, де-Шастеней, съ родителями которой Мармонъ находился въ большой дружбѣ. На другой день ихъ знакомства они уже бесѣдовали въ теченіе четырехъ часовъ.

Во время этой бесѣды Наполеонъ развивалъ молодой дѣвушкѣ свои взгляды на революцію. Ее удивило, главнымъ образомъ, то, что у республиканскаго генерала такіе умѣренно-либеральные взгляды и мысли. Онъ говорилъ ей о томъ упорствѣ, съ которымъ преслѣдовалось революціонное движеніе,—да и теперь оно еще не достаточно сильно, чтобы одержать полную побѣду. Гражданская война безъ участія аристократіи, особенно высшей, которая своимъ вліяніемъ и властію оказываетъ значительное давленіе на народъ, ему не понятна. Наполеонъ также придерживался того, взгляда, что огромная масса республиканскихъ солдатъ совершенно чужда кровавымъ событіямъ.

Мадемуазель де-Шастеней была въ восторгѣ отъ бесѣды съ офицеромъ, правда, малоинтересной наружности, и писала впослѣдствіи, въ своихъ мемуарахъ: „Я никогда не встрѣчала человѣка, который показался бы мнѣ такимъ умнымъ, какъ Бонапартъ... Эти часы... для меня незабвенны. Умъ и энергія этого человѣка всколыхнуло все мое существо".

27 мая Наполеонъ и спутники его двинулись въ дальнѣйшій

путь и 29-го прибыли въ столицу. Тамъ Бонапартъ получилъ извѣстіе отъ военнаго министерства, что онъ изъ артиллеріи перемѣщается въ пѣхоту западной арміи. Это было значительно болѣе чувствительнымъ ударомъ для него, чѣмъ переводъ въ Вандею, и не только потому, что артиллерійскіе офицеры пользовались большимъ почетомъ, нежели пѣхотные: Наполеонъ настолько сросся со своимъ родомъ оружія, снискалъ себѣ имъ уже славу и почести, что ему казался немыслимымъ переходъ въ пѣхоту. Онъ не успѣлъ еще притти тогда къ заключенію, что спеціализація начальствующихъ лицъ арміи можетъ принести только вредъ. Но чѣмъ же былъ онъ въ дѣйствительности, пѣхотный бригадный генералъ Бонапартъ подъ начальствомъ Гоша, человѣка одного возраста съ нимъ? То, что послѣдній со своей славой былъ ему неудобенъ, Наполеонъ доказалъ немного позже, довольно пророческимъ пророчествомъ въ салонѣ мадамъ Тальенъ. Онъ, шутки ради, выдалъ себя за ясновидца, и всѣ обратились къ нему съ просьбой, предсказать будущее. Среди гостей находился и Гошъ. Когда онъ подалъ ему руку, Бонапартъ, съ дурно скрываемымъ злорадствомъ, сказалъ: „Генералъ, вы умрете на своей постели!“ Онъ и не предчувствовалъ, что его пророчество дѣйствительно сбудется. Наполеонъ твердо рѣшился не брать должности въ западной арміи. Этимъ перемѣщеніемъ онъ былъ обязанъ консерватору Обри, который былъ выбранъ въ комитетъ общественнаго спасенія на мѣсто Карно. Будучи старымъ, медленно подвигавшимся впередъ по службѣ офицеромъ, Обри всегда былъ противъ быстрыхъ повышеній и дѣйствовалъ—иногда чрезвычайно несправедливо—совершенно по своему произволу. Къ Наполеону онъ питалъ личную антипатію. Пятидесятилѣтній генералъ завидовалъ быстрой карьерѣ двадцатишестилѣтняго, бившаго къ тому же еще монтаньяромъ.

Но Бонапартъ не былъ человѣкомъ, съ которымъ можно было сдѣлать все что угодно. Онъ отправился непосредственно къ военному министру и спросилъ его о причинѣ столь несправедливаго къ нему отношенія. Обри съ своей стороны указалъ на свой почтенный возрастъ, но Бонапартъ далъ ему чисто солдатскій отвѣтъ: „На полѣ сраженія быстро старѣешься!“

Но это, однако, не измѣнило рѣшенія комитета общественнаго спасенія. Тщетно стучался Наполеонъ во всѣ двери, тщетно старался вліятельными связями расположить къ себѣ Обри. Все было напрасно. Обри отвѣчалъ только однимъ: „Слишкомъ молодъ! Всѣхъ генераловъ нельзя помѣстить“. Наполеонъ никогда не думалъ, что ему придется такъ упорно бороться. Его другъ Фреронъ вспоминаетъ объ этомъ домогательствѣ въ своихъ „Историческихъ мемуарахъ“ и замѣчаетъ: „Бонапартъ употребилъ на покореніе Италіи меньше времени, чѣмъ на тѣ шаги, которые онъ дѣлалъ, чтобы добиться справедливости у комитета. Ему было легче столковаться съ королемъ Сардинскимъ, герцогомъ Моденскимъ, инфантомъ Пармскимъ, великимъ герцогомъ Тосканскимъ, королемъ Неаполитанскимъ и даже съ папой, чѣмъ съ Обри“.

И правда. Но что же оставалось дѣлать? Единственный выходъ остававшійся Наполеону, былъ—выждать время и ходъ событій. Онъ подалъ рапортъ о болѣзни. Уже 23 іюня 1795 года онъ пишетъ Жозефу: „Я назначенъ бригаднымъ генераломъ въ западную армію, но не въ артиллерію. Я боленъ и долженъ испросить отпускъ на два—три мѣсяца. Когда я выздоровѣю, я посмотрю, что можно будетъ сдѣлать“. Онъ исполнилъ свое намѣреніе и 12 іюня подалъ прошеніе, приложивъ къ нему свидѣтельство военнаго врача Марки. Отпускъ ему дали. Въ это же время Бонапартъ, очевидно, съ цѣлью показать видъ, что онъ намѣренъ отправиться въ свою бригаду, въ Вандею, послалъ туда своихъ лошадей; но по дорогѣ онѣ были захвачены шуанами.

Всѣ свои надежды онъ возлагалъ на отсрочку. Онъ надѣялся извлечь какую-нибудь пользу изъ политическихъ событій. Повсюду говорили о предстоящемъ кризисѣ, который сразу измѣнитъ положеніе вещей. Это укрѣпляло его надежды.

Положеніе его было, однако, все же незавиднымъ. Возстаніе монтаньяровъ 1 преріала III года (21 мая 1795 года), къ партіи которыхъ принадлежалъ Наполеонъ, потерпѣло фіаско, какъ и первое, бывшее 12 жерминаля (1 апрѣля). Бонапартъ, какъ мы знаемъ, былъ въ то время не въ Парижѣ, а въ Шалонѣ, но нѣкоторые изъ его друзей, среди нихъ Саличети и Альбитъ, были скомпрометированы этимъ событіемъ.

Имъ пришлось бѣжать, чтобы не попасться въ руки Конвента. Наличети нашелъ убѣжище у мадамъ Пермонъ, жившей въ Парижѣ съ 9 термидора. Она взяла его къ себѣ переодѣтымъ слугою и такимъ образомъ спасла отъ смерти. Все это, конечно, не способствовало улучшенію положенія Бонапарта, уже разъ скомпрометированнаго при паденіи старшаго Робеспьера. Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ нашелъ тамъ совсѣмъ не то, чего ожидалъ. Всѣ революціонные принципы, казалось, исчезли. Рѣчь заходила, правда, о возстановленіи конституціи 1793 года, но Конвентъ былъ очень далекъ отъ осуществленія этого намѣренія. Всѣ стремились къ покою, къ наслажденію жизнью и высказывались противъ какихъ бы то ни было переворотовъ. 9-е термидора перевернуло все вверхъ дномъ. Единственною возможностью обезпечить себѣ будущее было для Наполеона покинуть партію радикаловъ и примкнуть къ термидорцамъ.

Стать въ Парижѣ на твердую почву Бонапарту было очень трудно. Безъ связей, безъ денегъ,—хотя онъ и продолжалъ получать свой генеральскій окладъ жалованья,—онъ съ трудомъ пробивался въ то дорогое время, когда бумажныя деньги потеряли всякую цѣнность. Мармонъ разсказываетъ объ этомъ молодостовѣрномъ періодѣ жизни Наполеона: „Мы всѣ втроемъ очутились въ Парижѣ. Бонапартъ безъ должности, я безъ легальнаго отпуска, а Юно въ качествѣ адъютанта при генералѣ, котораго правительство не желало признавать. Мы проводили время въ Пале-Роялѣ и въ театрахъ, хотя почти не имѣли денегъ и никакихъ шансовъ на будущее“.

Наполеонъ встрѣтилъ въ Парижѣ своего стараго друга Бурьена. Послѣдній около этого времени вернулся въ столицу изъ Германіи. Съ нимъ-то, какъ и въ 1792 году, Бонапартъ попробовалъ снова заняться спекуляціей домами. На сей разъ они поставили на карту даже тѣ немногія деньги, которыя были у нихъ, и Наполеонъ потерялъ всѣ свои ассигнаціи, привезенныя изъ арміи. Даже тѣхъ двухъ тысячъ шестисотъ сорока франковъ, которые онъ получилъ 15 іюня отъ правительства въ качествѣ прогонныхъ, хватило очень не надолго, въ то время, когда все стоило втридорога. Онъ, правда, жилъ очень скромно. Занималъ комнату въ три франка въ недѣлю,

и весь столъ его состоялъ изъ чашки кофе утромъ, и ужина за полтора франка.

Неудачи обезкураживали его. Но и онъ, несмотря на свое неопредѣленное положеніе, вселявшее въ него заботы, былъ воодушевленъ общей радостью по поводу вновь обрѣтенной свободы передвиженія и мысли. Онъ заводилъ знакомства; вращался въ вліятельныхъ салонахъ и посѣщалъ публичныя празднества. Его проницательный умъ находилъ въ новомъ, преображенномъ Парижѣ, живившемъ въ какомъ-то опьяненіи, широкое поле и массу матеріала, которымъ онъ наполнялъ свои письма Жозефу, рисуя ему интересныя картины столичной жизни.

„Роскошь, удовольствія и искусство,—пишетъ онъ 24 мессидора III года (2 іюля 1795 г.),—снова господствуютъ въ Парижѣ... Аристократическое общество... Все направлено къ тому, чтобы развлекать людей и услаждать хоть немного ихъ жизнь. Стараешься отогнать отъ себя мрачныя мысли. Да и развѣ было бы возможно предаваться печальнымъ размышленіямъ при этой невѣроятной затратѣ духовной энергіи, въ этомъ дикомъ хаосѣ? Женщины царятъ повсюду: въ театрахъ, на прогулкахъ, въ библіотекахъ. Прелестныя фигурки посѣщаютъ кабинеты ученыхъ. Изъ всѣхъ странъ земного шара лишь здѣсь женщины умѣютъ господствовать, поэтому-то и мужчины всѣ безъ ума отъ нихъ. Женщинѣ достаточно пробыть въ Парижѣ полгода, чтобы понять, какой властью и силой она обладаетъ“.

Если Бонапартъ, въ душѣ не находившій никакого удовольствія во всѣхъ развлеченіяхъ, представлявшихся ему въ Парижѣ, принималъ въ нихъ все-таки участіе, показывался во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и завязывалъ сношенія съ вліятельными лицами, то на это у него были свои соображенія. Барра и Фреронъ играли крупную роль. Онъ зналъ ихъ еще изъ Тулона, и они были къ нему всегда расположены. Фреронъ даже имѣлъ одно время намѣреніе стать его шуриномъ. Заслуги, оказанныя въ то время Бонапартомъ отечеству, должны были теперь принести ему пользу. И онъ не ошибся: іюль былъ для него счастливѣе предыдущаго мѣсяца.

Итальянская армія подъ начальствомъ Келлермана потер-

пѣла тяжкое пораженіе и находилась въ жалкомъ состояніи. Ни правительство, ни генералы арміи не могли спасти ее отъ распаденія. Только когда мѣсто жирондиста Обри въ комитетѣ общественнаго спасенія занялъ умный и осторожный Дульсе де-Понтекулант, появилась надежда на улучшеніе. Онъ понялъ тотчасъ же все положеніе дѣлъ. По его мнѣнію, недоставало только искуснаго офицера, который могъ бы составить хорошій планъ дѣйствій. Но гдѣ же найти такого? Келлерманъ былъ, правда, хорошимъ солдатомъ, энергичнымъ и рѣшительнымъ, но командовать огромной арміей—превосходило его военныя способности и силы. Еще меньше былъ онъ способенъ на составленіе обширныхъ плановъ.

Понтекулант обратился за совѣтомъ къ чрезвычайно вліятельному Буасси д'Англа. Послѣдній обратилъ его вниманіе на молодого артиллерійскаго генерала, который былъ превосходно знакомъ съ положеніемъ итальянской арміи, такъ какъ только что пріѣхалъ оттуда. Онъ говорилъ о Наполеонѣ Бонапартѣ. Дульсе де-Понтекулант тотчасъ же вызвалъ офицера въ комитетъ общественнаго спасенія. Наполеонъ имѣлъ здѣсь нѣсколько бесѣдъ съ членами комитета. Всѣ они поразились его точными выкладками, его справедливому взгляду относительно необходимыхъ путей къ покоренію Италіи и, главнымъ образомъ, его разносторонними познаніями и взглядами. Дульсе тотчасъ же назначилъ его въ топографическое бюро.

Въ началѣ термидора—между 25 и 28 іюля—Бонапартъ принялся за работу. Первымъ дѣломъ онъ написалъ для Келлермана и для Шерера—оба они были неспособны къ составленію обширнаго плана военныхъ дѣйствій—знаменитыя „Mémoire sur l'armée d'Italie" и „Mémoire militaire sur l'armée d'Italie". Вслѣдъ за этими работами послѣдовали различныя „инструкціи" генераламъ итальянской арміи. Но ни Келлерманъ, ни Шереръ не были способны привести въ исполненіе этого грандіознаго плана. Самому Бонапарту было суждено годомъ позже осуществить свои великія идеи, изложенныя имъ отчасти уже въ этомъ планѣ военныхъ дѣйствій.

Смѣло развивалъ онъ свои мысли и въ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ. Въ противоположность его плану 1794 года онъ предлагалъ вести войну не въ Германіи, а на итальянской

территоріи. За это время политическое положеніе Франціи совершенно измѣнилось, благодаря перемирію съ Пруссіей и предстоявшему миру съ Испаніей. Единственными врагами на континентѣ оставались теперь Австрія и Пьемонтъ.

Главный интересъ свой Бонапартъ устремилъ на Вадо,— а впослѣдствіи на Каркару и Савону. Взятіе этихъ пунктовъ онъ считалъ наиболѣе важнымъ. Далѣе, было необходимо отрѣзать австрійцевъ и пьемонтцевъ и отбросить ихъ къ Александріи, чтобы затѣмъ поспѣшно обрушиться на пьемонтцевъ и вынудить у нихъ миръ путемъ угрозы похода въ Туринъ, съ которымъ была связана судьба монархіи.

Уже въ этомъ походѣ, по мнѣнію Бонапарта, республиканское войско проникло бы до Турина, а затѣмъ, соединившись съ рейнской арміей, прошло бы въ наслѣдственныя владѣнія Австріи до стѣнъ Вѣны. Тамъ уже можно было продиктовать императору условія мира. Лишь такой исключительный военный геній, какъ Наполеонъ, могъ составить подобный планъ. Его проницательный взоръ предвидѣлъ съ изумительной безошибочностью весь ходъ вещей и сумѣлъ тотчасъ же извлечь изъ него наивозможно большую выгоду. Передъ нимъ не былъ, правда, незнакомый ему врагъ и незнакомая страна. Продолжительное изученіе топографическихъ и политическихъ условій театра военныхъ дѣйствій и военной тактики австрійцевъ и итальянцевъ обусловливали, конечно, это зрѣлое мышленіе и благоразумное предвидѣніе всѣхъ возможныхъ случайностей. Онъ самъ отвѣтилъ Дульсе де-Понтекулану, когда тотъ посовѣтовалъ ему болѣе зрѣло обдумать смѣлыя мысли, не торопиться и спокойно изложить ихъ на бумагѣ: „Не торопиться? Мнѣ времени нужно немного. Мой планъ уже настолько созрѣлъ у меня въ головѣ, что мнѣ достаточно получаса, чтобы развить всѣ детали. Перо и два листа бумаги,—вотъ все, что я у васъ попрошу“. Планъ Бонапарта подвергся обсужденію членовъ комитета и былъ найденъ правильнымъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Когда же его послали на усмотрѣніе Келлермана, тотъ якобы выразился: „Авторъ этого плана кандидатъ въ домъ умалишенныхъ“.

Новѣйшій военный историкъ графъ Максимиліанъ Іоркъ фонъ-Вартенбургъ, наиболѣе компетентный изо всѣхъ крити-

ковъ военныхъ сочиненій Наполеона, говоритъ объ его планѣ 1795 года: „Съ непоколебимой вѣрой въ непогрѣшимость своихъ плановъ, свойственной лишь истинному генію или полнѣйшей бездарности, онъ считаетъ успѣхъ несомнѣннымъ и смѣлыми штрихами рисуетъ его результаты. Но широта его взгляда доказываетъ лишь, что его самоувѣренность—самоувѣренность генія, такъ какъ бездарность всегда ограничена: лишь истинному военному генію дана та живость фантазіи, которая тотчасъ же предвидитъ все, что можно извлечь изъ даннаго положенія вещей. Наполеонъ указываетъ здѣсь, какъ послѣ вынужденія мира у пьемонтцевъ, завоевать Ломбардію, продвинуться до Турина, соединиться тамъ съ рейнской арміей и, проникнувъ въ сердце австрійской имперіи, продиктовать условія мира“.

Наполеонъ былъ теперь поглощенъ неутомимой работой,— онъ просиживалъ иногда до трехъ часовъ ночи въ топографическомъ бюро. Онъ могъ быть доволенъ; число его друзей и покровителей возрастало. 19 августа (3 фруктидора) онъ былъ оффиціально назначенъ завѣдующимъ топографическаго бюро. Онъ не преминулъ, конечно, воспользоваться случаемъ и позаботиться о своихъ собственныхъ интересахъ. Нужно было ковать желѣзо пока горячо.

Прежде всего необходимо было постараться, чтобы его переводъ въ пѣхотные генералы вандейской арміи былъ отмѣненъ. 18 термидора (5 августа) онъ подалъ въ комитетъ общественнаго спасенія оправдательную записку, въ которой энергично требовалъ своего возвращенія въ артиллерію. Онъ не забылъ при этомъ упомянуть о тѣхъ заслугахъ, которыя онъ оказалъ во время двухъ походовъ и въ бытность начальникомъ артиллеріи подъ Тулономъ, инспекторомъ побережья и артиллерійскимъ генераломъ итальянской арміи. Лишь на основаніи составленнаго имъ плана армія могла овладѣть Саорджіо и Онеглiей и лишь благодаря ему разбить непріятеля при Керо. Свою защитительную записку онъ заканчиваетъ словами:

„Если генералъ Бонапартъ исключенъ изъ списковъ артиллеріи, то это произошло безъ всякой причины, лишь по настоянію нѣсколькихъ интригановъ. Они всегда старались опутать

своими интригами всѣхъ способныхъ людей. И это они называютъ веденіемъ войны!

„Генералъ Бонапартъ ожидаетъ справедливости членовъ комитета общественнаго спасенія, которая вернетъ ему его прежнее положеніе. Онъ надѣется, что они избавятъ его отъ тяжелой скорби и не дадутъ ему увидѣть свое мѣсто занятымъ людьми, которые всегда оставались въ тѣни, были далеки отъ нашихъ побѣдъ, чужды нашей арміи и обладали достаточнымъ безстыдствомъ, чтобы воспользоваться плодами побѣды, не подвергаясь при этомъ ни малѣйшей опасности!

Это несомнѣнно было отчасти преувеличено, но Бонапартъ полагалъ, что для того, чтобы достичь чего-нибудь, необходимо нарисовать положеніе вещей самыми черными красками. Онъ надѣялся на блестящій успѣхъ своей записки, разсчитывая главнымъ образомъ на расположеніе Дюльсе де-Понтекулана.

Тѣмъ временемъ отпускъ его кончился. Онъ не постарался даже возобновить свое свидѣтельство о болѣзни. Въ одинъ прекрасный день онъ получилъ категорическій приказъ отъ Исполнительной Комиссіи тотчасъ же отправиться въ западную армію: если онъ все еще боленъ, то пусть позаботится о замѣстителѣ,—или же онъ будетъ немедленно исключенъ изъ списковъ арміи.

Бонапартъ твердо рѣшилъ не повиноваться этому приказанію. Какъ, неужели же долженъ онъ служить простымъ пѣхотнымъ генераломъ,—онъ, авторъ исполинскихъ плановъ, онъ, которому правительство должно было всецѣло пойти навстрѣчу? Нѣтъ, на это онъ не согласенъ. Хотя благодарности, правда, какъ извѣстно, въ этомъ мірѣ не существуетъ. Самое лучшее дѣлать то, что зависитъ отъ тебя, и довольствоваться собственнымъ удовлетвореніемъ. Тѣмъ самымъ не становишься ли крайней мѣрѣ лжецомъ и льстецомъ—не ожесточаешься, не испытываешь желанія мести и не совершаешь никакихъ преступленій. Въ этомъ смыслѣ онъ и написалъ 30 термидора (17 августа 1795 года) своему старому другу Сюси. Онъ жалуется ему: „Меня назначили пѣхотнымъ генераломъ въ вандейскую армію. Но я не приму этого назначенія. Тысячи другихъ офицеровъ умѣютъ лучше меня командовать бригадой, но очень немногіе могутъ сравниться со мною въ руководствѣ

артиллеріею. Но я все же испытываю удовлетвореніе, что причиненная мнѣ несправедливость съ горечью чувствуется тѣми, которые цѣнятъ мои заслуги".

Возможность остаться безъ всякаго дѣла жестоко мучила Наполеона. Правда, онъ пріобрѣталъ въ топографическомъ бюро все большее и большее уваженіе, но былъ вовсе не созданъ для того, чтобы цѣлыми днями просиживать въ канцеляріи,—его мѣсто на полѣ сраженія! Ему пришло въ голову использовать свои военныя познанія и опытъ въ войскѣ султана. Въ сущности говоря, мысль эта тремя мѣсяцами ранѣе исходила отъ его брата Жозефа. Въ то время Наполеонъ отсовѣтовалъ ему и сказалъ: „Франціи въ чужой странѣ не найдешь, подыматься со ступеньки на ступеньку не путь для человѣка, который хочетъ добиться своего счастья". Теперь, однако, онъ самъ ухватился за эту мысль. Парижъ не прельщалъ его больше. Занять, однако, постоянное мѣсто въ турецкой арміи никогда не приходило ему въ голову. Чтобы не служить въ Вандеѣ, онъ воспользовался случаемъ, когда султанъ попросилъ Францію прислать нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ, которые должны были реформировать его артиллерію, находившуюся въ чрезмѣрно примитивномъ и запущенномъ состояніи. Султанъ очень спѣшилъ, такъ какъ готовился къ войнѣ съ Россіей.

30 августа 1795 г. (13 фруктидора III года) Наполеонъ исполнилъ свое намѣреніе, подалъ соотвѣтственное ходатайство комитету общественнаго спасенія и приложилъ къ нему записку объ усовершенствованіи турецкой артиллеріи. На поляхъ прошенія члены комитета Дульсе де-Понтекуланъ и Жанъ де-Бри сдѣлали свои замѣтки о генералѣ Бонапартѣ. Они выразили высшую похвалу услугамъ, оказаннымъ имъ отечеству, его способностямъ и познаніямъ и, казалось, имѣли въ виду побудить правительство не отсылать этого способнаго офицера за-границу, а оставить его лучше во Франціи, которая такъ нуждается въ талантахъ и силахъ. Очень возможно, что это свидѣтельство было внушено непосредственно Бонапартомъ и что все было лишь искуснымъ маневромъ для обращенія на себя вниманія.

Во всякомъ случаѣ Наполеонъ былъ полонъ надеждъ: буду-

щее рисовалось ему въ розовомъ свѣтѣ, и онъ надѣялся даже вернуться на прежнюю должность. Главнымъ образомъ, онъ былъ, однако, убѣжденъ въ томъ, что останется въ топографическомъ бюро.

Между прочимъ его занимали и планы женитьбы и основаніе своего домашняго очага. Его брату Жозефу „повезло“: онъ женился на богатой дѣвушкѣ, дочери марсельскаго суконнаго фабриканта Клари. Почему же бы и ему, Наполеону, на сторонѣ котораго гораздо больше преимуществъ, не добиться того же? Давно уже онъ засматривался на невѣстку Жозефа, Дезирэ (Эжени) Клари. Онъ познакомился съ этой шестнадцатилѣтней хорошенькой дѣвушкой въ Марселѣ и былъ полонъ иллюзій. Онъ разсчитывалъ нанять домъ въ Парижѣ и другой въ окрестностяхъ и пріобрѣсти трехъ лошадей и кабріолетъ, который онъ потребовалъ отъ военной комиссіи и дѣйствительно получилъ. Но, хотя Дезирэ и не имѣла ничего противъ этого брака и даже отвѣчала Наполеону взаимностью, какъ явствуетъ изъ ея писемъ, нѣжныхъ и поистинѣ полныхъ истиннаго чувства, партія эта все же вскорѣ разстроилась. Потому ли, что на разрывѣ настояли родители хорошенькой дѣвушки, или же у самого Наполеона появилось другое намѣреніе, благодаря обществу, въ которомъ онъ проводилъ время въ салонахъ мадамъ Тальенъ, мадамъ Пермонъ, у Уврара и Барра,—доподлинно ничего не извѣстно. Фактъ лишь тотъ, что онъ почему-то очень спѣшилъ осуществить свои матримоніальные планы, такъ какъ въ началѣ сентября писалъ Жозефу: „Если я здѣсь останусь, нѣтъ ничего невозможнаго, что я скоро женюсь... Было бы очень недурно, если бы ты поговорилъ объ этомъ съ братомъ Эжени. Сообщи мнѣ о результатахъ, и все будетъ сдѣлано“. Уже на слѣдующій день онъ снова писалъ: „Подумайте о моемъ дѣлѣ; я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не устрою себѣ семейнаго очага... исторія съ Эжени должна либо рѣшиться въ благопріятномъ для меня смыслѣ, либо же кончиться“.

Но потомъ неожиданно гимнъ Дезирэ смолкаетъ въ его письмахъ. Ея имени онъ больше не произноситъ. Почему?.. Дезирэ это было, повидимому, крайне тяжело. Отчаяніе звучитъ въ ея письмѣ, съ которымъ она обратилась къ Наполеону по-

слѣ его женитьбы на Жозефинѣ: „Такъ вы, значитъ, женились? И бѣдной Эжени не позволено больше любить васъ и думать о васъ?.. Мое единственное утѣшеніе теперь сознавать, что вы убѣждены въ моемъ постоянствѣ. Я думаю теперь только о смерти. Жизнь для меня страшная мука съ тѣхъ поръ, какъ я не могу ее посвятить вамъ... Вы женаты! И не въ силахъ свыкнуться съ этой мыслью, она убиваетъ меня... Никогда не буду я принадлежать другому!" Бѣдная Дезирэ! Ей была суждена другая блестящая участь на тронѣ,—на тронѣ, который долженъ былъ пережить тронъ Наполеонидовъ.

Наполеону вскружили, вѣроятно, голову прекрасныя женщины Парижа, которыя однѣ лишь понимали, „какая власть въ ихъ рукахъ". Всѣ ихъ роскошные туалеты, обворожительныя фигурки, розовыя губы, блестящіе глаза и изящный діалогъ были настолько обаятельны, что онъ забылъ ради нихъ маленькую провинціалку. Но мысль о женитьбѣ была настолько серьезна, что онъ даже сдѣлалъ предложеніе подругѣ своей матери, недавно овдовѣвшей мадамъ Пермонъ. Отъ нея, повидимому, онъ получилъ отказъ. Вслѣдъ за нею онъ попыталъ счастья у мадамъ де-ла-Бушарди, будущей мадамъ де-Леспарда.

Тѣмъ временемъ его ждала новая непріятность. Въ тотъ самый день, 15 сентября (29 фруктидора), когда было удовлетворено ходатайство Наполеона объ отсылкѣ его въ Константинополь *) и комитетъ назначилъ уже офицеровъ для сопровожденія его **), прибыло также извѣстіе отъ артилерійскаго бюро военнаго министерства, что генералъ Бонапартъ вычеркнутъ изъ списковъ арміи. Причиной этого послужилъ его отказъ отправиться въ западную армію. Такимъ образомъ, Наполеонъ потерялъ и свою должность въ топографическомъ бюро.

Такія мѣры онъ приписывалъ измѣнившейся ситуаціи въ

---

*) Отвѣтъ на ходатайство Наполеона гласилъ: „Генералъ Бонапартъ отправляется въ Константинополь для приложенія на дѣлѣ своихъ способностей и познаній, пріобрѣтенныхъ имъ въ артиллеріи".

**) То были: Юно и Леора въ качествѣ его адъютантовъ, батальонные командиры Сонжи и Роланъ де-Виларсо, артиллерійскіе капитаны Мармонъ и Аггстанъ, инженерный капитанъ де-Вильневъ, артиллерійскіе лейтенанты Буржуа и Ла-Шассъ и фельдфебеля Муассонэ и Шейпедъ.

комитетѣ общественнаго спасенія. Его другъ и покровитель, Дульсе де -Понтекуланъ, 15 фруктидора (1 сентября) былъ замѣненъ Летурнеромъ, а послѣдній былъ очень мало расположенъ къ молодому генералу. Въ сущности, исключеніе Наполеона изъ списковъ арміи имѣло свои основанія, такъ какъ что стало бы съ войскомъ, если бы, особенно въ тѣ безпокойныя времена, каждый офицеръ поступалъ какъ онъ?

Онъ самъ отнесся ко всему этому гораздо легче, чѣмъ можно было предположить. Жозефу, которому онъ обычно сообщалъ подробно о всѣхъ эпизодахъ своей жизни, онъ совсѣмъ ничего не пишетъ объ этомъ. Его занимали надвигавшіяся политическія событія. Быть можетъ, онъ уже заранѣе предвидѣлъ въ нихъ свое будущее! Его непоколебимая самоувѣренность служитъ доказательствомъ этого. И дѣйствительно, между 29 фруктидора и 13 вандемьера прошло вѣдь всего восемнадцать дней!

ГЛАВА X.

Тринадцатое вандемьера IV года.

(5 октября 1795 года).

Національный Конвентъ смѣнилъ Законодательное Собраніе. Послѣднее дало республиканской Франціи законы, которые Конвентъ долженъ былъ развить и укрѣпить. 26 октября 1795 года (4 брюмера IV года) онъ объявилъ свою дѣятельность законченной. Но до своего роспуска онъ поручилъ комитету выработку новой конституціи, важнѣйшими пунктами которой были:

Каждый французъ, достигшій двадцати пяти лѣтъ и уплачивающій прямой, личный или земельный налогъ, объявляется французскимъ гражданиномъ. Каждые двѣсти гражданъ избираютъ членовъ въ выборное собраніе; члены эти должны быть собственниками или владѣльцами имущества. Эти выборныя собранія избираютъ членовъ Законодательной власти, членовъ Кассаціонной палаты и суда присяжныхъ, правительственныхъ чиновниковъ департаментовъ, президентовъ, прокуроровъ и актуаріевъ уголовныхъ и судей гражданскихъ судовъ.

Законодательная власть составляется изъ двухъ палатъ: Совѣта пятисотъ, члены котораго должны быть не моложе тридцати лѣтъ, и Совѣта старѣйшинъ, состоящаго изъ двухсотъ пятидесяти человѣкъ въ возрастѣ не ниже сорока лѣтъ. Ежегодно треть членовъ замѣняется новыми. Совѣтъ старѣйшинъ принимаетъ или отвергаетъ законы, внесенные въ него Совѣтомъ пятисотъ. Послѣдній засѣдалъ въ Тюльери; Совѣтъ же старѣйшинъ—сначала въ манежѣ, а со второго плювіоза VII года—въ Бурбонскомъ дворцѣ.

Исполнительная власть была передана комитету изъ пяти

директоровъ, изъ которыхъ одинъ ежегодно выбывалъ и замѣнялся новымъ. Совѣтъ пятисотъ долженъ былъ съ этой цѣлью предлагать десять кандидатовъ, изъ которыхъ Совѣтъ старшинъ избиралъ новаго члена комитета. Предсѣдателемъ Директоріи избирался одинъ изъ директоровъ на трехмѣсячный срокъ. Директоріи была вручена безопасность республики, какъ внутри, такъ и во внѣ. Она отдавала приказанія по арміямъ, но члены ея не могли занимать должности генераловъ. Она назначала министровъ, комиссаровъ, генераловъ, агентовъ и бо́льшую часть тѣхъ чиновниковъ, которые получали свои должности не по выбору. Постановленія Директоріи обладали лишь тогда силой закона, когда на засѣданіяхъ присутствовало по крайней мѣрѣ трое изъ нихъ. Собиралась Директорія въ Люксембургскомъ дворцѣ, который охранялся гвардіей, состоявшей изъ ста двадцати человѣкъ кавалеріи и ста двадцати человѣкъ пѣхоты. Конституція III года страдала нѣкоторыми недостатками. Наибольшимъ изъ нихъ былъ тотъ, что исполнительная власть была вручена не, какъ въ Англіи или Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки, одному, а пяти лицамъ. Изъ боязни, что она можетъ стать орудіемъ законодательной власти, обѣимъ властямъ не дали возможности согласовать свои дѣйствія путемъ обсужденія того или иного закона. Директорія не могла ни предлагать, ни утверждать законовъ, ни даже опубликовывать ихъ; она, подобно министрамъ, не имѣла права присутствовать при совѣщаніи палатъ. Въ равной мѣрѣ, какъ Совѣтъ пятисотъ, такъ и Совѣтъ старѣйшинъ не могли спѣшить одного или нѣсколькихъ директоровъ. Такъ какъ ни законодательная, ни исполнительная власть не имѣли возможности столковаться другъ съ другомъ, та и другая, стараясь провести свое намѣреніе, должны были прибѣгать къ государственнымъ переворотамъ. Въ теченіе 1795—1799 годовъ Директорія произвела два такихъ насильственныхъ акта противъ палатъ, а послѣднія, въ свою очередь, часто возставали противъ исполнительной власти.

До роспуска Конвентъ, желая „обезпечить будущее“, издалъ 5 фруктидора (22 августа 1795 года) декретъ, дополненный 13 фруктидора. Декретъ постановлялъ, что двѣ трети

членовъ Конвента должна войти въ новые органы законодательной власти.

Оба эти декрета возбудили общественное мнѣніе Парижа и вызвали сильнѣйшее волненіе. Подстрекаемые смѣлыми роялистами, писатели и агенты выборныхъ собраній вступили въ открытую вражду съ Конвентомъ. Споръ этотъ былъ разрѣшенъ въ пользу палатъ послѣ общаго возстанія всѣхъ секцій 13 вандемьера IV года (5 октября 1795 года).

Собранія, избиравшія членовъ выборныхъ собраній, начались 20 фруктидора III г. (6 сентября 1795 г.) и занялись тотчасъ же голосованіемъ конституціи. Конвентъ не пользовался широкой популярностью, но на основаніи полицейскихъ свѣдѣній правительство было убѣждено, что конституція, за исключеніемъ декретовъ 5 и 13 фруктидора, будетъ принята. Такъ и было: она была принята подавляющимъ количествомъ голосовъ; 48 парижскихъ секцій, за исключеніемъ предмѣстья Сенъ-Антуана, отвергли, однако, оба ненавистныхъ декрета.

Волненія въ секціяхъ возрастали съ каждымъ днемъ. Благодаря пропагандѣ роялистскихъ агентовъ декреты были отвергнуты не только въ самомъ Парижѣ, но и въ провинціи. Секція „Ле-Пелетье“ была центромъ, изъ котораго исходили всѣ безпорядки. Она состояла изъ зажиточныхъ гражданъ Парижа, защищавшихъ 10 августа 1792 года Тюльери противъ черни. Содѣйствіе всѣхъ секцій въ разразившемся вскорѣ возстаніи установить очень трудно, такъ какъ отчеты о засѣданіяхъ сохранились лишь въ одной изъ нихъ.

1 вандемьера IV года (23 сентября 1795 года) были опубликованы результаты голосованія въ собраніяхъ. Изъ 958.226 голосовъ 914.853 высказались за конституцію, а 41.892 противъ. Изъ 263.171 голоса, поданнаго по поводу декретовъ, 167.171 было подано за нихъ и 95.373 противъ. По предложенію члена Конвента Бодена Конвентъ назначилъ роспускъ собраній на 10 вандемьера. Открытіе выборныхъ собраній должно было состояться 20 вандемьера, а созывъ законодательныхъ палатъ—15 брюмера (6 ноября 1795 года).

Несовпаденіе обоихъ голосованій побудило прессу и секціи обратиться противъ Конвента: секціи отказались даже признать результаты голосованія. Въ дѣйствительности, однако,

дѣло было не такъ уже опасно, такъ какъ департаменты по большей части принимали все то, что имъ предлагали изъ Парижа, а такъ какъ декреты ихъ строго отдѣлялись отъ проекта конституціи, то и за принятіе ихъ высказалось значительно большее число голосовъ.

Броженія въ секціяхъ становились все болѣе угрожающими. Подстрекаемое ими населеніе начинало волноваться. „Долой „двѣ трети"! Да здравствуетъ король! Долой Конвентъ!"—слышалось со всѣхъ сторонъ. Въ окрестностяхъ Парижа волненія настолько возросли, что Конвентъ счелъ нужнымъ для своей безопасности выпустить 3 вандемьера (25 сентября 1795 года) „Прокламацію къ парижанамъ, друзьямъ свободы и республики". Онъ обвинялъ въ безпорядкахъ „горсть бунтовщиковъ, анархистовъ и злодѣевъ" и высказалъ предположеніе, что парижане подстрекаются „подлыми роялистами". Два дня спустя, 5 вандемьера, было опубликовано постановленіе о наказаніи предсѣдателей и секретарей секцій. Это была уже открытая угроза, противъ которой необходимо было заявить протестъ. Секція „Ле-Пелетье" взяла на себя отвѣтъ на прокламацію 3 вандемьера отъ имени всѣхъ остальныхъ секцій. Отвѣтъ этотъ гласилъ: „Вы возлагаете на насъ всю отвѣтственность за вашу безопасность. Прогоните же отъ себя террористовъ и не ждите отъ насъ ничего, пока эти господа подлѣ васъ. Между жертвами и палачами нельзя достичь соглашенія!" Между тѣмъ, наступило 10 вандемьера, день, когда должно было закрыться собраніе секцій. Необходимо было во что бы то ни стало принять рѣшеніе: единственнымъ исходомъ было открытое возстаніе. Поводъ къ нему нашелся скоро въ безпорядкахъ, происходившихъ въ Дрё, во время которыхъ было арестовано по приказанію Конвента двое депутатовъ, отправленныхъ изъ этой общины въ Парижъ.

„Ле-Пелетье" не заставила себя долго просить и выпустила сообщеніе объ этихъ событіяхъ, написанное въ повышенномъ, почти торжественномъ тонѣ. Ея комиссары описали въ другихъ сорока семи секціяхъ событія, происходившія въ Дрё, и самыми черными красками обрисовали бѣдствія согражданъ. „Въ Дрё течетъ кровь, кровь нашихъ согражданъ!"—восклицали они. „Сограждане простираютъ къ намъ руки.

Они кричатъ намъ: неужели вы дадите насъ набивать, неужели же руки злодѣевъ и палачей должны проливать безпрестанно французскую кровь, невинную кровь французскихъ гражданъ?.. Поспѣшимъ же скорѣе на помощь къ нашимъ несчастнымъ братьямъ! Горе намъ, если мы услышимъ когда-нибудь: парижане дали погибнуть своимъ братьямъ, своимъ друзьямъ въ Дрё,—Парижъ долженъ погибнуть!"

Вслѣдъ за этимъ секція „Ле-Пелетье" назначила на 11 вандемьера (3 октября 1795 года) собраніе выборщиковъ парижскихъ общинъ во Французскомъ театрѣ, находившемся тогда на той самой площади, на которой стоитъ теперь Одеонъ. Собраніе это должно было опротестовать постановленіе палатъ и охраняться вооруженной національной гвардіей.

Собраніе было, однако, немноголюдное,—на немъ присутствовали всего лишь восемьсотъ скудно вооруженныхъ выборщиковъ,—и не пришло ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Но несмотря на очевидную неудачу, нѣсколько изъ собравшихся секцій высказались за возмущеніе и рѣшили не признавать вообще никакихъ законовъ Конвента. Возбужденіе умовъ достигло крайнихъ предѣловъ, и секціи стали готовиться къ борьбѣ. Парижъ былъ охваченъ пламенемъ возстанія. Всѣ магазины закрылись, раздались звуки генеральнаго марша, и солдаты національной гвардіи взялись за оружіе.

Правительство назначило комитетъ изъ пяти своихъ членовъ, который долженъ былъ предпринять мѣры въ виду серьезнаго положенія вещей. Членами этого комитета были: Летурнеръ, Мерлинъ, Дону, Барра и Колломбель. Вызвавъ въ Парижъ военное подкрѣпленіе, они рѣшили захватить на слѣдующій день (12 вандемьера) секцію „Ле-Пелетье" и обезоружить ея членовъ. „Лучшаго средства,—говоритъ Барра въ своихъ мемуарахъ,—поразить такихъ противниковъ (гражданъ, подстрекаемыхъ роялистами), какъ противопоставить имъ ихъ естественныхъ враговъ, патріотовъ, арестованныхъ послѣ реакціи 9 термидора, не было!"

Главное начальство надъ войскомъ, которое было поспѣшно усилено вооруженными гражданами, оставшимися вѣрными правительству, было поручено генералу Мену. Мену, умѣренный республиканецъ, былъ хотя и чрезвычайно храбрымъ

солдатомъ, но не обладалъ рѣшимостью, безусловно необходимой въ гражданской войнѣ. Кромѣ того, онъ былъ недоволенъ присутствіемъ террористовъ въ своемъ войскѣ,—„мошенниковъ и злодѣевъ“.

Когда 12 вандемьера граждане узнали о вооруженіи „патріотовъ 89-го года“, „кровопійцъ“,—ими овладѣла паника и страшная злоба; всѣ взялись за оружіе, готовые стереть съ лица земли террористовъ. Во главѣ возстанія стояла секція „Ле-Пелетье“.

Таково было положеніе дѣлъ вечеромъ 12 вандемьера. Вмѣсто того, чтобы энергично выступить противъ бунтовщиковъ, Мену, либо изъ мягкосердечія, либо же питая предательскіе замыслы, вступилъ въ переговоры съ вожаками возстанія и угрожалъ даже, по сообщенію Барра, казнить своихъ собственныхъ солдатъ, если они осмѣлятся выступить противъ „добрыхъ гражданъ секціи Ле-Пелетье“.

Въ концѣ-концовъ было достигнуто соглашеніе, въ силу котораго обѣ стороны должны были отступить. Но не дожидаясь отступленія противника, Мену увелъ своихъ солдатъ, какъ только секціи выразили свое согласіе. Но едва только правительственныя войска отступили, какъ секціи въ полномъ составѣ вернулись на площадь и овладѣли ею. Этотъ недостатокъ рѣшимости у главнокомандующаго войсками былъ равносиленъ для правительства крупному моральному пораженію, изъ котораго противники легко могли извлечь для себя пользу. Когда, поэтому, Конвентъ, засѣдавшій непрерывно, узналъ о событіи, онъ тотчасъ же приказалъ арестовать Мену.

Но едва распространилось извѣстіе о нападеніи правительственныхъ войскъ на секцію „Ле-Пелетье“, какъ на помощь поспѣшили вооруженные граждане всѣхъ секцій. Возставшими секціями командовалъ генералъ Даниканъ, исключенный изъ арміи въ 1793 году. Онъ былъ избранъ ночью съ 12 на 13 вандемьера.

Положеніе правительства было въ высшей степени критическое. Количество войска доходило всего до пяти тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ на сторонѣ противниковъ было свыше двадцати пяти тысячъ вооруженныхъ людей. Генералъ Мену вмѣстѣ съ бригадными генералами Дельерромъ и Де-

бара были смѣщены, а лучшіе генералы находились на границахъ Франціи. Кому же можно было поручить начальствованіе надъ войскомъ? Благодаря рѣшительному поведенію Барра, 9 термидора, его антироялистскимъ воззрѣніямъ и, главнымъ образомъ, благодаря его извѣстному краснорѣчію, въ засѣданіи Конвента было произнесено его имя. Предложеніе, исходившее отъ Бентаболя, было принято съ большимъ сочувствіемъ. Въ четыре съ половиной часа утра, 13 вандемьера, послѣдовало его назначеніе главнокомандующимъ парижскимъ войскомъ и всей внутренней арміей, а въ семь съ половиной часовъ рѣшеніе Конвента было утверждено. Депутаты Дельма, Ларивъ и де-Фонтеней были прикомандированы къ новому начальнику. Къ находившимся въ Парижѣ, лишеннымъ званія генераламъ и высшимъ офицерскимъ чинамъ было выпущено воззваніе. Многіе изъ нихъ тотчасъ же предложили свои услуги Конвенту. Среди нихъ находился и генералъ Бонапартъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ проживавшій безъ опредѣленныхъ занятій въ Парижѣ.

Барра сомнѣвался въ своихъ способностяхъ для выполненія серьезной задачи. Ему нуженъ былъ офицеръ, который могъ бы помочь ему своими познаніями и своими совѣтами. Выборъ его палъ на Бонапарта, котораго онъ зналъ еще изъ Тулона и высоко цѣнилъ. Обращеніе къ Наполеону отъ 11 вандемьера доказываетъ, что Барра еще въ тотъ день имѣлъ намѣреніе использовать способности молодого корсиканскаго генерала. Обращеніе это гласило: „Гражданинъ Бонапартъ приглашается явиться завтра въ десять часовъ утра по важному дѣлу къ гражданину директору Барра въ Шейлю“.

Степень участія Наполеона въ событіяхъ 13 вандемьера, въ важнѣйшемъ поворотномъ пунктѣ всего его жизненнаго пути, въ дни, когда онъ сразу сталъ политической личностью, съ точностью не можетъ быть установлена. Необходимо, однако, попытаться представить сыгранную имъ въ этотъ день роль въ возможно болѣе вѣрномъ освѣщеніи. Обратимся же поэтому прежде всего къ собственнымъ словамъ Наполеона, продиктованнымъ имъ на островѣ Св. Елены:

„Наполеонъ, руководившій уже нѣсколько мѣсяцевъ движеніями республиканскихъ войскъ, находился въ театрѣ Фейдо.

Увидавъ, что войско Конвента отбито, онъ поспѣшно отправился въ залъ засѣданій Конвента, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе произвело тамъ это извѣстіе. Кромѣ того, онъ рѣшилъ зорко слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ событій.

Конвентъ былъ охваченъ сильнѣйшимъ волненіемъ. Для собственнаго оправданія народные представители прежде всего сочли нужнымъ обвинить Мену. Они назвали предательствомъ то, что было лишь слѣдствіемъ неумѣнья и неопытности. Онъ былъ арестованъ. Вслѣдъ за этимъ на трибуну стали подниматься одинъ ораторъ за другимъ и указывать на грозящую опасность. Извѣстія, получавшіяся ежеминутно отъ секцій, доказывали, насколько она въ дѣйствительности была велика. Каждый депутатъ предлагалъ отъ себя генерала, который казался ему наиболѣе подходящимъ для замѣны Мену. Термидорцы предложили Барра, но другимъ партіямъ онъ былъ не пріятенъ. Всѣ бывшіе подъ Тулономъ и въ итальянской арміи, а также и члены комитета общественнаго спасенія, находившіеся постоянно въ соприкосновеніи съ Наполеономъ, предложили его, какъ наиболѣе способнаго. Своимъ умомъ, своей энергіей и своимъ умѣреннымъ темпераментомъ онъ предотвратитъ опасность. Маріотъ, находившійся на сторонѣ умѣренныхъ и бывшій однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ Комитета сорока, поддержалъ эту кандидатуру. Наполеонъ самъ замѣшался въ толпу. Онъ слышалъ все и уже цѣлыхъ полчаса раздумывалъ, что ему дѣлать. Наконецъ, онъ рѣшился и отправился въ комитетъ. Тамъ онъ категорически заявилъ о невозможности руководить такимъ важнымъ предпріятіемъ вмѣстѣ съ тремя депутатами, которые пользуются своей фактической властью и тормозятъ всѣ распоряженія генерала. Онъ добавилъ къ этому, что самъ былъ свидѣтелемъ событій на улицѣ Вивьенъ. Главнымъ виновникомъ пораженія былъ тамъ комиссаръ, который только-что выступалъ передъ собраніемъ въ качествѣ обвинителя. Смутившись этимъ показаніемъ, но не будучи въ состояніи уличить комиссара, комитетъ рѣшился ради общаго спокойствія,—нельзя было терять ни минуты,—выставить кандидатуру Барра, а Наполеона назначить вторымъ начальникомъ. Такимъ образомъ удастся избѣгнуть участія этихъ трехъ комиссаровъ".

Этому сообщенію Бонапарта нельзя, однако, придавать особой вѣры, отчасти потому, что Наполеонъ при составленіи своихъ мемуаровъ прежде всего былъ озабоченъ впечатлѣніемъ, которое они должны были произвести на потомство, отчасти же потому, что въ его собственныхъ интересахъ было придать своей дѣятельности болѣе крупное значеніе.

За это говорятъ не только свидѣтельства Тибодо и Дульсе де-Понтекулана, двухъ людей, чрезвычайно расположенныхъ къ Наполеону, но и протоколы Конвента и сообщенія „Монитера“. Послѣднія вообще не упоминаютъ его имени.

Понтекуланъ, правда, не отрицаетъ, что Наполеонъ могъ отправиться въ Конвентъ, хотя онъ уже цѣлый мѣсяцъ не работалъ въ топографическомъ бюро и былъ вычеркнутъ изъ офицерскихъ списковъ; его связи, однако, могли ему открыть двери Конвента. Но онъ утверждаетъ опредѣленно, что имя Бонапарта не было упомянуто въ засѣданіи 12 вандемьера, и Конвентъ вообще только послѣ событій 13 вандемьера узналъ, что вторымъ начальникомъ состоитъ Наполеонъ. Барра дѣйствовалъ совершенно самостоятельно и въ своемъ донесеніи отъ 13 вандемьера не говорилъ о дѣятельности Наполеона. Честолюбивому Барра не хотѣлось ни съ кѣмъ дѣлиться славою дня.

Изъ писемъ Бонапарта къ близкимъ ему лицамъ извѣстно одно, обращенное къ Жозефу и написанное 14 вандемьера въ два часа ночи, то-есть тотчасъ же послѣ событій. Въ немъ говорится: „Конвентъ назначилъ начальникомъ вооруженныхъ силъ Барра. Меня комитетъ назначилъ вторымъ начальникомъ“.

15 вандемьера Бонапартъ составилъ донесеніе о событіяхъ, которое послужило, очевидно, основой для донесенія Барра (30 вандемьера). Отчетъ Наполеона, совпадающій, впрочемъ, съ содержаніемъ его письма къ Жозефу, начинается словами: „13 вандемьера въ пять часовъ утра народный представитель Барра былъ назначенъ главнокомандующимъ внутренней арміей, генералъ же Бонапартъ—вторымъ начальникомъ“.

Фреронъ въ своемъ сообщеніи, опубликованномъ 17 вандемьера въ „Монитерѣ“, упоминаетъ, что Бонапартъ былъ на-

значенъ въ ночь съ 12-го на 13 вандемьера. На слѣдующій день, 14 вандемьера, Барра просилъ Конвентъ утвердить назначеніе Бонапарта вторымъ начальникомъ. Въ своемъ донесеніи отъ 30 вандемьера онъ говоритъ, что вторымъ начальникомъ былъ имъ назначенъ генералъ, извѣстный своими выдающимися военными способностями и своей приверженностью республикѣ.

Въ мемуарахъ же, написанныхъ на основаніи бумагъ Барра, утверждается, однако, что Наполеонъ былъ лишь его адъютантомъ и что Барра только впослѣдствіи для укрѣпленія за нимъ званія второго начальника далъ ему этотъ титулъ. „Нѣтъ ничего легче этого,—якобы сказалъ онъ, когда зашла рѣчь о смѣщеніи Мену,—у меня есть человѣкъ, котораго намъ недостаетъ: это одинъ маленькій корсиканскій генералъ!“

По свидѣтельству Фена, Лавалетта, Дульсе де-Понтекулана и другихъ, которые написали свои мемуары лишь долгое время спустя послѣ вышеупомянутыхъ событій, Бонапарту было дано званіе второго начальника. Совершенно фантастическую исторію о назначеніи Бонапарта сообщаетъ мадамъ де-Ремюза въ своихъ мемуарахъ. Наполеонъ, якобы, признавался ей впослѣдствіи въ своей роли въ событіяхъ 13 вандемьера и разсказалъ ей, между прочимъ, что онъ тотчасъ же потребовалъ пушки.

Цивп приводитъ документъ, согласно которому Бонапартъ просто-на-просто былъ возстановленъ въ своемъ прежнемъ званіи генерала, чтобы имѣть возможность вступить во внутреннюю армію, находившуюся подъ начальствомъ Барра.

Изъ различныхъ сообщеній и изъ того, что произошло въ день и послѣ 13 вандемьера, слѣдуетъ предположить, что Бонапарту, хотя и не былъ офиціально предоставленъ титулъ „секундъ-начальника“, однако, въ дѣйствительности, онъ обладалъ полномочіями такового. Его искусныя и осторожныя распоряженія предоставили Конвенту побѣду надъ секціями. Относительно этого высказываются единодушно даже и всѣ его противники.

***

Конвентъ засѣдалъ въ Тюльери. Необходимо было поэтому защищать отъ возставшихъ секцій мѣстопребываніе правитель-

ства и окрестныя улицы и зданія. Хотя назначеніе Барра официально послѣдовало лишь въ 4½ ч. утра 13 вандемьера, однако, онъ уже въ полночь вмѣстѣ съ Бонапартомъ и другими высшими офицерами сталъ готовиться къ защитѣ. Въ то время, какъ Барра стягивалъ войско, Бонапартъ прежде всего постарался укрѣпить важнѣйшіе пункты вокругъ Тюльери артиллеріей, которой, къ счастью, не было у противниковъ. Онъ остерегался впасть въ ту же ошибку, какъ король 10 августа 1792 года, который думалъ, что онъ вмѣстѣ съ войсками въ полной безопасности въ своемъ дворцѣ. Далѣе, Бонапартъ приказалъ офицеру Мюрату, судьба котораго впослѣдствіи была столь тѣсно связана съ его дѣятельностью,—доставить сорокъ орудій, находившихся въ Саблонѣ. Порученіе это Мюратъ, къ великому удовольствію своего генерала, исполнилъ въ точности, хотя ему и пришлось преодолѣть громадныя трудности.

Войска Конвента получили приказъ не начинать наступленія и даже не отвѣчать огнемъ на нападеніе секцій. Наступленіе секцій произошло, какъ и всегда, во время гражданскихъ войнъ, безъ достаточнаго порядка, медленно и разрозненно. Лишь къ вечеру оба противника выстроились другъ противъ друга, готовые къ борьбѣ. Неожиданно, однако, въ четыре часа раздался залпъ, за нимъ другой. Кто изъ обѣихъ сторонъ первый открылъ огонь, съ точностью установить не удается. Обѣ стороны приписываютъ себѣ заслугу и обѣ заявляютъ, что онѣ выжидали нападенія противника. Тотчасъ же началась рукопашная, но побѣда осталась на сторонѣ Конвента, такъ какъ онъ не только располагалъ превосходной артиллеріей, но и имѣлъ въ лицѣ Бонапарта человѣка, который геніально сумѣлъ отдать необходимыя распоряженія и провести ихъ на дѣлѣ.

Что Бонапартъ картечью протналъ членовъ секцій и роялистовъ съ паперти церкви Сенъ-Рошъ,—легенда, которая возникла лишь впослѣдствіи и не подтверждается ни однимъ достовѣрнымъ современнымъ свидѣтельствомъ. Мадамъ де-Ремюза утверждаетъ, правда, въ своихъ мемуарахъ, что Наполеонъ самъ говорилъ ей, будто поставилъ тамъ два орудія и добавилъ: „Результаты были ужасающи. Толпа и заговорщики

мгновенно разсѣялись!“ Свидѣтельство этой женщины настолько мало надежно, благодаря безчисленнымъ ошибкамъ, найденнымъ въ ея мемуарахъ, что довѣрять ему безусловно нельзя.

Передъ церковью Сенъ-Рошъ, дѣйствительно, произошла стычка, но совершенно не доказано, участвовалъ ли въ ней Бонапартъ и вообще произошла ли она съ его вѣдома. Но то, что тамъ происходилъ артиллерійскій бой, хотя и опровергается нѣкоторыми новѣйшими историками, однако, подтверждается нѣсколько лѣтъ тому назадъ опубликованными сообщеніями члена Конвента де-ла-Туша. Послѣдній, однако, не упоминаетъ имени Бонапарта. Правда, де-ла-Тушъ не былъ очевидцемъ этого боя, но получилъ точныя свѣдѣнія и тотчасъ же, послѣ событія, посѣтилъ мѣсто стычки. Онъ заявляетъ категорически, что стрѣльба происходила изъ орудія, которымъ пытались овладѣть секціи.

Въ 6 часовъ Мерленъ могъ доложить Конвенту, что всѣ нападенія удачно отбиты и что войско намѣрено согнать возставшихъ даже съ самыхъ отдаленныхъ позицій. На слѣдующій день, 14 вандемьера, Бонапартъ пишетъ брату: „Все кончено... Счастье мнѣ улыбнулось“. Относительно потерь обѣихъ сторонъ въ точности ничего неизвѣстно, однако, онѣ едва ли превышаютъ двѣсти—триста убитыхъ и раненыхъ, какъ со стороны Конвента, такъ и со стороны секцій? Наполеонъ умышленно преуменьшилъ свои потери, говоря въ упомянутомъ письмѣ брату: „Мы убили много народа, наши же потери всего простираются до тридцати убитыхъ и шестидесяти раненыхъ“. Послѣ столь неудачнаго нападенія на Тюильри, секціи быстро успокоились. Плѣнныхъ не было взято, такъ какъ Бонапартъ не хотѣлъ порочить своего имени выдачей ихъ Конвенту, а тѣмъ самымъ, несомнѣнно, и гильотинѣ.

Большинству главарей секцій удалось бѣжать изъ Парижа, такъ какъ Конвентъ не обладалъ достаточной властью, чтобы запереть заставы. Съ членами секцій обошлись чрезвычайно мягко. Они безъ труда были обезоружены 15 вандемьера. Лишь двое зачинщиковъ возстанія, Лафонъ де-Суле и Лебуа, были приговорены къ смертной казни. Мену, обвиненый въ нерѣшительности, былъ оправданъ.

Барра за свою побѣду былъ утвержденъ въ должности главнокомандующаго парижской и всей внутренней арміей. Награда Бонапарта состояла въ офиціальномъ назначеніи его вторымъ начальникомъ. 16 октября 1795 года (24 вандемьера) онъ сдѣлался дивизіоннымъ генераломъ, а послѣ отставки Барра, занялъ его мѣсто главнокомандующаго внутренней арміей.

Наполеонъ сталъ теперь героемъ дня. Его вліяніе возрастало съ часа на часъ,—его расположенія добивались всѣ, и тѣ, которыя отошли на задній планъ, благодаря реакціи 9 термидора, толпились теперь вокругъ маленькаго худощаваго корсиканца, который лишь недавно казался имъ смѣшнымъ со своими странными идеями. Теперь онъ пользовался всею полнотою власти, особенно въ качествѣ главнокомандующаго внутренней арміей. Онъ могъ теперь устроить какъ и гдѣ хотѣлъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ, которымъ онъ былъ хотя сколько-нибудь обязанъ. Онъ тотчасъ же назначилъ Вильнева батальоннымъ командиромъ инженернаго корпуса, а Рома инспекторомъ обоза. Не забылъ онъ и о своей семьѣ. Жозефу онъ писалъ 19 вандемьера (11 октября 1795 г.): „Люсьенъ сегодня вечеромъ ѣдетъ съ Фререномъ въ Марсель. Сегодня утромъ я отправилъ рекомендательное письмо въ испанское посольство. Я не могу сдѣлать больше, чѣмъ дѣлаю для другихъ. Прощай, другъ мой, я сдѣлалъ все, что можетъ оказать тебѣ пользу и способствовать твоему счастью“.

Прежде всего, нужно было, однако, укрѣпить за собою это вліяніе. Да и какимъ образомъ могъ сдѣлать это Наполеонъ, какъ не съ помощью своего генія полководца? Онъ никогда не упускалъ изъ виду своей роли въ итальянской арміи, и теперь опять его взгляды изъ Парижа устремились на югъ, въ Италію, на театръ военныхъ дѣйствій, откуда должны были притти вся его слава и всѣ почести!

13 вандемьера послужило поворотнымъ пунктомъ не только въ жизни Наполеона, но и во всей исторіи Франціи. Этотъ день закончилъ безпокойное время революціи и открылъ собою новую эру, въ которой судьба страны досталась въ руки исключительнаго по генію и по силѣ человѣка. Если бы Конвентъ былъ побѣжденъ,—что было вполнѣ вѣроятно, при

нѣсколько лучшей организаціи возстанія со стороны секцій,—тотчасъ же возникла бы анархія, такъ какъ вожди возстанія ничего не подготовили на случай успѣха своего дѣла.

⁂

27 октября 1795 года (5 брюммера IV года) впервые собралось вновь избранное законодательное собраніе. На слѣдующій день депутаты были раздѣлены на двѣ палаты; такъ какъ, однако, лицъ въ возрастѣ свыше сорока лѣтъ было болѣе двухсотъ пятидесяти, то членовъ совѣта старѣйшинъ пришлось избирать по жребію. Предсѣдателемъ „совѣта пятисотъ“ былъ избранъ Дону, предсѣдателемъ же старѣйшинъ — Ла-Ревельеръ-Лепо. 30 октября совѣтъ пятисотъ представилъ пятьдесятъ кандидатовъ, изъ которыхъ совѣтъ старѣйшинъ, согласно конституціи, долженъ былъ избрать пять директоровъ. Во главѣ этого списка стояли имена Ла-Ревельера-Лепо, Ребелля, Сьея, Летурнера и Барра. Всѣ остальные были неизвѣстными, незначительными людьми. Лишь по ошибкѣ въ концѣ списка былъ помѣщенъ Камбасеръ. Было очевидно, что въ этомъ отношеніи члены Конвента старались провести въ директора пять первыхъ лицъ. Такъ какъ времени было очень мало, то совѣтъ старѣйшинъ отказался отъ преній и назначилъ директорами пять стоявшихъ во главѣ списка депутатовъ. Одинъ только Сьей не принялъ почетнаго званія. Въ письмѣ, съ которымъ онъ на слѣдующій день обратился къ предсѣдателю совѣта старѣйшинъ, онъ заявлялъ, что его жизнь и его дѣятельность принадлежатъ законодательству и что онъ глубоко убѣжденъ въ своей неспособности нести обязанности члена Директоріи.

Его отказъ отнюдь не поразилъ тѣхъ, кто зналъ его странный характеръ. Они, наоборотъ, гораздо болѣе бы удивились, если бы онъ принялъ предложенное ему званіе. Для замѣны Сьея 3 ноября (12 жерминаля) въ совѣтъ старѣйшинъ былъ представленъ дополнительный списокъ. Изъ десяти именъ, содержавшихся въ немъ, были извѣстны лишь имена Карно и Камбасера. Другіе же, какъ и въ первый разъ, были совсѣмъ незначительными людьми. Наконецъ, 4 ноября

мѣсто Сьея занялъ Карно, и Директорія была теперь въ полномъ составѣ.

Изъ пяти лицъ, ставшихъ теперь во главѣ правительства, выдѣлялся Ла-Ревельеръ-Лепо, родомъ изъ Ванден. Онъ избралъ въ началѣ карьеру юриста, но разочаровавшись впослѣдствіи въ ней, посвятилъ себя наукѣ. Такимъ образомъ, онъ пріобрѣлъ много познаній, но ни въ чемъ не спеціализировался. Онъ былъ всѣмъ понемногу: и писателемъ, и философомъ, и ученымъ, только не государственнымъ мужемъ. Будучи мыслителемъ, философомъ, публицистомъ, онъ изучалъ исторію и проводилъ все свое время въ ботаническомъ саду. Естественныя науки интересовали его, потому что ими увлекалась его молодая супруга.

Своимъ характеромъ, своими рѣчами и бесѣдами онъ производилъ впечатлѣніе чрезвычайно нравственнаго, мягкаго и добродушнаго человѣка. Но на самомъ дѣлѣ онъ былъ фальшивъ, завистливъ и желченъ. Его коллега Карно говоритъ, что онъ „отвратителенъ и непріятенъ“. При этомъ онъ имѣлъ въ виду фальшь Ла-Ревельера и его испорченность. Правда, это мнѣніе не вполнѣ лишено безпристрастности, такъ какъ Карно по настоянію трехъ директоровъ, Ла-Ревельера-Лепо, Барра и Ребелля, былъ смѣщенъ. Несомнѣнно одно, что Ла-Ревельеръ-Лепо былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о себѣ и признавалъ только свои собственные взгляды и мнѣнія.

Онъ былъ злѣйшимъ врагомъ католицизма и упорно преслѣдовалъ священниковъ. Его религіей былъ деизмъ безъ всякихъ догматовъ. На мѣсто христіанства онъ хотѣлъ поставить революціонную религію. Руководительницей общественныхъ нравовъ онъ считалъ философію.

Но не всѣ его взгляды были таковы. Самой слабой его стороной было недостаточное знаніе людей, а вѣдь именно оно-то и необходимо, главнымъ образомъ, для государственнаго дѣятеля.

Карно, впрочемъ, былъ, въ значительной мѣрѣ правъ относительно наружности своего коллеги. Ла-Ревельеръ-Лепо былъ, дѣйствительно, мало привлекателенъ. Его внѣшность

отражала, казалось, его внутреннія качества. Въ чертахъ его лица было что-то отталкивающее, а подстриженные подъ гребенку черные волосы еще болѣе усиливали непріятное впечатлѣніе.

Въ политическомъ отношеніи онъ не всегда былъ сторонникомъ республики. Вначалѣ онъ былъ роялистомъ и оставался имъ до 1791 года, какъ и многіе другіе, превратившіеся затѣмъ въ пламенныхъ республиканцевъ. Свои политическія воззрѣнія онъ мѣнялъ вмѣстѣ съ событіями, и сталъ, въ концѣ концовъ, однимъ изъ тѣхъ, которые одинаково боролись и противъ анархистской, и противъ роялистской партіи.

Онъ былъ также однимъ изъ одиннадцати авторовъ конституціи и голосовалъ за казнь короля. Боязнь контръ-революціи толкнула его въ лагерь бывшихъ якобинцевъ. Противъ возстаній 1 преріаля и 13 вандемьера онъ возставалъ, однако, всѣми силами.

На голосованіи депутатовъ Ла-Ревельеръ-Лепо получилъ наибольшее число голосовъ, хотя онъ отнюдь не обладалъ способностями, которыхъ ожидали отъ первыхъ людей государства. При другихъ условіяхъ онъ былъ бы незначительнымъ, никому неизвѣстнымъ чиновникомъ въ какой-нибудь заурядной повседневной обстановкѣ.

Ребелль былъ также до революціи юристомъ. На родинѣ, въ Эльзасѣ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ и былъ членомъ верховнаго совѣта въ Кальмарѣ. Какъ государственный дѣятель, онъ обладалъ бо́льшими способностями и познаніями, чѣмъ его коллега Ла-Ревельеръ-Лепо; прежде всего, онъ былъ энергичнымъ, трудолюбивымъ, хотя и корыстнымъ человѣкомъ. Наполеонъ, правда, говорилъ о немъ: „Что бы ни говорили про него,—все-таки, состоя членомъ Директоріи, онъ не нажилъ себѣ состоянія. Хотя его всегда и окружали поставщики, но онъ дѣлалъ это скорѣе потому, что, въ силу своего характера, предпочиталъ имѣть дѣло со смѣлыми предпріимчивыми людьми“.

Это мнѣніе, сомнѣваться въ которомъ нѣтъ для насъ никакихъ основаній, такъ какъ Наполеонъ отнюдь не былъ запите-

ресованъ въ выдвиганіи Ребелля, опровергается, однако, показаніями другихъ коллегъ, за исключеніемъ Ла-Ревельера-Лепо. Несомнѣнно, однако, одно: Ребелль былъ способнымъ, дѣловымъ человѣкомъ. Не всегда, правда, дѣла его были кристальнo чисты. Многіе его современники утверждаютъ, что въ этомъ отношеніи онъ уступалъ даже Барра и умѣлъ только искусно и хитро скрывать всѣ концы въ воду. Въ 1792 году онъ былъ посланъ на осаду Майнца въ качествѣ комиссара. Незначительная твердость его характера и неопытность способствовали сдачѣ города союзникамъ.

Ребелль былъ членомъ Учредительнаго собранія и Конвента. Во время избранія въ Директорію ему было пятьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, съ краснвымъ, свѣжимъ открытымъ лицомъ. Его развязныя манеры свидѣтельствовали объ его привычкѣ играть роль въ высшемъ обществѣ. Это не мѣшало, однако, тому, что порой прорывалась наружу его врожденная грубость, и онъ становился безтактнымъ и цинпчнымъ. Къ тому же онъ былъ невѣроятно высокаго мнѣнія о своей собственной персонѣ и выказывалъ высокомѣріе не только по отношенію ко врагамъ и противникамъ, но даже и къ своимъ сторонникамъ. Въ политикѣ Ребелль принадлежалъ къ числу архиреволюціоперовъ, которые глубоко ненавидѣли все, что было связано съ духовенствомъ и монархіей. Его единственнымъ принципомъ было убѣжденіе въ томъ, что цѣли можно достичь исключительно путемъ энергичной защиты и поддержанія революціонныхъ интересовъ. Объ умѣренности и политическомъ благоразуміи онъ не хотѣлъ даже и слышать. Въ добродѣтели людей онъ не вѣрилъ. Но ко всѣмъ солдатскимъ достоинствамъ относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Карно говорилъ о немъ: „Онъ былъ, повидимому, глубоко убѣжденъ, что честность и гражданская добродѣтель— два несовмѣстимыхъ понятія. Онъ не понималъ, какъ безупречный человѣкъ можетъ кинуться въ объятія революціи". Вслѣдствіе этого Ребелль былъ постоянно окруженъ толпой подозрительныхъ лицъ, защитникомъ которыхъ являлся благодаря своимъ взглядамъ. Но, несмотря на все это, онъ, послѣ Карно, былъ наиболѣе способнымъ и наиболѣе отвѣчающимъ цѣли изъ пяти директоровъ. Своимъ проницательнымъ умомъ

и развитой способностью сужденія онъ ревностно и добросовѣстно вникалъ во всѣ государственные вопросы. Его коллеги старались использовать его познанія и взваливали на него всѣ наиболѣе отвѣтственныя, трудныя обязанности, особенно же всѣ финансовые вопросы.

Летурнеръ (изъ Ламанша) былъ, наоборотъ, самымъ незначительнымъ изъ всѣхъ пяти коллегъ. Онъ былъ инженеромъ и служилъ въ инженерномъ корпусѣ. Не имѣя твердыхъ самостоятельныхъ убѣжденій, онъ примкнулъ всецѣло къ Карно и, по большей части, голосовалъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ взялъ на себя урегулированіе военныхъ вопросовъ, въ которыхъ Карно самъ трудно разбирался.

Летурнеръ не пользовался особо большимъ уваженіемъ, не отличался выдающимся умомъ, широкими взглядами и большими способностями. Его избраніе удивило очень многихъ. Наполеонъ самъ говорилъ, что въ Конвентѣ были сотни депутатовъ, значительно болѣе достойныхъ, чѣмъ Летурнеръ. Его умѣренные взгляды, если вообще у него были таковые, его честный, добродушный характеръ, не могли снискать ему многочисленныхъ друзей въ это бурное, безпокойное время. Къ этому присоединялось еще то, что его жена прежде была горничной. Она мало была способна вращаться въ салонахъ и вести интриги, какъ это требовало положеніе мужа.

Летурнеръ, однако, твердо вѣрилъ въ свою роль и постоянно гордился своими познаніями, къ слову сказать, очень ограниченными, въ нѣкоторыхъ военныхъ вопросахъ.

19 мая 1797 года онъ по жребію долженъ былъ уйти изъ Директоріи. Ни разу впослѣдствіи его имя не упоминается въ исторіи. Онъ затерялся, какъ и тысячи другихъ, въ толпѣ высшихъ, но незначительныхъ чиновниковъ Имперіи.

Младшимъ и самымъ развращеннымъ среди директоровъ былъ Барра. Онъ, повидимому, призванъ былъ играть наиболѣе видную роль среди своихъ коллегъ, но не оправдалъ возлагавшихся на него ожиданій, хотя и разыгрывалъ изъ себя властелина, чуть ли не короля Директоріи. Наружность его,

правда, говорила за это. „Онъ былъ высокаго роста, сильный, крупный, прекрасно сложенъ,—читаемъ мы въ мемуарахъ Ла-Ревельера-Лепо,—съ благородными чертами лица, но на послѣднихъ лежалъ всегда отпечатокъ жестокости и гордости. Онъ былъ мраченъ и рѣдко улыбался... У него были дурныя привычки и ему недоставало изящества. Несмотря на его красивую внѣшность и мужественное лицо, ему недоставало достоинства, и всегда въ своемъ поведеніи онъ обнаруживалъ самую ординарную вульгарность, встрѣчающуюся лишь въ дурномъ обществѣ".

Барра былъ офицеромъ, воевалъ въ Вестъ-Индіи во время сѣверо-американской освободительной войны и, по возвращеніи, велъ въ Пруссіи шумный, разсѣянный образъ жизни авантюриста. Это-то и послужило причиной его моральнаго и матеріальнаго упадка. Революція застала его, происходившаго изъ старинной дворянской семьи Прованса, безъ всякихъ средствъ къ существованію въ мансардѣ на улицѣ Шамъ-Флери. Онъ тотчасъ же бросился въ объятія революціи и принялъ участіе во взятіи Бастиліи. Тѣмъ не менѣе, онъ долгое время оставался въ тѣни. Въ концѣ-концовъ, онъ примкнулъ къ партіи Дантона и сталъ членомъ Конвента. Вмѣстѣ съ Фрерономъ онъ былъ въ качествѣ комиссара подъ Тулономъ и подъ Марселемъ и былъ однимъ изъ виновниковъ рѣзни и казней въ обоихъ городахъ. Воспользовавшись этимъ, оба достойныхъ мужа увеличили свое состояніе на восемьсотъ тысячъ франковъ на счетъ государственной казны. Изъ личной ненависти къ Робеспьеру, Барра сталъ термидорцемъ. Ему удалось добиться нѣкоторой извѣстности, благодаря активной роли при низверженіи диктатора и 13 вандемьера, а кромѣ того и благодаря его краснорѣчію, отчасти и нахальству и показной храбрости.

Въ дѣйствительности же, ему было очень мало дѣла до блага своихъ соотечественниковъ, и онъ не старался заботиться объ ихъ интересахъ; несмотря на то, что онъ постоянно хвастался, что первый проколетъ мечомъ упорныхъ и недовольныхъ, онъ все же всегда избѣгалъ подвергать опасности свою драгоцѣнную особу. Впослѣдствіи онъ снова сталъ якобинцемъ и монтаньяромъ.

Во время избранія въ Директорію ему было сорокъ лѣтъ. хотя онъ и утверждалъ, что ему всего тридцать восемь.

Барра нельзя отказать въ умѣ, но его разсѣянная жизнь не дала ему возможности развить свои способности, и онъ сталъ поэтому хотя и богато одареннымъ, но неустойчивымъ членомъ общества. Работать онъ не любилъ, но взамѣнъ этого обладалъ большимъ талантомъ къ интригамъ и темнымъ дѣламъ. Онъ отличался умѣніемъ разбираться въ запутанныхъ государственныхъ вопросахъ, иногда умѣло руководилъ подавленіемъ возстаній, а его большія голосовыя средства и страстныя рѣчи выдавали его за энергичнаго человѣка. Но это только такъ казалось. Способностей законодательныхъ у него не было никакихъ.

Онъ былъ человѣкомъ безъ принциповъ, безъ убѣжденій и безъ вѣры,—врожденнымъ лжецомъ и клеветникомъ. Жизнь его была жизнью развратника. Его домъ былъ очагомъ пороковъ и излишествъ. Женщинъ, игру и вино онъ изучилъ больше, чѣмъ всѣ науки, которыми когда-либо занимался. Онъ одѣвался съ изысканной элегантностью, и его выдающаяся внѣшность бросалась въ глаза всегда еще издали. Огромная шляпа, украшенная тремя перьями, синимъ, бѣлымъ и краснымъ, ярко-красный, расшитый золотомъ камзолъ съ пышнымъ кружевнымъ воротникомъ и синій шарфъ съ золотой бахромой очень шли къ его видной красивой фигурѣ. При его расточительности ему, естественно, не хватало большого оклада въ сто пятьдесятъ тысячъ франковъ, который онъ получалъ въ качествѣ директора. Онъ, однако, не стѣснялся и пускался во всевозможныя спекуляціи, которыя часто бывали во вредъ государству.

Несмотря на всѣ эти недостатки, Барра оказывалъ на своихъ коллегъ огромное вліяніе, такъ что они постоянно повиновались его совѣтамъ и указаніямъ.

Карно былъ сыномъ юриста изъ Нолея въ департаментѣ Котъ-д'Оръ. Онъ началъ свою карьеру инженернымъ офицеромъ и къ началу революціи былъ уже капитаномъ.

Его положеніе въ Директоріи было не изъ пріятныхъ. Его

коллеги, за исключеніемъ, быть можетъ, Летурнера, не любили его. Въ качествѣ бывшаго члена комитета общественнаго спасенія онъ вселялъ въ нихъ недовѣріе.

Карно съ легкостью переходилъ изъ одной партіи въ другую, мѣнялъ политическіе взгляды и съ равнымъ усердіемъ служилъ Людовику XVI, и республикѣ, и Имперіи въ теченіе знаменитыхъ Ста дней. Въ законодательномъ собраніи и въ Конвентѣ онъ былъ жирондистомъ, сталъ потомъ террористомъ и въ началѣ Директоріи—„анархистомъ“. Впослѣдствіи же онъ сталъ исповѣдывать конституціонные взгляды.

Карно не прощали прежде всего того, что онъ былъ причиной безчисленныхъ жертвъ гильотины, среди которыхъ находилось не мало друзей другихъ директоровъ. Во время господства террора онъ, будучи членомъ комитета общественнаго спасенія, подписалъ цѣлый рядъ смертныхъ приговоровъ.

Между тѣмъ, Карно все же оказалъ отечеству большія услуги въ военной области; онѣ, правда, по большей части, преувеличены его потомками, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать того, что республика многимъ обязана ему въ отношеніи превосходной организаціи республиканской арміи. Наполеонъ, привлекшій его впослѣдствіи къ своему двору, говорилъ объ его военныхъ способностяхъ: „Карно не обладалъ военной опытностью. Даже взгляды его на оборону и защиту крѣпости, а также и его фортификаціонные принципы и тѣ, которыхъ онъ придерживался въ самой ранней молодости, совершенно неправильны. Онъ написалъ много работъ, но съ ними можетъ соглашаться лишь совершенно неопытный въ военныхъ дѣлахъ человѣкъ“.

Тѣмъ не менѣе, Карно, въ умственномъ отношеніи, значительно превосходилъ всѣхъ своихъ коллегъ. Онъ былъ неутомимымъ работникомъ. Его практическій умъ и умѣренные взгляды принесли большую пользу внутренней и внѣшней политикѣ Директоріи. Его открытый характеръ былъ несимпатиченъ его коллегамъ. Къ интригамъ онъ относился съ отвращеніемъ. У него не было ни алчности Барра, ни высокомѣрной заносчивости Ребелля, ни жестокости и ханжества Ла-Ре-

вельера-Лепо. Въ виду этого онъ скоро вступилъ въ конфликтъ съ другими членами Директоріи.

Какъ человѣкъ, онъ былъ очень нравствененъ. Его любимымъ занятіемъ была поэзія. Онъ писалъ лирическія стихотворенія, которыя часто ему удавались. Тѣмъ не менѣе онъ все же не былъ такимъ добродѣтельнымъ, какъ говоритъ о немъ легенда

Внѣшность Карно была заурядна. Онъ былъ средняго роста. Блѣдное лицо, обезображенное оспою, большой носъ, бѣлокурые волосы и водянисто-голубые глаза придавали ему чрезвычайно невинный видъ: его никогда нельзя было бы принять за яраго революціонера. Онъ самъ говоритъ объ этомъ. Онъ былъ большимъ оригиналомъ и чудакомъ,—разсѣянный, небрежный, всегда погруженный въ свои мысли и по большей части одинокій.

Послѣ 9 термидора на Карно были взведены тяжкія обвиненія. Но онъ постарался ихъ опровергнуть, примкнувъ къ главарямъ новыхъ партій. Это поставило его въ фальшивое положеніе, и 18 фруктидора онъ окончательно палъ.

Пятеро директоровъ раздѣлили между собою дѣла управленія соотвѣтственно своимъ склонностямъ и способностямъ. Ла-Ревельеръ-Лепо занялся народнымъ просвѣщеніемъ, науками, искусствами и государственными фабриками; Ребелль—организаціей финансовъ и дипломатіей; Летурнеръ—морскимъ вѣдомствомъ и колоніями. Барра взялъ на себя заботы о полиціи и внѣшнемъ представительствѣ, а Карно, вступившій въ Директорію послѣ другихъ, посвятилъ себя военному дѣлу, въ которомъ уже во время Конвента игралъ видную роль. Въ общемъ, границы дѣятельности каждаго директора были очень расплывчаты, такъ что Ла-Ревельеръ-Лепо могъ по праву сказать въ своихъ мемуарахъ, что утвержденіе, будто каждый директоръ былъ вполнѣ самостоятеленъ въ своей сферѣ, неправильно, такъ какъ всѣ постановленія утверждались общими собраніями. Кстати, нужно замѣтить, что директора очень часто, какъ и прежде Конвентъ,—занимались совершенно второстепенными вопросами, которые имъ слѣдовало бы поручать своимъ министрамъ и чиновникамъ.

Директорію ожидала огромная работа. Засѣданія начинались въ восемь часовъ утра и продолжались до четырехъ часовъ дня, а въ восемь часовъ вечера возобновлялись и длились иногда до трехъ—четырехъ часовъ утра. Лишь впослѣдствіи, когда дѣла были нѣсколько урегулированы, ночныя засѣданія были отмѣнены. Прежде всего, необходимо было заняться военнымъ дѣломъ и провіантированіемъ армій; нужно было изыскать пути и средства для улучшенія финансовъ. Нужно было также назначить цѣлый рядъ новыхъ чиновниковъ.

Назначенные Директоріей министры, не составляли, согласно конституціи, объединеннаго кабинета, а были совершенно самостоятельны, каждый въ своей области. Директорія руководила ими всѣми: она одна была тѣмъ истиннымъ министромъ, который управлялъ всею Франціею. Тѣ же, которые носили официальное званіе министровъ, были лишь исполнителями воли высшей государственной власти,—механическими орудіями директоровъ. Въ числѣ этихъ сотрудниковъ правительства, возникшаго при столь исключительномъ положеніи вещей, были: во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоялъ Бенезешъ; онъ, вѣроятно, съ большимъ удовольствіемъ занялся бы иностранными дѣлами и, навѣрное, оказалъ бы тамъ болѣе цѣнныя услуги. Бывшій адвокатъ Мерленъ (изъ Дуэ) былъ назначенъ министромъ юстиціи. Онъ былъ, правда, неутомимымъ работникомъ, но не отличался особенной дальновидностью и не принесъ почти никакой пользы. Военное министерство досталось послѣ 9 термидора назначенному главнокомандующимъ западной арміей генералу Оберъ-Дюбайе, хотя и очень храброму солдату, но малоспособному администратору. Делакруа получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Обладая, правда, недюжинными способностями, онъ все же, со своимъ тяжелымъ упрямымъ характеромъ, былъ мало пригоденъ для дипломатіи. Финансовое управленіе было поручено бывшему инженерному офицеру Фенулю. Послѣдній хотя и не былъ финансовымъ геніемъ, но достаточно хорошо разбирался въ трудныхъ вопросахъ и добился довольно ощутительныхъ благопріятныхъ результатовъ. 4 января 1796 года (14 нивоза VI года) было образовано, наконецъ,

и министерство полиціи, порученное вначалѣ Мерлену, а впослѣдствіи—Шарлю Кошону.

Открытіе дѣятельности Директоріи состоялось безъ всякой помпы и безъ всякой торжественности. Ла-Ревельеръ-Лепо описываетъ въ своихъ мемуарахъ первое засѣданіе новаго правительства.

„11 брюмера, часовъ въ девять или восемь утра, мы, Ребелль, Барра, Летурнеръ и я, отправились въ залъ засѣданія комитета общественнаго спасенія... Мы взяли съ собою нѣсколько листовъ почтовой бумаги, чернила, перочинный ножикъ и нѣсколько перьевъ,—и отправились вчетверомъ въ экипажѣ, который, согласно конституціи, сопровождала лейбъ-гвардія изъ ста сорока человѣкъ кавалеріи и изъ ста сорока человѣкъ пѣхоты, въ малый Люксембургскій дворецъ *). Войско находилось въ такомъ жалкомъ состояніи, что на нѣкоторыхъ драгунахъ, вмѣсто высокихъ ботфортъ, были низкіе стоптанные ботинки и дырявые чулки.

Всѣ залы дворца были пусты: тамъ не было никакой мебели. Послѣ тщетныхъ попытокъ, мы собрались въ маленькой комнатѣ. Управляющій дворцомъ Дюпонъ велѣлъ поставить намъ небольшой шаткій столъ, одна ножка котораго была совершенно сломана, и четыре стула, доставленныхъ изъ его собственной квартиры. Онъ одолжилъ намъ еще, кромѣ того, нѣсколько полѣнъ дровъ, такъ какъ было невѣроятно холодно. Только по прошествіи четырехъ или пяти мѣсяцевъ мы пріобрѣли всѣ самыя необходимыя вещи какъ для нуждъ самой Директоріи, такъ и для личныхъ потребностей членовъ ея.

Положеніе вещей казалось настолько печальнымъ, что мы не вѣрили въ продолжительность нашего политическаго существованія. Въ виду этого никто не вызывался намъ помогать. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что это было вполнѣ естественно, достаточно только дать себѣ отчетъ въ положеніи республики въ то время, какъ руководство ею перешло въ наши руки.

Національная казна была совершенно пуста: въ ней не

*) Ла-Ревельеръ ошибается немного въ цифрахъ: конституція назначила для охраны Директоріи всего по 120 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи.

было ни одного су. Ассигнаціи почти не имѣли никакой цѣнности, а та, которой онѣ еще обладали, падала каждый день съ угрожающей быстротой... Кошельки членовъ правительства,—по крайней мѣрѣ мой,—были такъ же пусты, какъ и казна... Оставшись безъ всякихъ средствъ, мы, вѣрнѣе, моя жена должна была быть сама и кухаркой, и горничной. Дочь помогала ей по хозяйству, а я, принимая иностранныхъ пословъ, долженъ былъ играть роль и привратника, и камердинера, и лакея".

ГЛАВА XI.

ДИРЕКТОРІЯ (1795—1799).

I. До 18 фруктидора V года.

(4-го сентября 1797 года).

Въ ноябрѣ 1795 года страна находилась въ печальномъ состояніи. Никогда еще въ исторіи не наблюдалось такой погони бѣдныхъ за богатствомъ богатыхъ, какъ во время великой революціи! Несмотря на пять милліардовъ, которые дала конфискація владѣній эмигрантовъ,—не говоря уже о движимомъ имуществѣ,—несмотря на три милліарда, поступившіе въ казну, благодаря отнятію земли у клира, несмотря на безчисленные милліарды, собиравшіеся комиссарами республики и командующими арміями путемъ обложенія округовъ, городовъ и деревень,—несмотря на все это, Франція переживала страшный денежный кризисъ!

Благодаря конфискаціи имуществъ, съ одной стороны, парализовалась сила производительнаго капитала, съ другой же—былъ нанесенъ непоправимый ударъ потребленію. Работа и творческая сила повсюду ослабѣли и пришли въ сильнѣйшій упадокъ.

Проникнутые принципами революціи, множество крестьянъ, всю свою жизнь обрабатывавшихъ землю, покинули деревни, стремясь въ городъ. Ради политики то же самое дѣлали и городскіе рабочіе, еще недавно столь трудолюбивые. Крупная и мелкая промышленность пришли въ застой, торговля совсѣмъ прекратилась, наличныя деньги исчезли и приходилось отказывать себѣ иногда въ самомъ необходимомъ. Перестали наживать предприниматели, перестали получать заработную пла-

ту и рабочіе. Доходовъ изъ городовъ и деревень не поступало, и обложеніе находилось въ самомъ печальномъ состояніи.

Сельскіе хозяева чрезвычайно страдали отъ насильственныхъ мѣръ комиссаровъ. Они взваливали на „aristocrates des campagnes“ тяжелые подати и за ничтожное вознагражденіе отнимали у нихъ хлѣбъ и зерно. Въ дѣйствительности же, эти аристократы были лишь мирными, довольно зажиточными крестьянами, считавшимися раньше твердымъ оплотомъ государства. Когда они не были въ состояніи уплачивать зачастую весьма высокія и произвольныя подати, у нихъ отбирали хлѣбъ и зерно. Тѣмъ самымъ наносился вредъ земледѣлію, что, конечно, не замедлило оказать своего рокового дѣйствія.

Такъ какъ промышленность была значительно менѣе прочна, нежели земледѣліе, то отъ революціи она страдала еще больше послѣдней. Нѣсколько лѣтъ анархіи совершенно погубили многія отрасли промышленности, какъ, напримѣръ, фабрикацію мыла. Еще печальнѣе обстояло дѣло съ торговлей, такъ какъ чувствовался недостатокъ не только въ предпринимателяхъ, но и въ наличныхъ деньгахъ. Условія кредита были чрезвычайно неблагопріятны, а процентъ росъ день ото дня. Даже общественнымъ управленіямъ не хватало денегъ для производства самыхъ необходимыхъ работъ и для отправленія неотложныхъ нуждъ. Доходы государства были очень ничтожны. А объ упорядоченіи финансоваго управленія нечего было и думать, такъ какъ граждане не хотѣли платить налоговъ. Не существовало ни общественнаго кредита, ни взаимнаго довѣрія; въ частныхъ сдѣлкахъ за все платили наличными деньгами или кредитовали за такой высокій процентъ, что это неизмѣнно должно было привести къ гибели торговли. Но печальнѣе всего была невѣроятная биржевая горячка, охватившая всѣ классы, какъ бѣдные, такъ и богатые, какъ высшіе, такъ и низшіе. Ажіотажъ развратилъ общество, поглотилъ все государственное и частное достояніе и обогатилъ лишь множество мошенниковъ, которые использовали безсиліе закона и общественное презрѣніе къ нимъ. Когда Директорія взяла въ свои руки бразды правленія, общественная касса была почти совершенно пуста, войскамъ не было уплачено, а чиновники уже долгое время не полу-

Элегантная дама при Директоріи.

чали жалованія. Въ первые дни правленія,—6 ноября 1795 года, — Директорія испросила у законодательнаго собранія сумму въ три милліарда, которая и была ей отпущена. Насколько въ то время упала цѣнность ассигнацій, видно изъ того, что эта огромная сумма равнялась всего двадцати четыремъ милліонамъ франковъ на наличныя деньги.

Во время революціи населеніе Франціи убавилось почти на три милліона. Причина этого заключается, прежде всего, въ эмиграціи и въ военныхъ потеряхъ, но такъ же не одна тысяча кончила свою жизнь благодаря лишеніямъ и голоду, а въ равной степени и гильотинѣ. И не только аристократы, богатые и состоятельные люди, по большей части вовремя покинувшіе отечество, но даже и люди изъ низшихъ слоевъ общества становились жертвами палача. По мнѣнію Прюдома, современника революціи, на эшафотѣ погибло болѣе всего крестьянъ, рабочихъ, мелкихъ ремесленниковъ и рантье. Лишь на четвертомъ мѣстѣ стоитъ духовенство и, пожалуй, на седьмомъ — дворянство и эмигранты! Въ теченіе полутора лѣтъ,—съ начала мая 1793 года до конца 1794 года,—почти все продовольствіе народа находилось въ рукахъ правительства, и тѣмъ не менѣе оно все же находилось на границѣ голодной смерти, такъ какъ во Франціи ощущался недостатокъ въ хлѣбѣ и въ мясѣ, двухъ главныхъ составныхъ частей питанія человѣка. Лишь съ трудомъ парижское муниципальное управленіе могло выдавать каждому ежедневно по двѣ унціи хлѣба и по горсти риса. Относительно же другихъ средствъ существованія дѣло обстояло еще хуже.

Исторія едва ли знаетъ второй такой примѣръ распаденія государства, какъ Франція во время Конвента,—хотя необходимо отдать справедливость послѣднему: желаніе водворить порядокъ было все время налицо.

Всѣ добродѣтельные нравы куда-то исчезли и служили мишенью для насмѣшекъ. Не существовало ни чувства стыда, ни чести, ни моральнаго уваженія къ религіи. Разводы множились съ каждымъ днемъ. Были разрушены всѣ земныя узы, каждый дѣйствовалъ по своему собственному усмотрѣнію. Школы были закрыты, и когда законъ 25 ноября 1795 года потребовалъ учрежденія новыхъ училищъ и даже основанія

національнаго института, то не оказалось ни необходимыхъ денежныхъ средствъ, ни нужныхъ учебниковъ. Во время революціи были сожжены и конфискованы не только всѣ религіозныя сочиненія, но и цѣлый рядъ учебныхъ пособій.

Не было ни адвокатовъ,—большинство ихъ кончило свою жизнь на гильотинѣ, если не успѣло скрыться,—ни врачей. Больницы находились въ ужасномъ состояніи, ихъ кассы были пусты: не хватало вслѣдствіе этого ни медикаментовъ, ни служащихъ, ни администраціи. На пожертвованія гражданъ, которые прежде дѣлали много для этихъ учрежденій, нельзя было больше разсчитывать.

Повсюду царило величайшее смятеніе. Въ промышленности господствовалъ полный застой, такъ какъ всѣ способные носить оружіе граждане находились въ арміи. Дороги, каналы и мосты разрушились, что одно уже причинило огромный вредъ торговлѣ. Лѣса были предоставлены грабежамъ всѣхъ и каждаго, кому нужны были дрова, а такъ какъ въ этомъ не соблюдалось ни порядка, ни системы, то скоро прекрасные французскіе лѣса исчезли съ лица земли.

⁂

Періодъ Директоріи чрезвычайно отличался отъ предшествовавшихъ годовъ революціи. За пять лѣтъ—отъ 13 вандемьера до 18 брюмера,—не произошло такихъ коренныхъ перемѣнъ,—мы не говоримъ здѣсь о военныхъ и дипломатическихъ событіяхъ,—какъ за первыя шесть лѣтъ революціи. Исторія Директоріи является скорѣе исторіей экономическаго быта, исторіей финансовъ, жизненныхъ условій и общества *). Хотя уже повсюду обнаруживались признаки, говорившіе о желаніи водворить порядокъ,—возобновлялись отправленія культа,—то все же, съ одной стороны, не хватало людей, которые дѣйствительно были способны водворить этотъ порядокъ, съ другой же—было чрезвычайно много такихъ, которые хотѣли се-

*) Исторіи правовъ и новому обществу при Директоріи посвящена особая глава въ этомъ томѣ. Экономическая исторія 1795—1799 гг. будетъ разобрана въ связи съ экономической исторіей консулата и имперіи въ дальнѣйшемъ изложеніи.

бя вознаградить за эпоху террора, бросались въ водоворотъ бурной жизни и до дна опорожняли чашу наслажденій.

Войны и, пожалуй, больше еще гильотина, унесли лучшихъ представителей народа. Во главѣ правительства не было ни одного человѣка, которому народъ могъ бы довѣриться, такъ какъ, помимо Карно и Ребелля, всѣ директора и министры были довольно заурядными людьми, къ которымъ народъ относился лишь съ небольшимъ уваженіемъ. Недостойное поведеніе Барра не мало способствовало пренебрежительному отношенію къ правительству.

Въ виду этого, нельзя сказать, чтобы Директорія начала свою дѣятельность при благопріятныхъ условіяхъ. Послѣ устраненія господства террора и послѣ многочисленныхъ побѣдъ надъ внутренними и внѣшними врагами республики, никто не хотѣлъ вѣрить, что правительство въ состояніи упорядочить финансовое положеніе и изыскать нужные пути и средства для созданія лучшихъ условій жизни и, прежде всего, разрѣшить наиболѣе настоятельные вопросы.

Пресса съ самаго начала была враждебна новому правительству. Въ виду этого, директора тотчасъ же занялись этимъ животрепещущимъ вопросомъ. Въ закрытомъ засѣданіи 9 ноября было принято рѣшеніе издавать газету, чтобы опубликовывать дѣйствія правительства, поскольку это входило въ его намѣренія. Руководство газетой было поручено Гара, между тѣмъ, какъ составленіе прокламацій и прочее было передано Реалю, Мете, Генгене и Антонеллю. Вначалѣ была выдана субсидія „Офиціальному бюллетеню“ Антонелля, но, когда послѣдній впалъ въ немилость Директоріи, правительство абонировалось на десять тысячъ экземпляровъ „Редактора“. Газета эта стала офиціальнымъ органомъ правительства. Точно такъ же субсидировалось и нѣмецкое изданіе „Редактора“, а также „Journal du Bonhomme Richard“, „La Sentinelle“, „Le Patriote de 89“ и „L'ami des loix“.

Во время господства Директоріи различались, главнымъ образомъ, три партіи, постоянно враждовавшія между собой: буржуазные республиканцы (партія правительства), демократическіе республиканцы (бывшіе якобинцы и террористы) и роялисты. Власть находилась въ рукахъ буржуазныхъ

республиканцевъ. Такъ какъ, однако, они были черезчуръ слабы, чтобы держаться особнякомъ, то по временамъ имъ приходилось опираться на одну изъ остальныхъ партій. Директорія болѣе склонялась къ демократической,—къ лѣвой, какъ мы бы сказали въ настоящее время,—чѣмъ къ роялистамъ, такъ какъ демократическая была настроена столь же антиклерикально, какъ и правительство. Эта партія исповѣдывала еще многіе взгляды и привычки II года. Она побудила, напримѣръ, правительство сохранить республиканскій календарь и церемонію декады и исполнять въ театрахъ передъ началомъ представленія и въ антрактахъ національныя мелодіи: „Марсельезу“, „Ça ira“, „Veillons au salut de l'empire“, „Chant de départ“ и многія другія. Кромѣ того, она называла улицы республиканскими именами, заставляла всѣхъ носить республиканскія кокарды и вмѣсто „мсье“ и „мадамъ“, называть другъ друга „гражданинъ“ и „гражданка“.

Наименѣе національной партіей были бывшіе якобинцы, террористы и монтаньяры, называвшіеся „демократической партіей“. Противники называли ихъ „Les Exclusifs“. Прежде всего они старались возстановить правительство противъ роялистовъ. Они стремились возродить прежнее якобинское общество—въ лицѣ клубовъ „Пантеонъ“ и „Реюніонъ“. Послѣдній, однако, былъ скоро закрытъ правительствомъ. Вождями своими они избрали Феликса ле-Пелетье и Антонелля, двухъ бывшихъ аристократовъ. Цѣлый рядъ должностей находился въ рукахъ новыхъ якобинцевъ. Въ началѣ правительство терпѣло ихъ махинаціи и слѣдило, главнымъ образомъ, за вновь пробуждающимися роялистами, но вскорѣ оно увидало опасность, грозившую со стороны якобинской партіи.

Благодаря пораженію 13 вандемьера, роялисты утратили было свое значеніе, но, мало-по-малу, вернули себѣ прежнюю силу. „Во Франціи существовали въ то время двѣ совершенно различныхъ партіи роялистовъ“,—говоритъ мадамъ Сталь,—тѣ, что хотѣли ограниченной монархіи, такъ какъ она, по ихъ мнѣнію, наиболѣе благопріятна для общаго порядка и свободы, и тѣ, что стремились къ монархіи, чтобы возстановить старый деспотизмъ и привилегіи. Послѣдніе старались извлечь

пользу изъ злоупотребленій, возстановить королевскіе и религіозные предразсудки и, главнымъ образомъ, воскресить старое честолюбіе". Важнѣйшими газетами открытыхъ и тайныхъ роялистовъ были: „La Quotidienne", „L'Eclair ou Journal de la France et de l'Europe", „Courrier universel"; „Le Thé ou le Controleur général", „Le Véredique", „Le Postillon de Calais", „Le Messager" ,„La feuille du jour" и „Le Miroir". Наиболѣе вліятельнымъ клубомъ—клубъ въ Клиши.

Первымъ дѣломъ Директоріи было освобожденіе Маріи-Терезіи-Шарлотты Бурбонской, будущей герцогини Ангуленской, дочери Людовика XVI. Она счастливо избѣгла гильотины, но все еще содержалась въ Тамплѣ.

Уже 24 іюня Карлетти, посланникъ великаго герцога Тосканскаго, Фердинанда III, единственный дипломатическій агентъ монарха, родственника Людовику XVI, обратился по этому поводу къ Конвенту. Онъ писалъ, что въ газетахъ появилось извѣстіе, будто участь несчастной принцессы будетъ облегчена. Онъ позволяетъ себѣ поэтому, отъ своего собственнаго имени, не будучи на это уполномоченъ великогерцогскимъ правительствомъ, освѣдомиться о состояніи здоровья заключенной. Не почувствовавъ себя задѣтымъ этимъ письмомъ, комитетъ отвѣтилъ ему 5 іюля въ уклончивомъ тонѣ. Такъ какъ Карлетти опасался получить неблагопріятный отвѣтъ, то онъ спустя короткое время послѣ учрежденія новаго правительства обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой разрѣшить ему посѣщеніе „Madame Royale", такъ какъ онъ слышалъ, что принцесса должна была въ скоромъ времени покинуть Тампль. Министръ любезно отвѣтилъ, что ему ничего неизвѣстно относительно освобожденія дочери Людовика XVI, но что, во всякомъ случаѣ, онъ передастъ его ходатайство Директоріи. Члены послѣдней были, однако, крайне возмущены просьбой Карлетти, тѣмъ, что иностранный дипломатъ, офиціально уполномоченный во Франціи, осмѣливается вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны и предупреждаетъ ихъ собственныя намѣренія. Декретомъ 1 декабря они порвали всякія сношенія съ Карлетти и отослали ему паспорта. Вмѣстѣ съ

тѣмъ они сообщили объ этомъ великому герцогу Тосканскому и добавили, что этотъ личный разрывъ съ посланникомъ великаго герцога отнюдь не долженъ омрачить отношеній обоихъ государствъ и что они во всякое время съ радостію примутъ другого посланника, котораго назначитъ въ Парижъ великогерцогское правительство. Фердинандъ III счелъ наиболѣе удобнымъ выразить порицаніе своему посланнику во Франціи. Карлетти быстро уѣхалъ изъ Парижа, впалъ въ немилость у великаго герцога и былъ замѣненъ Корсини.

Переговоры съ австрійскимъ правительствомъ относительно выдачи бурбонской принцессы начались еще при Конвентѣ. Они были вначалѣ поручены Пишегрю, но событія 13 вандемьера затянули ихъ. Наконецъ, 27 ноября Директорія поручила министрамъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ сдѣлать необходимыя приготовленія для обмѣна дочери послѣдняго французскаго короля на Кинетта и нѣкоторыхъ другихъ. 19 декабря, въ четыре часа утра, принцесса вышла изъ Тампля и 24 прибыла въ Гюнингенъ. Нѣсколько дней спустя, 26 декабря, Австрія выдала попавшихъ въ ея руки благодаря измѣнѣ Дюмурье, французовъ Камю, Друэ, Кинетта, Банкаля и Ламарка, а также Маро и Семонвиля, которые были захвачены на границѣ Тироля, на пути къ своимъ дипломатическимъ постамъ въ Константинополь и Неаполь.

Слѣдующимъ, достойнымъ упоминанія, событіемъ въ первый періодъ правительственной дѣятельности Директоріи было окончаніе войны съ Вандеей. Она велась съ 1793 г. между роялистами и войсками Конвента съ чрезвычайно измѣнчивымъ успѣхомъ. Лишь при Директоріи сопротивленіе бывшихъ провинцій Пуату, Анжу и Бретани было, наконецъ, сломлено.

Въ серединѣ сентября 1795 г. Гошъ былъ назначенъ командующимъ западной арміей и отправился въ Нантъ, чтобы замѣнить тамъ Канкло. 12 сентября къ острову приплылъ второй англійскій флотъ съ войскомъ, подкрѣпленнымъ роялистами,—первая попытка высадки экспедиціоннаго корпуса, состоявшаго изъ эмигрантовъ и англичанъ, потерпѣла жалкое

фіаско въ іюнѣ того же года, у Кіберона. Въ этомъ флотѣ находился, между прочимъ, графъ д'Артуа.

Гошъ вполнѣ соотвѣтствовалъ возложенной на него миссіи. Онъ поставилъ сильные наблюдательные посты вдоль Sèvre nantaise, чтобы раздѣлить Стофле и Шаретта обоихъ выдающихся вождей вандейцевъ. Шаретъ 26 іюня 1795 года, снова поднялся, между тѣмъ, какъ Стофле, Сапино и Сепо сохраняли пока нейтралитетъ, либо потому, что завидовали Шарлетту, съ которымъ соединился графъ д'Артуа, либо же потому, что боялись Гоша.

Со своимъ обычнымъ умѣніемъ Гошъ образовалъ три колонны, рѣшивъ направить ихъ на Бельвиль, на главную квартиру Шаретта, но послѣдній со своимъ корпусомъ въ 9,000 человѣкъ двинулся дальше на югъ, желая перенести туда поле военныхъ дѣйствій. По дорогѣ онъ встрѣтился со слабымъ отрядомъ республиканцевъ, которыхъ, навѣрное, уничтожилъ бы, если бы не пришло подкрѣпленіе правительственныхъ войскъ, привлеченныхъ грохотомъ пушекъ и не обратило бы въ бѣгство самого Шаретта. Гошъ вслѣдъ за этимъ отступилъ въ Суланъ и, подкрѣпивъ значительно свое войско *), подготовился къ отраженію высадки англійскаго экспедиціоннаго корпуса. На островѣ Э царила величайшая нерѣшительность. Островъ не имѣлъ удобныхъ гаваней для судовъ, а, вслѣдствіе все болѣе и болѣе ухудшавшейся погоды, положеніе союзниковъ со дня на день становилось все болѣе критическимъ. Такъ какъ, въ виду этого, флотъ не могъ дольше держаться, то графъ д'Артуа рѣшилъ отступить. Самъ онъ 18 ноября вернулся въ Англію, а 26 фримера IV года (17 декабря 1795 г.) поднялъ якорь и флотъ. Англичанамъ эта экспедиція обошлась по меньшей мѣрѣ въ восемнадцать милліоновъ; до того они истратили уже двадцать восемь милліоновъ на экспедицію въ Кіберонъ.

Гошъ приступилъ къ возстановленію порядка въ злосчастной Вандеѣ. Не военными дѣйствіями и не грубымъ насиліемъ старался онъ подавить возстаніе народа, а своей умной, полу-

*) Благодаря войнѣ съ Испаніей можно было сократить пиринейскую армію, и 25,000 свѣжаго войска были посланы Гошу.

мягкой, полустрогой политикой; такъ какъ противники не только умѣли пользоваться оружіемъ, но въ то же время обрабатывали свои поля и только по приказанію своихъ вождей мѣняли плугъ на мушкетъ, то Гошъ для того, чтобы заставить ихъ сдать оружіе, рѣшилъ отнять у нихъ скотъ, земледѣльческія орудія и хлѣбъ и не возвращать до тѣхъ поръ, пока они не выдадутъ ему достаточнаго количества оружія и военныхъ припасовъ. Онъ развѣсилъ по всей странѣ прокламаціи, содержавшія всего одну фразу: „Сдайте ваше оружіе, и вамъ вернутъ скотъ“. Это помогло. Къ населенію онъ относился съ величайшей снисходительностью. Дисциплина, однако, строго поддерживалась, и благодаря этому Гошъ пріобрѣлъ много сторонниковъ, особенно среди духовенства, которое онъ привлекалъ на свою сторону подарками и разрѣшеніемъ свободнаго отправленія богослуженія. Въ благодарность за это духовенство способствовало его мирнымъ намѣреніямъ. Одновременно съ этимъ летучіе отряды наводнили собою всю страну и, благодаря превосходной постановкѣ развѣдочнаго дѣла, генералъ былъ освѣдомленъ о всѣхъ движеніяхъ врага. Мало-по-малу довѣріе населенія перешло на его сторону; ему было сдано большое количество оружія, отдѣльныя группы населенія выразили свою покорность, и крестьяне вновь могли посвятить себя своимъ мирнымъ занятіямъ.

Кольцо, которымъ Гошъ окружилъ Шаретта, становилось все тѣснѣе и тѣснѣе. Предводителю повстанцевъ удавалось, правда, сбивать аванпосты, но онъ все же ни за что не могъ пробиться сквозь кольцо.

Въ январѣ 1796 г. Гошъ былъ вызванъ въ Парижъ для совѣщанія съ Директоріей относительно новыхъ военныхъ операцій. Его враги и роялисты торжествовали, но молодой генералъ скоро вернулся въ Вандею съ новыми, расширенными полномочіями. Онъ сталъ принимать рѣшительныя мѣры, чтобы окончательно подавить возстаніе. Еще передъ отъѣздомъ въ Парижъ съ Гошемъ вступили въ переговоры Стофле и аббатъ Бернье; послѣ возвращенія его переговоры возобновились. Они, однако, не привели ни къ чему, такъ какъ Стофле хотѣлъ лишь выиграть время, чтобы затѣмъ вновь раздуть пламя возстанія.

Послѣднее было весьма удобно для Гоша, такъ какъ теперь онъ могъ открыто выступить противъ Стофле. Окруженный со всѣхъ сторонъ, Стофле со своими тремястами сторонниковъ подвергся нападенію близъ Шемилэ и былъ разбитъ на-голову. Преслѣдуемый врагами, онъ нигдѣ не могъ найти себѣ убѣжища, а число его сторонниковъ падало съ каждымъ днемъ. Въ ночь съ 24 на 25 февраля онъ былъ окруженъ сильнымъ отрядомъ въ помѣстьѣ ла-Согреньеръ, въ Жаллэ, и, послѣ отчаяннаго сопротивленія, взятъ въ плѣнъ. На допросѣ, въ Анжерѣ, онъ сказалъ: „Я только роялистскій офицеръ. У меня нѣтъ ничего, кромѣ сабли. Она теперь сломана, и Шаретть сумѣетъ отомстить за меня. Онъ будетъ защищаться до послѣдняго изнеможенія“. Въ эту же ночь былъ вынесенъ Стофле приговоръ, а утромъ, 25-го, онъ былъ преданъ разстрѣлянію.

Смерть Стофле закончила гражданскую войну въ верхней Вандеѣ.

Гошъ обратился теперь противъ Шаретта, котораго, несмотря на самыя искусныя мѣропріятія, поймать не удавалось. Онъ блуждалъ изъ деревни въ деревню. И по временамъ занималъ преимущественное положеніе передъ врагомъ. Даже его сторонники совѣтовали ему вступить въ переговоры съ правительственными войсками, такъ какъ, вѣдь, въ концѣ концовъ сопротивленіе будетъ тщетно. Гошъ предложилъ ему даже отправить его вмѣстѣ съ семьей въ Англію или Швейцарію, но все было напрасно! Распустивъ часть своей пѣхоты, Шаретть сдѣлалъ еще послѣднюю попытку собрать вокругъ себя приверженцевъ. Между тѣмъ срокъ, данный ему генераломъ Гратьеномъ на размышленіе, истекъ; Гратьенъ тѣснымъ кольцомъ окружилъ Шаретта, и, несмотря на мужественное сопротивленіе, большая часть вандейцевъ была убита или разсѣяна во всѣ стороны. Вождю ихъ, однако, удалось спастись бѣгствомъ съ кучкой вѣрныхъ сторонниковъ. Послѣдніе, спустя нѣсколько дней, получили подкрѣпленіе со стороны населенія,—около двухсотъ молодыхъ людей, готовыхъ положить жизнь за своего любимаго вождя: въ побѣду его они не могли уже вѣрить.

Еще три недѣли Шаретть, какъ затравленный звѣрь, блу-

ждалъ по странѣ, не имѣя возможности остановиться нигдѣ больше, чѣмъ на нѣсколько часовъ, такъ какъ опасался, что само населеніе можетъ его выдать врагу. 22 марта 1796 года рѣшилась, наконецъ, его участь. Между Гійоньеоромъ и Саблономъ онъ былъ загнанъ въ тупикъ республиканскимъ отрядомъ; онъ бѣжалъ, но попалъ въ руки другого отряда, подъ начальствомъ генерала Траво, который, послѣ отчаяннаго сопротивленія, взялъ его въ плѣнъ 23 марта, въ лѣсу, близъ Шарлоттери. Раненаго Шаретта отвезли въ Нантъ, гдѣ онъ прежде справлялъ пышный тріумфъ, предали военному суду и 9 жерминаля IV года (29 марта 1796 года) разстрѣляли. Онъ умеръ спокойно и твердо, какъ Стофле. Въ отвѣтъ на слова одобренія духовника Шаретть заявилъ: „Отецъ мой, я сотни разъ шелъ на вѣрную смерть. Сегодня въ послѣдній разъ иду я навстрѣчу ей, и не противлюсь ей, и не боюсь ея“.

Смерть двухъ вождей возставшей Ванден избавила правительство отъ тяжелыхъ заботъ. Хотя преемникомъ Стофле былъ избранъ графъ д'Отишамъ, однако, возстаніе было окончательно подавлено. Черезъ нѣсколько недѣль должны были сдаться Сено и Соппно. Немного времени спустя сдался и Жоржъ Кадуаль, предводитель шуановъ. Только Фроттэ, дю-Буаги и Пюисэй не хотѣли слышать о сдачѣ и выжидали удобнаго случая, чтобы снова начать гражданскую войну.

Когда, 10 марта 1796 года (21 флореала IV года), парижане проснулись, они увидѣли на стѣнахъ города прокламацію, изъ которой, къ своему великому удивленію, узнали, что избѣгли страшной опасности. Прокламація гласила:

„Граждане, наступающей ночью или завтра рано утромъ долженъ быть приведенъ въ исполненіе страшный заговоръ. Шайка воровъ и убійцъ намѣревается убить всѣхъ членовъ правительства, генеральнаго штаба внутренней арміи и всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ Парижа. Они хотятъ возстановить конституцію 1793 года! *).

*) Конституція 1793 года, выработанная тоже Конвентомъ, никогда не вступала въ силу. Она была гораздо демократичнѣе конституціи 1795 года.

„Эта прокламація будетъ сигналомъ къ грабежу домовъ, магазиновъ и лавокъ и повлечетъ за собой убійство цѣлаго ряда гражданъ.

„Но успокойтесь, любезные граждане; правительство настражѣ. Оно знаетъ главарей заговора и средства, которыми хотятъ они воспользоваться для его выполненія... Правительство предприняло необходимыя мѣры, чтобы разрушить заговоръ и предать мести закона заговорщиковъ и ихъ вѣрныхъ сторонниковъ".

Зачинщикомъ и главаремъ этого заговора былъ нѣкій Франсуа Ноэль Бабефъ, или, какъ онъ себя называлъ впослѣдствіи, Гракхъ Бабефъ. Родившись въ 1760 году въ Сенъ-Квентинѣ, въ бѣдной семьѣ, онъ сталъ пламеннымъ защитникомъ угнетенныхъ классовъ народа. Самъ очень несчастный, не признаваемый большинствомъ, онъ всю жизнь долженъ былъ мучиться и гнуть спину, не достигнувъ того немногаго, къ чему онъ стремился: спокойной, скромной жизни. Повременамъ ему приходилось заботиться не только о собственной семьѣ, но еще и о матери, братьяхъ и сестрахъ. Тѣмъ не менѣе, даже во время упорной борьбы за существованіе онъ все же улучалъ часы для занятій науками. Въ 1785—1788 годахъ онъ поддерживалъ литературную переписку съ нѣкоторыми писателями, особенно же съ тогдашнимъ постояннымъ секретаремъ академіи Дюбуа-де-Фоссэ, который скоро оцѣнилъ способности молодого Бабефа. Переписка, по всей вѣроятности, оборвалась потому, что Бабефъ былъ дающей стороной, а Дюбуа-де-Фоссе хотѣлъ только обогатить свои знанія на счетъ корреспондента!

Печальный опытъ тяжелой жизни пробудилъ въ Бабефѣ горькое чувство, которое мало-по-малу превратилось въ глухую ненависть къ богатымъ, владѣтельнымъ классамъ.

Революція немало способствовала развитію его коммунистическихъ идей. Съ начала ея онъ вступилъ въ открытую борьбу съ имущимъ классомъ и въ 1790 году основалъ газету „Le correspondent picard", которую велъ совершенно одинъ. Въ сентябрѣ 1792 года онъ былъ назначенъ архиваріусомъ управленія департамента Соммы, но комиссаръ Конвента Андре Дюмонъ, не симпатизировавшій ему, смѣ-

стилъ его съ этой должности. Вмѣсто нея онъ получилъ должность окружнаго инспектора въ Мондидье.

Жизнь Бабефа была не лишена ошибокъ. Нужда толкала его по временамъ на сомнительные поступки. Такъ, въ Мондидье онъ былъ осужденъ на двадцать лѣтъ тюремнаго заключенія за подлогъ документа при продажѣ національнаго имѣнія. Но ему заранѣе удалось узнать о взведенномъ на него обвиненіи, и онъ якобы измѣнилъ имена въ договорѣ при продажѣ земли, а затѣмъ отправился въ Парижъ, гдѣ его никто не зналъ. Съ трудомъ нашелъ онъ въ столицѣ мѣсто секретаря въ одномъ изъ вѣдомствъ, что, однако, не мѣшало ему продолжать развивать свои взгляды въ газетахъ и брошюрахъ. Тѣмъ временемъ его мѣстопребываніе было открыто, и онъ, по предписанію суда въ Мондидье, былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Оттуда Бабефъ сталъ писать одну оправдательную записку за другой; Конвентъ обратилъ на него вниманіе, и дѣло его поступило въ кассаціонную палату. Будучи передано въ ліонскій судъ, дѣло было прекращено, такъ какъ судьи признали, что основаній къ обвиненію Бабефа не имѣется. Его выпустили на свободу. Въ настоящее время мы можемъ сказать вполнѣ опредѣленно, что Бабефъ совершилъ подлогъ не умышленно, а исключительно по небрежности.

Вернувшись въ Парижъ, Бабефъ поступилъ на прежнее мѣсто и посвятилъ себя публицистикѣ. Онъ опубликовалъ сочиненіе „Du système de population, ou la vie et les crimes de Carrier“ и основалъ „Journal de la liberté de la presse“, который впослѣдствіи получилъ названіе „Tribun du peuple ou défenseur des droits de l'homme“. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ нападалъ какъ на Робеспьера, такъ и на все общество со всею горечью интеллигента, доведеннаго горемъ и нуждою до крайности. Полиція обратила на него вниманіе; его арестовали; онъ содержался сперва въ парижскихъ тюрьмахъ Ортн и Ла-Форсъ, а впослѣдствіи былъ переведенъ въ Аррасъ. Во время своего заключенія,— арестованные въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ могли сообщаться между собою,—онъ нашелъ людей, раздѣлявшихъ его взгляды, и они-то стали его первыми сторонниками. 12 сентября

1795 года (26 фруктидора III года) заключенный былъ переведенъ изъ Арраса въ Парижъ, но общая амнистія 26 октября 1795 года (4 брюмера IV года) дала ему свободу.

Недавняя антипатія Бабефа къ Робеспьеру смѣнилась величайшимъ преклоненіемъ передъ этимъ республиканцемъ. Выйдя изъ тюрьмы, Бабефъ вступилъ въ сношенія съ бывшими сторонниками Робеспьера и съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся за редактированіе своего „Народнаго Трибуна“. Онъ сблизился съ Жерменомъ, Дидіе, Антонеллемъ, Амаромъ, Друэ и съ итальянцемъ Филиппо Буанаротти, ставшимъ впослѣдствіи его вѣрнымъ другомъ. Приверженцы его, которыхъ называли „Les Egaux“, учредили нѣсколько клубовъ и регулярно собирались въ бывшемъ монастырѣ св. Женевьевы, снятомъ Феликсомъ де-Пелетье, братомъ члена Конвента. Тамъ засѣдалъ клубъ „Пантеонъ“, который вскорѣ слился со сторонниками Бабефа. По приказанію Директоріи, Бонапартъ 27 февраля 1796 года (8 вентоза IV года) закрылъ этотъ клубъ, члены котораго не оказали ему при этомъ ни малѣйшаго сопротивленія.

Послѣ закрытія клуба „пантеонисты“ тщетно пытались основать новый, выдавая себя за теофилантроповъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Бабефъ для увеличенія числа своихъ сторонниковъ. Вмѣстѣ съ Буанарроти, Антонеллемъ, Дартэ и Сильвеномъ Марешалемъ онъ въ началѣ жерминаля IV года основалъ тайную директорію, надѣясь, наконецъ, перейти къ дѣлу—къ открытому возстанію.

Тайная директорія подготовила, вѣроятно, при близкомъ участіи Марешаля, ко дню возстанія опубликованіе своей программы. Манифестъ этотъ, однако, не былъ напечатанъ, такъ какъ былъ признанъ тайной директоріей черезчуръ обширнымъ. Онъ былъ замѣненъ „Анализомъ доктрины Бабефа“, который очень ярко воспроизводитъ идеи этого соціалиста.

Важнѣйшія положенія, выставленныя въ этомъ „Анализѣ“, были слѣдующія: „1. Природа дала всѣмъ людямъ равное право пользоваться всѣми благами.—2. Цѣль общества—защищать это равенство, нарушенное сильными и злыми, и путемъ содѣйствія всѣхъ повышать общественное бла-

госостояніе.—3. Природа возложила на каждаго человѣка обязанность трудиться; никто не имѣетъ права уклоняться отъ работы.—4. Трудъ и удовольствіе должны быть общими.—5. Если человѣкъ работаетъ неутомимо и тѣмъ не менѣе терпитъ нужду, въ то время какъ другой, не дѣлая ничего, купается въ избыткѣ, то это должно быть названо угнетеніемъ.—6. Никто не имѣетъ права, не совершая преступленія, овладѣвать исключительнымъ правомъ на богатства земли или промышленности.—7. Въ истинномъ обществѣ не должно быть ни бѣдныхъ, ни богатыхъ.—8. Богатые, не желающіе отказаться отъ избытка въ пользу нуждающихся,—враги народа.—9. Никто не имѣетъ права лишать другихъ образованія, необходимаго для его блага: обученіе должно быть всеобщимъ.—10. Цѣлью революціи является уничтоженіе неравенства *) и достиженіе общаго блага.—11. Революція не закончена, такъ какъ богатые продолжаютъ накоплять сокровища, неограниченно господствовать, между тѣмъ, какъ бѣдные трудятся, какъ рабы, томятся въ нуждѣ и не играютъ никакой роли въ государствѣ".

Несмотря на нѣкоторыя удачныя мысли, содержащіяся въ принципахъ ученія Бабефа, оно все же содержало въ себѣ коренныя ошибки, которыя никогда, даже въ случаѣ успѣха

*) Французская революція обращалась прежде всего противъ государства, но не противъ богатыхъ. Ее интересовало не столько экономическое, сколько политическое равенство. Во время Директоріи, напримѣръ, банкиры, поставщики арміи и спекулянты накопляли часто огромныя состоянія. Такъ, Увраръ въ своихъ мемуарахъ признается, что втеченіе трехъ мѣсяцевъ нажилъ полмилліона наличными деньгами, что тѣмъ болѣе удивительно, такъ какъ въ то время платили большею частью ассигнаціями. Поставщики арміи обманывали гдѣ только могли, и обогащались на счетъ казны и несчастныхъ солдатъ. Заявленіе Журдо отъ 10 фруктидора ярко освѣщаетъ господствующія условія во время Директоріи. „Втеченіе двухъ лѣтъ,—говоритъ онъ,—я командовалъ надъ ста пятидесятью тысячами человѣкъ, но никогда не получалъ больше десяти тысячъ порцій въ день. Мнѣ приходилось раздобывать недостающее въ странѣ, гдѣ мы находились. Тѣмъ не менѣе казна платила все время за сто пятьдесятъ тысячъ порцій кровопійцамъ-поставщикамъ! Они пожираютъ народныя средства къ существованію, и невѣроятное богатство и возмутительная роскошь еще болѣе укрѣпляетъ ихъ въ ихъ наглости".

заговора, не дали бы возможности практически осуществить принципы Бабефа и его сторонниковъ: трудъ ремесленника и низшаго рабочаго, которые ежедневно и ежечасно исполняютъ одну и ту же, быть можетъ, чисто механическую работу, Бабефъ ставилъ наравнѣ съ творческимъ трудомъ ученаго, художника, инженера и вообще съ таковымъ всякаго, самостоятельно трудящагося и мыслящаго человѣка! Огромное большинство тѣхъ, которые развили принципы Бабефа, навѣрное, первые въ будущемъ государствѣ убѣдились бы въ ошибкѣ своего ученія.

Бабефъ и его сторонники старались всѣми возможными средствами привлечь на свою сторону солдатъ и распространяли среди нихъ многочисленныя прокламаціи, имѣвшія цѣлью побудить ихъ къ возмущенію. Директорія, извѣщенная о броженіи, но не освѣдомленная подробно о намѣреніяхъ Бабефа, сочла возможнымъ оставить въ столицѣ небольшое количество войска, а два большихъ отряда отправила въ Гренелль и Винсеннъ. Въ равной мѣрѣ правительство нашло цѣлесообразнымъ распустить спеціальный отрядъ въ шесть тысячъ человѣкъ, извѣстный подъ именемъ „полицейскаго легіона“, и размѣстить ихъ въ другихъ частяхъ войска на границѣ.

Приведеніе въ исполненіе заговора Бабефа было назначено на 11 мая. Но онъ рушился благодаря донесенію капитана Гризеля. Послѣдній получилъ свѣдѣнія отъ агентовъ Бабефа о задуманномъ заговорѣ противъ правительства и подъ предлогомъ желанія ознакомиться со взглядами Бабефа вступилъ въ сношенія съ заговорщиками. Въ дѣйствительности же, онъ хотѣлъ только развѣдать имена зачинщиковъ, ихъ намѣренія и мѣстопребываніе, чтобы затѣмъ выдать ихъ Директоріи. Онъ выказывалъ огромный интересъ къ задуманному дѣлу, составилъ прокламацію, предназначенную для солдатъ и принятую съ большимъ сочувствіемъ сторонниками Бабефа, и сдѣлался, наконецъ, членомъ военнаго комитета, состоявшаго изъ бывшихъ генераловъ: Росиньоля, Фіона и Мансара. 12 флореаля IV года (1 мая 1796 года) онъ донесъ о заговорѣ Карно, и на слѣдующій день повторилъ свои показанія въ засѣданіи Директоріи. Нѣсколько дней спустя,

8-го мая, у депутата и зачинщика Друэ на улицѣ Сенъ-Оноре состоялось совѣщаніе главныхъ заговорщиковъ. Хотя Гризель и своевременно извѣстилъ правительство объ этомъ собраніи, настаивая на арестѣ всѣхъ заговорщиковъ, но по какой-то невыясненной причинѣ полицейскіе агенты опоздали. Собраніе уже разошлось. Полиція застала только Друэ и Дартэ, такъ что должна была отказаться отъ ареста, чтобы не дать возможность бѣжать Бабефу и другимъ заговорщикамъ. На слѣдующій день должно было состояться послѣднее совѣщаніе главарей партіи. Гризель не зналъ, однако, мѣста, гдѣ оно было назначено, да и до сихъ поръ вообще не провѣдалъ мѣстопребыванія Бабефа. Послѣднему приходилось часто мѣнять квартиру, чтобы избѣгнуть преслѣдованія полиціи. Благодаря чистой случайности, Гризель узналъ въ этотъ же день адресъ Бабефа, и послѣдній вмѣстѣ Буанарроти и Пелле были арестованы, по его собственнымъ показаніямъ, въ тотъ моментъ, когда онъ заканчивалъ сорокъ четвертый номеръ своего „Народнаго Трибуна“ и написалъ какъ-разъ слова: „Народъ побѣдилъ! Тираннія низвергнута! Вы свободны!..“

Въ этотъ день—10 мая—были арестованы Друэ, Росиньоль, Жерменъ, Дартэ и другіе заговорщики, какъ-разъ въ то время, когда они совѣщались о послѣднихъ подготовленіяхъ къ предстоящему возстанію. Та же участь постигла и Амара, Вадье, Шудье и Антонелля.

У Друэ и Бабефа нашли множество сочиненій, помогшихъ ознакомленію съ задуманнымъ возстаніемъ и облегчившихъ арестъ остальныхъ заговорщиковъ въ Парижѣ и въ департаментахъ. Не менѣе тысячи двухсотъ рукописей было написано рукою Бабефа или, по крайней мѣрѣ, имѣло его подпись. Въ послѣднее время онъ развилъ невѣроятную дѣятельность и превосходно организовалъ свою партію, которая могла стать чрезвычайно опасной для Директоріи, если бы среди ея членовъ не нашелся измѣнникъ и если бы она не отдѣлилась отъ монтаньяровъ, которыми владѣло одно лишь желаніе—господствовать.

Министру полиціи Кошону Бабефъ признался откровенно въ своемъ планѣ, не выдавъ, однако, своихъ соучастниковъ,

Бабефъ.

Онъ осмѣлился даже нѣсколько дней спустя написать Директоріи письмо, начинавшееся словами: „Граждане-директора, вы сочтете, навѣрное, ниже своего достоинства вести со мною переговоры! Вы видѣли, во главѣ какой огромной силы стоялъ я. Вы видѣли, что моя партія можетъ равняться вашей. Вы видѣли, какія у нея безконечныя развѣтвленія. Я почти убѣжденъ, что фактъ этотъ заставитъ васъ содрогнуться. Въ вашихъ ли интересахъ или даже въ интересахъ ли отечества подымать шумъ изъ-за открытаго вами заговора? По моему, нѣтъ. Что будетъ, если исторія эта станетъ извѣстна всѣмъ и каждому? Я сыгралъ въ ней наиболѣе славную роль. Со всѣмъ величіемъ характера, со всей силой, которой вы не можете за мною отрицать, я докажу святость этого заговора... Я разъясню великіе принципы и буду защищать вѣчныя права народовъ.... Пусть меня осудятъ на каторгу или на смерть.

„Мой приговоръ будетъ въ глазахъ народа тягчайшимъ преступленіемъ силы противъ слабой добродѣтели. Мой эшафотъ будетъ воздвигнутъ рядомъ съ эшафотомъ Барневеля и Синдея. Уже на слѣдующій день мнѣ воздвигнутъ алтари тамъ, гдѣ сегодня чествуютъ мученическую память Робеспьера и Гужона“.

Свою краснорѣчивую оправдательную записку онъ заканчивалъ словами: „Заявите же, что никакого серьезнаго заговора не было! Пятеро мужей, выказавъ свое великодушіе, могутъ спасти отечество! Я гарантирую, что съ этого дня патріоты будутъ защищать васъ своею жизнью и что вы для своей защиты не будете нуждаться въ войскѣ. Вы знаете вліяніе, которое я оказываю на патріотовъ. Я воспользуюсь имъ для того, чтобы убѣдить ихъ работать рука объ руку съ вами, если вы дѣйствительно стоите за благо народа“.

Заговоръ Бабефа былъ разсмотрѣнъ верховнымъ судомъ. Такъ какъ Друэ былъ депутатомъ, то для того, чтобы не выдѣлять его дѣла, оно разбиралось вмѣстѣ съ дѣломъ Бабефа и другихъ заговорщиковъ въ верховномъ судѣ.

Совѣтъ пятисотъ избралъ мѣстомъ засѣданія суда Вандомъ, такъ какъ, согласно конституціи, мѣсто, въ которомъ можетъ засѣдать чрезвычайный судъ, должно было находить-

ся, по крайней мѣрѣ, въ ста двадцати километрахъ отъ Парижа.

30 августа 1796 года обвиняемые были перевезены въ вандомскую тюрьму, но разбирательство началось только 20 февраля 1797 года. Оно затянулось, такъ какъ Бабефъ вмѣстѣ съ товарищами хотѣли выиграть время. Они надѣялись на политическія перемѣны, которыя могли оказаться для нихъ очень полезными. 26 мая 1797 года, то-есть послѣ трехмѣсячнаго разбирательства, былъ вынесенъ приговоръ, въ силу котораго Бабефъ и Дартэ были осуждены на смертную казнь. Буанаротти, Жерменъ, Моррэ, Казенъ, Блондо, Буэнъ и Менесье были осуждены на изгнаніе, всѣ же остальные были оправданы. Попытка самоубійства Бабефа и Дарте при провозглашеніи приговора не удалась, и оба на слѣдующій день были казнены. Депутатъ Друэ, ради котораго былъ созванъ верховный судъ, еще 17 августа бѣжалъ изъ тюрьмы, очевидно, съ вѣдома Барра, который боялся его признаній. Барра еще во время подготовленія заговора Бабефа, поддерживалъ сношенія съ Бабефомъ, чтобы, въ случаѣ успѣха заговора, извлечь себѣ изъ него пользу. Перевезеніе заключенныхъ въ Вандомъ въ ночь съ 28 на 29 августа 1796 года подало мысль оставшимся на свободѣ, менѣе подозрительнымъ сторонникамъ Бабефа и другимъ недовольнымъ отважиться на возстаніе въ цѣляхъ освобожденія Бабефа и другихъ обвиняемыхъ. Возставшіе, числомъ около трехъ—четырехсотъ человѣкъ, подожгли въ различныхъ городахъ петарды и другіе, легко воспламеняющіеся, матеріалы и роздали бѣлыя знамена и кокарды, надѣясь возбудить роялистски настроенное населеніе. Но городъ остался спокойнымъ, и попытка потерпѣла крушеніе.

Нѣсколько дней спустя,—въ ночь съ 9 на 10 сентября 1796 года (23 фруктидора IV года)—другіе бунтовщики попытались овладѣть общественной властью. Около четырехъ сотъ человѣкъ, во главѣ съ начальникомъ въ генеральской формѣ, напали на Гренельскій лагерь. Съ кликами: „Да здравствуетъ республика!“, „Да здравствуетъ конституція 1793 года!“, „Долой новыхъ тиранновъ!“, они ворвались въ лагерь и устремились прежде всего въ двадцать первый дра-

тупскій полкъ, состоящій изъ солдатъ бывшаго полицейскаго легіона. Но, благодаря присутствію духа командира Мало, опасность была устранена. Полуодѣтый, выскочилъ онъ изъ палатки, собралъ вокругъ себя кучку людей и бросился на нападавшихъ. Разбуженные шумомъ, къ нему подоспѣли на помощь другія войска, и всѣ зачинщики, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ, были убиты или арестованы.

Военныя комиссіи, разбиравшія въ сентябрѣ и октябрѣ 1796 года ихъ дѣло, вынесли гораздо болѣе суровый приговоръ, чѣмъ верховный судъ въ Вандомѣ, хотя заговоръ Бабефа былъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ нападеніе на Гренельскій лагерь. Изъ ста тридцати трехъ обвиняемыхъ двадцать пять человѣкъ были приговорены къ смертной казни; шестьдесять два были осуждены на тюремное заключеніе и на ссылку въ колоніи. Лишь сорокъ шесть были оправданы.

Роялисты, пришедшіе было въ уныніе послѣ 13 вандемьера и рокового исхода войны въ Вандеѣ, снова воспрянули духомъ послѣ заговора Бабефа и нападенія на Гренельскій лагерь. Въ то время во Франціи было три роялистскихъ агентуры: двѣ военныхъ, изъ которыхъ одна завѣдывала восточными провинціями Франшъ-Контэ, Ліонэ, Форэ и Овернью, а другая всѣмъ югомъ. Третья же, занимавшаяся исключительно политикой, была предназначена для самого Парижа и для остальной Франціи. Всѣ эти агентуры усердно работали надъ возстановленіемъ монархіи, но въ выборѣ средствъ не всегда были достаточно искусны, такъ что нѣсколько плановъ ихъ было раскрыто. Во главѣ ихъ стояли аббатъ Броттье, Депонель, ла-Виллернуа и Дювернъ де-Пресль. Агентуры востока и юга старались воздѣйствовать на выборы, между тѣмъ, какъ парижская агентура задумала заговоръ, который долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе аналогично плану Бабефа. Агентуры эти поддерживались Викгамомъ, англійскимъ уполномоченнымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи, значительными денежными суммами, а также и русскимъ правительствомъ. Роялисты, стараясь найти сторонниковъ среди вліятельныхъ лицъ, пытались склонить на свою сторону Рамеля,

начальника гвардіи законодательнаго корпуса, и майора Мало. Но оба они, выказывая интересъ къ дѣлу роялистовъ, въ душѣ намѣревались такъ же предать ихъ, какъ Гризель Бабефа. Министръ полиціи Кошонъ былъ извѣщенъ Мало о готовящемся заговорѣ. Вслѣдъ за этимъ важнѣйшіе главари партіи, Броттье, ла-Виллернуа, мнимый баронъ де-Проли и скрывавшійся подъ именемъ Дюпана Дюверье де-Пресль были арестованы 30 января 1797 года.

Изъ конфискованныхъ бумагъ,—письма Людовика XVIII удалось своевременно спрятать въ надежномъ мѣстѣ,—было ясно видно, что роялисты составили широкій, но чрезвычайно примитивно организованный заговоръ въ цѣляхъ свержепія правительства. Онъ опирался на полномочія, данныя 25 февраля 1796 года графомъ де-Лилемъ (Людовикомъ XVIII) въ Веронѣ. Процессъ двадцати пяти обвиняемыхъ, разбиравшійся постояннымъ военнымъ судомъ семнадцатой дивизіи, начался 12 марта 1797 года и продолжался три недѣли. Приговоръ, однако, не соотвѣтствовалъ желаніямъ директоріи: четырнадцать обвиняемыхъ были оправданы, а остальные были приговорены къ болѣе или менѣе продолжительному тюремному заключенію.

Графъ де-Лиль рѣшилъ тогда вернуть себѣ Францію не силою, а дипломатическими средствами. Въ прокламаціи къ французамъ 10 марта 1797 г. онъ призывалъ своихъ сторонниковъ принять дѣятельное участіе въ выборахъ, чтобы избрать въ обѣ палаты антитеррористовъ и умѣренныхъ.

Выборы, которые, согласно конституціи, должны были произойти въ мартѣ и апрѣлѣ 1797 года, чрезвычайно безпокоили депутатовъ, такъ какъ по непопулярности правительства и бывшихъ членовъ Конвента, вполнѣ было возможно, что выбывающая треть депутатовъ будетъ замѣщена противниками правительства. Необходимо было избрать сто сорокъ пять членовъ совѣта пятисотъ и семьдесятъ одинъ совѣта старѣйшинъ, кромѣ того, на мѣсто умершихъ и выбывшихъ еще девятнадцать, всего же сто пятьдесятъ восемь въ совѣтъ пятисотъ и семьдесятъ восемь въ совѣтъ старѣйшинъ.

Республиканцы потерпѣли страшное пораженіе: изъ двухсотъ шестнадцати выбывшихъ членовъ было перезбрано все-

го только одиннадцать. Среди вновь избранныхъ находились Кларэ де-Флоріэ, Мюринэ, Мармонтель, Менъ де-Биранъ, Дюфренъ, Буасси д'Англа, Камиллъ Жорданъ, Имберъ Коломэ, генералы Вилло и Пишегрю и много другихъ умѣренныхъ и роялистовъ. Пишегрю четырьмя стами четырьмя голосами былъ избранъ президентомъ совѣта старѣйшинъ. На мѣсто выбывшаго 19 мая 1797 года Летурнера былъ избранъ французскій посланникъ въ Швейцаріи, бывшій маркизъ де-Бартелеми, умѣренный и роялистъ въ противоположеость другимъ членамъ директоріи.

Послѣ вступленія вновь избранныхъ депутатовъ въ палаты началась ожесточенная борьба между революціонерами и умѣренными. Въ исходѣ ея нельзя было и сомнѣваться, такъ какъ послѣдніе обладали большинствомъ и военною силою. Директорія уже раскаялась въ томъ, что она не воспротивилась вступленію новыхъ депутатовъ въ палаты. Теперь, однако было уже поздно, и только насильственнымъ актомъ можно было измѣнить положеніе вещей.

Политика правительства, которое не могло опереться ни на одну національную партію, поддерживаемую среднимъ сословіемъ, переходила отъ одной крайности къ другой, склоняясь то въ сторону умѣренныхъ, то въ сторону революціонеровъ. Наконецъ, директорія рѣшила покончить съ этимъ политическимъ колебаніемъ, которое могло легко привести ее къ гибели, и вступило въ сношеніе съ самымъ вліятельнымъ генераломъ республики, чтобы отважиться на государственный переворотъ.

Манифестъ Бонапарта, обращенный къ Венеціи и представленный правительствомъ совѣту пятисотъ 16 мая, и особенно связанная съ нимъ рѣчь Дюмолара устранили, по всей вѣроятности, послѣднія колебанія большинства директоріи и побудили ее рѣшиться на насильственный актъ. Дюмоларъ въ началѣ согласился съ выступленіемъ Бонапарта противъ Венеціи и съ ораторской трибуны похвалилъ генерала, за его отношеніе къ республикѣ. Но когда мало-по-малу стали извѣстны болѣе точные факты относительно самоувѣреннаго

образа дѣйствій начальника итальянской арміи,—особенно благодаря письмамъ Малле дю-Пана,—Дюмоларъ измѣнилъ свое мнѣніе. Нѣсколько недѣль спустя, 23 іюня, онъ обрушился на директорію за то, что она не держитъ палаты въ курсѣ итальянскихъ дѣлъ. Бонапарта и армію онъ пощадилъ и даже послалъ по его адресу похвалу. Рѣчь Дюмолара возбудила большое вниманіе, и было тотчасъ же постановлено отпечатать ее.

Несмотря на то, что Дюмоларъ не напалъ на Бонапарта, ему пришлось все же занять какую-либо позицію по отношенію къ рѣчи въ совѣтѣ пятисотъ. Умѣренные, правда, предчувствовали, что готовится нѣчто серьезное и старались по возможности смягчить поступокъ Дюмолара, но директорія и республиканцы торжествовали, такъ какъ были увѣрены, что найдутъ въ лицѣ Бонапарта защитника своихъ интересовъ. И, дѣйствительно, они не ошиблись. Прочтя рѣчь Дюмолара, Наполеонъ пришелъ въ ярость, такъ какъ привыкъ всегда дѣйствовать по собственному усмотрѣнію и уже тогда не терпѣлъ никакой критики своихъ распоряженій.

Онъ, начальствовавшій надъ арміей въ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, покорявшій государства и вновь возстановлявшій ихъ, издававшій законы, устроившій чуть ли не дворъ въ Момбелло, предъ которымъ преклонялись итальянскіе князья,—онъ долженъ выслушивать предписанія отъ какого-то совершенно неизвѣстнаго ему лица! Этого не позволяло по отношенію къ нему даже правительство, а если бы и позволило, оно скоро бы убѣдилось, что съ этимъ генераломъ шутить не слѣдуетъ. Въ возбужденіи Бонапартъ написалъ 30 іюня президенту директоріи *):

„Гражданинъ-директоръ, я только-что получилъ рѣчь Дюмолара, въ которой нахожу слѣдующее замѣчаніе: такъ какъ нѣкоторые писатели выразили сомнѣніе въ причинахъ и въ тяжести этихъ преступныхъ нарушеній народныхъ правъ, то ни одинъ безпристрастный человѣкъ не можетъ упрекнуть законодательный корпусъ въ томъ, что онъ оказалъ довѣріе

*) Въ то время Барра.

столь опредѣленному, торжественному и публичному заявленію исполнительной власти.

„Эта рѣчь напечатана по приказанію законодательнаго собранія; ясно, такимъ образомъ, что вся она направлена противъ меня. Заключивъ пять разъ миръ и нанесши послѣдній ударъ коалиціи, я имѣю право, если не на полученіе гражданскаго тріумфа, то, во всякомъ случаѣ, на спокойную жизнь и на защиту первыхъ чиновниковъ республики. Между тѣмъ, меня обвиняютъ, преслѣдуютъ, клеймятъ.

„Я отнесся бы равнодушно ко всему, только не къ такому позору, которымъ хотятъ покрыть меня первые чиновники республики. Разъ отечество возложило на меня столь заслуженную миссію, то я не могу спокойно выслушивать столь же нелѣпое, сколь и наглое обвиненіе. Я не могу допустить, чтобы манифестъ, составленный эмигрантомъ, поддерживаемый Англіей, встрѣтилъ больше довѣрія въ совѣтѣ пятисотъ, чѣмъ свидѣтельство, выданное мнѣ восемьюдесятью тысячами человѣкъ. Какъ! Насъ окружили измѣнники, свыше четырехсотъ человѣкъ погибло, а высшая законодательная власть республики извиняется, что повѣрила этому на минуту?

Свыше четырехсотъ французовъ были убиты на глазахъ стражи крѣпости, ихъ изрѣшетили тысячами кинжаловъ, а представители французскаго народа извиняются, что повѣрили этому? Если бы это заявили трусы, далекіе отъ какого бы то ни было чувства патріотизма и славы, я бы не имѣлъ ничего противъ, я бы не обратилъ на это никакого вниманія, такъ какъ прекрасно знаю, что есть классы общества, у которыхъ на первомъ планѣ: развѣ кровь эта такъ благородна? Но я имѣю право возстать противъ позора, которымъ покрыли высшіе государственные чиновники республики тѣхъ, кто доставилъ славу французскому имени.

„Господа директора, я повторяю еще разъ просьбу согласиться на мою отставку. Мнѣ необходима спокойная жизнь, разъ меня пощадили кинжалы въ Клиши.

„Вы поручили мнѣ вести переговоры, но къ этому я мало способенъ“.

Въ составленномъ въ тотъ же день „Донесеніи о собы-

тіяхъ въ Венеціи“ онъ еще разъ возвращается къ этому. Съ величайшей пропіей говоритъ онъ въ концѣ донесенія:

„Невѣжливые и болтливые адвокаты спросили въ клубѣ въ Клиши, почему мы сражаемся на Венеціанской землѣ? Господа ораторы, поучитесь немного географіи и вы узнаете, что Эчъ, Брента и Тагліаменто, на берегахъ которыхъ мы деремся уже два года, принадлежатъ Венеціи. О, мы превосходно знаемъ, на что вы намекаете! Вы упрекаете итальянскую армію въ томъ, что она дважды перешла черезъ Альпы и подступила къ Вѣнѣ, которая была принуждена признать ту республику, которую вы, господа изъ клуба въ Клиши, хотите разрушить! Я понимаю прекрасно,—вы обвиняете Бонапарта въ томъ, что онъ заключилъ миръ!

„Но я предсказываю вамъ и говорю отъ имени восьмидесяти тысячъ солдатъ: времена, когда трусы, адвокаты и жалкіе болтуны казнили солдатъ, миновали! И если вы будете продолжать на этомъ настаивать, то солдаты Италіи подойдутъ къ самымъ воротамъ Клиши! И тогда—горе вамъ!“

Споръ между палатами и большинствомъ директоріи все больше обострялся. Такъ какъ, однако, правительство, благосклонно встрѣтившее письмо Наполеона и не давшее генералу просимой отставки, не хотѣло не подчиниться, ни быть низвергнутымъ, то оно рѣшило возможно скорѣе совершить государственный переворотъ, который бы освободилъ его отъ опеки.

***

Приближался іюль 1797 года. Гошъ отдѣлилъ отъ арміи на Самбрѣ и Маасѣ отрядъ въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, рѣшивъ послать его въ Брестъ. Тамъ отрядъ этотъ долженъ былъ войти въ экспедицію, предназначенную снова для Ирландіи. Гошъ самъ поѣхалъ впередъ, чтобы обсудить положеніе дѣлъ съ морскимъ министромъ Трюге. Гошъ былъ противникомъ генерала Пишегрю, главы умѣренной партіи, и былъ склоненъ предоставить въ распоряженіе правительства свою шпагу для борьбы съ непокорными палатами. Особенно хотѣлось ему отстранить Бонапарта, слава котораго уже затмевала его собственную. Случай этотъ былъ удобенъ, такъ какъ

войска должны были по направленію въ Брестъ пройти мимо Парижа. Они поэтому могли въ нѣсколько часовъ достичь столицы. Барра былъ въ восторгѣ, что нашелъ въ лицѣ Гоша горячаго, пламеннаго защитника большинства директоріи, и оба они неоднократно совѣщались, какимъ образомъ лучше совершить государственный переворотъ.

У нихъ не было, однако, денегъ, такъ какъ Гошъ располагалъ лишь нѣсколькими сотнями тысячъ франковъ, которые онъ не вручилъ еще казначею своей арміи. Бонапартъ тоже не прислалъ еще директоріи обѣщанныхъ милліоновъ. Кромѣ того, нельзя было положиться на всѣхъ чиновниковъ, да и, наконецъ, необходима была также смѣна министерства.

Умѣренная партія, повидимому, предчувствовала бурю и старалась предупредить ее, пытаясь войти въ соглашеніе съ большинствомъ директоріи. Она тоже предложила смѣну министерства, правда, въ совсѣмъ другомъ, прямо противоположномъ духѣ, чѣмъ предполагали тріумвиры, Барра, ла-Ревельеръ-Лепо и Ребель. Барра, повидимому, согласился на предложеніе умѣренныхъ и обѣщалъ Карно поддержать его, когда онъ въ качествѣ предсѣдателя директоріи предложитъ общему собранію смѣну министерства. Собраніе это должно было состояться 16 іюля.

Одновременно съ этимъ, директорія старалась подготовить въ свою пользу общественное мнѣніе. Она способствовала открытію клуба въ Сальмѣ, который долженъ былъ выступить въ соперничество съ клубомъ въ Клиши, такъ какъ послѣдній достигъ чрезвычайной популярности и вліянія. Мадамъ де-Сталь, Бенжаменъ Констанъ и Таллейранъ тоже принадлежали къ этой партіи и старались помогать директоріи. Мадамъ де-Сталь въ 1789—1815 гг. нѣсколько разъ мѣняла свои политическія убѣжденія. Въ то время она была горячей поклонницей Бонапарта, такъ что вполнѣ понятно, почему она поддерживала тріумвировъ. Она видѣла въ нихъ защитниковъ свободы и враговъ анархіи. Ея молодой другъ, Бенжаменъ Констанъ, тоже предоставилъ свое бойкое перо къ услугамъ правительству. Вслѣдъ за опубликованной еще въ 1796 году брошюрой „De la force du gouvernement actuel de la France, et de la nécessité de s'y rallier“ онъ выпустилъ въ

свѣтъ еще двѣ: „Des réactions politiques“ и „Les efforts de la terreur“. Изъ небольшихъ собраній у Констана и образовался этотъ клубъ въ Сальмѣ, въ которомъ, кромѣ философовъ и писателей, бывали бывшіе члены Учредительнаго Собранія и Конвента. Таллейранъ, бывшій епископъ Отенскій, только недавно вернулся изъ Америки и не имѣлъ еще случая проявить свои исключительныя дипломатическія способности. Онъ понялъ, однако, что его мѣсто здѣсь. Благодаря мадамъ Сталь, а также и ея вліянію на Барра, ему скоро удалось достичь руководящей роли въ директоріи.

Смѣна министерства совершилась согласно желанію большинства директоріи. Несмотря на сопротивленіе Карно и Бартелеми, министры Делакруа, Бенезешъ, Трюге, Петье и Кошонъ были замѣнены Таллейраномъ, Франсуа де-Нефшато, Ле-Пеллеемъ, Гошемъ и Ленуаръ-Ларошемъ. Единогласно была принята только отставка Делакруа и Трюге. Таллейранъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а Франсуа де-Нефшато—внутреннихъ дѣлъ. Ле-Пелле всталъ во главѣ морского министерства, Гошъ—военнаго, а Ленуаръ-Ларошъ—во главѣ министерства полиціи. Въ вѣдѣніи Рамеля остались финансы, а Мерленъ, котораго умѣренные весьма недолюбливали, сохранилъ портфель министра юстиціи. Ленуаръ-Ларошъ оказался, однако, настолько неспособнымъ, что 20 іюля онъ былъ замѣненъ Сотеномъ. Такъ какъ Гошъ не достигъ еще законнаго возраста, то портфеля не получилъ, и военное министерство перешло въ вѣдѣніе генерала Шерера, друга Ребеля и предшественника Бонапарта въ начальствованіи итальянской арміей.

Совѣтъ пятисотъ былъ непріятно пораженъ внезапной смѣной министерства, такъ какъ представлялъ себѣ его въ совершенно иномъ свѣтѣ, думая, что можетъ положиться на честное слово Барра.

Спустя нѣкоторое время послѣ смѣны министровъ, въ Парижѣ получилось извѣстіе, что армія приблизилась къ столицѣ на разстояніе шести миріаметровъ *). Совѣтъ былъ

*) Согласно статьѣ 68-й конституціи, войска безъ разрѣшенія совѣта пятисотъ не могли приближаться на разстояніе меньше шести миріа-

убѣжденъ, что противъ него замышляется переворотъ, но рѣшилъ все же вступить въ переговоры. Послѣ бурнаго засѣданія совѣта пятисотъ 22 іюля, Обри запросилъ директорію относительно причинъ этого движенія войска въ окрестностяхъ Парижа. Такъ какъ, однако, директорія была не совсѣмъ еще готова, то она заявила, что произошла, повидимому ошибка со стороны военнаго комиссара, такъ какъ ни правительство, ни военный министръ не освѣдомлены объ этомъ. И въ самомъ дѣлѣ, Ребель и ла-Ревельеръ-Лепо, по всей вѣроятности, объ этомъ не знали, такъ какъ соглашеніе относительно движенія войска состоялось лишь между Барра и Гошемъ, который хотѣлъ достичь цѣли елико возможно скорѣе.

Карно, предсѣдательствовавшій въ директоріи, обрушился на Гоша съ упреками. Барра не отважился на защиту Гоша, между тѣмъ, какъ ла-Ревельеръ-Лепо утверждаетъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ взялъ Гоша подъ свое покровительство. Послѣ засѣданія Гошъ поссорился съ директоромъ Барра за то, что тотъ поставилъ его въ неловкое положеніе и побоялся стать на его защиту. Барра отвѣтилъ ему холодно и сухо, и Гошъ, разочарованный и преисполненный ненавистью, вернулся на свою главную квартиру въ Ветцларъ, куда и прибылъ 2 августа. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, полки, двинувшіеся по направленію къ Парижу, получили приказъ направляться непосредственно въ Брестъ.

Первый государственный переворотъ, задуманный Барра и Гошемъ, окончился, такимъ образомъ, неудачей. Другому человѣку было суждено помочь осуществленію плановъ директоріи. Трое директоровъ, составлявшіе большинство директоріи, потребовали отъ Бонапарта, честолюбія и вліянія котораго они боялись, лишь „благосклоннаго нейтралитета“. Ударъ долженъ былъ нанести Гошъ, хотя и храбрый, и честолюбивый солдатъ, но недостаточно хладнокровный, чтобы въ политической жизни выждать хода событій. Такъ какъ, однако, большинство директоріи увидѣло, что Гошъ своимъ нетерпѣ-

---

метровъ=шестидесяти километровъ отъ мѣста засѣданія совѣта. За нарушеніе этой статьи полагалось тяжелое наказаніе.

ніемъ только повредилъ ея планамъ, то оно снова вспомнило о Бонапартѣ, который изъ Италіи зорко слѣдилъ за событіями, надвигавшимися въ Парижѣ.

Бонапартъ уже давно велъ самостоятельную политику и избѣгалъ неосторожными дѣйствіями или словами раскрывать свои карты. Не только Гошъ, но и Пишегрю, и Мало, снискавшіе себѣ почти ту же блестящую славу, какъ и онъ, потерпѣли фіаско, какъ только выступили на политическую арену.

Уже въ то время у Бонапарта было въ Парижѣ много сторонниковъ и друзей, такъ какъ онъ, въ противоположность большинству директоріи, относился чрезвычайно любезно къ папѣ и надѣялся скоро закончить войну. Презирая правительство за его слабость, онъ не могъ, однако, вступить въ сношенія съ умѣренной партіей, такъ какъ послѣдняя рано или поздно возстановила бы монархію, а это шло въ разрѣзъ съ его собственными честолюбивыми планами. Онъ долженъ былъ поэтому поддерживать директорію до того момента, пока не придетъ время низвергнуть ее и самому стать во главѣ правительства: всѣ заманчивыя обѣщанія Бурбоновъ не прельщали его.

Празднованіе годовщины взятія Бастиліи представило ему случай выказать интересъ арміи и свой собственный по отношенію къ правительству. Въ искусно составленномъ приказѣ арміи отъ 14 іюля онъ пишетъ: „Солдаты! Я знаю, что вы глубоко опечалены бѣдствіемъ, которое грозитъ отечеству! Но настоящей опасности все-таки нѣтъ. Живы еще тѣ, которые восторжествуютъ надъ соединенной Европой! Мы отрѣзаны отъ Франціи горами, но, если будетъ нужно, вы перепесетесь черезъ нихъ съ быстротою орла, чтобы поддержать конституцію, защитить свободу и стать на стражѣ правительства и республики.

„Солдаты! Правительство стоитъ на стражѣ ввѣренныхъ ему законовъ! Будьте спокойны! Поклянемся на трупахъ героевъ, павшихъ въ борьбѣ за свободу, поклянемся на нашихъ знаменахъ!

„Поклянемся вести непримиримую войну съ врагами республики, съ врагами конституціи III года!“

Остальные генералы не отставали отъ него въ выраженіяхъ симпатіи къ директоріи. Они составляли адреса, которые подписывались офицерами и солдатами и посылали ихъ правительству въ доказательство своей покорности. Краснорѣчивымъ, хотя и нѣсколько преувеличенно возвышеннымъ топомъ составленъ адресъ дивизіи генерала Ожеро:

„Покрытая позоромъ, насыщенная преступленіемъ, несчастная кучка людей составляетъ заговоръ въ Парижѣ, между тѣмъ, какъ мы побѣждаемъ у воротъ Вѣны. Они хотятъ залить отечество слезами и кровью и снова предать его демону гражданской войны. При страшномъ блескѣ шакаловъ фанатизма и разногласія, стремятся они чрезъ трупы достичь свободы... Мы сдерживали свое возмущеніе, такъ какъ уповали на законъ: но онъ безмолвствуетъ...“ И дальше: „Содрогнитесь же всѣ отъ Эча до Рейна! Отъ Рейна до Сены всего лишь одинъ шагъ! Содрогнитесь!“

Дивизія Массена присоединилась къ этому адресу и добавила гордое замѣчаніе: „Развѣ дорога въ Парижъ болѣе трудна, нежели въ Вѣну? Нѣтъ, ее откроютъ для насъ республиканцы, оставшіеся вѣрными свободѣ. Объединенными силами защитимъ мы ее, и горе нашимъ врагамъ!“

Дивизія Жубера высказала свое возмущеніе законодательному собранію, которое стремится подавить свободу и устранить законы. Подняла свой голосъ и четвертая дивизія итальянской арміи. Она писала: „Мы знаемъ, что теперь каждый день знаменуется убійствами искреннихъ республиканцевъ, и что виновники этихъ убійствъ—эмигранты и возвратившіеся упрямые священники...“

Другія дивизіи итальянской арміи высказались почти въ томъ же духѣ *). А Бонапартъ самъ въ своихъ письмахъ наступалъ на энергичныхъ мѣрахъ. 15 іюля онъ писалъ директоріи изъ своей главной квартиры въ Миланѣ:

„Прилагаю при семъ копію письма, полученнаго мною отъ генерала Кларка. Изъ него вы увидите, что дѣло затягивается. Несомнѣнно, императоръ хочетъ выждать ходъ собы-

*) Праздникъ 23 термидора представилъ Гошу удобный случай тоже послать въ Парижъ адресъ.

тій во Франціи: иностранныя державы, несомнѣнно, больше, чѣмъ принято думать, замѣшаны въ нашихъ интригахъ.

„Войско получаетъ большую часть издаваемыхъ въ Парижѣ газетъ, но какъ разъ почти только самыя скверныя. Онѣ вызываютъ въ солдатахъ представленіе, прямо противоположное тому, какое было бы намъ желательно. Армія въ высшей степени возмущена. Солдаты спрашиваютъ, неужели же въ награду за всѣ ихъ труды и за шестилѣтнюю войну ихъ ждетъ, по возвращеніи на родину, смерть, грозящая патріотамъ? Положеніе вещей съ каждымъ днемъ становится все болѣе печальнымъ, и, я думаю, граждане-директора, настало время притти къ какому-либо рѣшенію.

„Прилагаю при семъ и свою прокламацію къ арміи: она произвела наилучшее впечатлѣніе.

„У меня нѣтъ ни одного человѣка, который не предпочелъ бы умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ быть злодѣйски убитымъ въ какомъ-нибудь тупикѣ Парижа.

„Что касается меня самого, то я привыкъ къ полному отреченію отъ своихъ собственныхъ интересовъ. Но къ обвиненіямъ и клеветѣ, которыми меня осыпаютъ ежедневно восемьдесятъ газетъ, и ни одна изъ нихъ за это не привлекается къ отвѣтственности,—я относиться спокойно не въ состояніи. Я не могу быть равнодушнымъ къ фальши и ко всѣмъ тѣмъ мерзостямъ, которыя содержатся въ напечатанномъ по приказанію совѣта пятисотъ манифестѣ. Я понимаю, что клубъ Клиши стремится чрезъ мой трупъ достичь паденія республики. Неужели же во Франціи нѣтъ больше республиканцевъ? Неужели мы зашли такъ далеко, что, покоривъ Европу, должны отыскивать себѣ убѣжище и пріютъ, въ которомъ могли бы закончить свои печальные дни?

„Заключивъ миръ въ 24 часа, вы могли бы однимъ ударомъ спасти республику и тѣ двѣсти тысячъ человѣкъ, судьба которыхъ зависитъ отъ васъ! Отдайте приказъ объ арестѣ эмигрантовъ! Разрушьте вліяніе иностранцевъ! Если вамъ нужна сильная помощь, призовите армію. Разрушьте печатные станки газетъ, подкупленныхъ англичанами. Они болѣе жестоки, чѣмъ былъ когда-либо Маратъ!

„Я лично, граждане-директора, не могу дольше жить среди

такого разногласія и неурядицы. Если нѣтъ средствъ положить предѣлъ бѣдствіямъ родины, преступленіямъ и вліянію Людовика XVIII, то я требую отставки. Прилагаю при семъ кинжалъ, отнятый у Верронскаго убійцы.

„Что бы ни было, но я всегда съ благодарностью буду вспоминать то неограниченное довѣріе, которое вы мнѣ оказывали".

Два дня спустя, 17 іюля, онъ пишетъ новое посланіе слабой директоріи, въ которомъ не скупится на горькіе упреки:

„ ...Хотите ли вы сохранить націи пятьдесятъ тысячъ отличныхъ солдатъ, которые должны погибнуть въ этомъ новомъ походѣ?—пишетъ онъ въ возмущеніи небрежностью директоріи.—Разрушьте же силою станки „The", „Memorial" и „Quotideinne". Закройте клубъ въ Клиши и издавайте пять—шесть хорошихъ газетъ, дружелюбныхъ правительству!

„Это по истинѣ чрезвычайно слабая мѣра будетъ достаточна, чтобы показать Европѣ, что она не можетъ еще надѣяться ни на что. Это возстановитъ нашъ престижъ и разсѣетъ въ солдатахъ безпокойство, которое всецѣло владѣетъ ими и которое можетъ вырваться наружу и повлечь за собою самыя тяжелыя послѣдствія.

„Позоръ, что мы, повелѣвающіе Европою, не въ силахъ сломить упорства какой-то газеты Людовика XVIII, которая, очевидно, подкуплена имъ! Къ чему же одерживаемъ мы ежедневно, даже ежечасно побѣды? Интриганы внутри страны все разрушаютъ и заставляютъ насъ понапрасну проливать кровь за отечество!"

Ни одного дня Бонапартъ не пропускаетъ, чтобы не дать воли своему негодованію.

„Посылаю при семъ копію адреса дивизіи Массена и Жубера,—пишетъ онъ 18 іюля,—и подъ той, и подъ другой имѣется не менѣе двѣнадцати тысячъ подписей.

„Духъ арміи высказывается опредѣленно за республику и за конституцію III года. Солдаты, получающіе письма съ родины, въ высшей степени недовольны зловѣщимъ поворотомъ хода вещей.

„Они возмущены, повидимому, и болтовней Дюмолара, которая была напечатана по постановленію совѣта пятисотъ

и распространена въ арміи. Солдаты негодуютъ, что въ Парижѣ сомнѣваются въ преступленіи, жертвой котораго они пали. Итальянская армія питаетъ безграничное довѣріе къ правительству. Я полагаю, что миръ и спокойствіе въ войскѣ зависитъ отъ совѣта пятисотъ. Если же эта первая власть республики будетъ продолжать покорно выслушивать болтуновъ изъ Клиши, то она идетъ неминуемо къ паденію правительства. Мы не достигнемъ тогда мира, и наше войско будетъ воодушевлено лишь однимъ стремленіемъ поспѣшить на помощь свободѣ и конституціи III года. Будьте увѣрены, граждане директора, что у директоріи и у отечества нѣтъ другого войска, которое бы было предано вамъ такъ безгранично, какъ наше.

„Я же воспользуюсь всѣмъ своимъ вліяніемъ, чтобы сдерживать въ должныхъ рамкахъ пламенный патріотизмъ, владѣющій всѣми солдатами нашей арміи, и чтобы направить его въ русло, благопріятное для правительства“.

***

Уже 24 іюля трое директоровъ, Барра, Ребель и Ла-Ревальеръ-Лепо, безъ вѣдома Карно и Бартелеми, обратились къ Бонапарту съ письмомъ:

„Гражданинъ генералъ! Съ чрезвычайнымъ удовлетвореніемъ убѣдились мы въ ревностномъ доказательствѣ вашей преданности свободѣ и конституціи III года. Вы можете разсчитывать на полное содѣйствіе съ нашей стороны. Съ радостью принимаемъ мы ваше предложеніе притти на помощь республикѣ. Это новое доказательство вашей искренней любви къ отечеству. Не сомнѣвайтесь, что мы используемъ его для спокойствія, счастія и славы Франціи“.

Это письмо отъ директоровъ Бонапартъ получилъ вмѣстѣ съ рѣчью Дюмолара и въ тотъ же день отвѣтилъ Директоріи. Онъ принялъ рѣшеніе послать въ Парижъ преданнаго ему надежнаго офицера, чтобы тотъ собралъ самыя точныя свѣдѣнія о положеніи вещей. Онъ послалъ въ Парижъ своего адъютанта Лавалетта, чрезвычайно осторожнаго и умѣреннаго во всѣхъ взглядахъ человѣка,—отчасти для того, чтобы сговориться съ триумвирами, выѣдать ихъ намѣренія и

„Incroyablle“ и „merveilleuses“ на прогулкѣ.

вручить имъ скопленную сумму въ три милліона, отчасти же развѣдать положеніе дѣлъ въ противномъ лагерѣ, главнымъ образомъ, у Карно, и сообщить обо всемъ Бонапарту.

„Побывайте у всѣхъ, остерегайтесь партійности, сообщайте мнѣ только правду,—свободную отъ всякаго пристрастія“,—напутствовалъ онъ Лавалетта. Самому отправиться въ Парижъ даже во главѣ части своего войска, какъ онъ одно время думалъ,—хладнокровный, расчетливый генералъ находилъ неудобнымъ. Ему казалось гораздо болѣе цѣлесообразнымъ предоставить въ распоряженіе Директоріи одного изъ своихъ генераловъ. Выборъ палъ на Ожеро, побѣдителя при Кастиліоне, хорошаго солдата, но плохого политика. 27 іюля Ожеро отправился въ Парижъ подъ предлогомъ устройства своихъ личныхъ дѣлъ. Онъ долженъ былъ вручить Директоріи адреса арміи. Именно въ такомъ человѣкѣ и нуждался Барра. Онъ могъ теперь, оставаясь самъ въ тѣни, развить всѣ свои планы. 5-го августа Ожеро прибылъ въ столицу и нѣсколько дней спустя былъ назначенъ командиромъ семнадцатой дивизіи, а тѣмъ самымъ и начальникомъ всѣхъ находящихся въ Парижѣ войскъ. Когда Директорія посвятила его въ различныя подробности тогдашняго политическаго положенія, онъ, будучи о себѣ самаго высокаго мнѣнія, вспомнилъ, что призванъ совершить подвигъ. Онъ разсказывалъ всѣмъ, что всѣми побѣдами итальянская армія обязана исключительно ему и что Бонапартъ хотя и обѣщалъ стать хорошимъ генераломъ, но что ему недостаетъ опытности. Однажды мадамъ Сталь спросила его, правда ли, что генералъ Бонапартъ намѣревается провозгласить себя королемъ (Италіи). Ожеро поспѣшно отвѣтилъ: „Нѣтъ, конечно, нѣтъ, онъ для этого слишкомъ хорошо воспитанъ“. Многіе боялись прибытія Ожеро въ Парижъ. Онъ всѣмъ говорилъ: „Я послалъ, чтобы подавить роялистовъ!“

***

Тѣмъ временемъ послѣ взятія Венеціи роялистскій агентъ графъ Антрегъ, состоявшій совѣтникомъ при русской легаціи въ Венеціи, былъ взятъ въ плѣнъ Бернадоттомъ 21 мая въ Тріестѣ. Среди конфискованныхъ у него бумагъ была найдена

запись разговора, который онъ имѣлъ съ другимъ бурбонскимъ, но подкупленнымъ Директоріей агентомъ, графомъ Монгейаромъ, относительно переговоровъ нефшательскаго книгопродавца, тоже роялистскаго агента, Фошъ-Ореля съ Пишегрю. Монгейаръ раскрылъ графу, какъ утверждалъ впослѣдствіи Фошъ-Борель въ своихъ мемуарахъ, всѣ сношенія генерала Кондэ съ Пишегрю.

Бонапартъ прочелъ эту бумагу. Она хотя и устанавливала вину Пишегрю, но въ то же время, повидимому, выдавала и Бонапарта: онъ заставилъ Антрега составить краткое извлеченіе изъ этой бесѣды, въ которой совершенно не упоминалось о немъ и послалъ ее Директоріи.

10-го іюня Бонапартъ сообщилъ объ отсылкѣ бумагъ Антрега, которыя онъ поручилъ отвезти Фабру д'Оду. Барра прислалъ недавно д'Ода въ главную квартиру, чтобы склонить Бонапарта къ государственному перевороту, и Наполеонъ уполномочилъ его передать Директоріи важные документы.

Нѣсколько недѣль спустя, 3-го іюля 1797 года (15-го мессидора V года) Бонапартъ снова послалъ Директоріи нѣсколько писемъ Антрега, среди нихъ посланіе къ Буасси д'Англа, члену совѣта пятисотъ. „Человѣкъ этотъ (Антрегъ), пишетъ Бонапартъ, находится не въ тюрьмѣ, а въ частномъ домѣ, гдѣ съ нимъ обращаются превосходно. Дерзость этого человѣка невѣроятна: онъ угрожаетъ мнѣ чуть ли не общественнымъ мнѣніемъ Франціи".

И, дѣйствительно, Бонапартъ относился превосходно къ роялистскому агенту, съ которымъ часто бесѣдовалъ. 28-го августа Антрегу удалось бѣжать изъ своего трехмѣсячнаго заключенія, но роялисты сочли его измѣнникомъ бурбонскому дѣлу.

9-го августа Бонапартъ послалъ въ Парижъ и генерала Бернадотта, якобы для врученія Директоріи нѣсколькихъ знаменъ, въ дѣйствительности же для переговоровъ съ правительствомъ и для наблюденія за Ожеро: Бонапартъ предчувствовалъ, что Ожеро особенно довѣрять нельзя. Бернадоттъ, довольно непріязненно относившійся къ своему бывшему товарищу по итальянской арміи, былъ интеллигентнымъ, умнымъ офицеромъ, посвященнымъ въ планы Бонапарта. Онъ огра-

ничился своей ролью наблюдателя и посылалъ почти ежедневно донесенія въ Италію.

Чтобы не обидѣть Гоша, а, быть можетъ, также и для того, чтобы сдержать Ожеро, Директорія просила главнокомандующаго маасской арміей прислать еще генерала. Тотъ прислалъ своего друга и начальника генеральнаго штаба, Шерона, которому Директорія поручила начальствованіе директоріальной гвардіей. Этой смѣною начальствующихъ лицъ правительство, однако, не ограничилось и замѣнила еще цѣлый рядъ чиновниковъ, бывшихъ якобинцевъ, на которыхъ можно было положиться.

***

Послѣ неудачной попытки Гоша освободить Директорію отъ власти палатъ, послѣднія все время были на-сторожѣ. Но и Директорія опасалась палатъ, тѣмъ болѣе, что со средины августа между тріумвирами, съ одной стороны, и Карно и Бартелеми съ другой, воцарилась открытая вражда. Но превосходство было все же на сторонѣ робкихъ и нерѣшительныхъ. Пишегрю и Вилло жаловались на недостаточную поддержку со стороны ихъ партіи и считали безнадежнымъ насильственный актъ палатъ противъ Директоріи. Карно, которому предложили стать во главѣ совѣта пятисотъ, отказался отъ этого, отчасти изъ боязни, что Бурбоны вознаградятъ его не по заслугамъ, отчасти же потому, что имѣлъ основаніе не вѣрить ихъ словамъ, и въ качествѣ „убійцы короля“ уже видѣлъ передъ собою гильотину.

Съ начала августа около тридцати тысячъ человѣкъ большею частію изъ маасской арміи были готовы двинуться въ Парижъ. Нѣсколько отрядовъ подошли уже къ предѣлу, указанному конституціей, и даже перешли его, такъ что въ короткое время могли достичь столицы. Но Директорія, какъ сообщалъ 24-го августа Лавалеттъ Бонапарту, отсрочила исполненіе своихъ плановъ.

Несмотря на колебанія правительства, Пишегрю и Вилло рѣшили прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, и вмѣстѣ съ деЛарю составили планъ захвата тѣхъ директоровъ, которыхъ собирались въ то же время обвинить передъ совѣтомъ пяти-

сотъ. По всей вѣроятности, планъ этотъ былъ открытъ директоріи принцемъ Каренси.

Тріумвиры должны были возможно скорѣе притти къ какому-либо рѣшенію, чтобы предупредить противниковъ.

Подъ предсѣдательствомъ Ла-Ревельера-Лепо тріумвиры вечеромъ 3-го сентября (17-го фруктидора) объявили себя самостоятельной Директоріей и рѣшили всю ночь не расходиться, чтобы обсудить необходимыя мѣры для государственнаго переворота и немедленно привести ихъ въ исполненіе. Отдавъ приказъ къ наступленію войскъ на Парижъ, они поручили Ожеро окружить Тюльери. Въ то же время было приказано закрыть всѣ ворота столицы и запрещено выпускать безъ особаго разрѣшенія правительства чьи бы то ни было экипажи. Члены палатъ, преданные правительству, получили приказаніе собраться въ смежныхъ съ Люксембургскимъ дворцомъ (мѣстопребываніемъ Директоріи), Одеонѣ École de Santé (нынѣшняя École de Médecine).

Занявъ войсками всѣ важные пункты, Ожеро отправился въ Тюльери, чтобы исполнить данное ему приказаніе. Еще ночью, около часу, Рамель, начальникъ гвардіи законодательнаго корпуса, получилъ приказъ отъ военнаго министра Шерера немедленно явиться къ нему; нѣсколько часовъ спустя генералы Лемуанъ и Пуансо приблизились къ Тюльери и потребовали, чтобы Рамель сдался. Послѣдній тѣмъ временемъ сговорился съ Пишегрю и Вилло и послалъ гонцовъ къ Симеону, предсѣдателю совѣта пятисотъ, и къ Лафону-Ладеба, предсѣдателю совѣта старѣйшинъ. Рамель отклонилъ предложеніе. Было уже около четырехъ съ половиной часовъ утра. Борьба ввиду чрезвычайнаго превосходства правительственныхъ войскъ была безнадежна. Хотя большинство офицеровъ гвардіи законодательнаго корпуса и было согласно со своимъ начальникомъ, однако, они не могли воспрепятствовать тому, что войска ихъ все больше отступали: нѣкоторые офицеры и солдаты заговорили о сдачѣ, и противники были уже близки къ побѣдѣ.

Тѣмъ временемъ и Ожеро во главѣ сильнаго отряда проникъ въ садъ Тюльери и обрушился на Рамеля, котораго вызвалъ другой адъютантъ еще въ половинѣ шестого утра,

за то, что онъ не исполнилъ ни его приказанія, ни приказанія военнаго министра. Рамель извинился и заявилъ, что отъ законодательнаго корпуса онъ получилъ прямо противоположный приказъ и что теперь онъ склоняется предъ авторитетомъ Ожеро и сдается. Ожеро, какъ говорятъ, отнесся чрезвычайно грубо къ арестованному генералу и сорвалъ съ него эполеты. Показанія очевидцевъ на этотъ счетъ, правда, расходятся. Несомнѣнно лишь то, что солдаты кинулись на несчастнаго Рамеля, исполнявшаго только свой долгъ, и сломали ему шпагу.

Въ ту же ночь, съ 3-го на 4-е сентября, Пишегрю и Вилло съ нѣсколькими депутатами остались въ залѣ инспекторовъ. Тибодо провелъ этотъ вечеръ вмѣстѣ съ генераломъ Фошемъ въ театрѣ и получилъ тамъ отъ незнакомаго человѣка бумаги, среди которыхъ находились и прокламаціи, отпечатанныя по приказанію Директоріи: на слѣдующее утро онѣ должны были быть разбросаны по всему городу, съ цѣлью довести до свѣдѣнія изумленныхъ парижанъ, что они благодаря бдительности правительства снова избѣгли страшнаго роялистскаго заговора. Тибодо тотчасъ же поспѣшилъ въ Тюльери и показалъ прокламаціи Пишегрю и другимъ депутатамъ.

Ночью къ Пишегрю и Вилло примкнуло около двадцати членовъ палатъ. Ихъ свободно выпускали, надѣясь тѣмъ легче потомъ арестовать. Къ утру солдаты Ожеро проникли во дворецъ и захватили депутатовъ, среди нихъ и Пишегрю. Гвардія законодательнаго корпуса не осмѣлилась оказать сопротивленія и въ концѣ-концовъ перешла на сторону Директоріи. Большое число депутатовъ было заключено въ Тампль.

Директорія рѣшила помимо значительнаго числа членовъ палатъ сослать и обоихъ директоровъ, Карно и Бартелеми. Карно былъ уже 17-го извѣщенъ о намѣреніяхъ своихъ трехъ коллегъ. Онъ заранѣе раздобылъ ключъ къ маленькой потайной двери Люксембургскаго сада. Теперь онъ воспользовался случаемъ и выпрыгнулъ изъ окна своей квартиры въ нижнемъ этажѣ прямо въ садъ. Оттуда черезъ потайную дверь онъ благополучно выбрался на свободу, такъ какъ тамъ не стояло никакой стражи. Пробывъ нѣкоторое время у своего друга, онъ скрылся въ Женеву.

Менѣе посчастливилось другому, недавно избранному директору Бартелеми. Въ ночь съ 17-го на 18-е фруктидора въ три часа утра къ нему явился офицеръ съ приказомъ объ арестѣ. Но предварительно, однако, директору было предложено подать прошеніе объ отставкѣ и уѣхать немедленно въ Гамбургъ, чтобы поселиться тамъ подъ чужимъ именемъ. Онъ отказался и раздѣлилъ поэтому участь другихъ депутатовъ, сосланныхъ въ Гвинею.

Въ это время восемьдесятъ членовъ совѣта пятисотъ собрались у де-ла-Лозера и около сорока депутатовъ обѣихъ палатъ у Барбэ-Марбуа. Для составленія безцѣльнаго и нелѣпаго протеста депутаты, вѣрные правительству, собрались въ Одеонѣ и въ École de Santé.

18-го фруктидора въ девять часовъ утра Ламаркъ открылъ засѣданіе совѣта пятисотъ, и Пуленъ Гранпрей предложилъ составить немедленно комиссію изъ пяти членовъ, которой должно было быть поручено принять необходимыя мѣры для поддержанія общественнаго спокойствія и для укрѣпленія конституціи III года. Предложеніе было принято и, давъ разрѣшеніе въ случаѣ надобности ввести въ Парижъ войска, собраніе разошлось до вечера.

Вечеромъ, въ шесть часовъ пришло донесеніе отъ Директоріи, сообщавшее о событіяхъ послѣднихъ дней: правительство хвалилось, что спасло отечество отъ тяжелой опасности. Одновременно съ этимъ директора послали въ палаты бумаги, доказывавшія наличность роялистскаго заговора,—въ числѣ ихъ бумаги графа Антрега, Пишегрю и документы процессовъ Ла-Виллернуа, Броттье и Дювернъ-де-Прессля. Отъ имени комиссіи пяти де-ла-Мертъ произнесъ сильную рѣчь, чтобы воодушевить настроенныхъ дружелюбно къ правительству депутатовъ и вселить страхъ въ колеблющихся и нерѣшительныхъ. Помимо этого онъ въ своей рѣчи изложилъ намѣренія правительства.

Послѣ него на трибуну поднялся Вилье и предложилъ собранію законопроектъ, который требовалъ признанія незаконными выборовъ въ сорока девяти департаментахъ, изгнанія возвратившихся эмигрантовъ, исключенія пяти депутатовъ: Эме, Мерзана, Ферранъ-Вальяна, Го и Полиссара,

ссылки шестидесяти пяти депутатовъ, директоровъ, роялистовъ и писателей *) и, наконецъ, полицейскаго надзора за газетами съ правомъ закрывать ихъ совсѣмъ въ случаѣ необходимости.

Послѣ нѣкоторыхъ возраженій и не безъ труда предложеніе было принято и передано на утвержденіе совѣту старѣйшинъ, засѣдавшему въ то время въ École de Santé. Тамъ, однако, законопроектъ встрѣтилъ серьезныя трепія. Но послѣ нѣсколькихъ бурныхъ засѣданій, когда директора еще разъ заявили о настоятельной необходимости рѣшить вопросъ возможно скорѣе, постановленіе совѣта пятисотъ стало закономъ. Совѣтъ старѣйшинъ опасался, главнымъ образомъ, что правительство, опираясь на нѣсколькихъ популярныхъ главарей и нѣсколько тысячъ преданныхъ ему солдатъ, поступитъ безъ всякаго соизволенія палатъ.

Совѣтъ пятисотъ издалъ еще цѣлый рядъ законовъ и занялся владѣніями эмигрантовъ и новымъ финансовымъ законопроектомъ, который былъ переданъ въ комиссію для доклада и уже 10-го сентября къ великой радости трехъ директоровъ былъ утвержденъ вмѣстѣ съ бюджетомъ на слѣдующій годъ.

Въ засѣданіи совѣта пятисотъ 20-го фруктидора (6-го сентября 1797 года), спустя два дня послѣ изданія пламеннаго манифеста о козняхъ роялистовъ Байёль въ качествѣ докладчика новой комиссіи внесъ законопроектъ, направленный противъ газетъ и журналистовъ. Проектъ этотъ осуждалъ на изгнаніе не менѣе пятидесяти четырехъ журналистовъ, издателей, редакторовъ и сотрудниковъ. Такъ какъ списокъ показался черезчуръ длиннымъ, то рѣшено было обсуждать газеты въ отдѣльности, а не гуртомъ, какъ при обсужденіи ссылки заподозрѣнныхъ 18-го фруктидора. Въ концѣ-концовъ, послѣ того, какъ Булей и другіе встали на защиту нѣкото-

*) Среди нихъ находились сорокъ два члена совѣта пятисотъ, одиннадцать членовъ совѣта старѣйшинъ, два директора (Карно и Бартелеми), министръ полиціи (Кошонъ), полицейскіе чиновники, три роялиста (Броттье, ла-Виллернуа и Дюверне-де-Преслъ), два генерала (Миранда и Моргапъ), бывшій членъ Конвента (Мейль) и редакторъ „Политическихъ Анналовъ“ (Сюаръ).

рыхъ несправедливо обвиняемыхъ, проскрипціонный списокъ былъ уменьшенъ до сорока двухъ. Законъ этотъ помѣченъ 22-мъ фруктидора V года. Большинство писателей и редакторовъ, предупрежденные о немъ заблаговременно, успѣли скрыться и бѣжать.

Благодаря ссылкѣ Бартелеми и Карно въ Директоріи освободилось два мѣста. Совѣтъ пятисотъ составилъ поэтому два списка для избранія двухъ новыхъ директоровъ. Во главѣ перваго списка для избранія преемника Бартелеми значились лишь недавно назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ Франсуа и министръ юстиціи Мерленъ. Затѣмъ шелъ Массена и лишь на восьмомъ мѣстѣ Ожеро. Послѣдній твердо надѣялся, что за заслугу 18-го фруктидора его изберутъ въ Директорію *). Когда 21 фруктидора совѣтъ старѣйшинъ долженъ былъ избрать изъ предложеннаго ему согласно конституціи списка одного директора, его выборъ семьюдесятью четырьмя голосами палъ на Мерлена. Ожеро получилъ всего одинъ голосъ! На слѣдующій день на мѣсто Карно 205 голосами былъ избранъ въ совѣтъ старѣйшинъ Франсуа. Массена собралъ лишь 194 голоса, а Ожеро на сей разъ всего двумя меньше. Въ тотъ же день выборы были утверждены совѣтомъ старѣйшинъ большинствомъ 111 голосовъ.

Ночью съ 8-го на 9-е сентября (22—23 фруктидора) Ожеро и Сотенъ начали перевозить осужденныхъ на ссылку депутатовъ изъ Тампля, гдѣ они содержались до того времени. Ихъ было всего шестнадцать человѣкъ; среди нихъ слуга Бартелеми, не пожелавшій оставить своего господина, и всего лишь пять членовъ совѣта пятисотъ. Тридцать шесть человѣкъ скрылись, и лишь двое изъ нихъ были схвачены черезъ нѣсколько дней.

Въ четырехъ наглухо закрытыхъ экипажахъ съ рѣшетчатыми окошками заключенные были перевезены въ началѣ сентября въ Рошфоръ. Послѣ тринадцатидневнаго путешествія они прибыли туда 21-го сентября. На бригаднаго гене-

*) Взамѣнъ этого онъ 23-го сентября былъ назначенъ старшимъ генераломъ рейнской и мозельской армій, а послѣ смерти Гоша (18-го сентября 1797 г.) получилъ командованіе надъ арміей на Маасѣ.

рала Дютертра была возложена почетная миссія сопровождать заключенныхъ и обращаться съ ними въ дорогѣ елико возможно сурово.

22-го сентября корветъ „La Vaillante“ поднялъ якорь, и 12-го ноября транспортъ прибылъ въ Кайенну. Но уже 26-го сосланные были вновь посажены на корабль, который долженъ былъ отвезти ихъ въ Синамари. 9-го іюня 1798 года въ Гвіану было привезено еще 193 человѣка на фрегатѣ „La Décade“. Изъ 209 лицъ, осужденныхъ на ссылку, 35 погибли отъ болотной лихорадки, а 85 тяжело заболѣли.

Нѣкоторымъ, однако,—Пишегрю, Обри, де-Ларю, Досонвилю, Рамелю и Вилло,—удалось спастись бѣгствомъ; изъ оставшихся только Барбэ-Марбуа и Лафонъ-Ладеба не пострадали отъ маляріи. Рамель, де-Ларю, Барбэ-Марбуа и Лафонъ-Ладеба по своему возвращенію опубликовали потрясающія описанія страданій, лишеній сосланныхъ.

Послѣ 18-го фруктидора большая часть юга была подчинена военному господству Бонапарта, цѣлый рядъ чиновниковъ и высшихъ офицеровъ былъ замѣненъ другими, преданными правительству, а газеты на годъ поставлены подъ полицейскій надзоръ. Кромѣ того, въ 32 городахъ были учреждены военные комитеты, вынесшіе около 160 смертныхъ приговоровъ.

Моро, какъ извѣстно, въ противоположность Бонапарту и Гошу, не посылалъ адреса правительству. Директорія не довѣряла ему и поэтому 16-го фруктидора вызвала его въ Парижъ. Она обвиняла его еще въ томъ, что онъ прислалъ только 3 сентября, и то Бартелеми, а не всей Директоріи, корреспонденцію генерала Клинглена, захваченную при переходѣ черезъ Рейнъ и содержавшую около двухсотъ-трехсотъ шифрованныхъ писемъ различныхъ французовъ къ Кондэ, Энгіену, Викгаму, Клинглену и другимъ.

***

18 фруктидора было необходимостью для правительства. Такъ какъ законъ не предусмотрѣлъ другого средства для соглашенія палатъ другъ съ другомъ, то та или другая сторона для защиты своихъ интересовъ должна была немшуемо

прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Судьба захотѣла, чтобы побѣда оказалась на сторонѣ болѣе рѣшительной и энергичной Директоріи, у которой, однако, вовсе не было большихъ средствъ, нежели у палатъ, но послѣднія зато не сумѣли ими воспользоваться.

Для будущаго Франціи было бы, однако, лучше, если бы этого государственнаго переворота не происходило, и Директорія оказала бы республикѣ большія услуги, если бы проявила больше умѣренности при подавленіи роялистовъ.

18-е фруктидора означало дальнѣйшій шагъ въ побѣдномъ шествіи Наполеона. Онъ все больше и больше сознавалъ свою силу и видѣлъ, насколько расположено въ его пользу общественное мнѣніе въ Парижѣ.

ГЛАВА XII.

Общество, нравы и салоны при Директоріи

(1795—1799).

9-е термидора положило конецъ господству террора и его диктатору. Теперь не нужно было больше заботиться исключительно о своемъ существованіи: политическая жизнь снова уступила мѣсто жизни частной. Словно очнувшись отъ тяжелаго сна, парижане кинулись въ опьяняющій вихрь всевозможныхъ развлеченій. Они освободились теперь отъ какой бы то ни было тиранической цензуры. Черезчуръ долго страдали они отъ нея, черезчуръ долго наслаждались они варварскими развлеченіями публичныхъ казней, ставшихъ чуть ли не народными празднествами съ музыкой и танцами,—слишкомъ долго жили они въ спартанской обстановкѣ! Всѣ жаждали утонченныхъ цивилизованныхъ наслажденій.

Перемѣна была разительна. Во Франціи создалось совершенно новое общество,—дурно воспитанное и въ корнѣ своемъ развращенное революціей. Оно воздвиглось на руинахъ террора и состояло изъ смѣшанной толпы людей стараго и новаго режима, изъ болѣе или менѣе республикански настроенныхъ роялистовъ и умѣренныхъ республиканцевъ.

Никогда еще Парижъ и его общество не представляли собою столь странной картины, какъ при послѣднемъ издыханіи конвента и началѣ господства Директоріи. Старое общество погибло, а новое лишь зарождалось. Возстановленіе въ неприкосновенности прежнихъ привычекъ и правовъ едва ли было совмѣстимо съ республиканскими принципами, повед-шими къ ихъ измѣненію,—а новое создать было очень трудно.

Поэтому каждый жилъ, какъ ему хотѣлось, свободно и

непринужденно, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Общество представляло собою сплошной огромный маскарадъ, въ которомъ главныя роли играли „merveilleuses“, „muscadins“ и „incroyables“.

Республиканскіе привычки и обычаи снискали себѣ дурную репутацію. Остались лишь нѣкоторые, какъ, напримѣръ, ношеніе трехцвѣтной кокарды, обращеніе „гражданинъ“ и „гражданка“ и другіе. Обращеніе на „ты“, распространенное во время господства террора, не встрѣтило сочувствія, и общество вернулось къ прежнему, болѣе корректному „вы“.

Никогда не приходилось видѣть Парижу столько блестящихъ и фривольныхъ торжествъ, столь пышныхъ и разгульныхъ развлеченій и столь крайнихъ преувеличеній въ модѣ и въ нравахъ, какъ во времена Директоріи! Послѣ страшныхъ дней революціи, похоронившихъ подъ своими развалинами тронъ, церковь, аристократію, моду и духовную жизнь, французы съ радостью устремились подъ мирную кровлю порядка. Ихъ манила сюда человѣчность и цивилизація. Но въ сознаніи, что завтра можетъ быть непохожимъ на сегодня, что въ короткое время все можетъ стать гораздо хуже, чѣмъ было раньше, они преувеличивали всѣ наслажденія и превратили элегантный изящный Парижъ прошлыхъ вѣковъ въ домъ сумасшедшихъ.

Во всѣхъ концахъ города давались балы и пиршества; на прогулкахъ, въ паркахъ и на улицахъ появились вновь запрещенные до того времени экипажи, еще болѣе элегантные и пышные, нежели раньше. Въ салонахъ рѣшались вновь заговаривать, высказывать свое собственное мнѣніе. На бульварахъ, въ Елисейскихъ поляхъ, въ Булонскомъ лѣсу вновь появились изящные всадники и амазонки, нарядные ливреи и жокеи. Снова появились господа и слуги, а вмѣстѣ съ ними и классовое различіе, хотя повсюду и провозглашались свобода и равенство. Господство богатства заступило мѣсто господства санкюлоттизма. Клубы превратились въ салоны,—правда, открытые, съ доступомъ для всѣхъ и каждаго.

На набережныхъ, до тѣхъ поръ погрязавшихъ въ грязи, и плохо освѣщенныхъ улицахъ Парижа воцарились,—правда, хотя и не съ начала 1796 года,—снова порядокъ и чистота.

Открылось много красивыхъ магазиновъ, не оставлявшихъ желать ничего въ отношеніи элегантности и роскоши. Витрины ихъ привлекали публику. Элегантное общество бывало теперь всюду: въ театрахъ, кафе, ресторанахъ,—и въ безчисленныхъ вновь открытыхъ лѣтнихъ садахъ. Всѣ старались, по возможности, скорѣе и полнѣе удовлетворить свою жажду наслажденія.

Эта неожиданная перемѣна общественныхъ привычекъ и нравовъ естественно повлекла за собою страшныя преувеличенія и излишества. Люди были точно въ чаду отъ радости и удовольствія. Ихъ жажда роскоши и чувственныхъ наслажденій казалась ненасытной. То было странное время, въ которое всѣ хотѣли быть богатыми, въ которое расточительность считалась признакомъ хорошаго тона. Парижъ былъ скопищемъ всѣхъ экстравагантностей, всего великаго и прекраснаго, но въ то же время и всего низменнаго и пошлаго! Больше, чѣмъ когда-либо, былъ онъ центромъ для всѣхъ геніальныхъ людей, для всѣхъ шарлатановъ, ораторовъ, художниковъ и другихъ, надѣявшихся выдвинуться благодаря своимъ способностямъ или интригамъ.

Послѣ 9 термидора въ Парижѣ насчитывалось 644 публичныхъ танцовальныхъ залъ! Французы танцовали! Въ пляскѣ старались они забыть кошмарныя воспоминанія кровавой эпохи. Но то были уже не прежніе граціозные мэнуэты, кадрили, па-де-катръ и гавотъ,—изящныя па и низкіе поклоны стараго общества. Новому нужные были болѣе физическіе танцы, въ которыхъ они могли бы отразить всю свою страсть, весь свой темпераментъ. Появился вальсъ. Его привезли, какъ новинку, изъ Австріи, и французы тотчасъ же сдѣлали его своимъ излюбленнымъ танцемъ.

Богатые и бѣдные, высшіе и низшіе классы,—всѣ кинулись въ объятія Терпсихоры. Въ деревянныхъ башмакахъ танцовали съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ и въ изящныхъ шелковыхъ туфелькахъ, въ прозрачныхъ греческихъ или римскихъ тупикахъ, розовыхъ трико и на котурнахъ. Были публичные балы, входъ на которые стоилъ два су, были и такіе, куда не было доступа бѣднымъ. Каждый находилъ удовольствіе по своему вкусу. Высшее общество устраивало

балы, на которые продавались абонементы, какъ на концерты и въ театры. Входъ туда стоилъ не менѣе пяти—двадцати франковъ. Во всѣхъ танцовальныхъ залахъ были спеціальныя помѣщенія, въ которыхъ дамы могли мѣнять свои трико тѣлеснаго цвѣта.

Самымъ популярнымъ изъ подобныхъ заведеній считался отель Бирона, оркестромъ котораго управлялъ извѣстный Жераръ; посѣщались охотно и балы въ домѣ Равенства, балы Гармоніи и балы „Жертвъ“ въ отелѣ Телюссона. На послѣдніе допускались лишь тѣ, близкіе которыхъ погибли на эшафотѣ. Тамъ танцовали въ траурныхъ платьяхъ и привѣтствовали другъ друга троекратнымъ кивкомъ головы. Дамы носили коротко остриженные волосы и красную ленту вокругъ шеи,—она должна была напоминать о крови обезглавленныхъ. Парижане, такимъ образомъ, танцовали не только изъ жажды удовольствія, но также и изъ духа противорѣчія.

Самыми элегантными и популярными изъ всѣхъ этихъ баловъ были балы въ отелѣ Ришелье. Тамъ собирались сливки новой аристократіи и высшаго свѣта. Изъ дамъ въ прозрачныхъ газовыхъ платьяхъ съ прическами, перегруженными кружевами, брилліантами и золотомъ, съ обнаженными руками и плечами, изъ всѣхъ этихъ нимфъ и сиренъ выдѣлялась „La belle Tallien“ или, какъ ее всѣ называли, „Notre dame de Thermidor“; тамъ бывала также и ея близкая подруга, маркиза де-Богарне, несравненная въ своей греческой простотѣ Жюли Рекамье, а также и экстравагантная мадамъ Гамеленъ.

Мужчины являлись на всѣхъ балахъ рѣзкимъ контрастомъ къ блестящей красотѣ женщинъ, къ ихъ свѣжему благоуханному тѣлу, ко всей расточительной роскоши. Одѣвались они изысканно небрежно, и въ то время, какъ женщины всѣми фибрами своего сердца отдавались танцамъ, мужчины, казалось, думали при этомъ о близкомъ государственномъ переворотѣ. Этого требовалъ хорошій тонъ.

Уличная жизнь совершенно измѣнилась. Въ саду Пале-Рояля,—названномъ революціей садомъ Равенства,—совершенно перестало бывать высшее общество, почти исключительно господствовавшее тамъ до революціи. Садъ этотъ сталъ

настоящей клоакой Парижа. Его посѣщали оборванцы, воры, сутеперы и опустившіяся до послѣдней степени проституткн.

Садъ Тюльери тоже опустѣлъ послѣ 9-го термидора. Тамъ гуляло только среднее сословіе. Элегантное общество посѣщало исключительно Елисейскія поля и Булонскій лѣсъ. Сливки же аристократіи, мускадены съ зелеными или черными воротниками встрѣчались на бульварахъ, между улицами Гранжъ-Бательеръ и Монблана. Мѣсто это называлось „Малымъ Кобленцемъ“. По вечерамъ здѣсь сходились представители старой парижской аристократіи, ненавидѣвшіе все, что напоминало имъ революцію, чернь и гражданъ. Кто изъ нихъ не хотѣлъ согрѣшить противъ хорошаго тона, тотъ долженъ былъ хотя бы нѣсколько разъ въ недѣлю побывать на „Маломъ Кобленцѣ“. Аристократы сидѣли здѣсь на поставленныхъ въ шесть рядовъ стульяхъ и давали волю своей иронін надъ политическимъ положеніемъ родины. Здѣсь собиралась вся знать, словно по лозунгу „Guerre aux terroristes!“ Ихъ поведеніе, ихъ походка, ихъ костюмъ, все говорило о противорѣчіи! Вѣеръ, шаль, носовой платокъ,—все характеризовало направленіе политической мысли. На одномъ были нарисованы лиліи, на другомъ плакучія ивы, листья которой своими очертаніями ясно напоминали всѣхъ членовъ погибшей королевской семьи. Многія дамы выражали свою скорбь по утраченной монархіи черными газовыми платьями.

Концерты, театры и особенно безчисленные „jardins d'été“ снова вошли въ моду. „Фраскати“ было однимъ изъ самыхъ элегантныхъ помѣщеній для концертовъ, игръ и баловъ. Восемь роскошно разукрашенныхъ въ античномъ стилѣ залъ съ картинами Калле каждый вечеръ видѣли въ своихъ стѣнахъ въ высшей степени элегантную, аристократическую, хотя и дурно воспитанную публику. У Фраскати бывали, главнымъ образомъ, политики сомнительнаго свойства, бонвиваны, театральныя дамы, кокотки и дамы изъ общества съ болѣе или менѣе бурнымъ прошлымъ. Въ зеленыхъ бесѣдкахъ тутъ пили, ѣли и наслаждались упоительной музыкой. Очень популярными, хотя, правда, среди болѣе серьезной публики, были садовые концерты Марбефа въ Тюльери и въ

Пале-Роялѣ, кромѣ того, концерты „слѣпыхъ“, концерты „республики“ и другіе.

Французы издавна были большими поклонниками искусства. Даже во время революціи посреди бѣдствій и ужаса они посѣщали театры. Полные сборы въ то время были не рѣдкостью. Теперь, конечно, это проявилось въ еще большей степени: вѣдь снова можно было свободно дышать и свободно наслаждаться! Представленія въ комической оперѣ и въ театрѣ Фейдо давались теперь ежедневно. Послѣдній, однако, изъ политическихъ соображеній былъ закрытъ въ концѣ 1796 г. Въ театрѣ Искусствъ, въ Оперѣ, въ Водевилѣ, въ патріотическомъ театрѣ, въ театрѣ Монтансье и въ другихъ бывали каждый день полные сборы. Многіе изъ нихъ, однако, просуществовали не долго, прослывъ въ концѣ-концовъ „очагами разврата и разгула“. 24 мая 1796 года вновь открылся Французскій театръ. Въ ложахъ сверкали античной наготой героини дня, а актрисы появлялись на сценѣ болѣе раздѣтыми, нежели одѣтыми. Женская красота и блескъ брилліантовъ стояли на первомъ мѣстѣ. Однажды вечеромъ Терезія Талльенъ, львица моды, появилась въ своей ложѣ въ оперѣ, одѣтая въ костюмъ Ліаны. Весь „костюмъ“ состоялъ изъ тигровой шкуры, прихваченной на античный ладъ у плечъ и у бедеръ и доходившей едва до колѣнъ. Ея [illegible]ія ноги были обуты въ золоченыя сандаліи, завязанныя красными шнурами. Съ обнаженныхъ плечъ свѣшивался колчанъ, усыпанный брилліантами. Когда представленіе кончилось, она, нисколько не смущаясь, прошла черезъ толпу къ своему экипажу.

Легкомысліе нравовъ проявлялось естественно и въ пьесахъ, которыя ставились на сценѣ. Съ 9 термидора въ театръ проникъ антиреволюціонный, или, вѣрнѣе, антиякобинскій духъ. Французы мстили революціи, которая такъ долго подвергала все строжайшей цензурѣ, мстили тѣмъ, что ставили на сценѣ пьесы, въ которыхъ высмѣивались члены клубовъ, публичные ораторы, партійные вожди, члены Конвента и судьи революціоннаго трибунала со всѣми ихъ пороками, недостатками и смѣшными сторонами. Въ нѣкоторыхъ пьесахъ подвергались осмѣянію и торговая и ростовщическая лихорадка, овладѣвшая

населеніемъ. Напримѣръ, въ Водевилѣ часто давалась пьеса „Tout le monde s'en mêle, ou la manie du commerce", въ которой коммерческія спекуляціи развращаютъ и губятъ цѣлую семью. Все это, однако, нисколько не препятствовало развитію этой пагубной страсти.

Во времена Директоріи въ театрахъ была запрещена пѣсня мюскаденовъ „Пробужденіе народа". Передъ представленіемъ и въ антрактахъ должны были исполняться патріотическія пѣсни, но вскорѣ распоряженіе это потеряло свою силу. Излюбленной фигурой на сценѣ были парвеню и жена его, бывшая прачка, а теперь богатая и вліятельная женщина, которая, навѣрное бы, стала настоящей дамой, если бы у нея не хватало только ума, манеръ, воспитанія и образованія! Такъ издѣвалось общество надъ своимъ же собственнымъ обликомъ.

Рѣзкое измѣненіе участи многихъ людей оказывало странное воздѣйствіе. Люди, которыхъ прежде никто не зналъ, которые до сихъ поръ жили уединенно и замкнуто, благодаря обманамъ и ростовщичеству, богатѣли и начинали играть крупную роль. Старинныя же, уважаемыя семьи лишились, благодаря революціи, всего своего состоянія и терпѣли крайнюю нужду. Отъ происшедшей перемѣны страдалъ прежде всего бывшій клиръ. Такъ, бывшій епископъ Віенскій поступилъ въ 1796 году разсыльнымъ въ арсенальную библіотеку и самъ чинилъ себѣ штаны и сапоги.

Все общество напоминало тѣхъ прислугъ при старомъ режимѣ, которымъ, согласно традиціи, разрѣшалось разъ въ году разыгрывать роль господъ. Салоны были открыты для всѣхъ; устраивались публичные балы и празднества, всѣ развлекались вмѣстѣ. Дамы порхали въ объятіяхъ незнакомыхъ кавалеровъ. Актрисы, танцовщицы, авантюристки, свѣтскія дамы и куртизанки, всѣ были вмѣстѣ, соперничали другъ съ другомъ въ красотѣ, роскоши туалетовъ и экстравагантности.

Манеры того времени оставляли желать многаго. Мужчины не снимали шляпъ съ головы, когда говорили съ дамами. Здороваясь другъ съ другомъ, еле подымали шляпы или просто кивали головою. Женщины вызывающе смотрѣли на мужчинъ черезъ лорнетъ, некрасивыхъ онѣ громко критиковали,

а красивымъ прямо въ лицо говорили комплименты. Точно такъ же обращались съ женщинами и мужчины.

Вѣжливость, предупредительность, любезность и такъ стараго блестящаго парижскаго общества совершенно исчезли.

Особенно сильно развилось обжорство. Гримо-де ла-Реньеръ, извѣстный гурманъ, говорилъ, что Парижъ превратился въ сплошную огромную глотку. Барра и другіе вліятельные люди подавали примѣръ своими блестящими пирествами.

Съ 1796 года основалось много обществъ, единственной цѣлью которыхъ было хорошо и плотно поѣсть. Лишь немногіе соединяли съ этимъ какія-либо художественныя цѣли. Первымъ изъ этихъ „обжорныхъ обществъ“ было „Общество обѣдовъ Водевиля“. Главный пунктъ устава его, изложеннаго въ стихахъ, былъ слѣдующій:

Champ libre au genre érotique,
Moral, critique et buffon;
Mais jamais de politique,
Jamais de réligion,
Ni de mirliton.

Оно состояло, какъ показываетъ само названіе, изъ актеровъ, но только изъ такихъ, которые имѣли въ прошломъ хотя бы два удачныхъ выступленія въ Водевилѣ. Другія аналогичныя общества, какъ, напримѣръ, „Общество медвѣдей“, члены котораго, вмѣсто застольной пѣсни, рычали по-медвѣжьи, и, наконецъ, „Общество животныхъ“, въ которомъ каждый членъ получалъ имя какого-нибудь животнаго, открылись вскорѣ послѣ вышеупомянутаго „Общества обѣдовъ“. „Общество завтраковъ“ собиралось каждыя двѣ недѣли, чтобы въ теченіе цѣлаго дня, съ ранняго утра и до поздняго вечера, „завтракать“.

Въ частныхъ домахъ также устраивались роскошныя пиршества. Изысканныя блюда и все, что было въ Парижѣ рѣдкаго въ области своей и иностранной гастрономіи, дорогія вина и ликеры перегружали столы, богато украшенные, почти съ восточной роскошью и расточительностью. Времена, когда гости приносили съ собою хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, давно уже миновали. Гости вкушали яства хозяина, а лившееся

потоками вино развязывало языки. Одинъ старался превзойти другого богатствомъ и блескомъ.

Увраръ, богатый банкиръ и щедрый поклонникъ Терезіи Талліенъ, въ честь того, что онъ получилъ отъ директора Барра эту капризную метрессу, устроилъ въ своемъ замкѣ Рейси пиршество, равнаго которому по роскоши и изысканности парижане еще не видали. Посреди стола, накрытаго съ поразительнымъ вкусомъ, красовался бассейнъ изъ чистаго мрамора, наполненный водой. Дно его было покрыто тончайшей золотой пылью; въ немъ плавали рыбы самыхъ рѣдкихъ породъ. Въ углахъ помпезно разукрашеннаго зала били фонтаны изъ пунша, померанцевой воды и миндальнаго молока. Посуда была вся золотая и серебряная. Бокалы изъ дивнаго хрусталя. Кушанья подавались только самыя изысканныя, вина—самыя дорогія, фрукты были привезены со всѣхъ концовъ свѣта.

Гастрономическія радости старой Франціи не исчезли, такимъ образомъ, послѣ революціи, а, наоборотъ, стали играть еще болѣе видную роль. Однако, въ такое бурное время наряду съ безграничными бѣдствіями низшихъ классовъ они казались неумѣстными и грубыми. Всѣмъ этимъ пышнымъ расточительнымъ празднествамъ не доставало, впрочемъ, того благороднаго изящества, которымъ умѣло снабжать старое общество свои не менѣе лукулловскія пиршества. Въ празднествахъ теперь было всегда что-то бьющее на эффектъ, навязчивое, въ нихъ была та преувеличенность, которая дѣлала всю эпоху Директоріи чрезвычайно ординарной и вульгарной.

Вѣрной спутницей этихъ празднествъ была игра. Несмотря на всѣ полицейскія мѣры, азартъ французовъ, превратившійся во время революціи въ своего рода порокъ, очень мало ослабѣлъ. Помимо разрѣшенныхъ игорныхъ домовъ, было много тайныхъ притоновъ. Владѣльцами были по большей части частныя лица, и они нерѣдко субсидировались высокими членами правительства. Пале-Рояль и окружающая его мѣстность были центромъ игры. Барра упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ о нѣсколькихъ такихъ домахъ. У всѣхъ нихъ не было официальнаго разрѣшенія на азартную игру; отчасти они были также и очагами разврата.

„На улицѣ Сенъ-Онорэ, въ домѣ № 58,—сообщаетъ Барра,—нѣкая мадамъ Рейяль, покровительствуемая директоромъ Франсуа де-Нефшато, содержала игорный домъ. Кромѣ того, ее еще обвиняли въ томъ, что она приводила для посѣщавшихъ ее депутатовъ молодыхъ дѣвушекъ. По утрамъ ее посѣщали эмигранты и дѣловые люди, а вечеромъ въ домѣ шла игра. Неигравшіе поднимались во второй этажъ, чтобы заняться „политикой“. Что это значило, всѣ великолѣпно понимали.

На той же улицѣ находился и другой игорный притонъ. Онъ принадлежалъ возлюбленной Шенье, мадамъ ла-Бушардери. Домъ этотъ посѣщали офицеры и дипломаты. Говорятъ, что баронесса де-Сталь дала нѣкоему Вивьену деньги на открытіе игорнаго дома. Вивьенъ этотъ былъ въ высшей степени безнравственнымъ человѣкомъ. Онъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ съ ла-Бушардери, но, кромѣ нея, содержалъ еще нѣкую мадамъ Кошуа...

На улицѣ Басъ-дю-Рампаръ мадамъ де-ла-Фаръ, племянница маршала де-Бирона, содержала игорный салонъ. Въ числѣ ея постоянныхъ гостей былъ генералъ Шереръ, страстный игрокъ“.

Во всѣхъ этихъ домахъ шла игра въ „бириби“, „31“ и „крепъ“. Рулетка работала всю ночь напролетъ. Въ 1795 году говорили вполнѣ открыто, что депутатъ Ларивіеръ проигралъ въ одинъ вечеръ въ Пале-Роялѣ сорокъ тысячъ франковъ.

Въ частныхъ домахъ послѣ ужина также начиналась высокая игра. „Фараонъ“, „вистъ“ и „21“ держали гостей до утра за зелепымъ столомъ. И на слѣдующій день передавали о баснословныхъ суммахъ, проигранныхъ въ томъ или другомъ домѣ.

Лучше всего можно прослѣдить особенность новаго общества въ тѣхъ немногихъ салонахъ, которые снова открыли свои двери. „Изящныя манеры благовоспитанныхъ лицъ,—говоритъ мадамъ де-Сталь въ своихъ „Размышленіяхъ о французской революціи“,—выступили ярко наружу, несмотря на простые туалеты, все еще бывшіе въ ходу со времени господства террора. Якобинцы впервые вошли въ салоны высшаго свѣта. Ихъ тщеславіе бросало тѣнь на все, что считалось хорошимъ

тономъ. Ихъ окружали дамы „стараго режима, чтобы добиться у нихъ разрѣшенія вернуться ихъ братьямъ, сыновьямъ и мужьямъ...“

Войдемъ же на минуту въ самый извѣстный изъ этихъ салоновъ, въ салонъ мадамъ Талліенъ, королевы Директоріи, женщины, бывшей сперва аристократкой, ставшей затѣмъ республиканкой, а 9-го термидора утверждавшей, что въ ея рукахъ судьба тысячъ людей. И это не было преувеличеніемъ. Она была спасительницей отъ горя и ужаса. Ее называли „Norte Dame de Thermidor“ и превозносили точно богиню. Въ Пейло, въ концѣ Елисейскихъ полей, избалованная подруга директора Барра, а впослѣдствіи банкира Уврара, пріобрѣла домъ, называвшійся „храмомъ красоты и граціи“. До нея домъ этотъ принадлежалъ извѣстной актрисѣ Рокуръ,—лишняя причина, чтобы тщеславная Терезія пожелала его пріобрѣсти. Здѣсь она принимала всѣхъ извѣстныхъ лицъ, и весь Парижъ, несмотря на дальность разстоянія, направлялъ шаги свои къ обольстительной Цирцеѣ, въ ея „Chaumière“, устроенный съ большимъ изяществомъ и вкусомъ.

Всѣ комнаты были устроены въ античномъ стилѣ по образцу раскопокъ въ Геркуланумѣ. Въ помпейскомъ вестибюлѣ стояла чудесная группа Нептуна изъ тонкаго севрскаго фарфора, за которую галантный Барра заплатилъ тридцать тысячъ франковъ. Глазъ радовали здѣсь высокіе свѣтильники на треножникахъ, греческія ложа, этрусскія вазы, картины изъ греческой миѳологіи и античныя статуи. Въ маленькомъ будуарѣ собрались точно всѣ музы. Тутъ стояло раскрытое фортепіано съ множествомъ нотъ на подставкахъ. Ноты лежали повсюду на стульяхъ и на креслахъ; на диванъ была брошена гитара. Передъ античнымъ кресломъ стояла дивная арфа, точно тонкіе пальцы ея обладательницы только-что скользили по ней. Въ углу мольбертъ съ начатымъ ландшафтомъ; на полу палитра, кисти и ящикъ съ красками. Тутъ былъ даже столъ для рисованія со всѣми необходимыми аттрибутами. О писательской дѣятельности говорилъ открытый письменный столъ, наполненный книгами и бумагами. Въ книжномъ шкафу длинные ряды томовъ, словно только-что чья-то рука перебирала и перелистывала ихъ. Тутъ не было даже забыто наиболѣе

любимое занятіе женщины: пяльцы съ начатымъ узоромъ. Терезія, повидимому, обладала самыми разнообразными талантами.

Въ этихъ комнатахъ мадамъ Талліенъ собиралось самое разнородное общество. Ея салоны всегда были переполнены самою разношерстной толпою: депутатами, повлекшими за собою паденіе Робеспьера, представителями стараго общества, аристократами и дипломатами, финансистами и негоціантами, якобинцами и умѣренными, роялистами и республиканцами,—всѣ мирно встрѣчались у прекрасной Терезіи.

Она умѣла окружать себя людьми и среди всѣхъ музъ все же оставалась богиней. Она сумѣла также вновь выдвинуть толпу прекрасныхъ женщинъ старой Франціи. У нея бывала пикантная, остроумная и очень кокетливая мадамъ Генгерло,—предъ нею склонялись всѣ художники и поэты. Бывала и гражданка Мелэ де-Шаторено, и стройная элегантная креолка маркиза де-Богарнэ, бѣлокурая лифляндская баронесса Крюденеръ, плѣнявшая всѣхъ своимъ мистицизмомъ, полумулатка Гамелэнъ, богиня наготы,—едва скрытыя смуглыя пластичныя формы которой привлекали взгляды всѣхъ „incroyables“, и, наконецъ, прекрасная Жюли Рекамье, единственная дѣвственная среди всего этого моральнаго хаоса. Послѣднее объяснялось, впрочемъ, природнымъ недостаткомъ очаровательной женщины.

Изъ мужчинъ здѣсь бывали: сластолюбивый директоръ Барра, элегантный Фреронъ, банкиръ Рекамье, чрезвычайно моральный въ своихъ принципахъ Шатерно, находившійся, однако, не въ такихъ уже моральныхъ отношеніяхъ съ мадамъ де-Шастеней, Сегенъ, Готтингеръ, Гофманъ и щедрый Уварь... Пѣвецъ Гара, какъ и многіе другіе, достигъ своей извѣстности главнымъ образомъ благодаря тому, что почти каждый вечеръ пѣлъ въ салонѣ мадамъ Талліенъ. Аккомпанировалъ ему на роялѣ Черубини или Мегюль.

Но центръ всего составляла несравненно прекрасная, цвѣтущая хозяйка дома. Она была въ греческомъ костюмѣ; ея изящныя ноги и дивно сложенныя руки обхватывали золотые браслеты. Глаза ея сверкали, а чувственный ротъ улыбался побѣдно всѣмъ восторженнымъ взглядамъ, которые устремля-

лись на нее толпой молодыхъ повѣсъ. Звенѣли бокалы и слышались возгласы: „Pa'ole d'honneu' victimée, cette femme est deli'ente!“

Особенно серьезныхъ разговоровъ въ Шомьерѣ нельзя было услышать. Большинство политиковъ, бывавшихъ тутъ, происходило изъ низшихъ слоевъ народа, поставщики арміи едва умѣли читать и писать,—сегодняшнія выскочки вчера еще были простыми ростовщиками и нажили свои неисчислимыя богатства въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Тутъ зато танцовали, пѣли и играли съ поздняго вечера и до ранняго утра, иногда занимались немного музыкой и декламировали. Талліенъ обладала всевозможными талантами и умѣла занимать гостей, хотя и не всегда по ихъ вкусу. Въ салонахъ мадамъ Талліенъ завязывались и развязывались какъ любовныя, такъ и политическія интриги. Пользовалась всеобщей популярностью и невинная игра, гдѣ главная роль принадлежала поцѣлую. Публицистъ Лакретель похвастался здѣсь однажды вечеромъ тѣмъ, что поцѣловалъ выше локтя руку прекрасной хозяйки и сравнилъ ее съ Капитолійской Венерой.

Какъ привычки этого новаго общества, таковы были и моды: свободныя, смѣлыя, преувеличенныя! Женщины или „les merveilleuses“, какъ ихъ называли, предпочитали греческіе или римскіе костюмы; шея, грудь, ноги и руки были обнажены и увѣшаны драгоцѣнностями. Браслеты носили даже на пальцахъ ногъ. Лодыжки, а нерѣдко и бедра обхватывались узкими браслетами. Дамы одѣвались въ прозрачныя ткани, сквозь которыя не только смутно видѣлись очертанія формъ, облеченныхъ въ трико тѣлеснаго цвѣта, но которыя и совершенно открывали ихъ глазамъ восхищенныхъ зрителей.

Въ 1799 году парижанки изобрѣли особенно утонченную принадлежность туалета. Она должна была, какъ выражался „Journal des Dames et des Modes“, „оттѣнять лилейность прекрасной груди и розовый цвѣтъ ея естественнаго украшенія“. Рѣчь шла объ яркой черной бархаткѣ, обвитой вокругъ шеи и заколотой брилліантовой булавкой подъ лѣвой грудью, которая была или совсѣмъ обнажена, или прикрыта легкой тканью.

Даже самая необходимая часть одежды—сорочка—была на

нѣкоторое время исключена изъ гардероба парижскихъ модницъ,—откуда и наименованіе ихъ „sans-chemises“ въ pendant къ „sans-culottes“. Одна изъ такихъ нимфъ появилась въ Елисейскихъ поляхъ, одѣтая лишь въ тюлевое платье, черезъ которое ясно можно было различить цвѣтъ ея подвязокъ. На одномъ изъ баловъ появилась молоденькая дѣвушка въ такомъ скудномъ одѣяніи, что ее даже въ это безнравственное время освистали. Въ концѣ концовъ она была принуждена болѣе приличнымъ костюмомъ скрыть наготу своихъ едва созрѣвшихъ формъ. Въ 1797 году двѣ дамы,—то были представительницы высшаго общества, а не проститутки,—дошли до того, что появились на гуляньѣ въ толпѣ совсѣмъ „au naturel“, даже безъ трико, а только въ прозрачной газовой вуали. Другая же носила легкій плащъ, доходившій едва до таліи.

Какъ на маскарадѣ, костюмы назывались миѳологическими именами. Тамъ были, напримѣръ, туалеты à la Юнона, à la Цирцея, à la Флора, à la Минерва, à la Діана. То же и прически—à la Титъ, à la Каракалла. Были и головные уборы: à la folle, à la justice, à l'humanité, и шелковыя шали „sang-de-boeuf“. За платья и шляпы платили баснословныя деньги. Батистовое платье, отдѣланное шелкомъ, стоило двѣ тысячи пятьсотъ, а тюлевое—тысячу сорокъ франковъ.

Женщины любили заниматься и спортомъ. Смѣлыя амазонки соперничали другъ съ другомъ въ отвагѣ и граціи. Править лошадьми считалось признакомъ хорошаго тона. Дамы вмѣстѣ съ кавалерами ѣздили въ самыхъ рискованныхъ античныхъ костюмахъ или въ соблазнительномъ дезабилье съ обнаженными руками, въ лучшемъ случаѣ прикрывъ плечи индійской кашемировой или англійской кружевной шалью.

Эти шали, стоившія зачастую огромныхъ денегъ, надѣвались и на голову. Очень характернымъ для тогдашней расточительности является слѣдующій эпизодъ, о которомъ разсказываетъ композиторъ Бланжени въ своихъ мемуарахъ. Онъ посѣтилъ мадамъ Талліенъ и долженъ былъ ждать въ ея салонѣ, пока она причесывалась.

„Мнѣ пришлось,—разсказываетъ онъ,—прождать по крайней мѣрѣ полчаса, пока, наконецъ, появилась камеристка мадамъ Талліенъ. Она извинилась и попросила войти въ будуаръ

хозяйки. Тамъ я впервые увидѣлъ одну изъ прославленныхъ знаменитостей того времени: извѣстнаго парикмахера Дюплана, изъ-за услугъ котораго соперничали впослѣдствіи двѣ императрицы. Когда я вошелъ въ надушенное святилище, Дюпланъ какъ-разъ старался смять въ своихъ рукахъ чудесную кружевную англійскую шаль: она должна была украсить собою головку мадамъ Талліенъ. Дюпланъ прикладывалъ ей нѣсколько разъ къ волосамъ, перемѣнялъ форму и положеніе ея, но ему все не нравилось его собственное сооруженіе. Неожиданно ему пришла въ голову какая-то геніальная мысль, и онъ заявилъ торжественнымъ тономъ: „Мадамъ, шаль черезчуръ велика. Съ нею мнѣ не удастся сдѣлать прически, которая была бы достойна и васъ, и меня“. Мадамъ тотчасъ же позвонила своей камеристкѣ. Та пришла, принесла хозяйкѣ ножницы, и Дюпланъ разрѣзалъ на мелкіе кусочки дивную ткань, стоившую по крайней мѣрѣ шесть-восемь тысячъ франковъ“.

Таково было время! За прическу, за капризъ моды, которая на нѣсколько часовъ дѣлала женщину королевой вечера, жертвовали съ радостью тысячи франковъ.

Видную роль въ туалетѣ женщины, особенно вскорѣ послѣ 9-го термидора, но также и при Директоріи, играли парики, въ особенности бѣлокурые. Признакомъ хорошаго тона считалось мѣнять ихъ каждый день. Модны были всѣ оттѣнки отъ матово-пепельнаго до огненно-рыжаго. Элегантныя дамы, какъ, напримѣръ, мадамъ Раге, молодая кокетливая актриса Ланжъ, мадамъ Талліенъ, мадамъ Гамеленъ и другія, имѣли каждая штукъ по тридцати бѣлокурыхъ париковъ, не считая темныхъ! И каждый такой парикъ стоилъ по крайней мѣрѣ пятьсотъ франковъ!

Вполнѣ справедливо можно было въ то время утверждать, что гардеробъ элегантной парижанки состоялъ изъ трехсотъ шестидесяти пяти прическъ, стольныхъ же паръ ботинокъ, шестисотъ платьевъ и ш е с т и сорочекъ. Эта традиціонная часть одежды, какъ мы уже упоминали, на нѣкоторое время совершенно исчезла изъ гардероба элегантнаго свѣта.

Не менѣе вызывающими были и мужскія моды. На-ряду съ мюскаденами (прозванными такъ за любовь къ сильнымъ духамъ мускуса), которые носили невѣроятно узкія брюки,

парикъ и высокій зеленый или черный воротникъ въ знакъ ихъ антиреволюціонныхъ міровоззрѣній,—истинными львами Парижа были „incroyables“. Ихъ франтовство достигало крайнихъ предѣловъ.

Коротко остриженные на затылкѣ волосы спадали на лобъ безчисленными локонами, напоминавшими пробочники, такъ что совсѣмъ закрывали брови, густо подведенныя карандашомъ. Голова, украшенная чернымъ цилиндромъ съ крохотной кокардой, тонула въ невѣроятно высокомъ воротникѣ сюртука, съ еще болѣе огромнымъ шелковымъ галстухомъ. Видѣлись только глаза и носъ франта. Большею частью спиіе сюртуки были снабжены длиннѣйшими фалдами, доходившими иногда до самыхъ пятъ. Руки терялись въ такихъ же длинныхъ и узкихъ рукавахъ, едва только видиѣлись концы пальцевъ. На рукахъ носили вышитыя перчатки. На англійскомъ свѣтломъ или коричневомъ жилетѣ красовались два ряда громадныхъ перламутровыхъ пуговицъ. Въ карманѣ, большею частью на виду, носили массивные золотые часы, между тѣмъ какъ другіе, которыми пользовались для постояннаго употребленія, въ маленькомъ жилетномъ кармашкѣ. На шеѣ „incroyable'я“ висѣлъ на тонкой цѣпочкѣ портретъ возлюбленной, который, правда, мѣнялся чуть ли не каждый день. На правой рукѣ красовался золотой, филигранной работы, браслетъ, лѣвую же постоянно держали небрежно въ карманѣ длинныхъ узкихъ брюкъ.

Походка и осанка поражали своей извращенностью. Всѣ „incroyable'п“ горбились, точно были калѣками отъ природы. Они строили изъ себя близоруких и либо носили на носу огромныя очки, либо же вооружались уродливыми лорнетами, которые каждую минуту подносили къ глазамъ. Ссылаясь постоянно на головную боль, они то и дѣло нюхали изъ усыпаннаго брилліантами флакона съ солью. Они вообще старались придать себѣ чопорный, небрежный видъ, который, однако, не препятствовалъ имъ отправляться на прогулку съ огромной дубинкой; впослѣдствіи, правда, дубинку эту замѣнила гибкая тросточка.

Чтобы считаться человѣкомъ высшаго свѣта, дэнди, нужно

было обладать по возможности длинными и узкими ногами. Тѣ, которыхъ природа не одѣлила такими ногами, заставляли своихъ сапожниковъ трудиться надъ пересозданіемъ ихъ.

Наибольшій восторгъ вызывалъ тотъ, кто выкидывалъ самыя дикія и несообразныя вещи: ходилъ, напримѣръ, въ прекрасную погоду въ высокихъ сапогахъ, а въ грязь и дождь въ розовыхъ шелковыхъ чулкахъ и въ открытыхъ туфляхъ.

Хорошимъ тономъ считалось также играть въ обществѣ настоящими или фальшивыми локонами, спадавшими на лобъ, или же вести разговоръ, совершенно искажая слова. Если къ тому же фатъ окружалъ себя благоуханіемъ амбры, то онъ могъ быть увѣренъ, что его назовутъ „delicieux“.

Карманы „incroyable'я“ должны были быть постоянно наполнены конфетами, чтобы онъ каждую минуту могъ предложить ихъ дамамъ. При этомъ проводилась совершенно опредѣленная система. Старухъ угощали „bonbons à la rébus“, „dragées à la bonne aventure“, молоденькихъ женщинъ— „pistaches à la Fanchon“, „pastilles galantes“ и „surprises“, молоденькихъ дѣвушекъ—„déjeuners de l'amour“. Нельзя было даже забывать о собачкахъ и кошкахъ хозяевъ. Первымъ приносили сладкіе крендельки, а кошекъ расчесывали маленькимъ черепаховымъ гребешкомъ, который постоянно носили при себѣ.

Эксцентричности моды простирались и на языкъ „incroyabl'ей“. Популярный пѣвецъ Гара, извѣстный, кромѣ своихъ талантовъ, еще фатовствомъ, предпринялъ „реформу французскаго языка“. Согласная „р“ казалась ему черезчуръ грубой, и онъ вообще вычеркнулъ ее изъ алфавита. Въ послѣдователяхъ у Гара не было недостатка. Онъ говорилъ поэтому „pa'ole d'honneu“, а не „parole d'honneur“, „sup'ême“, вмѣсто „suprême“, „inc'oyable“, вмѣсто „incroyable“, „me'veilleuse“, вмѣсто „merveilleuse“. Признакомъ хорошаго тона считалось также и пришепетываніе: „Ze vous zu'e“ говорили вмѣсто „Je vous jure“ и т. п.

Въ этомъ хаосѣ всѣхъ понятій не второстепенную роль играла галантность. Непорочность нравовъ дошла, наконецъ, до того, что женщины высшаго круга, ничуть не стѣсняясь, пре-

давали публичной отласкѣ свои любовныя приключенія. Что прежде робко сохранялось въ тайнѣ, то теперь въ глазахъ всего общества считалось простымъ и вполнѣ естественнымъ; для женщинъ не было ничего запретнаго: имъ было дозволено все. Не вредя своей репутаціи, онѣ могли на-ряду съ законнымъ супругомъ имѣть еще одного или нѣсколькихъ любовниковъ, а для супруга даже считалось вполнѣ „comme il faut“ содержать нѣсколькихъ метрессъ. Дамы отыскивали любовниковъ на улицахъ, на публичныхъ балахъ, въ театрахъ и мѣняли ихъ какъ платья и парики. Тотъ, кто охотнѣе всего удовлетворялъ ихъ капризы и расчетливость, пользовался наибольшимъ успѣхомъ. Свободная любовь въ свободномъ государствѣ,—таковъ былъ общій идеалъ!

Бракъ съ его обязанностями на всю жизнь давно уже пересталъ приходиться по вкусу французамъ. Декретомъ 23-го апрѣля 1794 года былъ введенъ разводъ, который разрѣшалъ каждому обманувшемуся въ счастьи искать новаго. Это нововведеніе революціи хотя и имѣло свои свѣтлыя стороны, однако, принесло и много вреда. Оно положило конецъ многимъ несчастнымъ бракамъ, но склоняло къ невѣроятнымъ злоупотребленіямъ. Люди сегодня вѣнчались, а на завтра уже разводились, смотря по капризу и настроенію. Малѣйшее недоразумѣніе между супругами считалось тотчасъ же тиранніей и приводило ихъ на судъ. Бывало такъ, что люди нѣсколько разъ въ одинъ годъ разводились и снова вѣнчались. Въ „Монитерѣ“ отъ 27 декабря 1796 года опубликовано прошеніе одного господина, который просилъ разрѣшенія жениться на своей тещѣ: незадолго до того онъ по порядку развелся съ ея двумя дочерьми.

Этимъ новшествомъ воспользовался нѣкій Ліардо. Во время революціи онъ открылъ брачное бюро, въ которомъ дамы и кавалеры могли встрѣчаться и знакомиться другъ съ другомъ. Послѣ 9 термидора другой господинъ набрелъ на остроумную мысль учредить „пансіонъ для молодыхъ дѣвушекъ“. Три раза въ недѣлю онъ устраивалъ балы или концерты, на которые приглашались всѣ элегантные, богатые кавалеры, обладавшіе матримоніальными намѣреніями. И вскорѣ бракъ сталъ для французовъ ни чѣмъ инымъ, какъ торговой сдѣлкой, кото-

рую по желанію можно было совершить и расторгнуть, когда заблагоразсудится.

Это положеніе вещей, разумѣется, было неспособно склонять мужчинъ къ браку. Они говорили: „къ чему жениться, разъ женщины и такъ всѣ доступны?“. Они были вполнѣ правы. У женщинъ временъ Директоріи не было ни слѣда той тактичности, той деликатности, которыми обладало общество стараго режима, несмотря на всѣ свои недостатки и пороки. Женщины въ то аморальное время прежде всего старались предоставить взглядамъ мужчинъ свои неприкрытыя прелести. Парижъ напоминалъ собою городъ проститутокъ.

На-ряду съ этой невѣроятной роскошью, этой расточительностью и этой горячкой наслажденій, охватившей высшіе круги общества, точно страшная пропасть зіяла нищета и нужда низшихъ классовъ населенія Парижа. Какая злая иронія! Революція съ ея стремленіемъ къ равенству повлекла за собою еще большее неравенство общества.

Бѣдные нуждались во всемъ. Въ столицѣ не было самаго необходимаго. Въ то время, какъ тысячи выбрасывались въ одинъ вечеръ на удовольствія, туалеты, женщинъ и простые капризы, у бѣдныхъ не было хлѣба. Многимъ приходилось уходить съ пустыми руками, такъ какъ запасовъ булочниковъ не хватало для массы голодныхъ. Больше половины парижскаго населенія кормилось исключительно картофелемъ. За фунтъ мяса платили въ 1796 году шестьдесятъ франковъ, за фунтъ хлѣба—пятьдесятъ. Фунтъ сахару стоилъ триста пятьдесятъ франковъ; фунтъ свѣчей—сто восемьдесятъ, а фунтъ мыла—сто пятьдесятъ франковъ. За бутылку молока платили шестьдесятъ, а за мѣру картофеля—двѣсти франковъ. Сапожникъ бралъ за пару ботинокъ семьдесятъ франковъ, за пару сапогъ—сто франковъ. Портниха за работу простого платья считала двѣсти франковъ. Уголь и дрова были еще болѣе недоступны.

По улицамъ скитались жалкія фигуры, съ голодными изможденными лицами. Они просили у элегантныхъ, залитыхъ драгоцѣнностями гуляющихъ дамъ милостыню, въ которой имъ часто отказывали изъ лѣни, чтобы не доставать кошелька. Безчисленные кулаки сжимались въ безсильной злобѣ. И, въ

то время, какъ богатый Парижъ купался въ роскоши и наслажденіяхъ, чернь роптала отъ своей безграничной нужды. Она клялась въ кровавой мести расточителямъ. Вождемъ недовольныхъ былъ Бабефъ. Но голова его скатилась съ гильотины въ самомъ началѣ его соціалистическихъ стремленій, въ самый разгаръ неистовствованія новаго общества.

Нужда порождала ростовщичество, азартъ, спекуляціи и всевозможныя темныя дѣла и дѣлишки. Всѣ занимались торговлей. Пале-Рояль, котораго теперь чуждалось лучшее общество, никогда не былъ такъ переполненъ всякими подозрительными личностями, какъ послѣ 9 термидора. Тутъ спекулировали ассигнаціями, чеками и деньгами и торговали всѣмъ, чѣмъ только было возможно. Парижъ голодалъ, Парижъ мерзнулъ! Народъ былъ охваченъ лихорадочнымъ стремленіемъ къ наживѣ, чтобы тоже вкусить хотя бы долю той роскоши, которая царила вокругъ. Воровство и мошенничество достигли крайнихъ предѣловъ. Въ магазинахъ и на улицахъ продавалось рѣшительно все: матеріи, книги, хлѣбъ, кружево, картины, масло, мыло, шерсть, пудра, драгоцѣнности, соль, платки, перчатки, цвѣты, ленты, чулки, дрова, уголь, сапоги и другія вещи, которыя Богъ знаетъ откуда взялись или, вѣрнѣе, откуда были украдены.

Всѣ увлекались биржевыми спекуляціями, даже дамы изъ высшаго общества. Въ биржевые часы онѣ объѣзжали въ своихъ элегантныхъ кабріолетахъ всѣхъ крупныхъ негоціантовъ и финансистовъ и заключали съ ними сдѣлки. Въ салонахъ и на прогулкахъ онѣ только и говорили, что о своихъ спекуляціяхъ. Еще больше увлекались женщины средняго сословія. Онѣ не стыдились публично заниматься ростовщичествомъ. Даже крестьяне, пріѣзжавшіе въ городъ для продажи на рынкѣ своихъ продуктовъ, занимались этимъ позорнымъ дѣломъ. Они повышали цѣны на свои товары или же брали бумажныя деньги, но взимали за это невѣроятные проценты. Благодаря этому много бѣдняковъ нажило огромныя состоянія: деньги не играли для нихъ вообще никакой роли. Во время величайшей нужды, когда въ Парижѣ ощущался сильный недостатокъ рѣшительно во всемъ, двѣ крестьянки хвастались на рынкѣ, что не отказываютъ себѣ ни въ чемъ. Онѣ тратили на

обѣдъ пятьсотъ пятьдесятъ франковъ, а за два мѣста въ театрѣ платили по восьмидесяти франковъ.

Народная мораль пала: ее уничтожило корыстолюбіе и жажда наживы. Ростовщичество и спекуляціи достигли своего апогея. Въ концѣ 1796 года спекулянты повысили луидоръ до двадцати трехъ тысячъ, а впослѣдствіи до двадцати пяти тысячъ франковъ. Несмотря на самыя строгія полицейскія мѣры, старавшіяся положить конецъ преступному аліотажу, онъ совершался открыто, у всѣхъ на виду.

Женщины и дѣвушки торговали открыто любовью. Уже въ 1790 году въ Пале-Роялѣ было свыше тысячи публичныхъ женщинъ. Съ годами число ихъ достигло ужасающей цифры, несмотря на строгія распоряженія революціоннаго правительства. Во время господства террора онѣ еще нѣсколько сдерживались, но послѣ 9 термидора, когда надзоръ за ними былъ сразу ослабленъ, онѣ достигли верха цинизма и дерзости. Въ садахъ Пале-Рояля и въ Елисейскихъ поляхъ онѣ предавались самому безстыдному разврату съ пьяными солдатами; совершенно голыя подходили онѣ къ окнамъ, кричали и визжали, лишь бы обратить на себя вниманіе прохожихъ; въ тѣ времена, когда женщины высшаго общества не скупились на ласку, жрицы Венеры терпѣли большую нужду. Но жить все-таки было нужно, и онѣ пускались на всевозможныя хитрости. Чтобы привлечь къ себѣ вниманіе и даже состраданіе, онѣ гуляли съ нанятыми дѣтьми и носили траурный крепъ. Другія же разсчитывали на вкусъ молодыхъ людей, любившихъ случайныя встрѣчи и приключенія. Эти несчастныя созданія тоже занимались всевозможными спекуляціями. Онѣ снимали какую-нибудь лавчонку и продавали всевозможныя вещи, скупая ихъ за деньги, нажитыя ихъ ласками предыдущею ночью. Покупатели, очарованные видомъ прелестныхъ продавщицъ, съ радостью платили за все двойныя цѣны.

Помимо этихъ несчастныхъ гетеръ, въ Пале-Роялѣ и на окружающихъ улицахъ можно было встрѣтить знаменитыхъ жрицъ любви. Разряженныя въ пухъ и прахъ, увѣшанныя поддѣльными брилліантами, онѣ завлекали иностранцевъ своими фальшивыми прелестями.

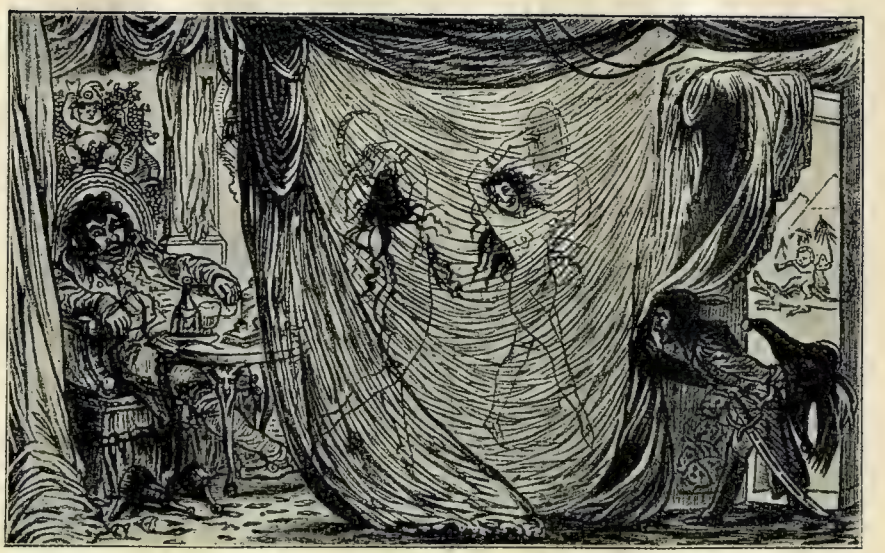
Крупную роль въ развитіи безнравственности играли сол-

даты. Число ихъ въ Парижѣ уже въ 1796 году достигало тридцати, сорока тысячъ. Они почти не выходили изъ Пале-Рояля и ночью и днемъ шатались съ проститутками по кофейнямъ и ресторанамъ. Никакой дисциплины не существовало. Долго спустя послѣ вечерней зори справляли они дикія оргіи съ женщинами. Во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, въ театрахъ, на концертахъ, въ кафэ, тратили они огромныя суммы. Конвентъ, а впослѣдствіи и Директорія платили имъ, правда, высокое жалованье, стараясь привлечь ихъ на свою сторону. Въ среднемъ въ 1795 году республиканскій солдатъ получалъ пять франковъ въ сутки.

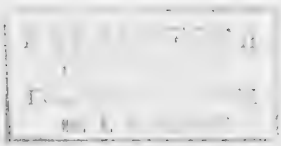
Результатомъ такого состоянія общественныхъ нравовъ было невѣроятное число подкидышей. Ихъ отвозили въ госпитали. Но ухаживали за ними очень небрежно, такъ какъ государство отпускало на ихъ воспитаніе ничтожныя суммы. Множество дѣтей отдавалось въ провинцію, но тамъ за ними былъ еще болѣе дурной уходъ, и по большей части дѣти вновь возвращались въ воспитательные дома.

Безнравственность порождала естественно и преступленія. Мягкіе законы умножили число воровъ и убійцъ. Парижъ и окрестности его стали убѣжищемъ для шаекъ разбойниковъ. Жители находились въ постоянномъ страхѣ, но Директорія не дѣлала ничего для предотвращенія этого зла. Еще въ 1798 году слышались неоднократныя жалобы на безпрестанныя кражи и другія преступленія.

Всѣмъ этимъ ненормальнымъ явленіямъ не ожилъ предѣлъ лишь консулатъ, хотя и онъ въ первые годы не сумѣлъ водворить надлежащаго порядка.



Мадамъ Таліенъ и Жозефина танцуютъ обнаженныя передъ Барра.
(По англ. каррикатурѣ 1805 г.).



ГЛАВА XIII.

ЖОЗЕФИНА.

Юность.—Мадамъ де-Богарнэ.—Генеральша Бонапартъ.

Имя Жозефины связано настолько тѣсно съ крупными событіями наполеоновской исторіи, что политическую карьеру Наполеона нельзя прослѣдить, не касаясь его первой спутницы жизни. Эта женщина, познавшая величайшее горе въ тюрьмѣ и величайшее счастье на одномъ изъ самыхъ блестящихъ троновъ Европы, съ бурнымъ и сомнительнымъ прошлымъ, обладала романтичными и въ то же время—въ послѣдніе годы своей жизни—грустно-обаятельными чарами. Онѣ придаютъ ей привлекательный обликъ, несмотря на всѣ ея слабости и недостатки.

Жозефина, вѣроятно, самая популярная, хотя и наименѣе правильно понятая личность наполеоновской эпохи. Ни о комъ другомъ не существовало столько ошибочныхъ мнѣній, сколько о ней. Но не она ли именно должна претендовать на наиболѣе вѣрное изображеніе ея личности и исторіи ея жизни? Развѣ она по-своему не способствовала величію и славѣ своего супруга? И развѣ не говорилъ про нее Наполеонъ: „Жозефина покоряетъ сердца, я же покоряю страны“. Она была не даромъ креолкой и сумѣла соединить врожденное обаяніе своей расы съ чисто парижской прелестью и изяществомъ.

Какъ и Наполеонъ, Жозефина родилась на островѣ: во французской колоніи Мартиникѣ. Ея родители оба были родомъ изъ старинныхъ и видныхъ графскихъ семействъ. Таше де-ла-Пажери принадлежали къ родовитой французской провинціальной аристократіи. Величайшей честью для нихъ было служить королямъ. Но это не приносило имъ ни почестей, ни матері-

альныхъ выгодъ. Дѣдъ Жозефины, Жозефъ-Гаспаръ Таше, былъ принужденъ поэтому въ 1726 году отказаться отъ своей дорого стоящей военной карьеры и попытать свое счастье въ колоніи въ качествѣ фермера. Выборъ его палъ на Мартинику.

Мадемуазель Бурро де-ла-Шавалери, жена его, принесла ему значительное приданое и родила двоихъ сыновей и троихъ дочерей.

Старшій сынъ, Жозефъ-Гаспаръ, родившійся въ 1735 году, былъ отцомъ будущей императрицы Жозефины.

Предпріятія стараго Таше окончились, однако, очень печально. Онъ потерялъ состояніе жены, запутался въ долгахъ и впалъ, кромѣ того, въ ошибку своихъ предковъ, предоставивъ обоихъ своихъ сыновей военной карьерѣ и пославъ ихъ во Францію.

Когда старшій двадцати лѣтъ вернулся на родину, на Мартиникѣ вспыхнула война съ англичанами Всѣ, способные носить оружіе были использованы въ цѣляхъ защиты колоніи, и Жозефъ-Гаспаръ Таше получилъ должность перваго лейтенанта при фортѣ Рояль.

Нападенія англичанъ становились все болѣе ожесточенными. Губернаторъ острова, де-Бонпаръ, былъ вскорѣ уже не въ силахъ оказывать имъ серьезное сопротивленіе. Чтобы удержать за собою островъ, французское правительство послало туда энергичнаго человѣка: человѣкъ этотъ былъ отцемъ перваго мужа Жозефины, „Мессиръ Франсуа де-Богарнэ, майоръ морской арміи“.

Де-Богарнэ высадился вмѣстѣ со своею женою 13 мая 1757 года близъ форта Рояль. Онъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ Орлеана, но болѣе выдавался своимъ богатствомъ, хорошими связями и высокими чинами, нежели старинными родовымъ гербомъ.

Первое сближеніе новаго губернатора съ обѣднѣвшими Таше, которые влачили на островѣ жалкое существованіе, произошло, по всей вѣроятности, потому, что обѣ семьи были изъ одной и той же провинціи. Будучи земляками, они скоро познакомились, сдружились и закрѣпили дружбу родственными связями. Особенно старшая дочь Таше, Марія-Дезирэ, будущая мадамъ Ренодэнъ, оказывала на Богарнэ большое вліяніе. Ея

дружба съ послѣднимъ зашла такъ далеко, что когда онъ въ 1761 году былъ принужденъ оставить колонію, она развелась съ мужемъ и уѣхала съ нимъ во Францію. Впослѣдствіи она имѣла рѣшающее вліяніе на судьбу своей, въ то время еще не родившейся племянницы Жозефины.

Приблизительно за годъ до отъѣзда губернатора его жена родила второго сына. Онъ получилъ имя Александра-Франсуа. Это и былъ будущій мужъ Жозефины.

Чтобы избѣгнуть для ребенка опаснаго морского путешествія, родители передъ отъѣздомъ съ Мартиники поручили его своимъ друзьямъ Таше, и такимъ образомъ, Александръ де-Богарнэ прожилъ свою раннюю молодость въ домѣ дѣда своей будущей жены. За это губернаторъ оказалъ семейству Таше услугу, устроивъ для старшаго сына Жозефа-Гаспара выгодную партію, нѣсколько возстановившую запутанное матеріальное положеніе семьи. 8 ноября 1761 года Таше женился на Розѣ-Клэръ де-Верже-де-Саннуа *). Она была лучшей подругой его сестры, мадамъ Ренодэнъ.

Молодая чета поселилась въ Труа-Илетѣ, гдѣ у Верже были большія владѣнія. Когда англичане снова овладѣли колоніей, молодой Таше отказался отъ военной карьеры и всецѣло посвятилъ себя сельскому хозяйству. Здѣсь жена его послѣ первыхъ неудачныхъ родовъ произвела на свѣтъ 23 іюня 1763 года дочь, ставшую впослѣдствіи повелительницей Франціи. Она получила имя Маріи-Жозефа **)-Розы, по ея обоимъ воспріемникамъ, бабкѣ со стороны отца, дѣду со стороны матери, и по своей матери. Въ послѣдующіе три года родились еще дочери: Екатерина-Дезирэ въ 1764 и Марія-Франсуаза въ 1766 году. Несмотря на многочисленныя и самыя противоположныя мнѣнія, Жозефина, подобно Наполеону, родилась француженкой! Европейскій миръ, возвратившій

*) Мать Жозефины осталась той же простой женщиной, какой была. Когда впослѣдствіи ея дочь вошла на тронъ Франціи, она отказалась пріѣхать въ Парижъ и занять мѣсто матери императрицы. Она отказалась даже принять замокъ, который хотѣла построить ей Жозефина на Мартиникѣ. Она предпочла остаться въ своемъ простомъ домикѣ, гдѣ родилась сама и гдѣ родила всѣхъ своихъ дѣтей.

*) Только впослѣдствіи ее назвали Жозефиной.

Франціи ея прежнія владѣнія, былъ заключенъ спустя одинъ мѣсяцъ послѣ ея рожденія, 10 февраля 1763 года.

Отецъ воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ и обратился къ королю съ просьбой награды за услуги, оказанныя отечеству: ходатайство это было уважено, и онъ получилъ пенсію въ четыреста пятьдесятъ франковъ. Этою „милостью“ онъ былъ отчасти обязанъ жившему теперь въ Парижѣ маркизу де-Богарнэ и своей сестрѣ, мадамъ Реноденъ. Она была теперь метрессой маркиза и къ тому же очень неглупой и расчетливой женщиной, заботившейся прежде всего о благосостояніи своей собственной семьи. Она поклялась съ мыслью объединить путемъ брака обѣ семьи и обратила вниманіе на младшаго сына де-Богарнэ. Покамѣсть, однако, ея этотъ планъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе по очень простой причинѣ: Александру было всего пять лѣтъ.

Положеніе семьи Таше было далеко не блестящее. Теткѣ Реноденъ приходилось все время помогать имъ. Буря въ 1766 году разрушила большую часть острова и между прочимъ и владѣнія молодыхъ Таше. Сахарныя и кофейныя плантаціи были совершенно уничтожены, домъ весь превращенъ въ развалины: осталось всего лишь одно зданіе сахароварни.

Въ немъ-то и нашла убѣжище вся семья, и Жозефина провела здѣсь свою первую молодость, пользуясь золотой свободою. За ребенкомъ ходила мулатка, по имени Маріонъ. Она водила ее къ ручью, въ который смотрѣлась маленькая тщеславная дѣвочка, украшая себя пестрыми цвѣтами и раковинами. Черные слуги и служанки съ нескрываемымъ восхищеніемъ смотрѣли на стройную бѣлую дѣвочку, нѣжную, добрую и привѣтливую. Балуемая всѣми, Жозефина росла въ полнѣйшей непринужденности, не получая никакого образованія и никакого моральнаго воспитанія. Посреди богатой, щедрой природы, подъ тропическимъ небомъ, она превратилась въ прекрасную, стройную дѣвушку, которая впослѣдствіи стяжала такъ много лавровъ въ элегантномъ, извращенномъ Парижѣ.

Тетка Реноденъ рѣшила взять на себя воспитаніе одной изъ дочерей своего брата и просила его нѣсколько разъ прислать ей въ Парижъ Жозефину. Но родителямъ не хотѣлось разставаться съ дочерью. Только когда ей исполнилось десять

лѣтъ, они сочли нужнымъ дать Жозефинѣ хотя бы какое-нибудь образованіе. Ее отдали въ монастырь „Dames de la Providence“ въ формѣ Рояль. Тамъ она получила довольно скудное элементарное образованіе, научилась немного и музыкѣ, въ которой выказала недюжинныя способности, и танцамъ. Въ монастырѣ она пользовалась почти полной свободой.

Въ пятнадцать лѣтъ воспитаніе Жозефины было закончено. Она вышла изъ монастыря и вернулась къ родителямъ. Уже въ то время она была, какъ передаютъ, очень кокетлива. Нѣкій капитанъ Терсье и одинъ англичанинъ старались добиться ея расположенія. Жозефина, несмотря на свой юный возрастъ, уже вполнѣ развилась; объ этомъ сообщаетъ ея отецъ въ письмѣ къ маркизу де-Богарнэ. Но едва ли можно довѣрять показаніямъ людей, которые много лѣтъ спустя вспоминали, что знали въ своей ранней молодости французскую императрицу.

Разсказываютъ, будто одна старая негритянка предсказала Жозефинѣ, что она станетъ когда-нибудь впослѣдствіи королевой Франціи *).

Въ то время Жозефина только разсмѣялась нелѣпымъ бреднямъ старухи: вѣдь на французскомъ тронѣ возсѣдала умная Марія-Антуанетта, высшій идеалъ всѣхъ королевъ для Жозефины! Какъ могла она, маленькая креолка, достигнуть такой недосягаемой чести? Впослѣдствіи разведенная императрица съ грустью вспоминала въ Наваррскомъ замкѣ это пророчество и то время, когда вся жизнь была у нея еще впереди!

Хотя Жозефина не была никогда особенно красива, всѣ, однако, прославляютъ ея грацію и обаяніе,—два качества, превратившихъ ее въ обворожительную женщину, которую не затмевали даже признанныя красавицы Парижа.

Пятнадцати лѣтъ, однако, она не достигла еще этого обаянія. У нея, правда, былъ очень хорошій цвѣтъ лица, краси-

*) Анекдотъ этотъ создался во время Имперіи. Роялистская газета „Le The“, въ номерѣ отъ 30-го мая 1797 года, приводитъ уже это предсказаніе, согласно которому генеральша Бонапартъ взойдетъ однажды на тронъ и впослѣдствіи разведется со своимъ мужемъ.

вые глаза, изящныя руки и ноги, но фигура еще не развилась, лицо не получило еще выраженія, ея движеніямъ не доставало жизни. Да и умственно она не была еще развита. Въ монастырѣ ограничились тѣмъ, что научили ее правильно читать и писать. У нея былъ красивый почеркъ; она пѣла, мило играла на гитарѣ и хорошо танцовала. Да и большаго отъ молодой дѣвушки на Мартиникѣ не требовалось. Жозефинѣ хотѣлось немного подучиться, лишь бы только обратить на себя вниманіе: она была очень тщеславна. Вообще она была милымъ, нѣжнымъ созданіемъ, мечтавшимъ когда-нибудь отправиться во Францію, въ волшебный Парижъ.

Во время этихъ мечтаній Жозефины о далекомъ Парижѣ во Франціи успѣшно подвигался впередъ планъ ея замужества. Александру де-Богарнэ, воспитывавшемуся съ 1766 года во Франціи, исполнилось семнадцать лѣтъ. Онъ былъ красивымъ юношей, получилъ хорошее образованіе, отличался физической силой и большой находчивостью. Онъ тщательно ухаживалъ за своей внѣшностью, и хотя на губѣ его еще не появился даже пушокъ, онъ принадлежалъ уже къ числу самыхъ элегантныхъ кавалеровъ тогдашняго общества.

Тетка Реподенъ снѣшила женить молодого офицера. Онъ же со всѣмъ пыломъ своей юности предавался военной службѣ, развлекался въ кругу товарищей и былъ любимцемъ всѣхъ дамъ. Онъ и не думалъ о бракѣ. Но желаніе его крестной, которую онъ любилъ сыновней любовью, было для него свято. Кромѣ того, бракъ давалъ ему обладаніе назначенной отцомъ крупной ренты. Это, по всей вѣроятности, больше всего побудило расточительнаго молодого человѣка подчиниться желанію отца и крестной.

Старый маркизъ написалъ по этому поводу Жозефу-Гаспару Таше и не забылъ упомянуть о томъ, что каждый изъ его сыновей получитъ ренту въ сорокъ тысячъ франковъ и можетъ разсчитывать еще на другую, въ двадцать пять тысячъ франковъ. Приданаго онъ отъ невѣсты поэтому не требуетъ, достаточно, если она возможно скорѣе пріѣдетъ во Францію. И онъ и мадамъ Реподенъ колебались въ выборѣ между обѣими дочерьми Жозефа: старшая Жозефина казалась имъ слишкомъ неподходящей по возрасту для семнадцатилѣтняго Алексан-

дра. Они писали поэтому про вторую дочь, Екатерину-Дезирэ, но еще до полученія письма маркиза Екатерину въ три дня унесла лихорадка.

Прекрасная партія была, однако, настолько заманчива для Таше, что отецъ не хотѣлъ такъ легко отъ нея отказаться. Вѣдь ему нужно было выдать замужъ двухъ дочерей! Такъ какъ Екатерина теперь умерла, то онъ предложилъ старику Богарнэ свою младшую дочь: ей еще не исполнилось двѣнадцати лѣтъ! Ему, правда, хотѣлось, чтобы сперва вышла замужъ старшая, но въ концѣ концовъ съ этимъ можно было еще примириться. Кстати, однако, онъ не преминулъ расхвалить и достоинства Жозефины: „У нея очень нѣжная кожа, красивые глаза, дивныя руки, она сгораетъ отъ желанія увидѣть Парижъ... У нея превосходный характеръ, симпатичное лицо, она чрезвычайно развита и образована для своего возраста“,— писалъ онъ между прочимъ маркизу. Таше былъ не прочь предложить Богарнэ на выборъ обѣихъ дочерей.

Но онъ написалъ это письмо безъ вѣдома матери, бабки и даже безъ вѣдома юной Маріи-Франсуазы. Манетта,—какъ звали ее дома,—упорно воспротивилась при поддержкѣ матери и бабки этому путешествію во Францію, цѣль котораго ей, конечно, оставалась неизвѣстной. Отцу пришлось вновь заинтересовать маркиза де-Богарнэ своею старшей дочерью.

Наконецъ, сдѣлка состоялась. Удалось уговорить и молодого Богарнэ, который, съ цѣлью добиться болѣе почетнаго мѣста при дворѣ, присвоилъ себѣ титулъ виконта, и маркизъ отправилъ письмо, въ которомъ выражалъ Таше свое удовольствіе, увидѣть въ скоромъ времени его вмѣстѣ съ дочерью во Франціи. Поѣздка невѣсты была, однако, отложена на цѣлый годъ, въ виду вспыхнувшей въ 1778 году морской войны, затруднившей переѣздъ черезъ океанъ.

Только 20 октября 1779 года Таше вмѣстѣ съ Жозефиной прибыли въ Брестъ, гарнизонъ молодого Богарнэ. И въ тотъ же годъ, когда Жозефина впервые ступила на сѣверѣ на французскую землю, на югѣ съ другого острова пріѣхалъ во Францію тотъ, кто долженъ былъ возвести ее на императорскій тронъ!

Первое впечатлѣніе, произведенное Жозефиной на ея

будущаго мужа, не вызвало у молодого человѣка особаго восхищенія. „Мадемуазель Таше де-ла-Пажери,—писалъ Александръ своему отцу,—покажется вамъ, вѣроятно, не такой красивой, какъ вы мнѣ говорили, но смѣю васъ увѣрить, что ея мягкій, добрый характеръ превосходитъ всякія ожиданія".

Въ этихъ сухихъ словахъ не звучало, конечно, счастья влюбленнаго. Тѣмъ не менѣе Александръ де-Богарнэ спустя шесть недѣль, 13 декабря 1779 года, повелъ къ алтарю Жозефину Таше де-ла-Пажери въ Нуази ле-Гранъ, гдѣ у тетки Реноденъ была своя вилла.

Эту виллу тетка подарила племянницѣ ко дню свадьбы. Кромѣ того, она позаботилась о приданомъ Жозефины и истратила на это 20872 франка. Отецъ обязался выдавать своей дочери ежегодную ренту въ пять тысячъ франковъ, но Жозефина, повидимому, очень рѣдко, или, вѣрнѣе, никогда не получала ея.

Первый годъ супружеской жизни прошелъ довольно благопріятно, хотя Жозефина и была одинокой. Бракъ, заключенный при такихъ условіяхъ, не могъ предоставить супругамъ особаго счастья. Въ огромномъ Парижѣ, о которомъ Жозефина столько мечтала, у нея не было ни души знакомыхъ. Богарнэ отчасти стѣснялся провинціалки, не умѣвшей еще одѣваться съ утонченностію истой парижанки и не блиставшей ни своей внѣшностью, ни своимъ остроуміемъ. Онъ отнюдь не спѣшилъ вводить въ свѣтъ свою жену. Кромѣ тетки Александра, довольно извѣстной писательницы, Фанни де-Богарнэ, семья его почти не заботилась о новой родственницѣ. Всѣ они видѣли въ Жозефинѣ только племянницу мадамъ Реноденъ, метрессы маркизы! Званіе метрессы ей, навѣрное, простили бы въ это легкомысленное время, но то, что она жила съ Богарнэ открыто въ свободномъ бракѣ,—никогда!

Жозефина скучала въ одинокомъ домикѣ на улицѣ Тевено, гдѣ она поселилась зимой, и еще больше, когда ея мужъ весною 1780 года вернулся къ себѣ въ гарнизонъ. Злополучная ревность Жозефины впервые дала себя знать. Александръ не любилъ жены; супружеская любовь казалась ему скучной, и онъ вознаграждалъ себя, развлекаясь на сторонѣ. Къ Жозефинѣ онъ съ каждымъ днемъ относился все холоднѣе: наставниче-

скимъ тономъ писалъ онъ ей длиннѣйшія письма относительно ея поведенія и старался научить ее свѣтскимъ манерамъ. Вмѣсто нѣжныхъ словъ Жозефина, искренне преданная своему мужу въ первые годы супружеской жизни, находила въ этихъ письмахъ только поученія и сентенціи.

Вскорѣ, однако, появились и тренія въ этомъ союзѣ столь различныхъ людей. Образованіе Жозефины было далеко не достаточно, въ духовномъ отношеніи она стояла гораздо ниже супруга, да и манеры и привычки ея были совершенно другія, чѣмъ тѣ, къ которымъ привыкли въ Парижѣ. Все это отталкивало виконта, вращавшагося въ лучшихъ кругахъ, и влекло за собою различнаго рода недоразумѣнія. Богарнэ попрежнему велъ свой легкомысленный образъ жизни и измѣнялъ Жозефинѣ. Когда онъ снова вернулся въ Парижъ, отношенія супруговъ далеко не улучшились.

Но наступило, наконецъ, счастливое событіе, на которое возлагали всѣ свои надежды тетка Реноденъ и старый маркизъ. 3 сентября 1781 года Жозефина родила своего сына Евгенія. Александръ, однако, столь же мало заботился о сынѣ, сколько и о женѣ. Тетка Реноденъ настояла поэтому на ихъ кратковременной разлукѣ. Она порѣшила послать его въ небольшое путешествіе, которое должно было вернуть его на путь истинный. Выборъ ея палъ на Италію. Но тамъ онъ повелъ все тотъ же разсѣянный образъ жизни, какъ въ Парижѣ и въ гарнизонѣ. Послѣ шестимѣсячнаго отсутствія онъ возвратился во Францію такимъ же легкомысленнымъ, какимъ и уѣхалъ. Быть можетъ, его разсѣянная жизнь и мало дружелюбное отношеніе къ женѣ были виновны въ томъ, что впослѣдствіи Жозефина такъ мало заботилась о святости брака.

Едва Богарнэ вернулся въ Парижъ, какъ снова задумалъ новое путешествіе. 26 сентября онъ отправился добровольцемъ на Мартинику, которой угрожало новое вторженіе англичанъ и которая просила помощи у Франціи. Но, прибывъ на островъ, онъ засталъ тамъ уже мирные переговоры. Предоставленный снова свободѣ, онъ повелъ и тамъ ту же бурную жизнь. Онъ считалъ себя вполнѣ въ правѣ, тѣмъ болѣе, что злые языки наговорили ему много нелѣпыхъ подробностей изъ молодости его жены. Хуже всего было, однако, то, что Александръ влю-

бился въ одну креолку, опасную соперницу семьи Таше, и взялъ ее съ собою въ Парижъ.

Жозефинѣ тѣмъ временемъ предстояли новые роды. 10 апрѣля 1783 г. она подарила жизнь дочери, будущей королевѣ Гортензіи. Отецъ узналъ о рожденіи ребенка лишь два мѣсяца спустя. Интриги и злополучное вліяніе его креольской подруги побудили его обвинить Жозефину въ измѣнѣ, отречься отъ ребенка и предложить женѣ оставить его домъ. Все это было, однако, только предлогомъ, чтобы добиться развода. Процессъ былъ немпнуемъ, но общественное мнѣніе и даже семья Александра высказались единодушно въ пользу Жозефины. Она была жертвой рокового стеченія обстоятельствъ. Она, двадцатилѣтняя, въ то время не имѣла еще и понятія объ измѣнѣ.

Во время бракоразводнаго процесса Жозефина удалилась въ монастырь Пантемонъ на улицѣ Гренель. Монастырь этотъ служилъ своего рода убѣжищемъ для вдовъ, разведенныхъ женъ и старыхъ дѣвъ высшаго общества. Здѣсь впервые Жозефина Богарнэ вошла въ общество парижской аристократіи, закрытое прежде для нея благодаря отношеніямъ ея тетки съ маркизомъ. Герцогиня де-Гишъ, мадамъ де-Поластронъ,—вотъ имена, которыя она услыхала въ Пантемонѣ. Будучи женой перваго консула, она вспомнила о нихъ, чтобы завязать сношенія между предмѣстьемъ Сенъ-Жерменъ и Тюльери.

Пантемонъ былъ превосходнѣйшей школой для молодой Жозефины. Она усердно перенимала отъ дамъ высшей аристократіи все то, изъ чего впослѣдствіи она могла извлечь пользу.

Ихъ манеру говорить, ихъ голосъ, ихъ поведеніе за столомъ, ихъ манеру кланяться, поднимать глаза и искусство поддерживать непринужденную бесѣду о самыхъ пустыхъ вещахъ,—все переняла Жозефина. Недостатокъ образованія она вскорѣ сумѣла скрыть тѣмъ, что искусно обходила въ разговорѣ тѣ вопросы, которыхъ не понимала, и всегда говорила лишь о томъ, что было ей извѣстно. Тутъ ей пришлись очень кстати два ея качества: ея мягкій, покладистый характеръ и наклонность ко лжи.

Три слѣдующихъ года послѣ разлуки съ мужемъ она прожила съ теткой Реноденъ и маркизомъ въ Фонтенебло. Вскорѣ ей пришлось познакомиться и съ заботами. Какъ проживетъ она

съ двумя дѣтьми на тѣ одиннадцать тысячъ франковъ, которыя она должна была получать? Несмотря на это, она старалась поддерживать знакомства. Она бывала въ обществѣ семействъ Монморенъ, Кадо д'Ази, виконта и виконтессы Бетези. Жозефина была теперь совершенно свободна. И только теперь жизнь начала ей представляться полной радости. Ей шелъ двадцать первый годъ, она была въ расцвѣтѣ силъ, и было бы странно, если бы ея любвеобильное сердце не испытывало потребности въ наслажденіи жизнью. Ее обвиняютъ въ многочисленныхъ любовныхъ приключеніяхъ, но опредѣленныхъ доказательствъ на то не имѣется. А если бы даже и такъ, то развѣ можно ее осуждать? Ея благосклонностью, повидимому, пользовались баронъ Шарль де-Вьелль-Кастель и де-Креней, бывавшіе въ домѣ стараго маркиза.

Между тѣмъ объ семьи дѣлали различныя попытки съ цѣлью склонить супруговъ къ примиренію,—но безуспѣшно. Александръ не испытывалъ къ этому особаго желанія, и Жозефина неожиданно въ іюнѣ 1788 года вмѣстѣ съ маленькой Гортензіей уѣхала на Мартинику. Евгенія отецъ отдалъ въ коллежъ. Причины этого отъѣзда не выяснены; по всей вѣроятности, тутъ была замѣшана либо какая-нибудь романическая исторія, либо же стѣсненное матеріальное положеніе, а быть можетъ, и то и другое. Въ то время, какъ во Франціи бушевали первыя революціонныя бури, Жозефина, которую революція эта возвела вскорѣ на тронъ, прожила два однообразныхъ года на своей родинѣ подлѣ больного отца *) и больной сестры **). Кое-какое развлеченіе доставляли ей только извѣстія изъ Франціи. Изъ нихъ Жозефина узнавала, что ея супругъ играетъ видную политическую роль во Франціи.

Александръ Богарнэ пламенно отдался дѣлу революціи. Его увлекалъ идеалъ свободы,—онъ въ Америкѣ убѣдился въ спасительномъ вліяніи республики. Въ 1789 году аристократія Блуа, родины его матери, послала его депутатомъ въ генеральные штаты, и онъ, особенно 4-го августа во время ночного за-

*) Онъ умеръ 7 ноября 1790 года.

**) Она послѣдовала за отцомъ 4 декабря 1791 года.

сѣданія, выдвинулся своимъ искреннимъ воодушевленіемъ въ пользу уничтоженія привилегій дворянства.

Нѣкоторые утверждаютъ, будто въ то время онъ добивался примиренія съ Жозефиной и будто они поселились даже вмѣстѣ. Утвержденіе это, однако, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Правда, Жозефина въ октябрѣ 1790 года вернулась съ Мартиники, и оба вращались въ однихъ и тѣхъ же салонахъ, говорили другъ съ другомъ ровно столько, сколько этого требовалъ хорошій тонъ, обмѣнивались, быть-можетъ, по временамъ мыслями и намѣреніями относительно воспитанія дѣтей, но о совмѣстной жизни не заходило даже и рѣчи. Лѣто 1791 года Жозефина провела опять въ Фонтенебло. Здѣсь она узнала о назначеніи ея мужа президентомъ Національнаго Собранія, послѣдовавшемъ 18 іюня. Два дня спустя Людовикъ XVI пытался ускользнуть изъ рукъ революціонеровъ и передалъ свое положеніе перваго лица въ государствѣ президенту Національнаго Собранія. Богарнэ сталъ героемъ дня! Онъ упивался своей видной ролью, особенно когда еще въ томъ же мѣсяцѣ Національное Собраніе избрало его вторично своимъ президентомъ.

Это было для Александра тѣмъ болѣе почетнымъ, что Собраніе рѣшило закончить свое горделивое созданіе—первую конституцію Франціи.

Тѣмъ временемъ Жозефина уже окончательно вошла въ высшій свѣтъ. Она бывала у маркиза де-Мулена, маркизы д'Эспеншаль, у мадамъ де-Баррюель-Боверъ, мадамъ де-Ламетъ и мадамъ де-Жанли. Но хитрая дипломатка не пренебегала и видными революціонными дѣятелями. Друзьями ея были Шарлотта Робеспьеръ, Лафайеттъ, Эгильонъ, Крильонъ, Мепу, Геро де-Сешель и мадамъ Амело. Наиболѣе тѣсная дружба связывала ее съ Матье де-Монморанси, маркизомъ де-Коленкуръ, принцемъ де-Сальмъ-Кирбургъ и его сестрой, принцессой Амаліей фонъ-Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ. Въ виду свѣтской жизни она должна была ограничивать себя въ расходахъ, что было чрезвычайно тяжело для ея расточительной натуры. Изъ дому, гдѣ тѣмъ временемъ умеръ отецъ, она не могла ждать никакой поддержки. А Богарнэ вслѣдствіе событій на Санъ-Домингѣ самъ находился далеко не въ блестящемъ положеніи, такъ что весьма неаккуратно исполнялъ свои обязанности по отношенію къ женѣ

и дѣтямъ. Съ 25 августа онъ состоялъ старшимъ лейтенантомъ генеральнаго штаба сѣверной арміи, но лишь въ началѣ слѣдующаго года мы его видимъ на полѣ сраженія. Онъ выдвинулся своимъ геройствомъ при Монсѣ 29-го апрѣля 1792 года, получилъ быстро повышеніе и вскорѣ послѣ этого командовалъ уже дивизіей подъ Кюстеномъ. Тѣмъ не менѣе онъ не порвалъ своихъ связей съ Національнымъ Собраніемъ и подробно сообщалъ ему обо всѣхъ событіяхъ, разыгравшихся у него на глазахъ.

29 мая 1793 года онъ былъ назначенъ генераломъ рейнской арміи, а вскорѣ ему былъ предложенъ и постъ военнаго министра. Онъ, однако, отъ него отказался и короткое время спустя подалъ прошеніе объ отставкѣ, такъ какъ Конвентъ объявилъ объ исключеніи всѣхъ аристократовъ изъ арміи. Военныя заслуги Богарнэ списали себѣ мало похвалъ; правительство находило, что онъ слишкомъ много говорилъ и писалъ и мало дѣлалъ. Еще до отставки его враги обвиняли его въ томъ, что благодаря его нерѣшительности былъ потерянъ Майнцъ.

Времена становились все болѣе и болѣе критическими. Терроръ точно бурный потокъ прокатился по Франціи. Много невинныхъ жертвъ пало подъ ножомъ гильотины. Королева послѣдовала за своимъ мужемъ. Свыше двадцати генераловъ было заключено въ глухія стѣны тюрьмы. Всѣ они благодаря низкой клеветѣ заплатили жизнью своею за услуги, оказанныя отечеству.

Катастрофа грозила и Александру Богарнэ, аристократу, бывшему члену Національнаго Собранія. Въ началѣ января 1794 года онъ былъ арестованъ въ родовомъ помѣстьѣ Богарнэ и помѣщенъ въ Люксенбургъ.

Когда Жозефина узнала о грозившей мужу опасности, она выказала себя поистинѣ мужественной съ всепрощающимъ сердцемъ.Ей самой приходилось бояться ареста, и самое лучшее для нея было бѣжать. Но вмѣсто этого она дѣлала все, лишь бы спасти мужа, который о ней никогда не заботился. Она испробовала все,—и посѣщенія, и письма, и просьбы, но безуспѣшно. Терроръ достигъ высшей степени жестокости и избиралъ своихъ жертвъ изъ круговъ, имѣвшихъ несчастіе своимъ именемъ напоминать о монархіи.

Вскорѣ и Жозефина очутилась въ величайшей опасности.

И настолько всѣ знали ее, что она не могла ускользнуть изъ рукъ революціонеровъ. 21-го апрѣля 1794 года, когда она хотѣла раздобыть себѣ паспортъ и воспользовалась данным аристократамъ десятидневнымъ срокомъ для отъѣзда изъ Парижа, ее арестовали и отвезли въ бывшій монастырь кармелитокъ, превращенный въ тюрьму.

Въ этой ужаснѣйшей клѣткѣ въ одной изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстностей Парижа Жозефина своимъ симпатичнымъ характеромъ подѣйствовала точно лучъ солнца. За мрачными рѣшетчатыми стѣнами, въ узкихъ грязныхъ переходахъ, среди отбросовъ человѣчества, грубыхъ мужчинъ и женщинъ, ходившихъ здѣсь съ голыми ногами и руками, нечесанными и немытыми, Жозефина пыталась еще улыбаться и вселяла въ своихъ товарищей по несчастію мужество и надежду. Здѣсь встрѣтились оба супруга,—Александръ находился въ этой тюрьмѣ уже около полутора мѣсяцевъ,—и, повидимому, только теперь вполнѣ примирились, судя по крайней мѣрѣ по письмамъ, которыя они писали изъ тюрьмы своимъ дѣтямъ.

Послѣднія во время заключенія родителей нашли въ лицѣ принцессы фонъ-Гогенцоллернъ вторую мать и покровительницу. Говорятъ, правда, что Евгенія отдали въ ученіе къ столяру, а Гортензію къ портнихѣ; многіе современники подтверждаютъ это сообщеніе. Если оно даже и соотвѣтствуетъ истинѣ, то это безспорно было сдѣлано лишь для того, чтобы расположить террористовъ въ пользу заключенныхъ родителей, которые тѣмъ самымъ обнаруживали якобы свое республиканское міровоззрѣніе. Въ дѣйствительности же дѣти Жозефины хотя и были отданы въ ученіе ремесленникамъ, но принцесса фонъ-Гогенцоллернъ никогда не теряла ихъ изъ виду.

Надъ Франціей господствовалъ диктаторъ Робеспьеръ! Тюрьмы были переполнены, и новый законъ противъ аристократовъ отъ 26 жерминаля бросалъ въ тюрьмы ежедневно новыя тысячи. Не хватало мѣстъ, но гильотина помогала и тутъ. Чтобы придать страшной бойнѣ хотя бы слабую тѣнь правомѣрности, якобинцы придумали тюремные заговоры. Въ одинъ день опустѣли всѣ тюрьмы. Преступники, подкупленные якобинцами, выѣдывали у заключенныхъ ихъ мысли и намѣренія и предавали ихъ правительству. Одного изъ такихъ накрылъ Богарне,

но тотъ обманулъ его въ устройствѣ заговора, и генералъ окончилъ свою жизнь на эшафотѣ. 5 термидора Александръ Богарнэ безъ допроса и слѣдствія осудили на смертную казнь. 6-го, т. е. всего за три дня до паденія Робеспьера, открывшаго всѣ двери тюрьмы, онъ взошелъ на эшафотъ безстрашно и гордо, въ сознаніи своей полной невиновности.

Жозефина и для себя не надѣялась на лучшую участь. Съ ея лица исчезла увѣренная улыбка. Заключенная въ глухой темницѣ, оторванная отъ дѣтей, она могла теперь только плакать. Ея слабая суевѣрная натура судорожно цѣплялась за гаданіе на картахъ. Сотни разъ въ день гадала она, суждено ли ей остаться въ живыхъ. Волненія послѣднихъ недѣль заставили ее слечь въ постель. Это было для нея спасеніемъ. Страшная лихорадка помѣшала ей предстать передъ революціоннымъ трибуналомъ, и дѣло ея было отложено.

Но вотъ произошло нѣчто, чего не могла себѣ представить самая пылкая фантазія: перстъ судьбы коснулся самого Робеспьера, самого диктатора! Косвенной причиной спасенія тысячи несчастныхъ былъ Талліенъ. Если поэтому Жозефина и была обязана кому-нибудь своимъ освобожденіемъ, то только ему, а вовсе не его возлюбленной Терезіи Кабарю. Съ нею Жозефина познакомилась только по выходѣ изъ тюрьмы. Освобождена она была 19 термидора II-го года (6-го августа 1794 года). Провожаемая благословеніемъ своихъ сотоварищей, она покинула монастырь кармелитокъ, оставивъ по себѣ свѣтлую память у всѣхъ. На свободѣ она не забыла своихъ несчастныхъ друзей. Многіе благодаря ей получили свободу.

Говорятъ, что Жозефина въ это время находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ генераломъ Гошемъ. Если это и правда, то связь ихъ длилась чрезвычайно недолго, такъ какъ Гошъ покинулъ Парижъ 11 или 12 фруктидора, т.-е. спустя всего три недѣли послѣ освобожденія Жозефины изъ тюрьмы, отправившись въ качествѣ главнокомандующаго прибрежной арміей въ Шербургъ. Возможно, однако, что она вступила съ нимъ въ связь еще въ монастырѣ кармелитокъ, въ которомъ онъ также былъ заключенъ, такъ какъ Гошъ былъ не только красивымъ человѣкомъ, покорявшимъ всѣ женскія сердца, но и большимъ ловеласомъ.

Какъ бы то ни было, но Жозефину за это осуждать нельзя, особенно же въ то аморальное время. Развѣ можно обвинять ее, видѣвшую ежедневно смерть передъ глазами, ее, слабую, томящуюся натуру, ее, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ видѣвшую только горе и ужасы? Каждая мысль, каждое слово, каждое занятіе таили въ то страшное время позади себя грозный призракъ—смерть. А вѣдь Жозефина Богарнэ была еще такъ молода: она любила жизнь, а жизнь была такъ прекрасна.

Болѣе всего распространенію слуха о связи Жозефины съ Гошемъ способствовало то, что Гошъ послѣ своего освобожденія взялъ къ себѣ маленькаго Евгенія. Генералъ сдѣлалъ это, однако, больше изъ дружбы къ Александру Богарнэ, съ которымъ раздѣлялъ тюремное заключеніе. Еще менѣе вѣроятно сообщеніе Барра въ его вообще чрезвычайно лживыхъ мемуарахъ. Онъ разсказываетъ, будто Гошъ въ благосклонности Жозефины былъ преемникомъ своего конюха.

Мадамъ де-Богарнэ предстояло устроить какъ-нибудь свою жизнь. Послѣ казни мужа она съ обоими дѣтьми очутилась въ крайней нуждѣ. Все состояніе ея было конфисковано, съ Мартиники нечего было ждать, такъ какъ отецъ ея оставилъ только одни долги. Правда, она заняла у тетки Рено тысячу двѣсти франковъ и еще взяла у матери тысячу фунтовъ стерлинговъ. Это было ничѣмъ для женщины съ такими претензіями, какъ у Жозефины. Ея расточительность повергла ее въ величайшую нужду. Она занимала у всѣхъ, даже прислуги были ея кредиторами.

Несмотря на это мало завидное положеніе, она завязала прежнія знакомства, устраивала несмотря на господствовавшую дороговизну званые обѣды и пышные пріемы, покупала себѣ шелковыя шали и дорогіе платки,—она заплатила, напримѣръ, за пару шелковыхъ чулокъ пятьсотъ франковъ,—ассигнаціями, правда, но это была все-же довольно значительная сумма для ея стѣсненнаго положенія. Ей приходилось заботиться объ Евгеніи и Гортензіи. Она отдала обоихъ на воспитаніе въ Сенъ-Жерменъ: Гортензію къ мадамъ Кампанъ, а Евгенія въ ирландскій институтъ Макъ-Дермота. Все это стоило большихъ денегъ, долги росли,—это была одна изъ ея величайшихъ заботъ, отъ которой она не отказалась, даже будучи

императрицей, когда къ ея услугамъ были всѣ сокровища міра. Ей всегда нужны были деньги. Одни ея туалеты, своимъ богатствомъ и вкусомъ дѣлавшіе ее одной изъ самыхъ элегантныхъ дамъ тогдашняго времени, стоили безумныхъ денегъ. Въ концѣ-концовъ для удовлетворенія своей расточительности Жозефина была вынуждена искать спасенія въ любви.

Общество, въ которомъ она въ то время вращалась, не могло подать ей хорошаго примѣра. Она завязала тѣсную дружбу съ прекрасной, но чрезвычайно фривольной Терезіей Талліенъ и ея мужемъ, наиболѣе вліятельнымъ лицомъ послѣ 9 термидора. Обстановка, въ которой главную роль играли легкомысліе, галантность, интриги и любовь, нравилась жизнерадостной креолкѣ. Терезія и Жозефина прекрасно понимали другъ друга. Онѣ точно были созданы одна для другой. Обѣ обращали вниманіе своею [illegible]ностью,—хотя мадамъ Талліенъ была несравненно красивѣе Жозефины,—обѣ были одинаково добродушны, хотя и сластолюбивы, расточительны, элегантны, капризны и обѣ старались найти человѣка,—безразлично, мужа или любовника,—деньгами котораго онѣ могли бы удовлетворить всѣ свои утонченныя прихоти. Онѣ различались только въ возрастѣ: Терезіи не исполнилось еще двадцати лѣтъ и со всею силою своей юности она господствовала надъ своими многочисленными поклонниками.

Впослѣдствіи Бонапартъ положилъ конецъ этой мало подходящей для жены Перв[illegible]о Консула дружбѣ съ „Notre dame de Thermidore“ или „La propriété du gouvernement“, какъ называло Терезію Талліенъ народное остроуміе. А вѣдь все-же было время, когда онъ самъ ухаживалъ за Терезіей. Одно письмо его къ Барра кончается словами: „поцѣлуйте мадамъ Талліенъ и мадамъ Шаторено; первую въ губки, вторую въ щечку“. Но это, правда, относится еще къ тому времени, когда такое знакомство казалось ему скорѣе полезнымъ, нежели вреднымъ. Тогда онъ въ извѣстномъ смыслѣ самъ обязанъ мадамъ Талліенъ, такъ какъ она благодаря своему вліянію на Барра и Уврара могла оказать ему услугу. Вѣдь разсказывали даже, что блѣдный скромно одѣтый артиллерійскій генералъ въ одинъ прекрасный день открылъ свое сердце Терезіи, у которой бывалъ частымъ гостемъ. Одѣвался Наполеонъ въ то время не только

скромно, но даже небрежно; кошелекъ его былъ всегда пустъ. Ему нуженъ былъ во что бы то ни стало новый мундиръ, а онъ въ качествѣ офицера въ отставкѣ не имѣлъ права на таковой. Но Терезія была всемогуща. Она дала генералу Бонапарту рекомендательное письмо къ Лефеву, казначею семнадцатой дивизіи, и Наполеонъ получилъ новый мундиръ. По всей вѣроятности, въ немъ-то онъ и блисталъ въ столь знаменательный для него день 13 вандемьера. У мадамъ Талліенъ Жозефина познакомилась съ тогдашнимъ комиссаромъ Барра, пріобрѣвшемъ вскорѣ большое вліяніе. Онъ безъ доклада входилъ къ Терезіи, бывшей въ то время обладательницей его сердца и кошелька. Ему, знатоку женской красоты во всемъ ея разнообразіи, понравилась нѣжная Жозефина, въ которой своеобразно перемѣшивались французская элегантность и креольская небрежность. Терезія ничего не имѣла противъ этого. Барра познакомилъ ее съ богатымъ и щедрымъ банкиромъ Уврaромъ. „Ребяческая ревность“ была ей незнакома, и она спокойно уступила мѣсто своей подругѣ. Жозефина была очень довольна.—теперь она была избавлена отъ всякихъ заботъ. О любви къ Барра у обѣихъ женщинъ, понятно, не могло быть и рѣчи, а поэтому не было и признака ревности. Наоборотъ, онѣ еще тѣснѣе сблизились другъ съ другомъ, чтобы сообща извлекать пользу изъ вліятельнаго покровителя.

Жозефина жила теперь въ прелестномъ домикѣ на улицѣ Шантеренъ, который сняла у вдящной Жюли Карро, разведенной жены актера Тальма. Домъ былъ обставленъ съ большимъ комфортомъ, во дворѣ были стойла и цѣлый рядъ службъ. Мадамъ де-Ботарнэ держала теперь двухъ венгерскихъ лошадокъ и экипажъ, полученный ею при посредствѣ одного благотворительнаго комитета. У нея былъ кучеръ, портье, поваръ, камеристка, словомъ, полное хозяйство, хотя комнаты и были обставлены довольно просто. Столъ накрывался очень небрежно, но кушанья были всегда утонченныя и изысканныя. Сама она одѣвалась со вкусомъ и изяществомъ. Салонъ ея былъ центромъ стараго и новаго общества,—въ немъ бывали выдающіеся представители всѣхъ партій.

Почти всѣ издержки по веденію хозяйства оплачивалъ Барра. Но не всегда онъ бывалъ щедрымъ возлюбленнымъ.

Деньги онъ давалъ неохотно, такъ какъ самъ въ нихъ нуждался. Онъ любилъ платить натурой. Однажды Жозефина обратилась къ своей подругѣ, чтобы при помощи ея вліянія раздобыть у Барра денегъ. Но тотъ отказалъ и заявилъ, что у него самого ничего нѣтъ. Мадамъ Талліенъ, однако, не унималась. На столѣ она увидѣла ключъ, подошла, открыла ящикъ и взяла деньги, какія тамъ нашла. „Другъ мой,—сказала она,—ваши подруги не должны терпѣть недостатка рѣшительно ни въ чемъ... Развѣ не служатъ онѣ вамъ вѣрную службу?".

Таковы были отношенія мадамъ де-Богарнэ и Барра въ то время, какъ она познакомилась съ Бонапартомъ. Относительно того, какъ произошло это знакомство, сообщаются разнорѣчивыя свѣдѣнія. Наиболѣе извѣстно немного поэтическое, но въ равной мѣрѣ невѣроятное сообщеніе, поводомъ къ которому послужилъ данный губернаторомъ Парижа приказъ обезоружить секціи *).

Бонапартъ предложилъ Жозефинѣ вернуть саблю ея мужа, но двѣнадцатилѣтній Евгеній воспротивился этому всѣми силами и не захотѣлъ отдать оружіе отца. Офицеръ, пришедшій въ ихъ домъ съ этимъ приказомъ, послалъ Евгенія къ генералу Бонапарту, чтобы тотъ попросилъ его разрѣшенія оставить саблю. „Глубокое волненіе ребенка, его хорошенькое личико и громкое имя", тронули генерала Бонапарта, и онъ разрѣшилъ ему оставить оружіе. Жозефина сочла своимъ долгомъ лично поблагодарить генерала и на слѣдующій день нанесла ему визитъ. Ея обаятельная внѣшность произвела глубокое впечатлѣніе на робкаго офицера, мало привыкшаго къ обществу красивыхъ женщинъ. Онъ отвѣтилъ на ея визитъ и былъ въ высшей степени любезно принятъ въ домикѣ на улицѣ Шантеренъ. Этотъ разсказъ невѣренъ уже потому, что Наполеонъ зналъ маркизу Богарнэ еще до 14-го вандемьера и часто видѣлъ его во время пріемовъ у мадамъ Талліенъ и у Барра. Такимъ образомъ, первые ихъ взгляды встрѣтились тамъ. Изъ многихъ женщинъ, одѣтыхъ въ

*) Въ дѣйствительности Бонапартъ лишь 5 брюмера IV года (27 октября 1795 года) былъ назначенъ генераломъ внутренней арміи и губернаторомъ Парижа. До того онъ былъ лишь вторымъ начальникомъ.

греческія туники, Бонапарту бросилась въ глаза изящная Жозефина съ каштановыми волосами, нѣсколько отливавшими матовымъ багрянцемъ, и мечтательными темными глазами. И чѣмъ больше наполнялся салонъ незнакомыми людьми, тѣмъ смѣлѣе становился онъ: робкій въ обществѣ и отважный на полѣ сраженія. Онъ признавался на Св. Еленѣ: „Я былъ хотя и не совсѣмъ невосприимчивъ къ женскому обаянію, но до тѣхъ поръ (до знакомства съ Жозефиной) женщины меня не баловали. Вслѣдствіе моего характера я былъ чрезвычайно робокъ въ ихъ обществѣ. Мадамъ де-Богарнэ была первой, вселившей въ меня нѣкоторое мужество. Однажды, когда я сидѣлъ рядомъ съ нею за ужиномъ, она наговорила много комплиментовъ моимъ военнымъ способностямъ. Эти похвалы вскружили мнѣ голову. Я говорилъ весь вечеръ только съ нею и не отходилъ отъ нея. Я страстно влюбился въ нее, и объ этомъ узнало сразу все общество задолго до того, какъ я рѣшился ей въ этомъ признаться".

Бонапартъ зачастилъ въ домъ на улицѣ Шантеренъ. Жозефина плѣнила его. Она вскружила ему голову своимъ утонченнымъ изяществомъ, своими роскошными волосами, причесанными на этрусскій ладъ, и красивыми томными глазами. Она казалась ему идеаломъ женщины и была къ тому же такъ благородна и богата. Онъ не имѣлъ вѣдь понятія, что за всѣмъ этимъ блескомъ скрывается такая нужда, что у этой элегантной дамы всего лишь шесть сорочекъ, что по будиямъ она ѣстъ съ глиняной посуды, что весь запасъ столоваго бѣлья состоитъ изъ восьми скатертей и столькихъ же салфетокъ. Всего этого генералъ Бонапартъ не замѣчалъ. Онъ видѣлъ только ее, свою чаровательницу, которая одна была въ состояніи дать ему высшее счастіе. Ея стройное гибкое тѣло, съ такимъ искусствомъ облекавшееся въ тонкія ткани, ея пластичныя формы и мягкія движенія приводили его въ восторгъ. Ему не приходило и въ голову, что эта женщина шестью годами старше его. Жозефина замѣчала свою власть надъ нимъ и старалась ее использовать. Ихъ отношенія, однако, долгое время оставались чисто свѣтскими. Лишь изъ болѣе поздняго письма Наполеона къ Жозефинѣ можно было замѣтить, какъ далеко зашло дѣло. Оно было написано послѣ одного вечера, проведеннаго у Барра и за-

кончившагося, повидимому, на улицѣ Шантеренъ: „Я проснулся, преисполненный тобою. Твой образъ и дивный вчерашній вечеръ опьянили меня. Дорогая, несравненная Жозефина, какое странное впечатлѣніе произвели вы на мое сердце. Если вы сердитесь, если я васъ увижу опечаленной и озабоченной, я погибну отъ горя, спокойствіе вашего друга будетъ навѣки нарушено. Но зато какъ счастливъ я буду, когда отдамся глубокому чувству, владѣющему мною теперь, и выпью съ вашихъ губъ и изъ вашего сердца то пламя, которое меня сжигаетъ... Черезъ три часа я увижу тебя, пока же, mio dolce amor, тысячу поцѣлуевъ. Мнѣ же ни одного,—они сжигаютъ мою кровь".

Мадамъ де-Богарнэ вначалѣ не обнаруживала особаго воодушевленія маленькимъ генераломъ съ худощавымъ, блѣднымъ лицомъ. Она, навѣрное, не сразу рѣшила выйти за него замужъ. Но престижъ Наполеона, его геній, его предпріимчивость были ей, вѣроятно, извѣстны. Кромѣ того ей хотѣлось занять опредѣленное положеніе. Ея долги достигли огромной суммы; на Барра нельзя было больше разсчитывать. Что же бы стало съ ея дѣтьми?

Тридцатитрехлѣтняя женщина, прелести которой были готовы увянуть, не безъ разсчета согласилась стать женой генерала Бонапарта, столь мало опытнаго въ любви. Она, правда, не питала къ нему отвращенія, но любви,—нѣтъ, любви къ нему она не могла чувствовать такъ же, какъ и къ Барра. У Бонапарта было, однако, будущее,—кто могъ знать, что ожидаетъ его?

Наполеона же влекла къ Жозефинѣ только любовь. Онъ женился на ней только потому, что любилъ ее,—любилъ такъ, какъ только можетъ любить мужчина женщину. Кѣмъ она была, какое у нея было положеніе, ему было совершенно безразлично. Его не заботило также и ея происхожденіе и отношенія къ Барра. Ему не нужны были ни покровители, ни защитники, ни даже Барра. Онъ влюбился въ миловидную стройную креолку. Она обладала всѣми качествами, способными привлечь такой воспріимчивый характеръ, какъ его. Она должна была стать его женою, чего бы это ему ни стоило. Своимъ полускрытымъ взглядомъ, сладкимъ мелодичнымъ голосомъ, которому впослѣдствіи жадно внималъ дворъ въ Тюльери, Жозефина сумѣла раздуть

въ бушующее пламя искру съ сердцѣ Наполеона. Онъ радовался, когда она, привыкшая, вѣроятно, ко всевозможной лести, краснѣла, слыша его смѣлый языкъ любви. И въ любви онъ былъ тѣмъ же деспотомъ. Бракъ съ Жозефиной казался ему величайшимъ счастіемъ. Что ему было за дѣло, если она всего лишь нѣсколько недѣль назадъ играла роль хозяйки въ салонѣ Барра? Въ глазахъ Наполеона это нисколько не умаляло ее, и она оставалась все тою же нѣжною обожаемою Жозефиною.

Другими глазами смотрѣли на новую невѣстку братья Наполеона. Они видѣли въ ней только ужасную кокетку, черезчуръ старую для Наполеона. Люсьенъ, часто бывавшій въ салонѣ Барра, уже давно зналъ Жозефину. Онъ не выдѣлялъ ее изъ толпы этихъ женщинъ. Онъ утверждалъ даже, что Жозефина никогда не была красивой, особенно же тогда, когда красота ея начала уже блекнуть. Но онъ все-таки старался быть справедливымъ. „Жозефина,—говорилъ онъ,—была не злая; или, вѣрнѣе, объ ея добротѣ говорили многіе. Она была особенно добра, когда ей не нужно было ничего приносить въ жертву“. Далѣе онъ пишетъ: Она превосходно знала высшее общество, въ которое ввелъ ея мужъ еще до революціи. Она не блистала умомъ, была далеко отъ того, что называется „красотой“, но ей нельзя отказать въ стройности и гибкости фигуры“...

Личная непріязнь Люсьена играла немаловажную роль въ этомъ описаніи Жозефины. Она казалась ему болѣе некрасивой и менѣе привлекательной, чѣмъ была въ дѣйствительности. Наполеонъ впрочемъ мало заботился о мнѣніи семьи. Ему нравилась Жозефина такой, какой она была, со всѣми ея недостатками и со всѣми достоинствами.

19 вентоза (9 марта 1796 года) въ десять часовъ вечера состоялось гражданское вѣнчаніе Наполеона Бонапарта съ Жозефиной де-Богарне, урожденной Таше де-ла-Пажери, въ мэріи второго округа, въ бывшемъ дворцѣ маркиза Жана-Жака де-Галло-де-Мондрагона. Брачное свидѣтельство было изготовлено наканунѣ у адвоката Рагидо въ присутствіи единственнаго свидѣтеля, гражданина Лемаруа, адъютанта Бонапарта. Будущій супругъ заявилъ въ немъ, что не обладаетъ никакимъ имуществомъ помимо своего платья и оружія, но будучи увѣренъ въ своемъ будущемъ, онъ обязался оставить своей женѣ послѣ смерти по-

жизненную ренту въ тысячу пятьсотъ франковъ въ мѣсяцъ. Онъ подписался „генералъ внутренней арміи", хотя еще 2-го марта былъ назначенъ главнокомандующимъ итальянской арміей. Помимо этого въ брачномъ свидѣтельствѣ было много неточностей. Жозефинѣ шелъ уже тридцать третій годъ, когда она повѣнчалась съ Наполеономъ, а ему всего двадцать седьмой. Шесть лѣтъ разницы было черезчуръ много для такой кокетливой женщины. Она поэтому сбавила себѣ четыре года, заявивъ, что родилась 23 іюня 1767 года. Бонапартъ не считалъ себя слишкомъ старымъ для двадцатидевятилѣтней женщины, прибавилъ себѣ полтора года. Декорумъ былъ сохраненъ. Правильность этихъ данныхъ не провѣрялась ни на Корсикѣ, ни на Мартиникѣ. Много времени спустя Наполеонъ говорилъ объ этомъ: „Бѣдная Жозефина тѣмъ самымъ могла себя подвергнуть крупнымъ непріятностямъ, такъ какъ благодаря этому бракъ могъ быть объявленъ незаконнымъ".

Дальнѣйшія неправильности заключались въ томъ, что среди свидѣтелей былъ одинъ несовершеннолѣтній. То былъ родившійся въ 1776 году капитанъ Лемаруа, адъютантъ Бонапарта. Другими свидѣтелями были Барра и нѣкій Кальмелэ, старый знакомый Жозефины, названный въ свидѣтельствѣ „Homme de loi". Еще въ тотъ же вечеръ Бонапартъ, жившій на улицѣ д'Антена, переѣхалъ въ домъ своей жены. Домъ этотъ для ихъ скромныхъ обстоятельствъ былъ чуть ли не дворцомъ. Изъ сада нѣсколько ступеней вели въ овальную столовую, къ которой справа и слѣва примыкали библіотека съ мозаичнымъ поломъ и маленькій кабинетъ. Въ концѣ сѣней находился салонъ съ двумя стеклянными дверями въ садъ. Узкая винтовая лѣстница вела наверхъ во внутреннія аппартаменты. Они состояли изъ салона и двухъ комнатъ. Одна изъ нихъ съ пола до потолка была покрыта зеркалами: то была спальня. Рядомъ съ нею находилась уютная уборная, стѣны которой были расписаны птицами и цвѣтами.

Хотя мебель далеко не соотвѣтствовала роскошной отдѣлкѣ и во многомъ обнаруживала бѣдность хозяйки, генералъ Бонапартъ былъ пораженъ всѣмъ этимъ блескомъ. Его счастіе было бы вполнѣ полнымъ, если бы любимая собачка Жозефины „le vilain Fortuné" не спала въ постели хозяйки. Полу-

шутливо, полусерьезно Наполеонъ говорилъ впослѣдствіи одному своему другу: „Посмотрите-ка на этого господина (Fortuné). Онъ занялъ постель моей жены въ день нашей свадьбы. А мнѣ заявили просто-напросто, что я долженъ спать въ другомъ мѣстѣ. Это была мало пріятная для меня перспектива, но приходилось выбирать: либо брать самому, либо покориться. Но любимецъ былъ неуступчивѣе меня". Fortuné укусилъ въ ногу молодого супруга.

Наполеонъ могъ пользоваться своимъ счастьемъ всего лишь короткое время. Черезъ два дня онъ долженъ былъ отправиться на поле военныхъ дѣйствій. Убитый горемъ, прощается онъ съ Жозефиной, сладкій голосъ которой совершенно опьянилъ его. Но прощается съ нею, вѣря въ свои великіе подвиги, въ то, что когда-нибудь исторгнетъ изъ ея груди крикъ восхищенія. Быть любимымъ Жозефиной—высшая цѣль для его честолюбія. Сладостныя воспоминанія сопровождаютъ его на поле сраженія. Онъ видитъ ее въ зеркальной комнатѣ на улицѣ Шантеренъ, видитъ „ея руки и бѣлыя плечи, ея маленькую эластичную грудь, ея изящную головку" и покрываетъ всѣ эти прелести, „тысячами горячихъ поцѣлуевъ". Путь его велъ сперва въ Ниццу, гдѣ находился генеральный штабъ итальянской арміи, а 26 марта 1796 года онъ направился навстрѣчу славѣ, ожидавшей его въ Италіи.

Но что была для него эта слава безъ „нея"? Удрученный разлукой, въ самый разгаръ сраженія, въ то вермя, какъ пули проносятся надъ его головой, онъ, какъ двадцатилѣтній юноша, пишетъ ей пламенное письмо. Уже 3 апрѣля, прибывъ въ Портъ-Морисъ, онъ чувствуетъ, что не въ силахъ бороться съ тоской. „Единственная моя Жозефина,—пишетъ онъ,—вдали отъ тебя для меня нѣтъ радостей. Вдали отъ тебя весь міръ—пустыня, въ которой я одинокъ и покинутъ... Ты отняла у меня не только сердце. Ты—единственная мысль всей моей жизни. Когда событія меня удручаютъ, когда я боюсь за исходъ ихъ, когда люди становятся мнѣ противны, когда я чувствую по временамъ усталость жизни, то я кладу руки на свое сердце. Въ немъ покоится твой образъ. Я гляжу на него, и любовь возвращаетъ мнѣ счастье... Какими чарами овладѣла ты всѣмъ моимъ существомъ? Какими чарами похитила ты у меня мою душу?.. Я дѣлаю все,

лишь бы быть поближе къ тебѣ. Я умираю отъ тоски по тебѣ, я—сумасшедшій. Я не замѣчаю, что отдаляюсь отъ тебя... Ахъ, обожаемая моя! Я не знаю, что меня ожидаетъ, но если я буду еще долго вдали отъ тебя, я не выдержу—терпѣнія моего надолго не хватитъ...".

Въ то время, какъ Бонапартъ переходилъ отъ побѣды къ побѣдѣ, штурмомъ покоряя міръ, торжественно переходитъ изъ города въ городъ, какъ освободитель Италіи,—его пламенное корсиканское сердце, испытавшее впервые истинную любовь, невыразимо страдало отъ горькой разлуки съ любимой женщиной. Ея образъ былъ неотступно подлѣ него день и ночь, даже грохотъ поля сраженія и побѣдные клики не были въ состояніи изгнать его изъ его мыслей. Съ образомъ Жозефины призывалъ онъ молодыхъ солдатъ къ побѣдамъ, для Жозефины выигрывалъ битвы, для Жозефины завоевывалъ города и страны,—для нея, все для нея. Любовь къ ней и къ безсмертной свободѣ, неразрывно другъ съ другомъ связанныя, руководили Наполеономъ. Но Жозефина,—слабая жизнерадостная Жозефина,—была въ Парижѣ одна,—въ огромномъ соблазнительномъ Парижѣ. Какъ довѣрчива все-же была любовь Наполеона!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Предисловіе А. К. Дживилегова		III
Введеніе		1
Глава	I. Родина	7
„	II. Родители	20
„	III. Дѣтство Наполеона	43
„	IV. Юность Наполеона	73
„	V. Республиканецъ	111
„	VI. Корсика или Франція	164
„	VII. Тулонъ	188
„	VIII. Наполеонъ и Робеспьеръ	211
„	IX. Неудачная экспедиція на Корсику	228
„	X. Тринадцатое вандемьера IV года	246
„	XI. Директорія	271
„	XII. Общество, нравы и салоны при Директоріи	315
„	XIII. Жозефина	337

ЭДУАРДЪ ФУКСЪ.

ИСТОРІЯ НРАВОВЪ. Томъ I (Эпоха возрожденія). Цѣна 3 р.

ЕГО ЖЕ. Роскошно иллюстриров. изд. Около 400 иллюстрацій на отдѣльныхъ таблицахъ, состоящихъ изъ рѣдкихъ документовъ по исторіи нравовъ и искусства. Цѣна 6 руб.

Содержаніе перваго тома:

Предисловіе автора къ русскому изданію.

I. **Происхожденіе и сущность нравственности.** Происхожденіе и основа единобрачія.—Измѣнчивость половой морали.—Законы этихъ измѣненій.—Выводъ относительно будущаго.—Планъ изслѣдованія.

II. **Идеалъ физической красоты Ренессанса.** Сущность Ренессанса.—Происхожденіе идеала красоты.—Культъ физической красоты.—Отношеніе къ наготѣ.—Сущность модъ эпохи Ренессанса.

III. **Любовь и бракъ.** Основной характеръ любви.—Развитіе индивидуальной половой любви.—Чувственное представленіе о любви.—Добрачное половое общеніе.—Обычай пробныхъ ночей.—Формы взаимнаго ухаживанія.—Бракъ и вѣрность.—Супружеская невѣрность.—Свободное половое общеніе и нравственная испорченность.—Употребленіе пояса цѣломудрія.

IV. **Нравственность церкви.** Церковь въ эпоху Ренессанса.—Экономическая основа могущества церкви.—Безбрачіе.—Пороки монашества.—Злоупотребленіе исповѣдью.

V. **Проституція.** Проституція, какъ оффиціальное средство обороны.—Размѣры проституціи.—Солдатская дѣвка.—Сутенеры и сводни.—Отношеніе къ проституціи отдѣльныхъ классовъ общества.—La grande Coquotto Ренессанса.—Способы привлеченія вниманія, практиковавшіеся проститутками.—Проститутка въ искусствѣ.—Регламентація проституціи.—Борьба противъ проституціи.—Сифилисъ.

VI. **Общественныя развлеченія.** Прядильня.—Жизнь въ баняхъ.—Курорты.—Игры и танцы.—Праздники и празднества.—Масляничныя игры.—Мистеріи и театръ.—Свадебное торжество и свадебные обряды.—Частныя развлеченія.

VII. **Сексуальная патологія.** Историческія причины вѣры въ вѣдьмъ.—Эротическая подкладка преслѣдованія вѣдьмъ.—Оргіи одержимыхъ.

Т. II. ВѢКЪ ГАЛАНТНОСТИ.

Содержаніе второго тома.

I. **Эпоха абсолютизма.** Психика подданнаго.—Общественная ложь.—Галантность.

II. **Новый Адамъ и новая Ева.** Идеалъ красоты эпохи абсолютизма.—Культъ интимной женской красоты.—Физическій портретъ мужчины и женщины.

III. **Ливрея распутства.** Величіе: шлейфъ, фонтажъ, парикъ.—Роль каблука.—Декольтэ.—Кренолинъ.—Красочная скала стараго режима.—Роскошь костюма.

IV. **Любовь.** Культъ техники.—Раффинированность и сантиментализмъ.—Сексуальное воспитаніе.—Любовь, какъ произведеніе искусства.—Авансы въ счетъ брака.—Женская потребность въ любви.—Юридическая формула.—Герой стараго режима.—Оргія.—Венера и Пріамъ въ монашескомъ облаченіи.—Кнутъ.

V. **Проституція.** Уличная торговля любовью.—Притоны любви.—Адепты и маклера проституціи.—Полиція и проститутка.—Шпны и розы.

VI. **Въ трактирѣ и въ салонѣ.** Развитіе трактирной жизни.—Семейныя праздники.—Народные обычаи.—Народные праздники и развлеченія.—Танцы и игры.—Театръ.—Опера и балетъ.—Салонъ.

Т. III. ЭПОХА БУРЖУАЗІИ.

y. —
нер. — 10 р 50